

Министерство образования и науки Российской Федерации

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Альманах

№ 4 (27)

Издательство Политехнического университета

Санкт-Петербург

2014

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

альманах

Редакционный совет альманаха:

Ю.С. Васильев, академик РАН –
председатель;
Д.Г. Арсеньев, д-р техн. наук, профессор;
А.Н. Кашеваров, д-р ист. наук, профессор;
Д.И. Кузнецов, д-р филос. наук, профессор;
В.М. Никифоров, профессор,
Чрезвычайный и полномочный посол РФ;
В.А. Прохоренко, д-р филос. наук, профессор;
В.С. Ягья, д-р ист. наук, профессор.

Редакционная коллегия альманаха:

С.Н. Погодин, д-р ист. наук, профессор –
главный редактор;
В.П. Горюнов, д-р филос. наук,
профессор – зам. главного редактора;
О.Д. Шипунова, д-р филос. наук,
профессор – ответственный секретарь;
И.И. Климин, д-р ист. наук, профессор;
В.П. Живулин, канд. филол. наук,
доцент.

С 2001 года альманах «**Россия в глобальном мире**» издавался как Приложение к научно-историческому журналу «Клио».

Альманах зарегистрирован в Международной системе периодических изданий ISSN 2304-9472. Ссылки на статьи Альманаха отображаются в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

С 2012 г. выпускается два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание на русском и английском языках под названием: «**Россия в глобальном мире**» = «**Russia in the Global World**».

Альманах зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52142 от 11 декабря 2012 г.)

При отборе статей редколлегией руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Альманах рассылается в ведущие библиотеки страны, распространяется в России, странах ближнего и дальнего зарубежья.

Адрес редакции: Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д.28
Телефон: 8(812) 329-47-42; 8(812)606-62-42

Электронный адрес редакции: E-mail: kmo@imop.spbstu.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014.

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

St. Petersburg State Polytechnic University

RUSSIA IN THE GLOBAL WORLD

Almanac

№ 4 (27)

Polytechnic University Publishing House

Saint Petersburg

2014

RUSSIA IN THE GLOBAL WORLD

Almanac

Editorial Council:

Yuriy S. Vasiliev, Member of
Russian Academy of Science – Chairman;

Dmitry G. Arseniev,
Doctor of Science, Professor;

Anatoliy N. Kashevarov,
Doctor of Science, Professor;

Dmitry I. Kuznetsov,
Doctor of Science, Professor;

Valentin M. Nikiforov,
Professor, Ambassador Extraordinary and
Plenipotentiary of Russian Federation;

Vladimir A. Prokhorenko,
Doctor of Science, Professor;

Vatanyar S. Yagya,
Doctor of Science, Professor.

Editorial Board:

Sergey N. Pogodin, Doctor of Science,
Professor – Chief Editor;

Valery P. Goryunov, Doctor of Science,
Professor – Deputy Editor;

Olga D. Shipunova, Doctor of Science,
Professor – Executive Secretary.

Ivan I. Klimin,
Doctor of Science, Professor;

Vladislav P. Zhivulin,
PhD, Associate Professor.

Since 2001, Almanac “Russia in Global World” was published as an Annex to scientific and historical journal “Clio”.

Almanac is registered in the ISSN system, ISSN 2304-9472. Links to the Almanac articles can be seen in the Russian Science Citation Index database.

Since 2012 Almanac is issued twice a year as an independent periodical in the Russian and English languages named: «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World».

Almanac is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Certificate of Registration PI number FS77-52142 of 11 December 2012).

In selecting articles the editorial board is guided by scientific and editorial policy of the almanac and by the principles of publishing ethics.

The views of the editorial board may not coincide with the opinion of the author.

The point of the editorial board may not coincide with the opinion of the author.

Any reproduction of materials of the almanac requires reference to the almanac.

Almanac is circulated among the leading libraries in the country, distributed in Russia, the CIS and other foreign countries.

Editorial address: 28, Grazhdansky pr., Saint-Petersburg, Russia, 195220

Phone: +7 (812) 329-47-42; + 7 (812) 606-62-42

E-mail: kmo@imop.spbstu.ru

© Saint-Petersburg State Polytechnic University, 2014.

ПРЕДИСЛОВИЕ / PREFACE

Вниманию читателей предлагается очередной тематический выпуск альманаха “Россия в глобальном мире”, закрепляющий предыдущий положительный опыт предметной целостности, реализованный на материалах экономической тематики. В настоящем выпуске содержится подборка исторических исследований, освещающая широкий диапазон научного осмысления российской общественной жизни с точки зрения взаимосвязи внутренних процессов и взаимодействия с окружающим миром.

Научные материалы, публикуемые в альманахе, соответствуют требованию единства логического и исторического подходов к исследованию общественных явлений. Однако и собственно исторические статьи занимают значительную долю от общего объема публикаций, представляя многочисленный ряд научных разработок, охватывающих различные области российской и мировой истории в контексте становления глобального мира. В целом сама объективная логика общественного развития задала тематическую структуру статей, распределившихся по относительно устойчивым рубрикам в соответствии с общностью содержания.

Безусловное первенство в этом ряду занимает история России, ее внутренняя и внешняя политика в свете включенности в глобальный мир как единую систему всеобщего социального взаимодействия. Столь же представительна и подборка материалов по ключевым событиям новейшей мировой истории, складывающимся в

общем процессе глобализации. В этом направлении интересны исследования, рассматривающие современную конфигурацию мира в ее региональной, блоковой, союзнической, конфронтационной и других формах системной представленности мирового сообщества. Здесь следует отметить публикуемые с первых номеров аналитические разработки о развитии ситуации на Ближнем Востоке, не остается без внимания новая и новейшая история Скандинавского региона, эволюция евразийских отношений, европейской интеграции и т. д.

Отдельную рубрику составили статьи, посвященные событиям мировой военной истории, интересные их новыми историческими трактовками. Сюда примыкает и одна из самых острых проблем современности – терроризм, история различных проявлений которого нашла отражение на страницах альманаха.

Постоянным предметом исторического рассмотрения стали экономические процессы новейшего времени, из которых на первом месте оказались явления экономической интеграции, составившие основу глобализации. Не осталась без внимания авторов альманаха история науки и техники, логически увязываемая с необходимостью перехода к инновационному развитию общества, история культурных связей, образования, межрелигиозных отношений и других гуманитарных взаимодействий в глобальном мире. Одной из постоянных тем является длительная история освоения русскими мирового социального пространства в различных этапах эмиграции.

Особым обстоятельством, усиливающим значимость исторической тематики, является то, что альманах выходит в конце 2014 года, ставшего поворотным в истории современной России, уверенно заявившей о своей самостоятельности и самодостаточности. Такой статус, с одной стороны, подкреплен несомненным внешнеполитическим успехом в процессе воссоединения Крыма с Россией как его материнской общностью, но, с другой стороны,

подвергшимся испытаниям в виде экономических санкций, а также массированного политического и военного давления, предпринятого рядом иностранных государств. Дальнейшее развитие событий невозможно предвидеть, однако с большой долей уверенности можно утверждать, что они будут иметь судьбоносный характер для России и всего мира.

Одновременно нельзя обойти вниманием символичность 2014 года, являющегося юбилейным – столетием с начала Первой мировой войны, напоминающим о реальной возможности разыгрывания новых масштабных трагедий.

Главный редактор, профессор С.Н. Погодин.

Заместитель главного редактора, профессор В.П. Горюнов.

РАЗДЕЛ I.

СОВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

УДК 327.57

Я. М. Ахмадеева

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И ИНДИЕЙ В ТРЕХСТОРОННЕМ ФОРМАТЕ РИК

Начало работе РИК (Россия – Индия – Китай) в трехстороннем формате было положено встречами министров иностранных дел России, Индии и Китая в 2003–2005 гг. во время сессий Генассамблеи ООН в Нью-Йорке. С 2005 г. встречи стали проводиться поочередно в России, Индии и Китае.

В политической науке идея «стратегического треугольника» получила широкое распространение. Многие возлагают на нее большие надежды, как на «инструмент формирования стабильных и организованных межгосударственных отношений» [1, с. 1–10].

Идея об объединении усилий трех стран высказывалась еще в начале XX века известным политическим деятелем В.И. Лениным: «Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и, безусловно обеспечена» [2, с. 402–404].

Первым предположение о необходимости нового формата взаимоотношений высказал Е.М. Примаков во время своего официального визита в Дели в декабре 1998 г. Он предложил

создать стратегический треугольник «Россия–Индия–Китай». Данное заявление было сделано в период, когда Ф. Фукуяма сделал вывод о «конце истории», который означал победу во всемирном масштабе либеральных идей и институтов, делавшей бессмысленным дальнейший поиск человечеством иных путей развития.

В 1999 г. Индия призвала к обсуждению идеи Е.М. Примакова на государственном и научном уровнях. Позднее интерес к развитию стратегического сотрудничества трех стран был проявлен и в Пекине.

С 2001 г. проводятся ежегодные научно-практические конференции политологов трех стран, посвященные анализу возможностей, перспектив, направлений и форм межгосударственного взаимодействия РИК.

В марте 2008 г. в Дели прошел первый геостратегический семинар «Россия – Индия – Китай», в рамках которого состоялись предметные дискуссии с участием ученых-экспертов и ответственных представителей трех стран. С тех пор обсуждение данной темы не прекращается. Сделано много шагов на пути создания тесных партнерских отношений внутри треугольника.

Существуют различные точки зрения относительно сущности «стратегического треугольника». Некоторые авторы рассматривают «треугольник» как потенциальный военно-политический союз, направленный против стран Запада. Другие называют отношения между РИК «стратегическим партнерством», «трехсторонним взаимодействием», «трехсторонним сотрудничеством», «диалогом», не направленным против третьих стран. Но сходятся все-таки в том, что РИК выступает фактором поддержания баланса сил в мире и способствует формированию нового мирового порядка, в основе которого лежит «многополярность».

Как и в любой организации, в РИК существуют факторы, как способствующие, так и мешающие конструктивному диалогу.

Экономическая взаимозависимость, которая нацелена на модернизацию экономик стран «треугольника» объединяет страны

РИК. Существует общность некоторых геополитических интересов, которая, в первую очередь, выражается в противостоянии усилению США и его всемогущества, в совместной борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом. Народы трех стран сближает и культурно-ценностная схожесть: отсутствует ярко выраженный индивидуализм и повышенный интерес к материальным ценностям, потребительству. Еще одним фактором может стать и близость политических систем – развитый авторитаризм и стремление к жесткой вертикали власти. За последние годы Россия, Индия и Китай накопили значительный опыт дружественных отношений и тесного взаимодействия при решении международных конфликтов [1, с. 1–10].

Как подчеркнул партийный и государственный деятель КНР У Банго: «Китай придерживается пути мирного развития, отстаивает дипломатический курс «доброе обращение к соседним странам и рассмотрение соседей как партнеры», готов сеять добро своего развития в соседних странах» [3]. Главный партнер Китая в Южной Азии сейчас – это Индия. КНР сближает с Индией и возможность столкнуться со многими похожими социальными проблемами, такими как: перенаселенность, бедность значительной части населения, безработица, низкий уровень жизни, которые в разной степени свойственны и России. Государства Южной Азии, как и Китай в прошлом являлись колониями европейских держав, теперь им приходится решать схожие проблемы экономического развития.

За двадцатилетнюю историю отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой пройден длинный путь от «дружественных» до «всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия». Партнерство двух стран оценивается как перспективное и долговременное. Сейчас экономическая роль Китая в экономики России достаточно велика, в дальнейшем она будет расти [1, с. 7].

Китайская же сторона считает отношения с Россией не такими проблемными, как с другими ведущими странами: США, Японией,

Индией и Евросоюзом [4, с. 6]. «Если брать неофициальные приоритеты в китайской внешней политике, то Россия неформально занимает второе место после США, несмотря на то, что уровень торговли и инвестиций на порядок меньше, чем между Китаем и США. Поэтому, конечно, новое поколение политиков будет продолжать курс на это партнерство, но оно вряд ли перерастет в какой-то союз или альянс – ни в Пекине, ни в Москве этого не хотят», – считает заместитель директора института Дальнего Востока РАН, профессор МГИМО Сергей Лузянин [5].

Видный российский китаевед, академик РАН, лауреат Государственной премии РФ, директор Института Дальнего Востока РАН М.Л. Титаренко утверждает: «Для РФ добрососедство и многостороннее, взаимовыгодное долговременное сотрудничество с Китаем является важнейшим фактором, влияющим на место России в мире, ее способность поддерживать статус великой державы и сохранять суверенитет и территориальную целостность» [6].

Концепции межгосударственных отношений РФ и КНР также схожи. Китайские принципы азиатской политико-философской мысли – Пять принципов мирного сосуществования строятся на основе «трех нет»: неконфронтационности, невступлении в союз, ненаправленности против третьих стран. И Пекин, и Москва придерживаются норм Устава ООН, признают необходимость «неукоснительно соблюдать принципы взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, отказа от агрессии друг против друга, невмешательства во внутренние дела, равноправия и взаимной выгоды, мирного сосуществования и другие общепризнанные принципы международных отношений и международного права, избавиться от менталитета «холодной войны», блоковой политики, развивать дух равенства, демократии и взаимодействия» [7].

Россия и КНР выступают за создание полицентрической модели мирового устройства. Многополярная структура

международных отношений, по их мнению, «открывает большие возможности для обеспечения интересов всех членов международного сообщества» [8, с. 10–11].

К негативным факторам можно отнести несовпадение геостратегических интересов, так как каждая из трех стран РИК стремится войти в число мировых лидеров, поэтому в данном случае их скорее можно назвать стратегическими конкурентами, а никак не стратегическими партнерами.

Индия – сосед КНР – является главным конкурентом Китая в борьбе за лидерство в Азии, а в перспективе может стать его главным конкурентом в общемировом масштабе. Южная Азия чрезвычайно богата природными ресурсами, обладает колоссальным демографическим потенциалом, один из крупнейших в мире рынков, который имеет выгодное транспортно-географическое положение. Все это – составляющие формирования здесь центра мировой экономики, который представляет конкуренцию для Китая.

Кроме того, не способствует налаживанию взаимоотношений и наличие нерешенных конфликтов между Индией и Китаем. Существуют неурегулированные территориальные споры между двумя странами.

Более того, в российском массовом сознании широко распространено опасение по поводу «китайской угрозы». А китайцы еще не отошли от распространенных негативных стереотипов по отношению к России: «В современном общественном мнении КНР Российская империя для многих воспринимается агрессором, отобравшим у слабого Китая обширные территории в Приамурье, а нынешняя Россия ассоциируется с нестабильностью, коррупцией, терактами и политическими скандалами» [1, с. 1–10].

Благодаря сотрудничеству в трехстороннем формате, многих разногласий удается избегать, двусторонние отношения Индии и Китая вышли на уровень стратегического партнерства, но это не способствует полному налаживанию отношений. Тем более, что

сейчас все больше возрастает роль «нового проекта БРИКС, который «заточен» на глобальные интересы Китая» [9, с. 18–19].

Но развитие гуманитарного сотрудничества в рамках геополитического треугольника Россия–Китай–Индия и внешняя политика этих стран отличаются приверженностью к полицентрическому, справедливому и демократическому миропорядку. Данный треугольник постепенно приобретает реальные очертания через Шанхайскую организацию сотрудничества – межправительственную организацию, объединяющую государства от Арктики до Индийского океана и от Балтики до Тихого океана и развивающую сотрудничество в политической, экономической и гуманитарной сферах. Индия заинтересована в сотрудничестве с ШОС и на данный момент обладает в организации статусом наблюдателя [10, с. 126–133].

«У трех стран немало общих интересов. Но ни война на Украине, ни другие кризисы в обозримом будущем не заставят Китай и Индию встать на сторону России в крупном конфликте с США и Европой», – считает эксперт МГИМО М. Троицкий [11].

В ходе украинского кризиса, преследуя преимущественно свои региональные интересы, страны РИК сдержанно относились к попыткам России стимулировать глобальное недовольство политикой США и сформировать широкий антизападный альянс. КНР и Индия обратили антизападные претензии себе на пользу в экономическом плане и не стали открыто поддерживать какую-либо из сторон конфликта, воздержались от враждебных действий и резких заявлений в адрес США, ЕС [11].

На данном этапе исследователи высказывают три варианта развития отношений: пессимистический сценарий, оптимистический и умеренно-оптимистический.

По пессимистическому сценарию дальнейшее развитие взаимоотношений трех стран невозможно, так как противоречия между Россией, Индией и Китаем будут обостряться, борьба за

мировое господство будет только усиливаться. КНР настолько увеличит свою военную мощь, что для уравнивания сил России и Индии придется заключать союз с США и странами Запада, что приведет к кризису и распаду РИК [12, с. 134–136].

Согласно оптимистическому сценарию сотрудничество трех стран в рамках РИК достигнет таких успехов, что поднимется на качественно новый уровень и превратится в политический союз. Данный сценарий маловероятен, его придерживаются в основном радикальные политики.

Умеренно-оптимистический сценарий заключается в идее продолжения «партнерства без союзничества», примерно на том же уровне, что и в настоящее время. При этом сотрудничество в экономической, политической и культурно-идеологической сферах будет соответствовать национальным интересам каждой из сторон. Такая форма партнерства будет способствовать не только сотрудничеству России, Индии и Китая, но и стабилизации обстановки в АТР и в мире.

Однако многие эксперты сомневаются в возможности создания действительно тесного партнерства трех стран и считают, что это лишь политическая фантазия некоторых политиков и политологов.

С другой стороны, нельзя исключать вероятность превращения РИК в военно-политический союз, если США будут проводить жесткий гегемонистский курс во внешней политике, инициировать новые военные интервенции. Тогда «Большая тройка» ради сдерживания американского экспансионизма, угрожающего глобальной катастрофой пойдет на создание блока [13, с. 240–249].

Так или иначе, ученые сходятся во мнении, что развитие треугольника РИК будет носить скачкообразный характер, сильно зависеть от происходящих в мире событий и действий США, так как КНР и Индия не хотят потерять столь значительного партнера, который пока что является мировым лидером. «Индия и Китай не заинтересованы в чрезмерном обострении отношений с американцами,

поскольку очень тесно экономически связаны с ними, гораздо более тесно, чем с Россией», – утверждает М.Ю. Панченко [1].

Ведь США и Запад, а не Россия, являются источниками капиталов, передовой науки и технологий, так необходимых для Китая и Индии. Подтверждение этому можно найти в докладе заместителя главы дипломатической миссии Посольства Индии г-на Анила Тригунаята от 9 ноября 2011 г., где он подчеркнул, что в современном мире наука, технологии и человеческие знания определяют силу и богатство стран [14].

Что же касается России, ей важно развивать взаимовыгодные отношения с КНР и Индией, при этом основываясь на национальных интересах, а не на «иллюзиях» о вечной дружбе народов. Ни Китай, ни Индия, как справедливо утверждает А. Арбатов, не пойдут воевать за Россию. Он считает: «Развивая с ними взаимовыгодное сотрудничество, Москва никогда не должна терять чувства реалистической дистанции и соразмерности своего вклада с получаемыми дивидендами, равно как и упускать из виду последствия этого сотрудничества для своих отношений с другими странами, которым этот вопрос небезразличен» [13, с. 240–249].

Противники сближения России и Китая также существуют. Они считают, что у стран мало общего и формирование антиамериканского альянса возможно лишь в случае агрессивной политики США, что маловероятно на данном этапе [1, с. 10–11].

По мнению В.Я. Портякова существует несколько вероятных сценариев, а именно: сохранение нынешней тенденции, развитие экономики КНР, расширение сфер ее влияния, в том числе, и на внутреннем рынке России; осложнение отношений из-за разногласий по некоторым вопросам, что не выгодно ни одной стране; улучшение отношений путем решения проблем, мирного разрешения конфликтов, увеличения доверия среди политических лидеров и населения. Последний вариант наиболее предпочтителен, но труднодостижим, по крайней мере, в ближайшее время [15].

Таким образом, поддержание дружественных отношений важно для всех стран РИК, в первую очередь, для Китая, позиционирующего себя, как будущая ответственная сверхдержава. Существуют исторические, географические, экономические, политические, культурно-идеологические факторы, благоприятствующие упорядочению отношений в формате РИК, но данный вид сотрудничества невозможно назвать стратегическим партнерством, так как все три страны-участницы стремятся к лидерству и достижению статуса мировой державы. Для развития отношений необходимы новые методы решения спорных ситуаций. Возможно, экономическая интеграция поможет добиться большего доверия между странами. Эксперты затрудняются давать долгосрочные прогнозы дальнейшего развития «треугольника», так как он будет сильно зависеть от международной обстановки и действий США – главного партнера Индии и Китая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Панченко М.Ю.** Управление АТР на примере «стратегического треугольника Россия – Индия – Китай»: межпарадигмальный подход. // Государственное управление. Электронный вестник. 2009. №21. С. 1-10.
- 2. Ленин В.И.** Лучше меньше, да лучше // Полн. собр. соч. Т. 45. – 731 с.
- 3. У Банго встретился с президентом Монголии.** 01.02.2013. // Женьминь жибао онлайн. 06.09.14. [Электронный ресурс] <http://russian.people.com.cn/31520/8117260.html>
- 4. Чудодеев Ю.В.** Россия-КНР: динамика отношений. Вызовы глобализации и перспективы сотрудничества. // Азия и Африка сегодня. 2011. №10. С.2-7.
- 5. РФ займет второе место в приоритетах внешней политики КНР – эксперты.** 15.11.2012. РИА Новости. 11.10.14. [Электронный ресурс] <http://ria.ru/world/20121115/910860910.html#ixzz2yy76GNoM>.
- 6. Титаренко М.Л.** АТР и СВА: партнерство и сотрудничество для российского Дальнего Востока. Пятый Дальневосточный экономический форум. 01.10.14. [Электронный ресурс] http://dvforum.khabkrai.ru/doklads/s1_Titarenko.pdf.
- 7. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики по основным международным вопросам.** 23 мая 2008 года. Президент России. 02.10.14. [Электронный ресурс] Президент.рф.

- 8. Аширова Н.А.** От совпадения позиций к приоритетному партнерству. // Азия и Африка сегодня. 2011. №10. С.8-12.
- 9. Лузянин С.** Внешняя политика Китая в глобальном и региональном измерениях. 26.12.11. МГИМО. 20.09.2014 [Электронный ресурс] <http://www.mgimo.ru/news/experts/document216740.phtml> С. 18-19.
- 10. Дударенок А.С.** Влияние гуманитарного сотрудничества на внешнюю политику и безопасность Индии / А.С. Дударенок // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 6 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2011. – С. 126–133.
- 11. Троицкий М.** Могут ли Россия, Китай и Индия объединиться против Запада. 11.09.14. Университет МГИМО. 15.10.14. [Электронный ресурс] <http://www.mgimo.ru/news/experts/document259227.phtml>.
- 12. Гайкин В.А.** Китай и Евросоюз – два расовых полюса планеты. // Историческая наука и проблемы современного образования : сб. науч. ст. по итогам регион. науч. конф. – Хабаровск : Изд во ХГПУ, 2004. – С. 134–136.
- 13. Мареева Ю.А.** Стратегический треугольник «Россия–Индия–Китай» в международных отношениях (теория и историческая практика). Свежий взгляд. // Вестник МГИМО – Университета. 2012. №5 (26). С. 240-249.
- 14.** Comments by Mr. Anil Trigunayat, Deputy Chief of Mission, Embassy of India, Moscow at MGIMO, November 9, 2011. Россия в БРИКС. 21.09.14. [Электронный ресурс] <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBforumBric/70C04BA2877B884A442579500034B9D5>.
- 15. Портяков В.Я.** Российско-китайские отношения: современное состояние и перспективы развития // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. Т. 18. № 18. С. 6-15.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И АНТИРАСИЗМА В ЕВРОПЕ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШВЕДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ЭКСПО»

Фонд «Экспо» – шведская некоммерческая организация, занимающаяся предоставлением и распространением информации о ксенофобии и расизме. Она проводит исследования по проблеме нетерпимости в Швеции, пропагандируя свои идеи через образовательные учреждения и привлекая единомышленников к своей деятельности.

Согласно Уставу Фонда, его «цель заключается в повышении осведомленности о расизме и ксенофобии путем производства газетных и журнальных материалов» [1], а сама организация определяется как «частный исследовательский фонд, основанный в 1995 году с целью выявления и изучения антидемократических, экстремистских и расистских тенденций в шведском обществе. Фундаментальной основой Фонда является защита демократии и свободы слова от расистских, крайне правых, антисемитских и тоталитарных тенденций в обществе» [1].

Эти задачи широко дискутируются в различных кругах Швеции, а, следовательно, было бы бессмысленно отрицать актуальность этого вопроса на сегодняшний день. На преодоление социальной напряженности и культурных барьеров требуется немалое время, поэтому часто возникают споры о наиболее эффективном способе минимизации этнических конфликтов, сглаживании недоверия друг к другу или избавлении от устоявшихся стереотипов и предрассудков.

Наиболее сложной для Швеции остается проблема применения на практике теории мультикультурализма. В этом смысле шведский

опыт перерастает национальные рамки и приобретает важнейшее значение для всего мира, в первую очередь для той его части, которая сталкивается с проблемами значительных и все усиливающихся иммиграционных процессов, с проблемами адаптации иммигрантов к устоявшейся веками европейской среде.

Три основных направления фонда «Экспо» призваны выявить именно ту угрозу, которую представляет нетерпимость для шведского общества. Одним из направлений деятельности фонда является научно-исследовательский центр «Экспо». Он занимается поиском и сбором информации о расистских, антисемитских и антидемократических организациях в Швеции и Европе. Данные поступают от различных источников: публикаций, информаторов, перебежчиков, органов власти, независимых исследователей и т. д. Кроме того фонд выпускает ежеквартальный журнал с одноименным названием и ведет специальный архив.

Архив «Экспо» можно назвать «самой большой в Швеции базой знаний о крайне правых и антидемократических проявлениях в Скандинавии» [1]. Этот архив содержит значительную по объему информацию о фактах расизма и ксенофобии в Северной Европе, которая включает в себя, в том числе материалы о крайне правых движениях в Швеции. Архив доступен для исследователей и журналистов, и часть его материалов размещена на веб-сайте фонда. Согласно «Экспо», их данные используются даже полицией и службой безопасности Швеции [1].

Второе направление деятельности организации – издание журнала «Экспо» – шведского антирасистского журнала, выходящего четыре раза в год тиражом около 2600 экземпляров. Он содержит журналистские расследования, которые в основном сосредоточены на выявлении националистических, расистских, антидемократических, антисемитских и крайне правых движений и организаций. Главным редактором с 2006 года и по сегодняшний день является Даниель Пул, начавший свою карьеру в «Экспо» в 2001 году в возрасте 20 лет.

Анализ причин и следствия нетерпимости не ограничивается конкретными идеологическими рамками, тем самым журнал сохраняет свою политическую независимость. По мнению издания, ни одна политическая идеология не может иметь монополию на антирасизм. Более того, они считают, что демократические партии и организации могут и должны вместе бороться против идей нетерпимости. «Экспо» не связан с деятельностью каких-либо ассоциаций или политических партий, но нередко сотрудничает с политическими деятелями и различного рода организациями, разделяющими схожие взгляды.

Так, например, после конференции в Седертелье в 1985 г. была сформирована организация «Стоп расизму» (RSR = Riksförbundet Stoppa Rasismen). Данная ассоциация функционировала в качестве головной организации для различных антирасистских объединений в Швеции. На сегодняшний момент она уступила свои лидирующие позиции другой организации – «Сеть против расизма» (Nätverket mot rasism). Что касается непосредственно «Стоп расизму», то сейчас он преобразован в объединение под названием «Собрание против расизма» (Samling mot rasism).

Основоположниками журнала «Экспо» были Андреас Розерлунд и Стиг Ларссон. Одним из учредителей газеты так же был, по его собственному признанию, Тобиас Хубинетте, ранее написавший статьи в журнале «Стоп расизму». В 1995 году вышел первый номер «Экспо».

С. Ларссон, автор серии романов «Миллениум», являлся соучредителем «Экспо» и главным редактором журнала с 1995 до своей смерти в 2004 году. Политические убеждения Ларссона, его журналистский опыт, поставили Фонд «Экспо» в один ряд с такой организацией, как британский фонд «Прожектор» (British Searchlight Foundation) в «изучении и отображении антидемократических, правоэкстремистских и расистских тенденции в обществе» [2].

Фонд был основан С. Ларссоном в 1995 году под названием Hill Foundation. Должность ответственного издателя в Hill Foundation занимал Дэвид Магнуссон, а главный редактор публиковал свои статьи под псевдонимом Карлссон. Первоначально целью Фонда было исключительно издание журнала «Экспо». Но с 2001 года деятельность Фонда непрерывно расширяется, он регулярно выступает на тему организованной нетерпимости в целом и правого экстремизма в частности для всех желающих и заинтересованных лиц, в т. ч. журналистов и выборных должностных чиновников.

Направления фонда развились благодаря активной деятельности энтузиастов и сторонников. Сегодня штат насчитывает около двадцати сотрудников, работающих по разным направлениями деятельности Фонда, в т. ч. выпускает журнал «Экспо», ведет сайт Expro.se, а весной 2012 года был открыт офис в Мальмё.

«Экспо» стал широко известен в Швеции в июне 1996 года после серии угроз и нападений, направленных против компаний по печати и продаже журнала, а так же против организаций, оказывавших им поддержку. Слова «нет поддержки коммунистическому Экспо» («Inget stöd till kommunist-Expro») были нарисованы на стене штаб-квартиры Умеренной коалиционной партии [3]. Кроме того, типография (Guiden Tryck в Бромме), которая печатала журнал «Экспо», подвергалась актам вандализма, а сотрудники и распространители – угрозам. Поддержку Фонду оказали тогда крупнейшие шведские газеты Афтонбландет (Aftonbladet) и Экспрессен (Expressen), которые решили выпустить третий номер «Экспо» от 10 июня 1996 года в качестве бесплатного приложения (800 000 экземпляров) под рубрикой «Журнал, который хотят остановить нацисты» («Tidningen nazisterna vill stoppa») [3].

Столкнувшись с финансовыми проблемами, «Экспо» подал заявку на грант в 750 000 шведских крон от Совета по делам культуры, чтобы выплатить зарплату сотрудникам, но получил только 30 000, поэтому журнал пришлось закрыть в 1997 году. В 1999 году

журнал «Экспо» вернулся на прилавки, но уже в качестве приложения к журналу «Черное и белое» (Svartvitt). В том же году произошел теракт, направленный против пары журналистов, которая под псевдонимами Питер Карлссон и Катарина Ларссон публиковали свои исследования о шведской индустрии «власти белых», в том числе и в журнале «Экспо». Когда и газета «Черное и белое» прекратила свое существование, «Экспо» вернулся в публикации в качестве независимого журнала.

С 2000 года журнал публикуется на средства Фонда «Экспо», и их сайт переехал с предыдущего адреса (www.hill.se) на современный сайт (www.expo.se).

«Экспо» пропагандирует толерантность и антирасизм за пределами своей журналистской деятельности в газете и на сайте. Ими проводят ряд лекций и семинаров о нацизме, нацистских символах, музыке «белой власти», иммиграционных расходах, анализе крайне правого экстремизма, о том, как бороться с расизмом. Лекции проводятся в основном для тех, кто заинтересован, в частности, для учителей, политиков, полиции, социальных служб, студентов и журналистов.

После выборов 2006 года, «Экспо» совместно с АВФ (Arbetarnas Bildningsförbund = Профсоюз образования для рабочих) сделали подборку учебного материала о партии Шведских демократов, после чего подобные исследования были организованы под эгидой АВФ по всей стране. АВФ также разослали свое учебное пособие профсоюзам, работая параллельно над проектом под лозунгом «Шведские демократы не должны получить место в парламенте ЕС после выборов в 2009 году» [4].

В 2004–2005 гг. «Экспо» совместно с АВФ и различными государственными и местными органами власти организовал выставку, посвященную распространению идей нацизма в Мальмё (Сконе) («Skånsk nazism i Malmö»), основной причиной которой

послужил тот факт, что в провинции Сконе широко распространены ксенофобия и политически организованный расизм [8].

С января 2008 года «Экспо» организует тематические дни в школах на тему толерантности и антирасизма. С осени 2011 года «Экспо» сотрудничает с народной школой в Виндельне, в северной части Швеции. Результатом их совместной деятельности стало открытие в школе специального курса проектов по борьбе с расизмом – Академия Экспо. Она является первой программой подобного рода в Швеции.

Вместе с этим, Фонд «Экспо» обладает огромным банком знаний для всех тех, кто столкнулся с теми группами и явлениями, которые исследует фонд. Ведь для всех форм антирасистской деятельности требуются знания о нетерпимых группах и их идеях. И этими знаниями «Экспо» не только обладает, но и с удовольствием делится.

Знание является фундаментальной частью работы против расизма и ксенофобии. Постоянно идентифицируя новые нетерпимые группы и идеи, пристально рассматривая уже существующие, фонд «Экспо» пытается сделать население Швеции более внимательным к той угрозе, которую нетерпимость представляет для открытого общества.

Нетерпимость является социальной проблемой, поскольку она создает недоверие между людьми и предотвращает их нормальное сосуществование. Поэтому фонд призывает всех взять на себя ответственность за создание общества, характеризующегося толерантностью и уважением прав человека. Тем не менее, в самой Швеции антиэмигрантские и ксенофобские настроения усиливаются, о чем свидетельствуют результаты парламентских выборов в сентябре 2014 года, на которых крайне правая партия Шведские демократы почти в три раза увеличила свое представительство в Риксдаге, получив 12,9% голосов избирателей [7].

Таким образом, Фонд «Экспо» занимается поиском и анализом экстремистских и расистских тенденций в обществе. Демократическое общество видится им как место, где люди не преследуются и не лишены своих прав из-за цвета кожи, этнического происхождения, сексуальной ориентации или вероисповедания.

Кризис взаимопонимания, в особенности межрасовая рознь, не только порождает межэтнические противоречия, но может привести к эскалации ксенофобии и экстремизма. Во многих странах Европы эти противоречия уже вылились в открытые и жестокие столкновения с органами правопорядка, угрожая каждую минуту разразиться с новой силой [5]. Чтобы пресекать и нейтрализовать ситуации, которые могут привести к открытому конфликту, нужно быть толерантным: уметь приспосабливаться друг к другу, сохраняя при этом собственные взгляды и убеждения.

Таким образом, мультикультурализм – не только безусловное признание культурных отличий, но и своего рода компромиссное соглашение между государством, представляющим культуру большинства, и меньшинствами – только при соблюдении последними определенных условий, в первую очередь, признания национально-государственного устройства страны, возможно, такое соглашение [6]. Более того, мультикультурализм выступает лишь как своеобразное дополнение или расширение либеральных ценностей, права же личности защищаются в первую очередь. Там, где отсутствует соблюдение элементарных прав и свобод человека, признание культурных различий и приоритета групповых прав над индивидуальными, это может привести к обратному результату – провозглашению политики геноцида.

Разнообразие культур в исторически сложившихся национальных государствах не только обогащает культуру принимающей стороны, но и привносит новые и достаточно острые экономические и социальные противоречия, которые оказывают деформирующее воздействие на сложившийся уклад жизни,

порождают новые социальные столкновения, вспышки этнической вражды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Официальный сайт шведской организации «Экспо». [Электронный ресурс] – Источник доступа: <http://expro.se/>
2. Официальный сайт британской организации «Прожектор». [Электронный ресурс] – Источник доступа: <http://www.searchlightmagazine.com/>
3. **Robert Aschberg.** Vi avslöjar nazisterna. Статья от 2005-10-30. Электронный ресурс] – Источник доступа: <http://www.aftonbladet.se/debatt/article10692276.ab>
4. Vems Europa? Forma det Europa du vill leva i. ABF Studiematerial. 2014, 54 s. Электронный ресурс] – Источник доступа: <http://www.abf.se/Global/ABF-enheter/ABF%20S%C3%B6dert%C3%A4lje-Nykvarn/Studiematerial%20Vems%20Europa.pdf>
5. **Берсон А.Б.** Европейский мегаполис и мультикультурализм: степень совместимости // Современная Европа. 2011. № 1. С. 57-69
6. **Westin, Ch.** Sweden: Restrictive Immigration Policy and Multiculturalism // Migration Information Source, Migration Policy Institute (MPI), Washington DC. 2006. №7. – p.35-43.
7. **Шунина А.** На выборах в Швеции победила оппозиционная левая коалиция \ Kommersant.ru [Электронный ресурс] – Источник доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2567622>
8. **Болдырева Е., Вопиловская Е.** Интеграционная политика Швеции на рынке труда: социальное доверие против дискриминации // Неделя науки. Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Материалы науч.-практ. конф. с международным участием. СПбГПУ. – 2014.

ТЕХНОСОЦИАЛЬНАЯ ЛОГИКА ВОЙНЫ И МИРА В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

*В Первой мировой войне (28 июля 1914 – 11 ноября 1918)
участвовали 38 из 59 независимых государств*

Глобализация общественной жизни представляет собой процесс становления единой общемировой системы социального взаимодействия, но не приводит к формированию единой социальной общности людей, не означает возникновения общественной системы, требующей единого управления. Человечество не становится одной общностью землян, но жизнь каждой отдельной общности начинает зависеть от его состояния как общей системы социального взаимодействия. В силу действия техносоциальной формулы общества, физический смысл которой состоит в том, что обществу, как совокупности людей, требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, т. е. нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести, общество всегда остается социально дифференцированным, пронизываемым всеобщим социальным отношением “цель-средство”. Лидирующие общности воплощают в себе цель общественного развития (прогресса), остальным уготована функция средства, производственного материала, обеспечивающего существование лидеров [1].

В условиях глобализации понятие национальной безопасности перешло из разряда периодически употребительных в группу обязательных понятий, с помощью которых оценивается состояние какой-либо общности (нации, страны, этноса и т. п.) с точки зрения возможностей ее выживания. При этом решающее значение имеют

факторы окружающей социальной среды, т. е. взаимодействия с другими общностями, а не с природой.

В качестве средства расширения системы социального взаимодействия в равной мере выступают сотрудничество и соперничество, единство и борьба. Вопрос в том, кто, с кем и как сотрудничает и борется. Борьба за выживание опосредована множеством связей и отношений, т. е. люди-цели и люди-средства не связаны друг с другом непосредственно, определить персонально, кто за чей счет живет, невозможно, и все различия в положении людей предстают как результат большего или меньшего умения и везения. Здесь каждый находится в противостоянии всем, поэтому обвинять преуспевающего дельца некому и не за что. Межобщностная борьба менее опосредована, столкновение жизненных интересов в ней обнаруживается более наглядно. Однако глобализация опосредует и это, становится труднее определить, какие общности за чей счет живут. В настоящее время передовые страны более солидарны друг с другом в своих отношениях с отстающими странами. Напротив, отстающие страны менее солидарны друг с другом в этом противостоянии. У передовых стран большая заинтересованность и больше возможностей для координации своих действий.

Основу, главное содержание глобализации, как интеграции, формирования единой системы общества, составляет борьба, присоединение, насаждение, распространение тех или иных элементов, установление господства друг над другом, а не их взаимовыгодное объединение. Как правило, объединение одних направлено против других. Движущей силой глобализации остается борьба за выживание, понимаемая не как уничтожение конкурента или вытеснение его из жизненного пространства, а как превращение одних в средство существования других. Следовательно, и сотрудничество, и соперничество являются средством борьбы за выживание – такова объективная диалектика социальной жизни.

В глобальном мире отношение лидерства и отсталости общностей одновременно предполагает отношение господства и подчинения. Насилие, связанное с ним, страшно своей неотвратимостью. В отличие от природы, где жертва может спрятаться, убежать от преследования, в глобальном мире негде прятаться и некуда убегать, в нем можно только бороться и либо побеждать, либо терпеть поражение. Глобализация надвигается на недостаточно устоявшиеся общности и недостаточно уверенных в себе индивидов, она представляется им источником опасности, грозящей раздавить. По мере увеличения своей массы общество приобретает все более тотальный характер. Деятельность спецслужб, организованная преступность и экстремистский терроризм полностью пронизывают и контролируют общественный организм, делая поднадзорной и уязвимой жизнь каждого человека, которому негде скрыться от этой тайной и явной всепроникающей публичности. Глобальное общество по своей изначальной сути тотально. Здесь надо либо принимать вызов и бороться, либо сдаваться на милость кредиторов, к чему, собственно, и призывают коллаборационисты нового типа, обеспечивая себе тем самым привилегированные места в складывающейся системе социальной дифференциации. Либо надо закрываться, самоизолировать, обрекая себя на материально-техническую отсталость, глубокую социальную дифференциацию, вечное давление извне и вечную смуту внутри.

Чем более высок уровень развития общности, чем более сильны ее позиции в отношениях, прежде всего экономических, с другими общностями, тем в более широкой открытости этих отношений она заинтересована. Для общностей-лидеров принцип открытых дверей есть не что иное, как орудие подчинения менее развитых общностей без применения военной силы. В принципе и война как агрессия – это всего лишь силовой взлом закрытой общности, навязывание ей своих правил игры путем открытого вооруженного воздействия.

Эффективность функционирования любой отдельно взятой общности, рассматриваемой в качестве производящей системы, необходимо снижается в условиях ее изолированного существования, поскольку в этом случае, с одной стороны, неуклонно истощается ресурсная база, а ее расширение обходится все дороже, с другой стороны, истощаются возможности минимизации затрат на содержание участников общественного производственного процесса за счет уменьшения их занятости и снижения уровня жизни, включая условия труда. Более организованные общности наращивают ресурсный потенциал и повышают эффективность его использования за счет эксплуатации других, менее организованных общностей. Глобализация экономики приведет к истощению этого резерва повышения эффективности в той мере, в какой исчезает незанятое, свободное от эксплуатации социальное пространство. В глобальном мире нет ни свободного географического пространства, являющегося дополнительным источником природных ресурсов, ни свободного социального пространства, являющегося дополнительным источником трудовых ресурсов. Глобальность мира означает его полную занятость и поделенность, человечество еще не переживало такого состояния, и поэтому никто не может достаточно обоснованно (без лозунгов и пророчеств) сказать о том, что будет дальше [2].

Таким образом, состояние борьбы за существование является всеобщим, охватывает все области общественной жизни на всех ее уровнях. Оно не поддается ценностным суждениям, потому что оно объективно. Отношения между людьми представляет собой некое возбужденное поле, в котором всегда есть неравномерные области, участки повышенной напряженности, приводящей в определенных условиях к разрядам различной мощности, то есть к войнам. Их может быть больше или меньше, они кочуют по всему полю, но никогда не прекращаются, их всполохи никогда не угасают.

Стихийная неупорядоченность, спонтанность и хаотичность войны, как средства урегулирования международных отношений, в

эпоху глобализации сменяется упорядоченностью и регулируемостью наказания или уничтожения противника, с одной стороны, четко спланированными террористическими актами, а с другой – экономическими санкциями и точечными ракетно-бомбовыми ударами по выборочным целям. В глобальном мире с его всеобщей взаимозависимостью элементов любой конфликт вызывает цепную реакцию противостояния, эскалацию насилия и раскола. Глобализация означает переход к всеобщей непрерывной войне, которая, по сути, и является мировой войной и которая по причине неравномерности общественного развития всегда таит опасность перерастания в глобальный военный конфликт с очередным порядковым номером в мировой истории.

Общности развиваются неравномерно, в силу чего равновесие сил и интересов постоянно нарушается, система общества разбалансируется и, как следствие, становится неизбежным перераспределение ресурсов жизни, которое осуществляется насильственным путем, хотя и в разных исторических формах, но, в конечном счете, путем военного воздействия на конкурентов. Война до сих пор остается решающим аргументом в извечном споре претендентов на места в жизненном пространстве.

Состояние без войны возможно только при большом перепаде уровней материально-технического развития, когда более слабых просто покоряют или уничтожают, как всегда было с коренным населением при вторичном освоении территории; война предполагает отношение равенства и представляет собой вооруженное взаимодействие, а не просто вооруженную акцию одного субъекта против другого. Модель однополюсного мира – это и есть модель общества, в котором на смену войнам приходят военно-полицейские акции.

Современные процессы глобализации не дают достаточного материала для построения реальных сценариев возможных вооруженных конфликтов в глобальных масштабах. Однако

объективная неравномерность материально-технического и социального развития не позволяет экстраполировать современную мировую динамику в необозримое будущее и исключить возможность воспроизведения в глобальных масштабах силовых противостояний, аналогичных тем, которые неоднократно переживала Европа в многополюсном и двухполюсном распределении сил. Тем не менее, траектория движения центров тяжести в социальном пространстве и конфигурация будущей мировой конфронтации оказываются непредсказуемыми.

Одну из форм насильственного утверждения личностей или общностей в социальном пространстве представляет террор. Он может быть направлен как сверху вниз (военные и экономические санкции вплоть до открытой агрессии), так и снизу вверх (внеэкономическое и внеполитическое, в том числе вневоенное, насильственное воздействие). При таком рассмотрении социальная революция неизбежно оказывается связанной с террором, являющимся активным выражением отчаяния от бессилия и потому приводящим к бескомпромиссной жестокости и бессмысленным жертвам.

Международный терроризм не означает стирания границ общностного разделения, он представляет собой специфическую форму межобщностной борьбы за выживание в условиях глобализации. Международный терроризм является неявным придатком государственной политики и тем самым отличается от международной преступности. В целом глобализация общественной жизни характеризуется расширением транснациональной экономики (материальное основание глобализации), межнациональной организованной преступности и международного терроризма, эксплуатирующего национализм и религиозный фундаментализм. Транснациональная экономика складывается на почве клуба лидирующих общностей, занимающих господствующее положение в мире, межнациональная организованная преступность существует на основе перепада уровней материально-технического развития разных

общностей, международный терроризм проистекает из претензий богатых, но не самостоятельных в информационно-технологическом и военно-техническом плане общностей, претендующих на мировое лидерство. Исходя из этого, определение международного терроризма, как врага всего человечества, недостаточно корректно.

Период войн, как битв больших масс людей в виде армий, остался в прошлом. В глобальном мире на смену дискретным войнам, складывающимся из ряда отдельных сражений и линий фронтов, приходит тотальная непрерывная война, включающая в себя непрерывную череду локальных конфликтов, террористических актов и полицейских акций, разворачивающихся во всем мировом пространстве, включая космос и подводный мир, и втягивающих все мировое население без разделения на военное и гражданское. Террористический акт, в отличие от военного действия, персонифицирован по исполнителям, жертвам и требованиям. Впрочем, многие военные действия, например, артобстрелы и бомбардировки городов, носят характер террористических актов. Современная война по своему характеру эволюционирует к террору, поскольку не сводится к столкновению армий, а направлена против населения вообще, имея целью его запугивание и разрушение материальных оснований жизни.

Терроризм имеет глубокие исторические корни, это не случайный выброс общественного развития, не социальная аномалия [3]. Сущность социальной жизни не меняется, бескомпромиссная борьба за выживание остается, однако организационные и материально-технические возможности ее ведения неуклонно возрастают. Целью террора является устрашение и на его основе достижение нужного поведения, необходимых действий со стороны оппонентов, противника, жертвы и т. п. Террор, в отличие от войны, несимметричен в том смысле, что он недостаточно силен для ведения открытой борьбы, террор ведется с одной стороны тайно, замаскированно (партизанский или бандитский террор – в зависимости от оценки его целей), а с другой

стороны открыто, явно, ибо точечные удары, карательные спецоперации силами быстрого реагирования и пр. – это тоже терроризм. С обеих сторон главным средством воздействия является превращение обычных, не участвующих в борьбе людей в заложников, с обеих сторон это государственный терроризм, связанный с определенным разделением мира.

Терроризм – крайнее выражение войны всех против всех. Она характеризуется всеобщностью, но меняет свои исторические формы. В условиях глобального мира терроризм стал политически организованным и обрел международные масштабы, превратился в один из характерных элементов новой социальной реальности, в которой все отношения настолько переплетены и опосредованы, что классическая прямая и открытая война исчерпывает свои возможности в качестве их регулятора. Государство как орган, предотвращающий войну всех против всех, в условиях глобализации оказалось бессильным.

Применительно к отдельному индивиду, простому человеку, террор представляет собой дополнительный источник социального давления, к которому человек должен привыкнуть и научиться с ним жить, как он привык жить с возможностью кражи имущества, нападения бандита или маньяка и т. п. Терроризм, становящийся обыденным явлением окружающей социальной среды и формирующий специфический образ жизни, порождает и новые формы социальных различий в виде различия возможностей обеспечения личной безопасности людей.

В глобальном мире война превращается во всеобщее средство борьбы за существование, подчиня себе все сферы отношений между людьми, в том числе, вопреки Ю. Хабермасу, все сферы коммуникации. Можно выстроить определенную модель прохождения ступеней войны, характерных для глобального общества, различающихся по средствам и приводящих к возможному подчинению противника на любой из них. Культурная война

(привлечение внимания к определенному образу жизни) и идеологическая война (убеждение в преимуществах определенного образа жизни) являются так называемой мягкой силой как средством подчинения противника путем навязывания людям определенного образа мышления. Более жесткой формой войны являются информационно-психологическая (кто кого перекричит и обманет) и экономическая (удушение производства ресурсов жизни, например, с помощью санкций). Последней ступенью опосредованного ведения войны является холодная война (открытая гонка вооружений, сохранение мира на основе паритета силы, равновесия страха). В развязывании западным миром войны против России пройдены первые две ступени и все более отчетливо обнаруживаются признаки начала третьей, т. е. холодной войны, провозгласить которую пока никто не решается.

Разговор о возможности новой мировой войны в условиях современной геополитической конфигурации мира имеет абстрактный характер и востребован скорее потребностями внутренней политики. Для такой войны в настоящее время нет двух основных противоборствующих сторон, соответствующие блоки еще не сложились, а просчитать их даже гипотетический конкретный состав невозможно в силу объективного характера исторической случайности.

В тотальности отношений борьбы за существование отношение союза всегда относительно, будучи всего лишь объединением либо против общей опасности, либо, наоборот, в овладении общей жертвой. Исторические формы экономических и военно-политических союзов меняются, в условиях глобализации они все больше теряют характер договоров на основе коллективного интереса и становятся результатом принуждения главным субъектом союзнических отношений остальных членов в угоду своим интересам.

Есть два главных условия устойчивого существования общности в этой тотальности насилия: не быть слабым элементом в

системе мирового взаимодействия и не оказаться в изоляции, состоянии одиночества, чтобы не стать той самой жертвой враждебного сплочения окружающих общностей, готовых наброситься на нее и решить за ее счет свои собственные проблемы. Именно к этому положению толкают Россию и именно это является главной опасностью для нее, если ей удастся выстоять в войне на ступенях, предшествующих горячей войне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Горюнов В.П.** Философия. Теория социальной относительности / В.П. Горюнов. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2014. – 404 с.
- 2. Иноземцев В. Л.** Расколота цивилизация. Научное издание. – М.: «Academia» – «Наука», 1999. – 724 с.
- 3.** Идеологические и психологические основы профилактики и предупреждения экстремизма и терроризма в современной России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 27-28 ноября 2014 г. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2014. – 580 с.

**РОЛЬ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН В УРЕГУЛИРОВАНИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ
(НА ПРИМЕРЕ ИРАКСКОГО КРИЗИСА)**

В современном мире международные конфликты до сих пор являются одним из ведущих факторов нестабильности, представляя собой угрозу не только для участников конфликта, но и для всего мирового сообщества. Именно поэтому, главной задачей ООН, как крупнейшей и авторитетнейшей международной организации современного мира, провозглашено поддержание международного мира и безопасности путем сотрудничества государств-членов этой Организации.

Следовательно, международный мир и безопасность во многом зависят от результатов деятельности ООН, или, говоря другими словами, от консолидации усилий мирового сообщества в борьбе с новыми угрозами международному миру и стабильности. Важнейшим органом ООН, решающим проблемы международной безопасности, формирующий позицию этой организации по отношению к конкретным конфликтам, является Совет Безопасности ООН.

В то же время, деятельность по урегулированию кризисов, а также неоднозначная роль Совета Безопасности ООН в решении проблем мировой безопасности (например, таких как Балканские войны, Иракский кризис, события в Ливии) показала, насколько различны подходы государств – членов Совета Безопасности ООН к проблемам урегулирования конфликтов и в отношении использования силовых мер.

Это столкновение интересов, к сожалению ставшее «нормой» в современной работе Совета Безопасности ООН, в современных условиях, во многом, дезавуирует саму сущность работы этого органа,

на который, статьей 24 Устава ООН [1] возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности.

Очень ярко, подобные противоречия проявились в ходе «Иракского кризиса» 2002–2003 гг. Роль Совета Безопасности ООН в урегулировании данного конфликта, была столь неоднозначна, что именно с этого периода, специалистами начинают полномасштабные дискуссии [2] о необходимости реформирования современной системы международной безопасности. Исходя из этого, анализ роли Совета Безопасности ООН в урегулировании международных конфликтов (на примере Иракского кризиса) имеет ярко выраженную теоретическую и практическую значимость.

История участия ООН в урегулировании иракского кризиса, начинается 2 октября 2002 г. США, заинтересованные в силовом решении «иракской проблемы», официально представили другим постоянным членам Совета Безопасности ООН (СБ ООН) проект резолюции по Ираку, подготовленный совместно с Великобританией.

Проект предусматривал целый ряд условий, по сути неприемлемых для правительства Садда Хуссейна [3].

Основным камнем преткновения на пути принятия резолюции стала позиция Франции, России и КНР в отношении возможности односторонних действий против Ирака. После продолжительных консультаций 8 ноября 2002 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию по Ираку № 1441 [4], которая открыла дорогу к возобновлению международных инспекций и последующему снятию санкций международного сообщества против Багдада. Резолюция предоставила правительству Ирака «последнюю возможность» для выполнения своих обязанностей по разоружению. В частности, на Ирак была возложена обязанность возобновления безоговорочного сотрудничества с Комиссией ООН по наблюдению, контролю и инспекциям (ЮНМОВИК) и МАГАТЭ, которые должны были приступить к работе в Ираке до 23 декабря 2002 г.

В резолюции подтверждалось уважение суверенитета и территориальной целостности Ирака. Согласно принятому документу, через 60 дней своей работы в Ираке международные инспекторы должны были доложить Совету Безопасности ООН о результатах. Таким образом, вариант резолюции, выдвигавшейся США и Великобританией, претерпел радикальные изменения. Главную принципиальную роль в выработке компромиссного варианта резолюции сыграли Франция, Россия и Китай. Помимо всего прочего, принятый вариант, означал и раскол в среде союзников по НАТО с одной стороны США и Великобритании, с другой – Франции, которую активно поддерживала Германия. При этом, «франко-немецкая ось», не ограничилась «протестным голосованием».

9 января 2003 г. глава ЮНМОВИК (Комиссии ООН по наблюдению, контролю и инспекциям) Х. Бликс проинформировал членов Совета Безопасности ООН, что международным инспекторам не удалось найти в Ираке доказательств производства или наличия оружия массового уничтожения. Соединенные Штаты остались недовольны результатами инспекций.

22 января 2003 г., во время празднеств по поводу 40-летия со дня подписания Елисейского договора, президент Франции Ж. Ширак и канцлер Германии Г. Шредер подписали общую декларацию. В ней подчеркивалась необходимость участия ООН в урегулировании иракской проблемы и несогласие с поспешным военным вмешательством. За декларацией последовало выступление министра иностранных дел Франции Д. де Вильпена в Совете Безопасности ООН, в котором говорилось о неоправданности военных действий в Ираке.

Однако, несмотря на общие заявления, между Францией и Германией существовали некоторые разногласия относительно вероятного применения силы в случае невозможности урегулирования конфликта с помощью Организации Объединенных Наций. В то время как Берлин отвергал любое военное вмешательство, выражая сильную пацифистскую и антимилитаристскую позицию, Париж считал, что

применение силы может быть оправдано только после окончания полной инспекции вооружений Ирака [5, с. 32].

30 января 2003 г. в газете «Уолл-стрит джорнал» было опубликовано так называемое «письмо восьми», подписанное главами пяти стран-членов ЕС и тремя странами-кандидатами. В нем лидеры Великобритании, Испании, Италии, Португалии, Дании, а также Чехии, Венгрии и Польши выражали поддержку любых действий США, в том числе и военных, для разоружения Ирака. Это заявление еще более осложнило отношения стран Европейского союза. Ни Греция, председательствовавшая в то время в ЕС, ни Франция, ни Германия не были поставлены в известность о подготовке документа. По сути, это можно рассматривать в качестве еще одного подтверждения того, что решения, в СБ ООН, принимаются не на основе заинтересованности в поддержании мира, а на блоковой основе.

1 февраля 2003 г. президент США Дж. Буш и премьер-министр Великобритании Т. Блэр выступили с обвинением Ирака в отказе разоружаться и выполнять требования соответствующих резолюций СБ ООН.

8 февраля 2003 г. министр обороны США Д. Рамсфельд подверг резкой критике позицию ООН по Ираку, заявив, что ООН не принимает решительных мер для пресечения террористической деятельности Багдада. Американская администрация выступила против предложения Германии и Франции расширить инспекции ООН в Ираке.

10 февраля 2003 г. Франция, Германия и Россия приняли совместное заявление по Ираку. В заявлении подчеркивалось, что резолюция СБ ООН № 1441 представляет собой основу для завершения процесса разоружения Ирака, «и еще не все возможности, которые открывает указанная резолюция, были использованы».

В конце февраля 2003 г. Соединенные Штаты совместно с Великобританией и Испанией предоставили на рассмотрение в СБ ООН проект второй резолюции по Ираку. В этой резолюции иракский

режим обвинялся в невыполнении условий резолюции № 1441. Принятие данной резолюции фактически стало бы обоснованием военных действий против Ирака. Проект новой резолюции вызвал резкую критику ряда европейских государств, в первую очередь Франции и Германии, а также арабского мира [6].

10 марта 2003 г. президент Франции Ж. Ширак во время телевизионного выступления заявил, что «каковы бы ни были обстоятельства, Франция будет голосовать против новой резолюции, поскольку для достижения поставленной нами цели, то есть для разоружения Ирака, нет необходимости в военных действиях».

О возможности применения права вето при голосовании в СБ ООН заявила и Россия. В этих условиях США решили не выносить резолюцию на голосование, поскольку его результат был очевиден.

12 марта 2003 г. Д. Рамсфельд заявил, что возглавляемая США коалиция готова к военным действиям против Ирака без санкции Совета Безопасности ООН, руководствуясь резолюцией СБ ООН № 1441. Британский министр обороны Дж. Хун также допустил возможность участия Великобритании в войне против Ирака без принятия Советом Безопасности ООН второй резолюции.

Тем не менее, не смотря на эти заявления, 17 марта 2003 г. в Совете Безопасности ООН начались закрытые консультации по Ираку. Первоначально заседание было созвано для обсуждения российско-французско-германского меморандума по Ираку. Распространенный 15 марта документ призывал «сделать все возможное, чтобы возобладал мирный путь, которого придерживается Совет Безопасности и который поддерживает огромное большинство международного сообщества», а применение силы было определено только как крайняя мера. Россия, Франция и Германия выступили за продолжение процесса инспекций, которые положили начало разоружению Ирака.

Странами было выражена уверенность в том, что процесс разоружения Ирака «может быть завершен в короткие сроки и в рамках правил, установленных Советом Безопасности». Представитель

Великобритании в ООН Дж. Гринсток заявил, что проект американо-британо-испанской резолюции ставиться на голосование не будет. Премьер-министр Великобритании Т. Блэр возложил ответственность за отсутствие согласия в СБ ООН по иракской проблеме на Францию.

18 марта 2003 г. канцлер ФРГ Г. Шредер выступил с резким заявлением, осуждающим намерения США начать войну против Ирака.

Однако, несмотря на все усилия сторонников мирного решения конфликта, 20 марта 2003 г. США и Великобритания начали военные действия против Ирака. В Совете Безопасности ООН, все еще продолжались дискуссии, которые продолжались вплоть до завершения активной фазы боевых действий.

После их завершения, бесплодные дискуссии, по сути, были прекращены и на передний план вышли вопросы послевоенного обустройства Ирака и роли ООН в этом процессе. 24 июня 2003 г. в Нью-Йорке под эгидой Программы развития ООН (ПРООН) состоялась неформальная встреча, посвященная послевоенному обустройству Ирака.

В консультациях приняли участие представители 52 государств, специализированных учреждений ООН и Всемирного банка. Тема послевоенной реконструкции Ирака обсуждалась также на Чрезвычайной сессии Всемирного экономического форума (ВЭФ) в столице Иордании Аммане. В связи с постоянными потерями в рядах американо-британского контингента в Ираке, стало очевидно, что без быстрого решения накопившихся социальных и экономических проблем добиться политической нормализации невозможно [7, с. 8].

8 июня 2004 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию № 1546 по Ираку [8]. Проект резолюции был внесен на рассмотрение США и Великобританией и, в конечном счете, претерпел значительные изменения. В частности, была принята предложенная Францией поправка, согласно которой иракское правительство получило возможность контролировать ход военных операций многонациональных сил на территории страны. Кроме того,

в итоговом варианте резолюции было указано, что коалиционные силы должны покинуть территорию Ирака в случае, если такая просьба поступит от правительства страны после передачи ему суверенитета [9, с. 45].

25–26 июня 2004 г. в Ирландии прошел ежегодный саммит ЕС–США. Одной из главных задач саммита являлось согласование позиций по ряду международных вопросов и усиление взаимодействия [10]. Иракская проблема стала одним из ключевых вопросов, обсуждения на саммите. По итогам обсуждения стороны приняли решение двигаться дальше в разрешении иракской проблемы, опираясь на резолюцию Совета Безопасности ООН № 1546. ЕС и США подтвердили общее намерение вернуть суверенитет иракскому народу и создать демократически избранное иракское правительство. В рамках саммита 26 июня 2004 г. была подписана Декларация ЕС–США о поддержке народа Ирака [9, с. 34].

Однако разногласия между странами ЕС и США не были устранены. Несмотря на заявление президента Дж. Буша по окончании саммита об устранении противоречий между Европейским союзом и США в иракском вопросе, глава американской администрации не воспринял положительно призыв ЕС к предоставлению ООН ведущей роли в послевоенном восстановлении Ирака. Европейский союз, в свою очередь, не дал новых обещаний в связи с призывом Вашингтона в адрес стран ЕС участвовать в подготовке сил безопасности Ирака и увеличить стране финансовую помощь.

По сути, необходимо прийти к выводу о том, что Иракская кампания США, проведенная вопреки позиции европейских союзников по антитеррористической коалиции, не привела к разрыву отношений США с европейскими оппонентами, в частности Францией и Германией. Совет Безопасности ООН, своей нерешительной позицией, фактически легитимизовал оккупацию Ирака и открыл путь к международному сотрудничеству с целью восстановления страны.

Результаты военной операции в Ираке, в целом, очень противоречивы – несмотря на свержение режима Саддама Хусейна и формирование нового Правительства, обстановка в стране продолжает быть очень напряженной и в 2014 году. В стране действует целый ряд полупартизанских формирований, постоянно происходят террористические акты, и говорить о национальном единстве не приходится. Провозглашение на территории Ирака так называемого «Исламского государства Ирака и Леванта» еще более дестабилизировало ситуацию. Тот факт, что с определенного момента (с июня 2004 г.) операция в Ираке, по крайней мере, формально проводится в соответствии с резолюцией Совбеза ООН, ситуации помог очень мало и современные противоречия в этом регионе далеки от решения.

Однако уже сейчас можно понять, что Совет Безопасности ООН, в свое время не предотвративший силовое решение конфликта, в современной ситуации, уже не будет являться моральным авторитетом для народов, населяющих современную территорию Ирака. Данная ситуация, рассматривается нами как еще одна причина, по которой реформирование ООН просто необходимо.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Устав Организации Объединенных Наций. Подписан 26 июня 1945 года в Сан-Франциско. Вступил в силу 24 октября 1945 года // [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.un.org/ru/documents/charter/>
2. **Сорокина О.Ю.** Полномочия Совета Безопасности ООН и действия региональных организаций по поддержанию мира // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 2. – С. 35-37.
3. **Фокина К.** Хроника подготовки к войне [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.strana.ru/stories/03/03/19/3302/174133.html>
4. Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/1441 (2002) [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2002/res1441.htm>
5. **Троицкий М. А.** Европейский союз в мировой политике // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. – № 5. – С. 43-58.
6. Арабский мир: реакция на резолюцию №1441 Совета безопасности ООН по Ираку [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.iimes.ru/?p=154>

7. **Белан С.Р.** Черты глобального мира. Миротворческая деятельность ООН // Экология и жизнь. – 2011. – № 5. – С. 8.
8. Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/1546 (2004) [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2004/res1546.htm>
9. **Талайко Т.** Война в Ираке и трансатлантические отношения // Журнал Международного права и международных отношений. – 2012. – №4. – С. 42–57.
10. EU-US Declaration of support for the people of Iraq 26 June 2004. Dromoland Castle [Электронный ресурс]. URL.: http://europa.eu.int/comm/external_relations/us/sum06_04/decl_iraq.pdf

ЭВОЛЮЦИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ФИНЛЯНДИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРОЙДЕННОГО ПУТИ

В различные периоды развития экономики Финляндию можно рассматривать и как пример преодоления зависимости от пройденного пути, динамичного перехода на новую модель развития (что страна ярко продемонстрировала в конце XX века), и как иллюстрацию некоторой инерционности развития, заикленности на «колее» – что мы ясно можем видеть в сегодняшнем состоянии рынка венчурного финансирования.

Основной постулат теории зависимости от пройденного пути состоит в том, что сделанный в прошлом выбор продолжает оказывать значительное влияние на последующий выбор в процессе технологического развития. Таким образом, «колея» не дает отделить позднейшие технологические инновации от прошлого, несмотря на то, что позволяет определенные непринципиальные изменения.

Зависимость от пройденного пути постоянно несет риск попасть в тупиковую ситуацию: устаревшая технология, равно как традиционная модель организации институтов, способны «запереть» национальную экономику [1], обрекая ее на отставание, что, в конечном итоге, может привести к потере конкурентоспособности и замедлению экономического роста.

Пока компании не смогут выделить новые прибыльные возможности, они не будут начинать внедрять радикальные инновации. То же происходит с развитием государственных институтов: правительство также вряд ли будет основывать новые институты для поддержки новой «тропы развития», пока не поймет, что это потенциал для экономического роста и роста занятости.

Важно установить эффективное взаимодействие между технологической парадигмой и институтами, которые призваны обеспечивать и регулировать ее применение в экономике, реализовывая многообразие социальных и институциональных изменений. Пока проблема несоответствия старого институционального устройства не признана большим количеством экономических акторов, дисбаланс новой технологической парадигмы и стагнирующей институциональной структуры будет продолжать расти [9].

Преодоление зависимости

Финляндию конца 90-х – начала 2000-х можно рассматривать как пример фундаментальной трансформации и преодоления зависимости от пройденного пути за довольно короткий период. Заметим, что в Финляндии в области исследований и влияния технологий на экономику не прослеживалось главной закономерности, свойственной зависимости от пройденного пути: когда доминирующая парадигма в процессе развития усиливает сама себя, не давая произойти принципиальным изменениям.

Трансформация финской экономики периода 90-х – один из примеров преодоления колеи и перехода из стадии экономики, основанной на ресурсах, к экономике знания за весьма ограниченный период. Долгое время экономическое и социальное развитие Финляндии основывалось на «зеленом золоте» – с конца XIX века ключевой статьей финского экспорта была именно продукция лесопереработки и бумажной промышленности. Однако, такое, казалось бы, одностороннее развитие, не привело к формированию «лесозависимой» экономики: наоборот, финские компании смогли обеспечить динамичный рост, постоянно наращивая экспортные объемы и постепенно переходя на продукты все более глубокой переработки, а также консалтинговые услуги с более высокой долей добавленной стоимости [2].

В 1980-х годах лесная промышленность составляла 40% финского экспорта. Специализация позволила Финляндии стать

страной с высокой концентрацией конкурентоспособных лесных корпораций, которые вследствие серии слияний со шведскими компаниями смогли стать мировыми лидерами в своей индустрии. Внутренняя конкуренция стимулировала постоянное совершенствование продуктов и производственных процессов, компактная территория, большое количество совместных проектов, неформальные связи руководства предприятий способствовали обмену знаниями и быстрому распространению инноваций. Важную роль сыграла и масштабная государственная поддержка, обеспечивавшая все преимущества стабильного спроса, низких цен на сырье, возможности долгосрочного планирования и, в общем, стабильной экономической среды [6].

Предприятия лесоперерабатывающей промышленности управлялись не менеджерами, а инженерами, отсюда и постоянная модернизация производства, с акцентом на увеличение эффективности и эксперименты с новыми технологиями. Сами компании не столь активно вкладывали в собственные НИОКР, зато широко применяли чужие новые технологии. Таким образом, активного взаимодействия между научной отраслью и промышленностью, которую сегодня всячески пытается стимулировать финское государство, почти не существовало.

Серьезный экономический кризис начала 90-х заставил Финляндию отступить от проторенной тропы благосостояния, основанного на практически плановой экономике и «зеленом золоте», и выбрать кардинально новый путь, основанный на наукоемкой отрасли. Менее чем за 10 лет к 1999 году доля электроники в экспорте выросла с 10 до 29%, обогнав продукцию лесной промышленности, годами доминировавшую в структуре экспорта. ИТ кластер демонстрировал ежегодный рост в 25% по сравнению с всего 1,6 в ЛПК [3].

Тем не менее, «смену пути» с сырьевой модели экономики на наукоемкую нельзя представить исключительно как резкий переход, стимулированный экономическим кризисом. Эволюция финского ИТ-

кластера – комплексный процесс, в итоге которого «критическая масса» привела к кардинальной смене модели национальной экономики. Во-первых, финские производители закалились в конкуренции с крупными иностранными концернами – Ericsson и Siemens. Во-вторых, несмотря на конкуренцию, был создан общий для всей северной Европы стандарт телефонной связи – Nordic Mobile Telefon Standard (NMT).

ICT выбрали «флагманом» нового пути в экономике еще до коллапса 90-х. Сразу после нефтяного кризиса начала 80-х, когда рост финской экономики сильно замедлился, а безработица выросла, политики, промышленники и профсоюзы пришли тогда к общему пониманию, что главным конкурентным преимуществом Суоми должно быть не стоимостная эффективность, а наукоемкость и технологическое превосходство [11].

Трансформация была нелегкой: еще до экономического кризиса тогдашний CEO Nokia Кари Кайрамо активно высказывался, что Финляндия должна стать информационным обществом, сменив старомодную ресурсоориентированную модель. Nokia сыграла очень важную роль в процессе обновления финской экономики: эволюция компании из рядового производства в глобального игрока телекоммуникационного рынка представляет четкую параллель трансформации Финляндии в одного из лидеров ICT-сектора. Факторы конкурентоспособности финского ICT кластера: особое строение кластера с глобальным игроком в его центре и сетью малых и средних компаний вокруг, высокие показатели инвестирования в R&D, тесное взаимодействие науки и промышленности, высокообразованная рабочая сила и особое внимание инновационной политике со стороны государства [8].

Хотя лидирующая роль в создании нового промышленного кластера принадлежит именно бизнесу, развитие экономики, основанной на знаниях, можно назвать финским национальным проектом. Например, финская система образования, которая,

безусловно, ориентирована на технологическое развитие, отлично поддержала «новый путь» финской экономики – особенно в высшей школе. Финское правительство не только предоставило университетам более серьезные ИТ-ресурсы, но и сделало шаг в принципиально новом направлении, создав «политехники» – институты технологического профиля. Считается, что своим послевоенными успехами Финляндия обязана рабочей силе со средним профессиональным образованием, однако теперь более половины молодежи, начинающей карьеру, имеет высшее образование.

Финская финансовая система также адаптировалась к новым потребностям экономики, связанным с возникновением ИТ-кластера, и стала более открытой миру. Предприятия стали охотнее размещать свои акции на бирже, а иностранный капитал, в свою очередь, проявил интерес к Хельсинкской фондовой бирже. С 1993 года финны сняли все ограничения на покупку иностранцами акций финских компаний. После этой реформы финский финансовый рынок стал полностью интегрирован в международные денежные потоки, а Хельсинкская фондовая биржа – самой между народной фондовой биржей в мире [10].

Обвал ИТ-сектора на рубеже веков сделал Хельсинкскую биржу намного более уязвимой. «Открытие» внешнему миру повлекло за собой и рост рынка венчурного финансирования. Сначала главными источниками венчурного капитала были государственные агентства, но позже присоединились и частные инвесторы. Во второй половине 1990-х, Финляндия стала одним из наиболее динамично растущих рынков венчурного капитала в Европе: менее чем за 10 лет объем доступного венчурного финансирования увеличился в 10 раз. Именно в начале 80-х были запущены многие национальные технологические программы под руководством Tekes. Большинство из них были с акцентом на ИТ-сектор: однако доля ИТ в национальных технологических программах упала с 62% в 1982 году до 29% в 1991 – по прошествии 10 лет кластер уже не нуждался в

столь масштабной государственной поддержке. Тем не менее, финансирование Tekes помогло Nokia разработать одну из своих самых важных инновационных технологий – GSM [4].

Венчурный рынок Финляндии

Венчурному рынку Суоми более 40 лет: первая финская венчурная компания Sponsor Oy создана при поддержке Банка Финляндии в 1967 году. Важную роль в формировании и развитии финского венчурного рынка сыграл фонд SITRA. В 1987–89 гг. SITRA проводила исследования рынка венчурного капитала, при поддержке фонда в 1990 году создана Финская ассоциация венчурного капитала. Позднее фонд сам стал активным игроком на венчурном рынке, значительная часть действующих в Финляндии венчурных фондов созданы именно бывшими сотрудниками SITRA из выкупленных долей фонда. В 1998 году создан фонд Finnvera, который является одним из активных игроков на рынке венчурного капитала и каналом распределения государственных средств, выделяемых, прежде всего, на поддержку малых инновационных предприятий или сотрудничества крупных концернов и малых компаний.

После обвала рынка 2000–2001 года рынок венчурного капитала значительно сократился, снова возник дефицит финансирования ранних стадий проектов. Правительству пришлось вмешаться, чтобы выровнять ситуацию. Национальное инновационное агентство Tekes начало предоставлять кредиты на запуск проектов, а в 2004 министерство торговли и промышленности приступило к реализации стратегии по предоставлению начального финансирования молодым инновационным компаниям. Надо сказать, госсектор не отличался особой жадностью прибыли в деле вливания средств в венчурные проекты, так как прибыль для него не играет такой существенной роли, как для частного.

Активное государственное участие в венчурном финансировании – с одной стороны, соответствует специфике финской инновационной среды, поскольку только госструктуры

могут брать на себя риск финансировать проекты на самой начальной стадии, с другой – структуры пугают своей запутанностью, т. к. во многом дублируют функции друг друга и препятствует развитию полноценного рынка венчурного капитала. В целом, по оценкам финских и зарубежных экспертов, рынок венчурного финансирования в Финляндии развит недостаточно: объем доступного финансирования явно ниже, чем необходимо для развития инновационных компаний. Несмотря на то, что Финляндия находится стабильно среди лидеров по расходам на Научно-исследовательские разработки, гораздо меньше внимания и средств уделяется коммерциализации результатов научных разработок.

Одним из объяснений сложившейся ситуации может послужить и применение теории зависимости от пройденного пути. На начальной стадии формирования системы финансирования инновационной деятельности и стимулирования коммерциализации изобретений, сделанных учеными, ведущая роль государства была действительно оправданна. Сильная роль государства, подкрепленная соответствующим финансированием, помогла «запустить» систему, которую потом предполагалось передать частным компаниям. Однако, несмотря на изменения условий, активную интернационализацию финских инноваций (что по идее должно было бы способствовать хотя бы частичному перениманию англо-саксонской модели с ее главенствующей ролью бизнеса), государство по-прежнему является главным источником финансирования и венчурным капиталистом. Такое положение привносит в финскую инновационную систему все недостатки, присущие государственной машине: неповоротливость, запутанность процедур и дублирование функций, неэффективность и, что самое главное, отсутствие необходимого для венчурного капиталиста «нюха» на прибыль.

Финансирование самых ранних этапов инновационных проектов – еще до того, как они стали старт-апами (seed-phase funding), почти полностью осуществляется государственными

структурами. По мнению президента Технологической академии Финляндии Айномайи Хаарла, «это самая критическая область из всех, требующая повышенного внимания и развития».

«В стране всего несколько государственных организаций, которые могут финансировать изобретателей на стадии, когда они даже не создали компанию», говорит директор Центрального союза деловой жизни Финляндии (ЕК) Тимо Кекконен. «Прежде всего, Национальное инновационное агентство Tekes – они активно поддерживают наукоемкие стартапы и исследовательскую деятельность молодых компаний. Tekes также финансирует университеты и исследовательские центры и их проекты в области прикладных исследований. Часто эти же проекты становятся основой для предпринимательской деятельности. Главный государственный венчурный капиталист – компания Avera (часть фонда Finnvera). Эта организация также может предоставить займы стартапам и даже отдельным лицам, которые только собираются создать компанию», перечисляет Кекконен.

По данным Ассоциации венчурных капиталистов Финляндии, в 2008 году частные инвестиционные компании вложили в инновации 360 млн. евро. Всего же за этот год инноваторы получили 630 млн. евро от отечественных и иностранных инвесторов. Это сопоставимо с ежегодным бюджетом Tekes, из которого ежегодно получают финансирование более трех десятков программ, однако частные венчурные капиталисты не играют столь активной роли, как хотелось бы начинающим участникам инновационного процесса.

В управлении финских венчурных капиталистов находится около 5 млрд. евро (считая уже вложенные средства). По абсолютным показателям, большинство вложений в 2008 году сделано именно в стартапы – 171 сделка на сумму 48 млн. евро. В то же время на поглощения, хоть они и менее популярны (63 сделки), фонды потратили больше – 138 млн. По информации Ассоциации, наибольшей популярностью среди финских и иностранных

венчурных капиталистов по сумме вложений пользуется сектор промышленного производства (97 вложений на сумму 184 млн. евро за 2008 год). На втором месте – промышленные услуги (115 млн. евро, 24 вложения), следом за ними – биология и медицина (68 млн. евро, 69 сделок). По количеству сделок впереди компьютерная индустрия и потребительская электроника – 124 сделки.

Тимо Кекконен утверждает, что венчурных капиталистов в Финляндии довольно много: «проблема состоит отнюдь не в нехватке денег». «Беда в том, что наши венчурные фонды, как правило, более активно вкладывают в зрелый бизнес, избегают рисков, связанных с вложениями в стартапы, связанные с экономикой знаний. Стартапы в большинстве своем прямо или косвенно финансируются через государственные структуры. Венчурным бизнесом, понятное дело, занимается в основном частный сектор. Иностранные венчурные капиталисты в Финляндии также не отличаются активностью. Суоми не пользуется славой источника потенциально прибыльных стартапов, поэтому интерес иностранных инвесторов невысок. Кроме того, в финском законодательстве, в первую очередь, налоговым, есть пункты, которые снижают инвестиционную привлекательность Финляндии», утверждает он.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аузан А. Лекция в рамках проекта “Публичные лекции Полит.ру”. // <http://www.polit.ru/lectures/2005/01/11/auzan.html>
2. Химанен П., Кастелс М. Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель. М.: 2000.
3. Alasoini T. (2004), ‘The flexible production model in Finnish companies – Trends in production management, work organization and employment relations’, in Gerd Schienstock (Ed.), *Embracing the Knowledge Economy: The Dynamic Transformation of the Finnish Innovation System*, Cheltenham, UK / Northampton, MA: Edward Elgar: 128–144.
4. Ali-Yrkkö, Jyrki and Raine Hermans (2004), ‘Nokia – A giant in the Finnish innovation system’, in Gerd Schienstock (Ed.), *Embracing the Knowledge Economy: The Dynamic Transformation of the Finnish Innovation System*, Cheltenham, UK/Northampton, MA: Edward Elgar: 106–127.

5. **Arthur W.B.** Industry location and the importance of history. Stanford: Centre for Economic Policy Research, 84, Stanford University, 1986.
6. **Boschma R., Sotarauta M.** Economic policy from an evolutionary perspective: the case of Finland. / Utrecht University, Urban and regional research centre. 2005.
7. **David P.A.** Understanding the economics of QWERTY: the necessity of history. In: Parker W., editor. Economic history and the modern economist. Oxford, UK: Basil Blackwell, 1986.
8. Finland as a Knowledge Economy: Elements of Success and Lessons Learned. / Ed by Dahlman C., Routti J., Ylä-Anttila P. Knowledge for Development Program. Washington: World Bank Institute, 2006.
9. **Hakansson H., Waluszewski A.** Path dependence: restricting or facilitating technical development? / Journal of Business Research 55 (2002). P. 561–570.
10. **Rouvinen, Petri and Pekka Ylä-Anttila** (2003), ‘Case study: Little Finland’s transformation to a wireless giant’, in Soumitra Dutta, Bruno Lanvin and Fiona Pua (Eds.), The Global Information Technology Report 2003–2004, New York: Oxford University Press: 87–108.
11. **Saarinen J.** Innovations and industrial performance in Finland 1945–1998. Lund: 2005.

УКРАИНОФИЛЬСТВО И ВОПРОС О ЯЗЫКЕ¹

Политическая актуальность – не лучший стимул для исторических занятий, хотя связь истории и политики очевидна. Приближаясь к современности история переходит в политику, а текущая политическая ситуация ищет оправдание в истории. Прошлое может быть таким же орудием борьбы, как и вооруженное противостояние. Только борьба здесь идет за сознание людей. Политический кризис на Украине помимо различных причин был вызван и очень болезненным для Украины вопросом – вопросом о языке. Речь идет не только о русском, но и о самом украинском языке, политическое преобладание и культурное доминирование которого оказалось поколеблено. Нерешенность вопроса о языке побуждает обратиться к той национальной идеологии, которая лежит у истоков современной украинской государственности – к украинофильству XIX в.

Одним из основоположников идеологических конструкций, получивших преобладание на Украине в XX в. принято считать Михаила Петровича Драгоманова (1841–1895). Драгоманов стал частью национального мифа новой украинской государственности. Он в буквальном смысле является знаковой фигурой на Украине: его имя присваивают улицам, университету. Однако для истории русской общественной мысли Драгоманов фигура маргинальная. Его значение для русской мысли не велико. Этим он заметно отличается от своих предшественников, так же стоявших у истоков украинофильства – Т.Г. Шевченко и Н.И. Костомарова, наследие которых стало частью общерусской культуры. Более скромный масштаб Драгоманова как

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №14-18-00192).

теоретика и ученого, ограниченный региональными рамками, не позволяет заподозрить его в чрезмерных симпатиях к русскому народу и государству. Тем примечательнее выглядит его позиция по вопросу о языке, сформулированная в статьях начала 1870-х гг., хотя, безусловно, взгляды Драгоманова во многом определялись теми реалиями и той формой легальности, которые диктовали обстоятельства. Немаловажен и полемический контекст статей Драгоманова, вызванный, в частности, соперничеством между еженедельными киевскими газетами «Киевлянин» и «Киевский телеграф».

Сам Драгоманов считал украинофильство разновидностью славянофильства, аналогичного великоруссофильству или, собственно, московскому славянофильству. Однако при всей верности такого сравнения и сопоставления надо признать украинофильство проявлением, скорее, областничества, чем славянофильства. На это указывает, прежде всего, политическая программа украинофилов, совпадающая с федерализмом областников и, надо признать, не утратившая своей актуальности [1, с. 134–149]. К сожалению, украинофильство, как правило, рассматривается изолированно от областничества, что значительно сужает его понимание. Первой попыткой сопоставления украинофильства и областничества была статья Е.Е. Колосова «Два русских областника – М.П. Драгоманов и Г.Н. Потанин (опыт сравнительного изучения политических программ русских областников)» [2] а также статья А.С. Маджарова «Н.И. Костомаров и сибирское областничество» [3]. Однако в последствие это направление исследований развития не получило. Лучше всего оказалось изучено сибирское областничество, с которым метонимически ассоциируется это движение в целом. В работах историков Г.И. Пелих, М.В. Шиловского, А.В. Ремнева, М.Г. Сесюниной и др. показана история областнического движения, деятельность его лидеров, прежде всего, Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, раскрывается областническая идеология. Изучение сибирского областничества было продолжено молодыми

исследователями А.В. Головиновым, А.Э. Зайнутдиновым, Е.П. Ковалюшкиной и др., в работах которых рассматриваются и уточняются не столько исторические аспекты сибирского областничества, сколько их учение, идеология и даже философия [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]. Историографический обзор литературы по сибирскому областничеству представлен в статье С.А. Троицкого [15]. Российское же областничество (К.Н. Бестужев-Рюмин, П.В. Павлов, «Камско-волжская газета», областнические идеи в казачьей среде) и вовсе не выделяются исследователями. Основные требования украинофилов, в частности, сформулированные Драгомановым – свободное развитие местных общин и культуры народа, а, значит, и языка, юридическое закрепление прав индивида, децентрализация власти – надо отнести к общим для всех областников требованиям. Положительная программа украинофильства совпадала с программой областников. Отход от нее привел к развитию негативных тенденций. В задачу статьи не входит ответ на вопрос: в силу каких причин вместо гуманистических и либеральных идеалов областничества в украинофильстве возобладала человеконенавистническая идеология галицийских националистов, распространение которой приводит украинский народ к вырождению в этническую химеру. Учение Драгоманова, включенное в *ungrund* современной украинской государственной идеологии, показывает, как то, насколько трансформировалась сама украинофильская идеология, так и то, что Драгоманова на Украине, скорее, почитают, чем читают. Все это побуждает к реактуализации его взглядов.

В публицистике Драгоманова вопрос о языке занимает важное, но не исключительное место. По крайней мере, его можно поставить в один ряд с польским вопросом, еврейским вопросом и требованием децентрализации или федерализации власти.

Еще в 1872 г. в статье «Восточная политика Германии и обрусение» Драгоманов признавал, что считает мнение В.И. Ламанского о возможности самостоятельной «малорусской

словесности» при сохранении и развитии русского литературного языка «самой верной и практичной точкой зрения» [16, с. 118–119]. Стоит напомнить, что В.И. Ламанский в серии статей «Непорешенный вопрос» и других публикациях отстаивал право русского языка быть общеславянским литературным, научным и дипломатическим языком [17, с. 95–125]. Народность Драгоманов воспринимал не только как политическую, но и как литературную силу. Правда, определенность народности и ее язык не являлись для него постоянной величиной; они зависели от множества условий. В статье «Русские в Галиции» (1873) Драгоманов писал, что «не только политическая особенность известной части народности от ее целого, но даже и литературная, не зависит от одной только языковой и бытовой особенности ее, видной для специалистов-филологов; особенность политическая, и даже литературная, зависит, кроме этнографических и филологических условий, еще и от многих других: исторических, религиозных, экономических, культурных, а главным образом, от воли самого народа, проистекающей из сознания, что ему полезно, нужно, приятно, или как бы там ни было, быть в единстве, политическом и литературном, с другим народом, или в раздельности» [18, с. 321]. Потребность народа в самостоятельном литературном языке понятна, как и отстаивание Драгомановым права украинского языка быть языком политической жизни и литературы. Он ставит язык и политическое самоопределение народа в зависимость от гипотетической «воли народа», которая, в свою очередь, определяется практическими нуждами. Сочетая естественное право с утилитаризмом, Драгоманов выстраивает своеобразную конструкцию, согласно которой развитие языка и политическая жизнь народа повинуются выгоде и стремлению к удовольствию. Драгоманов неоднократно критиковал славянофилов за романтическое увлечение и использование выражений «народный дух», «народный характер». Естественнo-правовая генеалогия «воли народа», к которой апеллирует Драгоманов, едва ли в большей степени проясняет

ситуацию. В той традиции, к которой обращается Драгоманов, воля не противостоит разуму, а представляет собой разумную волю или практический разум. Истокователями и выразителями этой разумной воли, по мысли Драгоманова, выступает интеллигенция. Укратинофильство Драгоманова, как и другие областнические учения, обращено, в первую очередь, к местной интеллигенции. Именно местная или национальная интеллигенция решает, что является пользой и выгодой, на которую направлена «воля народа». Иными словами, народность и даже язык – это не исторические константы, которые не могут меняться по прихоти политиков. Напротив, Драгоманов допускает их, так сказать, переориентацию в зависимости от устанавливаемых национальной интеллигенцией практических нужд.

Происхождение украинского языка, в отличие от естественно сложившихся малорусских провинциальных наречий, Драгоманов выводил из литературной потребности отразить жизнь народа, т. е. считал следствием распространения реалистического направления в литературе. «Так, – писал он, – в Малороссии язык народа был более или менее такой же, как и теперь, но писатели-малоруссы XVI–XVII веков употребляли церковный или даже польский и латинский языки, внося в свои писания малороссианизмы больше невольно; потом, начиная с Дмитрия Ростовского, стали переходить от церковно-славянского к великорусскому, а потом, от Богдановича и Капниста, стали писать выработавшимся в России после Ломоносова на основе великорусского наречия литературным языком, которым писана большая часть и так уважаемых галицкими народовцами сочинений гг. Костомарова, Кулиша и др., потому что публику такого рода сочинения могут найти только будучи написаны на языке общем всему образованному обществу в России, и потому, что та жизнь, которая описывается в сочинениях Капниста, Гоголя и др. подобных писателей-малоруссов, употребляет для своих потреб этот самый язык с наибольшими вариациями по провинциям. И только, когда жизнь породила новые задачи и потребности в литературе, а именно,

изображения жизни народной, потребность сближения высших классов с низшими, потребность проведения знаний в народе в самой удобной форме, – тогда явились, и сначала бессознательно, а потом и более сознательные попытки писать на малорусском народном языке; аналогичные потребности проявились тогда и в великорусском обществе. Куда дальше поведет жизнь вопрос о сближении литературного языка с простонародным в Северной и Южной России, – посмотрим; но только он решится не одними лишь филологическими законами, а всю совокупностью народной и политической жизни в России, и скорее всего в пользу преобладания центростремительной (русской) силы над центробежными (великорусской и малорусской)» [18, с. 323–324]. В своем экскурсе Драгоманов упускает важный момент: русский литературный язык сложился во многом благодаря выходцам с южно-русских и западно-русских земель, из которых на протяжении XVII и большей части XVIII вв. формировался русский образованный слой. Русский литературный язык, в создании которого активное участие принимали уроженцы Малороссии, создавался как общий и для великороссов и для малороссов литературный язык. С этой точки зрения противопоставление и соперничество русского и украинского языков выглядит странным и даже искусственным. Однако для Драгоманова такое противопоставление – факт не исторический и даже не лингвистический, а социологический. Он настаивал на том, что «литературу делает именно вся совокупность жизни, а не одни только этнографическо-филологические условия» [18, с. 324].

Свободное использование языка не только в частной, но и в публичной сферах справедливо кажется Драгоманову естественным требованием, выдвигаемым народом к государству. «Если мы, – писал он, – допускаем употребление и даже развитие какого-нибудь языка в частной, семейной жизни общества, в церкви, в литературе художественной и научной, то мы допускаем ему обнимать самые душевные, самые близкие и кровные человеку сферы сердца и ума,

и не естественно ли, что человек требует признания за этим языком и других прав в жизни, а не встретив удовлетворения этому требованию, не может относиться к государственной власти иначе, как с враждою, тайною или явною. Устранение известного языка из всех сфер публичной жизни, из школьного и ученого преподавания не может иметь других последствий и целей, как стеснение его развития, стеснение развития на нем литературы, преимущественно ученой и педагогической, отучение населения от мышления на этом языке, но чувство вражды при этом не истребляется, а становится только более и более диким и фанатичным» [16, с. 179]. Притеснение языка, подчеркивал Драгоманов, вызывает враждебное отношение народа к власти. Драгоманов имеет здесь в виду украинский язык, хотя, понятно, что описанная им ситуация относится к любому языку: как только формирующемуся в качестве языка литературного, так, тем более, и к языку с богатой литературной традицией. Драгоманов даже предрекает гибель и распадение государств в случае неудовлетворительного разрешения вопроса о языке: «Стремления обезнародить известные племена, с целью упрочения государственного единства, вызывают по большей части национальную энергию в племени, над которым хотят произвести нравственную операцию, и приводит иногда к распадению государств или отпадению от них частей» [16, с. 53]. Уважение к языку входящих в состав государства народов является закономерным проявлением формы государственной жизни, основанной на свободе, а не на принуждении и насилии. С этой точки зрения, свободное пользование в различных сферах жизни родным языком входит в содержание того социального идеала, который проповедовал Драгоманов. «Другими словами, – пояснял он, – чем более государство становится свободным и потому прочным союзом людей для достижения развития душевного и материального, тем более подходит оно к равноправности языков и народностей, в него входящих, в

общественной жизни» [16, с. 56]. К такому идеалу, полагал Драгоманов, приближается Швейцарская федерация.

Конечно, призывы Драгоманова были обращены, прежде всего, к русскому народу и российскому государству. Он напоминал, что первая русская типография была открыта в Вильне, первая правильная русская школа – во Львове, а первая русская высшая школа – в Киеве. К сожалению, сетовал Драгоманов, эти центры заглохли вследствие опустошительных войн и «безмерного развития централизации», сначала московской, а затем петербургской. Поддержка областных культур и разновидностей русского народа пойдет на пользу, прежде всего, самому русскому народу, сделает его сильнее и богаче в культурном плане. По словам Драгоманова, «великому русскому народу нет ни малейшей надобности стирать ни народности малых народов, ни особенности собственных разновидностей, которые могут только питать и расширять общерусскую культуру» [19, с. 414]. Предоставление языкам и наречиям равных прав, свобода общения и просвещения, полагал Драгоманов, способны укрепить единство русского народа, частью которого он считал и народ украинский. Единство не отрицает различия, оно может опираться на эти различия, скрепляемые свободой. Напротив, унификация – это путь к раздроблению и разрушению. «Таким образом, – заключал Драгоманов, – вследствие взаимного обмена мыслей и взаимного ознакомления между разными частями и партиями в мире русских племен может, мы думаем, очень легко выработаться единство идей и целей, служба русскому народу, его просвещению, богатству и свободному внутреннему развитию, а ведь только такого рода единство существенно и желательно. Стремиться же к единообразию всех форм жизни и средств деятельности свойственно только ограниченным натурам, щедринским Угрюм-Бурчеевым. Но ведь люди такого рода способны не объединять, а только разрушать, и чрез то еще больше разъединять» [19, с. 399].

На этом можно было бы и закончить рассказ о том отношении к языку, которое было изложено в украинофильстве Драгоманова. Для идеологии и традиции украинофильства Драгоманов – фигура ключевая, а его мнение – авторитет. Высказывания Драгоманова по вопросу о языке достаточно красноречивы, его позиция ясна и во много с ней трудно не согласится. Однако языковая политика, проводимая украинским государством, кажется, полностью противоречит точке зрения Драгоманова. Что же происходит? Когда начался отход от гуманистических и либеральных идеалов украинофильства? Уже следующее за Драгомановым поколение украинофилов существенно скорректировало многие идейные позиции. Проиллюстрировать это можно обратившись к уже, вероятно, забытой полемике вековой давности между Б.А. Кистяковским и П.Б. Струве на страницах журнала «Русская мысль».

Точка зрения Б.А. Кистяковского как украинофила интересна не только тем, что он был одним из крупнейших правоведов и социологов в России начала XX в., но и тем, что именно Кистяковский был издателем трудов Драгоманова, знал и признавал его учение.

Основной мотив статей Кистяковского по украинскому вопросу – это обида на русский народ и государство. По его словам, «основная черта, характеризующая отношение русского общества к украинству, это резко выраженный эгоизм» [20, с. 133]. Во вступительной статье к сочинениям Драгоманова он утверждал, что Украина, спасаясь от иезуитско-польского рабства, попала в еще более тяжелое порабощение от России. Он признавал тесную связь украинского народа с русским. «Я глубоко убежден, – писал Кистяковский, – что исторические судьбы связали украинский народ с великорусским навсегда, и также бесповоротно разъединили его с другими его соседями, главным образом с народом польским. Поэтому дальнейшее развитие украинского народа возможно только в связи и в тесной всесторонней солидарности с великорусским

народом. Особенно неразрывно связан украинский народ с великорусской культурой, так как за это уже говорит громадная ценность последней. Я придерживаюсь мнения, что из всех славянских культур только великорусская сможет достичь истинного мирового значения. Ввиду этого для украинского народа чрезвычайно важно сохранить эту связь, сближающую его с мировыми интересами, и она необходимо должна сохраниться. Но в то же время самые насущные нужды украинского народа требуют и развития своей самобытной культуры» [20, с. 132]. Однако Кистяковский не считает такую связь ни естественной, ни, тем более, абсолютной. Последующие уточнения практически полностью нивелируют это высказывание. Причем, говоря о русской культуре, Кистяковский закавычивает само это выражение. Преобладание и господство русской культуры для него – лишь следствие длительной насильственной русификации. Более того, на взгляд Кистяковского, даже самой русской культуры не существует, вместо нее преподносится культура безродной интеллигенции. «Ведь истинная культура России, – пишет он, – как культура народных масс, еще и не возникла. Она только теперь может зародиться» [20, с. 138].

Главное отличие Кистяковского от его оппонента Струве состоит в том, что для Струве народ и культура являются итогом естественного исторического развития, а для Кистяковского – это результат сознательного волевого конструирования. По его словам, «в наш век машинного производства не только материальная, но и всякая духовная культура создаются “нарочно”. “Русская” культура тоже “создавалась нарочно” притом под сильным воздействием русского самодержавного и бюрократического правительства <...>. В противоположность культуре “русской” украинская культура “народно создается” не для военных и бюрократических нужд государства, а для насущной потребности широких народных масс. Она создается, опираясь только на демократические силы и поддерживаемая только ими» [20, с. 140]. Культурный процесс,

согласно Кистяковскому, состоит в уничтожении старого новым, где новое представлено украинской культурой, а уничтожаемое старое – русской. Победа украинской культуры над русской должна означать победу естественного над искусственным, народного над бюрократическим. Идеализация и возвеличивание украинской культуры, по мысли Кистяковского, должно проходить не вместе с развитием русской культуры, а вместо русской культуры, в ущерб русской культуре. Однако не находя ни исторических, ни собственно культурных оснований и объяснений для такого возвеличивания и даже обособления культур, Кистяковский (что довольно неожиданно для юриста) прибегает к божественному аргументу. «Остается признать, – пророчествует он, – что народу украинскому присуща особая воля или какая-то мистическая сила, побуждающая его отстаивать свою самобытную национальную индивидуальность <...> Итак, если стремление Украины к своей самобытной культуре Божье дело, то никакие земные силы его не одолеют <...> Всякое истинно культурное движение есть проявление Духа Божьего в человеке, и потому он свято, а насилие над ним грех» [20, с. 146]. Как и Драгоманов Кистяковский пишет о воле украинского народа, сопоставляя ее уже не с разумом, как его предшественник, а с «мистической силой» и видит в национальном движении украинства Божье дело. Конечно, после таких аргументов дальнейшая полемика становится не возможной.

Тем не менее П.Б. Струве ответил Кистяковскому статьей «Общерусская культура и украинский партикуляризм», напечатанной в первой книге «Русской мысли» за 1912 г., в которой он выступил скорее с областнических, чем государственных позиций². «А именно, я глубоко убежден, – писал Струве, – что – наряду с общерусской культурой и общерусским языком – культура

² Надо заметить, что, например, уже в следующем номере журнала была напечатана статья сибирского областника Н.В. Некрасова «Письма о национальностях и областях. Культурные и политические проблемы Сибири».

малорусская или украинская есть культура местная или областная. Это положение “малорусской” культуры и “малорусского” языка определилось всем ходом исторического развития России и может быть изменено только с полным разрушением исторически сложившегося уклада не только русской государственности, но и русской общественности» [21, с. 66]. В отличие от Кистяковского, Струве гораздо больше уделял внимания вопросу о языке. Если Кистяковский ограничивался замечаниями о необходимости интеллигенции и народу говорить на одном языке, что при его позиции этнического конструктивизма, фактически, означало навязывание народу того языка, который интеллигенция считает истинно народным и соответствующим «Божьему делу», то Струве указывал на историческую неизбежность формирования общерусского языка. «Ход русской культуры, – писал он, – приведший к гегемонии “великорусского” языка и к превращению его в русскую *χοινή*, определился тем, что центр государственности и связанной с ней культуры оказался сперва в Москве, а потом в Петербурге, который в культурном отношении, да и по своему населению был не чем иным, как отпрыском или колонией (в античном смысле) той же Москвы. Если бы Петр I центр новосоздаваемой русской государственности переместил в Киев, в России сложилась бы другая *χοινή*, с гораздо большей примесью южнорусских элементов, но только и всего. Русская *χοινή* все-таки должна была сложиться» [21, с. 68]. Такой общерусский язык и считается, собственно, языком русским, в жертву которому приносятся местные диалекты, в том числе малорусский. *«Это – процесс, которому подвергаются в известной мере все диалекты под напором более могущественного и в то же время родственного книжного и вместе с тем живого языка, который есть зараз и язык государственности, и язык высшей культуры, и, наконец, язык новых экономических форм»* [21, с. 71]. Указание на «новые экономические формы» здесь не случайно, поскольку интенсификация хозяйственной и социальной жизни неизбежно приводит к языковой

унификации. «Современное хозяйственное развитие, – отмечал Струве, – создавая в целом ряде областей и отношений новую дифференциацию, в области языка имеет тенденцию обобщать и нивелировать» [21, с. 81]. В итоге, Струве предлагал различать *украинофильство* и *украинство*. Украинифильство стремится к сохранению местной культуры и языка при признании объединяющей роли общерусской культуры и языка. Именно такой позиции придерживались Н.И. Костомаров и М.П. Драгоманов (по крайней мере, до 1876 г.). Украинство же придает общественное и государственное значение только украинскому языку, стремится к утверждению новой национальной культуры при одновременном вытеснении общерусской культуры и отказу от общерусского исторического и культурного наследия, что в качестве последствия приведет как к расколу самого русского народа, так и государства и народным бедствиям. Следует напомнить, что и Драгоманов считал, что отделение Украины от России приведет к понижению культурного уровня на Украине и разгулу «дикого» национализма. Наибольшую опасность для Украины он видел в агрессивной и человеконенавистнической идеологии галицийских националистов.

Деятельность украинства, преобладанию которого способствовали и Драгоманов и Кистяковский, не могла привести к формированию новой по содержанию культуры. В любом случае даже при форсировании политики этнокультурного конструктивизма для этого требовался более продолжительный исторический период и изоляция от общерусской культуры. В реальности украинство меняло лишь «форму» культуры для вытеснения и маргинализации русской культуры. Такая новая «форма» культуры, «выражающаяся в определенных нормах, приоритетах, приводит к ограничению культурных практик, вытеснению тех, которые не соответствуют этой “форме”, и созданию, таким образом, зон культурного отчуждения» [22, р. 89].

Незавершенность политических процессов на Украине не позволяет во всей полноте уяснить смысл происходящего. Однако обращение к эмбриологии украинского национализма дает возможность расширить наше понимание. Вопрос о языке, об отношениях русской и украинской культуры был болезненным как для украинофилов XIX в., так и для современной Украины. Нынешние и позапрошловекковые опасения сторонников украинской государственности и самобытности не были напрасны. При равных условиях украинский язык и культура могут не выдержать конкуренции с русским языком и культурой, поскольку именно русский язык и культура сформировались в качестве общерусских. Переход на русский язык и обращение к русской культуре вполне естественно для населения Украины, поскольку открывает более широкие возможности для развития и творчества без неизбежной в других случаях ассимиляции и денационализации. Признание русского языка угрожает Украине оттоком даровитых литературных, культурных и научных сил, участием их в развитии общерусской, а через это и украинской культуры. Однако этот процесс противоречит конфронтационной идеологии, навязанной украинскому обществу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Синяков С.В.** Регионализация Украины и украино-российские отношения // Областная тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2010.
- 2. Колосов Е.Е.** Два русских областника – М.П. Драгоманов и Г.Н. Потанин (опыт сравнительного изучения политических программ русских областников) // Сибирские записки. 1916. № 3.
- 3. Маджаров А.С.** Н.И. Костомаров и сибирское областничество // Восток в прошлом и настоящем: Тезисы докладов региональной конф. Иркутск, 1992.
- 4. Головинов А.В.** Идеологи областничества о роли интеллигенции в развитии русской провинциальной культуры // Областная тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2010.
- 5. Головинов А.В.** Идеология сибирского областничества: социокультурные ценности и политические смыслы. Барнаул, 2011.
- 6. Головинов А.В., Должиков В.А., Петров Д.С.** Идеологический облик русского традиционализма: приоритеты и ценности народничества, областничества, толстовства. Барнаул, 2011.

7. **Головинов А.В.** Культурфилософия сибирского областничества: этносоциальные и ценностные основания. Saarbrücken, 2011.
8. **Головинов А.В.** Идеология сибирской свободы: этнокультурные и политические идеи классиков областничества. (К 170-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева) Барнаул, 2012.
9. **Головинов А.В.** Отечественные истоки социальной философии областничества // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. 2012.Т.12. С 75-80.
10. **Головинов А.В.** Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев: через патриотическое просветительство к межэтнической социальной интеграции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Том: XVI. № 1 (66) С. 53-59
11. **Зайнутдинов А.Э.** А.П. Щапов – предтеча сибирского областничества // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2010.
12. **Зайнутдинов А.Э.** Сибирская идентичность в зеркале цивилизационного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Вып. 6.
13. **Зайнутдинов А.Э.** Интеллектуальная галерея сибирского областничества второй половины XIX в. // Многоликая современность: Сборник к 60-летию доктора философских наук, профессора Владимира Вячеславовича Козловского / отв. ред. Р.Г. Браславский, А.В. Малинов. СПб., 2014.
14. **Ковалешкина Е.П.** «Инородческий вопрос» в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005.
15. **Троицкий С.А.** Областничество в российской гуманитарной научной литературе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013.Т. XVI №: 1 (66) С. 60-77.
16. **Драгоманов М.П.** Восточная политика Германии и обрусение // Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т. I. Центр и окраины. М., 1908.
17. **Малинов А.В.** Язык, нация, культура в цивилизационной концепции В.И. Ламанского // Философия. Язык. Культура: Сборник Николаю Ивановичу Безлепкину к 60-летию со дня рождения и 30-летию научно-педагогической деятельности / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2010.
18. **Драгоманов М.П.** Русские в Галиции // Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т. I. Центр и окраины. М., 1908.
19. **Драгоманов М.П.** Литературное движение в Галиции // Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т. I. Центр и окраины. М., 1908.
20. **Украинец (Б.А. Кистяковский)** К вопросу о самостоятельной украинской культуре // Русская мысль. 1911. Кн. II.
21. **Струве П.Б.** Общерусская культура и украинский партикуляризм // Русская мысль. 1912. Кн. I. С. 66.
22. **Troitskiy S., Begun B., Voloshuk E., Chertenko A.** Strategies of the study on the cultural exclusion zones // Modern Studies of Russian Society: A collective monograph. Helsinki, 2014.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПАРАМИЛИТАРИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ: ОПЫТ КОЛУМБИИ

Развитие мировой экономики напрямую зависит от политических взаимоотношений стран, являющихся основными поставщиками энергоресурсов на международный рынок. В современных условиях при улучшении в целом жизненного уровня граждан в развитых и динамично развивающихся странах, связанных с вариативностью и повышением доступности средств обмена информацией, с развитием мирового туризма и прочих тенденций, обусловленных глобализацией, формируются обширные группы сторонников, объединенные единой идеей. Примерами могут служить феминистические движения и прочие, связанные с правами меньшинств; движения «зеленых», обращающие внимание на экологию; анти- и про-религиозные движения и т. п. В странах же, где уровень жизни низок, высок уровень безработицы, но информационный обмен развит, также возникают агрессивные движения, связанные с поиском перемен. Это различные парамилитаристские движения, антиполитические коалиции и пр. Для любого государства возникновение крупных неконтролируемых движений, выступающих массово, является не только проблемой сохранения порядка и стабильности, а проблемой возникновения финансовых кризисов, которые высвобождают еще больше свободного времени у людей, и массовость движений увеличивается. Возникающие кризисы – идеальное время для появления новых политических лидеров и движений. Именно материальный фактор заставляет народ задуматься о месте в политике. Нестабильность – идеальный способ проявиться тем, кто не занял в жизни общества

особого места. Люди, которым нечего терять, легко идут на риск, создают свои банды, группировки, оккультные кружки, парамилитаристские движения. В истории каждого государства можно найти примеры возникновения нестабильных ситуаций, связанных с действиями подобных структур. Опыт революций 1905 г. и 1917 г. в России показал, что при наличии сплоченной организации, которая может повести людей вперед, дав им ориентиры, может произойти не только экономический спад, но и смена всей системы государственности. Большевики не были основной силой этих преобразований, однако на фоне раздражения от действий местных властей, выступающих с диаметрально разными политическими программами, они смогли объединить недовольные разрозненные народные движения в своих интересах. Радикальные парамилитаристские структуры в смутные времена (например, Национал-социалистическая немецкая рабочая партия и Всесоюзная Коммунистическая Партия) являются явной угрозой для экономики целых регионов. Эмигрант Месснер в своей книге «Хочешь мира – победи мятежевойну» описывает партизанскую войну, сопротивление на грани мира и войны. «Мятежевойна», которая описывается также и термином «сетевая война» имеет и свои особенности. «Сетевая война» – это сопротивление, которое не управляется из центра. Всемирно известные столкновения антиглобалистов с полицией в Сиэттле 1999 года, породили в сознании общества новое явление, которое в настоящее время больше ассоциируется с «Цветными революциями», такими как «Оранжевая революция» в Украине в 2004 году. Но «мятежевойна» не всегда может быть «ненасильственной».

Украина и Россия имеют примеры разрастания парамилитарных структур в своем обществе во время кризиса начала девяностых. В Украине неустроенные жители, которые не могли себе позволить по морально-этическим принципам вступать в различные организованные преступные группировки (ОПГ) шли в украинскую национальную ассамблею (УНА-УНСО).

Сразу после создания отрядов УНСО их члены провели ряд громких акций, которые обратили на УНА-УНСО внимание широких слоёв общества. К ним относятся крупные столкновения с русскими националистами в Киеве, массовый выезд в Крым с целью запугивания сепаратистов и т. д. В 1992, во время Приднестровского конфликта, УНСО создала добровольческий отряд и отправила его в Приднестровье с целью борьбы против молдавских войск. В 1993 очередной добровольческий отряд УНСО отправляется в Абхазию с целью борьбы на стороне Грузии. 8 добровольцев УНСО получили паспорта почётного гражданина Грузии. Указом президента Грузии 14 добровольцев УНСО награждены орденом Вахтанга Горгасала – награда за воинскую доблесть, 7 из них – посмертно. В России этот всплеск проявлялся в создании российского национального единства (РНЕ) и национал-большевистской партии (НБП). В Грузии – Мхедриони. Масштабная деятельность парамилитаристских группировок в регионах их формирования является угрозой для более благополучных и стабильных регионов. Сложившаяся ситуация в результате последнего силового переворота в Украине, приход к власти ультраправых националистов и их острое неприятие всего славянского, привело к тому, что русскоговорящее население Донецкой и Луганской областей Украины в 2014 году взялось за оружие и вступило в открытое вооруженное противостояние с военизированными формированиями новой власти Киева, ввергнув в хаос весь юго-восточный регион Украины.

Тенденция создания парамилитаристских движений характерна для всех регионов международного сообщества. В странах Латинской Америки одним из ярких примеров является развитие парамилитаристского движения в Колумбии.

В современных условиях действующих европейских и американских экономических и политических санкций в отношении России изменились приоритеты развития экономики России, которые проявились в сдвиге экономического стратегического курса в сторону

стран Латинской Америки и Китая. С этим связана необходимость детального изучения партнеров, тенденций их экономического и политического развития, которые можно оценить посредством систематизации хронологии развития парамилитаристского движения в Республике Колумбия.

В октябре 1959 года Соединенные Штаты направили «Специальную исследовательскую команду», состоящую из экспертов по борьбе с повстанцами, чтобы расследовать ситуацию внутренней безопасности Колумбии, в связи с увеличением распространения вооруженных коммунистических групп самообороны в сельской Колумбии, которые сформировались во время и после La Violencia [1]. Три года спустя, в феврале 1962 года, специальное военное подразделение Форт-Брэгг США во главе с генералом Уильямом П. Ярборо, посетила Колумбию для второго исследования [2].

В секретном приложении к докладу Объединенному комитету начальников штабов, Ярборо призвал к созданию и развертыванию военизированных формирований с целью совершения диверсий и террористических актов против коммунистов, для давления на реформы, которые, как известно, необходимы для выполнения контрагентских и контр-пропагандистских функций и, при необходимости, для выполнения военизированных действий, акций саботажа и / или терроризма против известных коммунистических сторонников [3; 4; 5].

Новая политика борьбы с повстанцами была учреждена в 1962 году, получив название «план Лазо». Лишь в самом начале 1980-х годов, колумбийское правительство попыталось отойти от стратегии «плана Лазо» и рекомендаций Ярборо 1962 года.

Первой прямой правовой базой для обучения гражданских лиц военными или полицейскими силами в целях внутренней безопасности был официально учрежденный колумбийским президентом Указ 3398 от 1965 года. Указ определил национальную защиту, как требующую «организации и участия всех жителей страны

и ее природных ресурсов ... чтобы гарантировать национальную независимость и институциональную стабильность» [5]. Этот указ временно разрешил формирование частных сил безопасности, использующихся для защиты крупных землевладельцев, скотоводов, и правительственных чиновников [5; 8; 9].

Указ 3398 был позже сменен Законом 48 от 1968 года. Часть постоянного законодательства, которая дала колумбийской исполнительной власти право создания гражданских патрулей и позволило Министерству обороны снабжать эти структуры оружием военного класса [5]. Организация Human Rights Watch отмечала, что «хотя несколько гражданских патрулей и были когда-то официально созданы президентом, военные использовали Закон 48 в качестве правового основания для поддержки всех военизированных формирований» [5]. Это влекло за собой значительное увеличение расходов бюджета.

В конце 1970-х, незаконная торговля кокаином набрала немислимые обороты и стала основным источником прибыли криминальных кругов. К 1982 году кокаин превзошел кофе по экспорту, что составляло 30% от всего колумбийского экспорта. Многие члены нового класса богатых наркобаронов начали покупать огромное количество земли, для того, чтобы отмывать деньги, полученные от продажи наркотиков, и, чтобы получить социальный статус среди традиционной колумбийской элиты. К концу 1980, наркоторговцы стали крупнейшими землевладельцами в Колумбии и приобрели огромную политическую власть. Они использовали большую часть своей земли для выпаса скота или же оставляли ее простаивать, как демонстрацию своего богатства. Они также подняли частные армии для борьбы с партизанами, которые пытались либо перераспределить свои земли среди местных крестьян, похищая их, или налагали на них несоразмерную мзду, которая обычно взималась с помещичьей элиты [12; 13; 14].

В конце 1981 и начале 1982 года, члены Меделлинского Картеля, колумбийские военные, американская компания корпорации

Texas Petroleum, колумбийский законодательный орган, мелкие промышленники и преуспевающие фермеры-скотоводы собрались в серии встреч в Пуэрто-Бояка и сформировали военизированную организацию, известную как Muerte a Secuestradores ("Смерть похитителям", MAS), чтобы защитить свои экономические интересы, бороться с партизанами, и, чтобы обеспечить защиту для местных элит от похищений и вымогательства [5; 15; 16]. К 1983 году Министерство внутренних дел зарегистрировало 240 политических убийств, совершенных эскадронами смерти MAS, в основном руководителей общин, выборных должностных лиц и фермеров [17].

В следующем году, Asociación Campesina de Ganaderos y Agricultores del Magdalena Medio («Ассоциация фермеров средней Магдалены», ACDEGAM) была создана, чтобы обрабатывать как логистические, так и общественные связи организации, и обеспечить правовой фронт для различных военизированных групп. ACDEGAM работала для продвижения анти-трудовой политики, и угрожала всем, кто был занят в организации труда и крестьянских прав. Угрозы были подкреплены MAS, которая могла убить любого, кто подозревался в "подрывной деятельности" [5; 18]. ACDEGAM также строила школы, чьими заявленными целями были создание патриотической и анти – коммунистической образовательной среды, строили дороги, мосты и поликлиники. Военизированный рекрутинг, хранение оружия, средства связи, пропаганда и медицинские услуги – все это было в сфере ответственности ACDEGAM [18; 19].

В период с 1988 по 1990 год, колумбийская пресса зарегистрировала почти 200 политических убийств и 400 политических убийства в регионе. По официальным данным государственные источники предполагают в общей сложности 1200 актов политических убийств в течение данного периода.

В 1994 году разрозненные парамилитаристские движения объединились и вместе заняли большие площади на севере Колумбии, которые были главным транснациональным пунктом отгрузки для нелегальных наркотиков.

Правительственная статистика 90-х показала, что парамилитарии были ответственными за большее количество смертей гражданских лиц, чем партизаны. Колумбийское правительство приняло ряд указов, направленных на снижение военизированного насилия парамилитаристских группировок.

В 1994 году Министерство обороны Колумбии санкционировало создание правовых военизированных формирований, называемых *Servicios Especiales de Vigilancia y seguridad Privada* (Организации частных охранных услуг), также известных как *CONVIVIR groups*. Группы *CONVIVIR* были предназначены для сохранения контроля в зонах высокого риска. Многие нелегальные военизированные группы перешли в легальные группы *CONVIVIR*. Эти группы *CONVIVIR* работали как вместе с колумбийскими военными, так и с парамилитариями в борьбе с операциями повстанцев [20].

Губернатор Антиокии, Альваро Урибе Велес – который позже стал президентом Колумбии – был одним из основных сторонников программы *CONVIVIR*. Статистические данные относительно точного числа этих групп рознятся. Приблизительные оценки показывают, что в конце 1990-х годов было создано от 400 до 500 таких групп, с численностью членов в диапазоне от 10000 до 120000. В ноябре 1997 года в связи с озабоченностью по поводу нарушений прав человека, совершенных *CONVIVIR* и по поводу отношений между парамилитариями и *CONVIVIR*. Конституционный суд Колумбии заявил, что выдача военной техники гражданским лицам и группам *CONVIVIR* является незаконной.

В апреле 1997 года было объявлено о создании *Autodefensas Unidas de Colombia, AUC* (Силы самообороны Колумбии), формально подтверждая то, что было названо аналитиками как "второе поколение" военизированных формирований, объединивших 90% всех существующих парамилитаристских сил в то время. Однако, на протяжении последующих 15 лет ситуация не изменилась. Правительству пришлось приложить максимум усилий для демилитаризации парамилитаристских объединений.

В июле 2005 года Конгрессом Колумбии был утвержден закон "Справедливости и мира", который составил основную правовую базу применимую к тем военизированным формированиям, которые совершили тяжкие преступления. Законодательство предоставило военным АУС ряд уступок, таких, как позволение военизированным формированиям сохранить прибыли от преступной деятельности во время их пребывания в АУС, и, не вынуждая их, демонтировать свои силовые структуры.

Процесс демобилизации подвергся жесткой критике со стороны национальных и международных правозащитных организаций, а также международных организаций.

В 2006 году Конституционный суд Колумбии внес изменения в оригинальные статьи закона «Справедливости и мира». Пересмотренный закон требовал полных признаний, конфискации незаконно приобретенных активов, обеспечивал, что сокращение наказания могут быть отозваны за ложь и отменял срок давности. Суд также вынес решение против варианта закона, где военизированные формирования могли отбывать наказания за пределами тюрьмы или где можно было вычесть из срока наказания время, проведенное в ходе переговоров.

Серьезные недостатки на этапе демобилизации, такие как неумение колумбийского правительства проводить допросы и проверять личности тех, кто участвует в процессе, позволило многим боевикам оставаться активными, сформировать новые группы и продолжать участвовать в нарушениях прав человека.

В 2006 году по сообщениям СМИ предполагалось, что более 30000 военизированных формирований были демобилизованы. Тем не менее, парамилитарии в якобы демобилизованных районах продолжают функционировать, часто под новыми именами. Существует также убедительные доказательства продолжающихся связей между парамилитариями и силами безопасности. Были также опасения, что политика правительства, направленная на

реинтеграцию членов незаконных вооруженных формирований в мирную жизнь рисковала снова вовлечь их в конфликт.

В докладе 2010 года Организация Объединенных Наций заявила, что подавляющее большинство военизированных формирований, ответственных за нарушения прав человека были демобилизованы без расследования, и многие из них эффективно использовали амнистии. Сегодня провал расследований очевиден исходя из крутого подъема уровня убийств незаконными вооруженными формированиями, состоящих в основном из бывших парамилитариев.

Новые военизированные группы и связанные с ними группировки наркобизнеса, которые продолжали работать после процесса демобилизации АУС, назывались колумбийским правительством *Bandas criminales* или преступными группировками. По данным колумбийской национальной полиции, эти группы имели 3749 членов к июлю 2010 года. Институт Исследований Развития и Мира оценил количество парамилитариев как 6000 вооруженных комбатантов. Другие источники оценивали их количество, как достигающее 10 000 человек.

Группы приемники часто состояли из среднего звена командиров парамилитариев и криминальных структур, которые либо не демобилизовались в первую очередь или были повторно активированы после демобилизации. Многие демобилизованные парамилитарии получили предложения о найме, другие были заставлены вступить в новые организации.

Основные возникшие уголовные и парамилитаристские организации, были известны под такими названиями, как *the Black Eagles*, *the Rastrojos*, *Urabeños*, *Paisas*, *Machos*, *Renacer*, *Nueva Generación* и *Colombian Revolutionary Popular Antiterrorist Army (ERPAC)* Колумбийская Революционная Антитеррористическая Армия.

Эти группы по-прежнему вовлечены в торговлю наркотиками, совершают широкомасштабные нарушения прав человека и подрывают демократическую легитимность другими способами, как в сговоре с партизанами *FARC*, так и в оппозиции с ними. Их цели

включали правозащитников, профсоюзных деятелей и жертв бывшего АУС. Члены правительственных сил безопасности были также обвинены в способствовании их росту.

В декабре 2010 года парамилитаристский командир ERPAC Педро Герреро, также известный как Cuchillo или "нож", был ликвидирован в ходе полицейского рейда.

С 2006 года Управление Верховного советника по вопросам реинтеграции (ACR) встало во главе политики реинтеграции демобилизованных членов АУС. ACR помогало бывшим военным с образованием, профессиональной подготовкой, грантами для малого бизнеса, психологической поддержкой, здравоохранением и ежемесячной стипендией в зависимости от меры их участия в деятельности по реинтеграции. Из 31'671 демобилизованных членов АУС, 20'267 активно участвовали в программе реинтеграции к концу 2009 года. Остальные были либо вовлечены в процесс правосудия и мира, либо заключены в тюрьму из-за нарушений после их демобилизации, либо мертвы, или же оставили программу по неизвестным причинам.

Проведенное исследование парамилитаристских движений в Колумбии позволило выявить взаимосвязь сложившейся в этой сфере ситуации с экономическим развитием страны в целом. Криминальные военизированные группировки до сих пор контролируют отдельные регионы Колумбии, что является ограничением возможностей интеграции Колумбии в международную торговлю с Россией. Однако положительный опыт демилитаризации крупных промышленных центров позволяет надеяться на перспективность сотрудничества не только в сфере экспортно-импортных отношений, но и в создании совместных предприятий, прямого инвестирования, кадровой логистики и в сфере трансфера технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Rempe, 1995
2. Livingstone, 2004: p. 155

3. Visit to Colombia, South America, by a Team from Special Warfare Center, Fort Bragg, North Carolina, Headquarters, U.S. Army Special Warfare School, 26 Feb. 1962, Kennedy Library, Box 319, National Security Files, Special Group; Fort Bragg Team; Visit to Colombia; 3/62, "Secret Supplement, Colombian Survey Report."
4. **Noam Chomsky** (2000). *Rogue states: the rule of force in world affairs*. South End Press. p. 69. ISBN 978-0-89608-611-1.
5. HRW, 1996: "II. History of the Military-Paramilitary Partnership"
6. Stokes, 2005: pp. 71, 72
7. Stokes, 2005: p. 74
8. Brittain, 2010: pp. 116–119
9. Richani, 2002: pp. 104–105
10. Colombia: The Paramilitaries in Medellín: Demobilization or Legalization?, Amnesty International, August 31, 2005, pp. 3–4
11. **Schulte-Bockholt, Alfredo** (2006). *The Politics of Organized Crime and the Organized Crime of Politics: a study in criminal power*. Lexington. p. 95.
12. **Marc Chernick** (March/April 1998). "The paramilitarization of the war in Colombia". *NACLA Report on the Americas* 31 (5): 28.
13. Brittain, 2010: pp. 129–131
14. Forrest Hylton (2006). *Evil Hour in Colombia*. Verso. pp. 68–69. ISBN 978-1-84467-551-7.
15. Richani, 2002: p.38
16. Hristov, 2009: pp. 65–68
17. **Santina, Peter**, *Army of terror*. Harvard International Review. Winter 1998/1999, Vol. 21, Issue 1
18. **Geoff Simons** (2004). *Colombia: A Brutal History*. Saqi Books. p. 56. ISBN 978-0-86356-758-2.
19. **Pearce, Jenny** (May 1, 1990). 1st. ed. *Colombia: Inside the Labyrinth*. London: Latin America Bureau. p. 247. ISBN 0-906156-44-0
20. Democracy Now!, *Who Is Israel's Yair Klein and What Was He Doing in Colombia and Sierra Leone?*, June 1, 2000.

МОЛОДЕЖЬ И СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В АРАБСКОМ МИРЕ

Арабская весна пришла неожиданно. Общее мнение большинства экономистов и политологов было таково, что правительства арабских стран действовали в правильном направлении, сосредоточив первостепенное внимание на экономических, а затем уже политических реформах. На рубеже веков они проводили ограниченные рыночные реформы (в авангарде которых шли Египет и Тунис), и их экономика росла относительно быстрыми темпами. Некоторые даже заговорили об «арабском возрождении».

Однако такой подход не учитывал то, что действительно было важно для большинства людей: достойную работу, равноправный доступ к образованию и здравоохранению, поддержку в старости, подотчетное правительство и право голоса в вопросах государственного управления. Она обходила молчанием два десятилетия искаженной экономической политики, растущий дефицит социальной защиты и отсутствие социального диалога между правительством, работниками, работодателями и другими сегментами общества. Вместо этого внимание было сосредоточено на узком наборе экономических показателей, таких как темпы приватизации, открытость торговли, сокращение государственного долга и инфляции, привлечение прямых иностранных инвестиций. Следует отметить, что молодежь фактически не была включена в систему этих экономических преобразований, и поэтому она требовала более глубоких политических и социально-экономических преобразований.

Арабские революции, охватившие с конца 2010 г. большинство мусульманских стран на Севере Африки и Ближнем Востоке, во всем мире получили наименование «Арабская весна». Весна, как известно, является для многих символом обновления и надежд, которые вдохновили вступление народов арабского мира на путь глубоких перемен. Арабские революции стали, как известно, выражением демографической и культурной трансформации, осуществленной в арабском мире. И эта трансформация в арабских обществах особенно сильно сказалась на молодежи. Молодежь арабского мира, в частности, подошла к принятию либеральной и западной модели образа жизни и стала, в силу этого, «социобиологическим» автором осуществленных трансформаций. Как пишет Time Magazine: «Всеми восстаниями руководили молодые мужчины и женщины... И все они (и мужчины, и женщины) выражали одни и те же требования: право выбирать и заменять своих руководителей, покончить с эндемической коррупцией, обеспечить занятость и улучшить условия жизни. «Где бы вы не оказались, в Тунисе, Каире или Манаме (Бахрейн), – утверждает Ала'а Шебаби, молодой 30-летний бахрейнский активист, читающий курс экономики в университете, – молодые арабы находятся на одной и той же длине волны»

Изменения, произошедшие в арабском мире весной 2011 года, основной движущей силой которых было именно молодое поколение, вызвали определенный оптимизм в регионе, однако сейчас многие задаются вопросом о том, в каком направлении идут преобразования.

Преобразования, происходящие в странах Ближнего Востока, представляют собой историческую возможность для арабских стран с переходной экономикой пересмотреть не только политическую, но и экономическую систему. В некоторых из этих стран произошла смена режима (Египет, Йемен Ливия, Тунис), в других же политические реформы предпринимаются изнутри (Иордания, Марокко). Для арабских стран с переходной экономикой предвидится лишь умеренный экономический подъем, который будет недостаточным для создания

рабочих мест, необходимых для того, чтобы существенно повлиять на высокую безработицу в регионе. Все эти страны могут извлечь выгоды из широких реформ для создания более динамичной и охватывающей все слои населения экономики, обеспечивающей экономические возможности всем сегментам общества [1].

Всеобъемлющие экономические реформы необходимы, чтобы изменить экономическую модель этих стран от модели «взимания ренты» (когда фирмы стремятся к процветанию за счет особых государственных привилегий или монополистических прав) на модель, главным ориентиром в которой является создание экономической стоимости и рабочих мест.

Национальные разработчики политики, несомненно, ответственны за определение программ реформ, но международное сообщество может помочь, предоставив финансирование и рекомендации по вопросам политики и обеспечив лучший доступ к рынкам для экспортных товаров региона. Международное сообщество уже оказало существенную финансовую помощь ряду стран региона. Помимо значительных средств, переданных двусторонними донорами, особенно государствами-членами Совета по сотрудничеству стран Персидского залива, международными финансовыми организациями с начала переходного этапа было выделено 18,5 млрд. долл. США, не считая обязательств МВФ предоставить свыше 8 млрд. долл. США для поддержки собственных экономических программ Иордании, Марокко и Йемена. МВФ также участвует в обсуждениях финансовой поддержки для Египта и Туниса. Очевидно, что требуются более крупные объемы финансирования, а кроме финансирования важную роль также сыграют улучшение доступа к торговле и технические рекомендации по вопросам политики. Экономические задачи арабских стран с переходной экономикой выходят далеко за рамки компетенции МВФ. Организации развития, такие как Всемирный банк и другие международные и региональные финансовые организации, и

двусторонние партнеры также вносят свой вклад и должны будут продолжать делать это в предстоящий период [1].

Кроме экономических преобразований важным следствием «арабской весны» стали определенные социальные трансформации. Социальный протест молодежи сопровождается освобождением ее от инерции прежних социальных и семейных отношений, которая особенно сильна в арабском мире. Судя по характеру социальных сдвигов в большинстве стран арабского мира, молодежь проявляет готовность приобщиться к ценностям либеральных демократий, утвердившихся в продвинутых капиталистических обществах.

Большинство молодых людей, которые продвигали дело арабских революций, по мнению некоторых обозревателей, не созрело до признания полностью либеральных демократических идеалов. Они, скорее, напоминают людей, которых мотивирует потребность вести достойную и приемлемую жизнь, но это в контексте поколенного обновления, отличающего их от старших поколений, которые вовсе не собираются уступать, кому бы то ни было, свое место в обществе.

При всей привлекательности попыток объяснения политических феноменов арабского мира на основе демографических переменных, такой подход неприемлем в случае арабской весны. Ибо в рамках демографического подхода дает о себе знать опасность недоучета влияния комплексности социальных, культурных и политических измерений в арабских революциях.

Однако не меньшую опасность для научного анализа несет с собой пренебрежение демографическими измерениями. Начнем с того, что в своей совокупности арабский мир молод. Молодежь в возрасте до 20 лет в арабском мире составляет половину населения. Лица от 15 до 24 лет составляют четверть населения. Средний возраст в арабском мире составляет 25 лет, тогда как в европейских странах – 38 лет [3]. По отдельным странам этот показатель выглядит следующим образом: средний возраст в Тунисе составляет 29 лет, а в

Египте – 24. Для сравнения: во Франции этот показатель составляет 40 лет, в Германии – 44 года [4]. Только 6% населения арабского мира имеют возраст свыше 60 лет. При этом в арабских странах обозначилась тенденция падения рождаемости. По сравнению с показателями 1960-х гг. она сократилась наполовину, перейдя с 5–7 детей в среднем на семью, до 2–3. В Тунисе этот показатель составляет 1,71, что меньше, чем у французов (1,91) и не обеспечивает обновления поколений.

В настоящее время козырем экономического развития является наличие многочисленного и динамичного молодого поколения в составе населения, а также невысокое влияние «отношения зависимости» и отставания в политическом плане. Однако, в большинстве арабских стран численность молодежи превышает способности государственной власти вовлечь ее в активную экономическую деятельность. Не хватает мест занятости, что ведет к безработице и социальным напряжениям [5].

Тематика демографического взрыва как фактора арабских революций значительно уменьшает влияние социальных и экономических объяснений. Уменьшается и оценка влияния уровня безработицы. На переднем плане оказывается идея опасной молодежи: не имея возможности получить работу, молодежь становится добычей экстремистских идеологий и даже бунтов.

В плане образования неравенство особенно велико. В зоне Северной Африки и Ближнего Востока треть молодых людей безграмотна. При этом население Ливии, например, более грамотно, чем население Туниса, а показатели по образованности населения Алжира выше, чем в Египте и Марокко [7]. Велики различия по этому показателю между мужчинами и женщинами, а также между городскими и сельскими жителями. Революционная решимость арабской молодежи в определенной мере напугала стареющие европейские общества, хотя не изменила сути подъема движения протеста, связанного с принятием ценностей, которые являются

одновременно причиной и следствием трансформации демографического поведения. Можно утверждать, что пробуждение сознания и принятие ценностей модерна позволило привести многих представителей молодежи к арабской весне [2]. На этом фоне особенно сильным раздражителем для молодежи стал тот факт, что некоторые успехи арабских стран в экономическом развитии не давали удовлетворения многим молодым людям с точки зрения их материального благополучия. Выявились противоречия. С одной стороны, в обществе нарастали настроения необходимости дальнейшего движения в направлении продвинутого «капиталистического Эльдорадо», а с другой – этому противодействовала сложившаяся политика антиимпериалистической борьбы против Израиля за возвращение арабского «золотого века», сохранения своей этнической идентичности на основе ограниченных экономических возможностей для решения многих жизненных проблем.

Новые настроения в обществах стран арабского мира во многом были связаны с теми надеждами, которые возлагались на дальнейшее развитие системы образования как носителя идеалов свободомыслия и особенно равенства прав и уважения человеческого достоинства. Нужно сказать, что увеличение продолжительности обучения воспринималось большинством арабов как гарантия получения занятости в публичной службе.

Обучение уменьшало к тому же социальную дистанцию и вносило свой вклад в создание предпосылок к преодолению социального неравенства, в том числе и между классами.

Факты показывают, что наличие образования не является гарантией от безработицы, хотя и может открывать перспективы для жизненного успеха. Вероятность успеха определяет настроения не только молодых людей, но и их родителей. Одна из матерей в Тунисе заявила: «Я никогда не соглашусь с тем, чтобы мой дипломированный сын стал бы торговцем бараньего гороха, мы не для того жертвовали всем, чтобы оплачивать его учебу». И в целом

ряде арабских стран, где система высшего образования получила существенное развитие в последние десятилетия, вовсе не вопросы обучения в университете обретали политическое измерение. Куда большее влияние на политические настроения молодых людей и многих представителей старших поколений оказывала невозможность реализовать то, что высшее образование обещает в отношении социального статуса. Таким образом, более высокий уровень образования порождает вторичные эффекты в демографическом поведении. Уменьшение государственных ресурсов и неспособность университетского образования отвечать на новые потребности капитала порождали глубокое недовольство среди арабской молодежи, подталкивая ее на путь восстания [2].

В рамках политического подъема на волне революций арабская молодежь вела глубоко либеральную культурную борьбу, в основе которой лежали требования свободы «быть» и «иметь». Однако поле действия для такой свободы, конечно же, было ограниченным. И это связано с теми ограничениями, которые накладывают на поведение молодых людей, с одной стороны, семейные традиции, а с другой – мусульманство. В идеологическом плане выбор для молодых людей является также ограниченным.

Для любого молодого человека нет ничего хуже, чем зависимость (финансовая или в вопросах занятости). Это чувство в сочетании с формой кризиса подростков выходит за рамки бунта. Это чувство отражает социальные, культурные и экономические трансформации общества. При этом молодежь арабского мира вынуждена терпеть геронтократию, что блокирует ее способность к персональной и профессиональной эмансипации.

Тем не менее, протестующая арабская молодежь сильна численно. Однако она испытывает угрозу растущей пауперизации, к тому же не сильна она и в своих идеологических пристрастиях, а потому может становиться добычей авторитарных представлений старшего поколения. Таким образом, основными задачами для

формирования стабильного социально-экономического развития стран арабского востока становится структурная перестройка экономики, направленная на вовлечение молодого поколения в активную экономическую деятельность, формирование устойчивых «социальных лифтов», противодействие агрессивным фундаменталистским движениям, пытающимся вовлечь молодежь в орбиту своей деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Желтов В.В., Желтов М.В.** Арабская весна: демографические аспекты (Территория новых возможностей). // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2012. №4(17). С. 7 – 9 ISSN 2073-3984
2. Cf. Béchir Ayari M., Geisser V. Renaissance arabes. 7 questions clés sur des revolutions en marche. – P., 2011.
3. **Кив А.В.** Демократия как важная составляющая качества жизни // Мир перемен. 2012. № 4. С. 140–148.
4. **Todd E.** Allah n’y est pour rien! Sur les revolutions arabes et quelques autres. – P., 2011.
5. **Васильев А.М.** Рецепты арабской весны: русская версия / А.М. Васильев. – М., 2012. – С. 98 – 109.
6. **Fargues Ph.** Un siècle de transition démographique en Afrique méditerranéenne 1885 – 1985 // Population. – 1096. – № 2. – Vol. 41.
7. URL: <http://donnees.banquemondiale.org/indecateur/SE.ADT.LITR.ZS> / 8. Le Café pédagogique. 21 mars 2011.
8. Журнал Финансы и развитие Март 2013. [Электронный ресурс] <http://www.aljazeera.net/portal>

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ? ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация стала реальностью наших дней. Глобализацию характеризуют, прежде всего, как продукт научно-технической революции, развития информационных технологий и компьютерных сетей, телекоммуникационных и транспортных рынков, капиталов, культур.

Глобализация – результат экономического, технического и культурного развития цивилизации, которая посредством современных средств коммуникации сближает континенты, страны и народы. В основу настоящей модели глобализации заложены иерархия производства и активных субъектов социальных систем, доминирование наиболее развитых стран Запада.

В настоящее время сущность глобализации определяется многими специалистами как «вестернизация». Современный глобализм заставляет всех жить по-американски, трансформируя прежде всего этническую культуру народов планеты. Культурный империализм ориентирован на покорение национальных культур мира, превращение их в единую глобальную масскультуру. В большинстве исследований доминирует западная модель глобализации с развитым «Центром» и отсталой «Периферией», провозглашающая западные стандарты.

«Вестернизированность» глобализации иллюстрирует её периодизация, где первый этап глобализации начинается в XVI веке. Он связывается со становлением капитализма в Европе и колонизацией европейцами мира. Второй этап относится к XIX столетию. На этом этапе происходит индустриальная революция и формируется мировой рынок. Третий этап глобализации реализуется к

середине XX века в эпоху НТР и международных организаций.

Согласно «вестернизации», происходящий процесс объединения человечества в единое целое является в реальности покорением западным миром всего человечества. Однако, американский национальный разведывательный совет подготовил ряд докладов:

«Мировые тенденции-2010», «Мировые тенденции-2015», «Контурсы мирового будущего». Доклад по «Проекту-2020» и др. В последнем докладе предьявлены несколько предполагаемых сценариев развития мировых событий.

Один из сценариев показывает бурный рост, прежде всего Китая, Индии, что, несомненно, изменит вектор глобализации в сторону Востока. Изменится расклад сил. Прежние противостояния «Запад-Восток», «Север-Юг» преобразуют количественную и качественную определённость группировок стран.

Другой сценарий показывает Всемирное движение за создание «Нового халифата», опирающегося на радикальный ислам, который, отрицая западные нормы и ценности, станет основой новой мировой системы. В американском прогнозе на первое место поставлен «азиатский сценарий».

Китай, Индию, Японию, Южную Корею, Гонконг, Сингапур, Тайвань, Малайзию объединяет общее неприятие глобальной «вестернизации». В 1990-е годы появляется концепция «азиатских ценностей», в которых заявили о себе фундаментальные культурные различия в отношении к проблемам и правам человека (доминирование коллективного над индивидуальным, порядка и гармонии над личной свободой).

Глобализация предполагает новые социокультурные реалии. В центре глобальных процессов оказывается человек, со своим материальным, физическим, нравственным состоянием. Определяющим фактором общественного развития становится человеческий потенциал, социальный капитал и научные знания.

Каждая культура содержит в себе части других культур,

которые пересекаются и расширяют свои границы. Каждая культура имеет свои глубинные структуры, свои системы ценностей. В процессе глобализации эти ценности трансформируются, увеличиваются в объёме, изменяют свою значимость.

В оценке перспектив глобализации проявились два оппонирующих друг другу подхода: позитивный и негативный. К положительным результатам глобализации относят: либерально-демократические ценности, рыночную экономику, гражданское общество.

Развитые страны переносят в развивающиеся страны новые технологии, научные, культурные центры, создают условия для развития национальных производственных кадров.

Отрицательные последствия глобализации проявляются в концентрации капитала наиболее развитыми странами, «макдонализации мира», наркобизнесе, международной преступности, распространении разрушительных нормативно-ценностных стереотипов. Углубляется дифференциация мирового сообщества, усиливается маргинализация всё больших групп населения. Развитые страны становятся богаче, развивающиеся страны – беднее. В конечном счёте, в неразвитых странах ухудшается «качество жизни».

Глобализм обеспечивает формирование мировоззрения, основанного не на нивелировании национальных социокультурных особенностей, а на их учёте в реализации мировой стратегии развития. Глобализм – выявление, формирование и воплощение нового социокультурного типа развития. В его рамках предполагается интеграция западных и восточных культурных ценностей, северных и южных стереотипов.

Западная активность и динамичность в сочетании с восточной гармоничностью определяют путь к новому типу развития новой культурной парадигмы XXI века.

Отличительным признаком глобальной системы является то,

что в качестве её элементов выступают новые субъекты мировой социокультурной деятельности: неправительственные организации, регионы, индивиды, что усиливает роль «транскультурных отношений».

В общем плане под глобальной культурой мы понимаем срез глобальной жизнедеятельности социумов, взятый в единстве её носителей – этносов, суперэтносов и способов деятельности по производству материальных и духовных ценностей в социокультурном поле глобальной организации человечества. С одной стороны, культура здесь рассматривается как одно из представлений полного качества глобальной системы, под которой понимается социальная организация человеческого сообщества. С другой стороны, культура выступает как процесс, формирующийся и развивающийся исключительно под действием субъективных факторов: идей, представлений, образов, ментальности.

Различное видение современными мыслителями хода глобального социокультурного процесса при всей специфичности исследовательских позиций позволяет сделать теоретическое обобщение о том, что процессы социальных изменений перерастают национальные границы отдельных государств. Речь идёт о транссистемном характере рождения нового социокультурного качества, а фактически о тенденциях формирования новой культурной модели глобального сообщества, которое перерастает не только границы локальности территорий, но и границы социальности в понимании глобального культурного феномена.

Следовательно, на современном этапе исторического развития происходит трансформация человеческих сообществ, национальных культур. До тех пор, пока производные изменения циркулируют в пределах локальных культур, они имеют форму системной национальной социальной трансформации, но при переходе к процессам кросскультурного масштаба трансформация становится универсальным феноменом в управлении глобальных изменений.

Доминирующими факторами в развитии цивилизаций являются социокультурные причины. Новое понимание значения и места культуры в жизнедеятельности современного общества связано утверждением принципов «культурного центризма». Сегодня начинает укрепляться понимание тенденции развития культурных перемен в формировании глобального общества.

Культура, воздействуя на мысли людей, тип поведения, вид социальных отношений в глобальном обществе, является главным источником организационных изменений общественной жизни.

Культура, таким образом, является в современном глобальном обществе универсальной основой развития социумов. Она определяет собой преобразования в политике, экономике, социальной сфере, которые основываются на новых подходах к развитию «человеческих отношений», на новых ценностях и эталонах культуры современного мира. Такой подход к культуре определяет её понимание как системы социальных концепций, обуславливающих стратегии социального взаимодействия.

Именно культура формирует и упорядочивает картину мира, создаёт единые способы оценки поведения участников глобального взаимодействия. Существовая как планетарное явление, как общечеловеческая культура, культура проявляется в конкретных, национальных, социокультурных формах. Культура – это система, включающая горизонтальные и вертикальные координаты. Горизонтальные уровни культуры (культура различных этносов, социальных общностей, групп). Вертикальные уровни представляют исторические слои культуры.

Общество, по Веберу, существует благодаря тому, что оно объединено вокруг своих ценностей, вокруг культуры. Глобализация связана с такими понятиями как «интенциональность общественного сознания», «ценностное сознание», «культура» и «цивилизация».

Глобализация представляет собой мир социальных и политических ценностей, связанных с организацией и координацией

усилий всего человечества по выходу на новый уровень цивилизованного развития.

В современной науке наиболее часто критикуемый аспект воздействия глобализации на культуру предстаёт в проявлении различной культурной специфики и дополняется транскультурным аспектом воздействия глобализации на культурную динамику. Он основан на усилении принципов «разнообразия» и «различия».

Сторонники культурно-исторического подхода в одном ряду с понятием «глобализация» упоминают понятия «культура», «цивилизация».

Социокультурное измерение глобализации складывается в 70-е годы XX века в рамках западной экзистенциально-культурологической школы. Здесь генезис глобальных проблем рассматривается обусловленными социокультурными противоречиями мирового социума.

Теоретический образ глобальной культуры должен учитывать не только интеграционные процессы, не только то обстоятельство, что глобализация значительно расширяет ареал культурного общения, обмена идеями и научными, технологическими свершениями, открывает новые перспективы для творчества, но и отрицательный момент – подвод многообразия жизни народов под однообразные стандарты. Это ведёт к утрате блоков региональных культур.

Глобальная культура возможна только в форме взаимопереплетения, взаимовлияния разных культур, где вытеснение одной культуры другой недопустима.

Идея культурного скрещивания (ксеногамии) обозначает культурный процесс, в котором скрещиваются культурные смыслы и типы, происходящие из разных источников.

Модель культурной стандартизации потерпела неудачу. Она превратила диалог культур в столкновение культур.

Главную угрозу культурной идентичности многие усматривают в расширении сферы влияния интернета и наднациональных средств

массовой коммуникации, в деятельности международных фондов ТНК. Все эти структуры представляют собой инструменты воздействия глобализации на культуру и культуры на глобализацию. Открытость этих институтов глобальной культуры способствует проникновению высокой культуры в массовую, глобальной – в национальную.

В последнее время появился социальный термин «глокализация», который появился путем совмещения слов «глобализация» и «локализация». Этот термин отражает сложный процесс переплетения местных, локальных, национальных культур народов и глобальных тенденций в развитии мирового сообщества.

Локальные сообщества вносят значительный вклад в глобальную культуру. Глобальная культура не монолитна. Она подобна плазме, в которой возникает, существует, взаимодействует множество культурных образований.

Культура – основной выразитель образа жизни. В эпоху глобализации в ней прослеживаются противоречивые тенденции. С одной стороны, происходит обособление и дифференциация локальных, национальных культур, усиление их исторических черт. С другой стороны, происходит влияние глобального индустриального общества формирующего обезличенную массовую культуру.

Обществу необходим такой инвариант, в котором бы присутствовали взаимодополняющие компоненты: локальное и глобальное. Эту функцию реализует субъективная общечеловеческая основа культуры, которую можно обозначить как геокультуру.

В глобальной социальной системе культура выступает в роли императива, формирующего формы и способы социальной жизнедеятельности. Культура образует таким образом «социальную программу», воспроизведение которой в процессе жизнедеятельности определяет функционирование социума. В социальной системе культура выполняет организующую функцию, обеспечивая её устойчивость и развитие.

Конкретно-исторический тип культуры проявляется как упорядоченная смысловая структура, включающая в себя знания, нормы, национальные ценности. Воспроизведение индивидуальным сознанием нормативной стороны жизни общества означает выявление личностного смысла в социальных значениях нормативно-ценностных систем.

На основе диалога с социальным образцом реальности складываются такие элементы структуры индивидуального сознания, как сознание самого себя, своей причастности к определённой социальной (национальной) общности.

Единая глобальная культура представляет собой единство поликультурного и транскультурного процессов. Поликультурная (многокультурье) означает совокупность различных монокультур. В последних наблюдается непреодолимая зависимость культуры от этноса, территории, климата. В национальной культуре, её ядре присутствуют традиционные ценности и артефакты, исторически характерные для определённого этноса. Здесь массовая и элитарная культуры обладают своей спецификой, колоритом. Гендерный аспект также имеет ярко выраженное проявление. Национальная культура основана на народной ментальности, обычаях, фольклоре, историческом опыте. Существование национальной культуры в условиях глобализации вынуждает её субъектов к принятию социокультурных решений.

С одной стороны в «культурных закромах» остаются «рабочие» национальные ценности, с другой стороны, происходит избавление от «культурного баласта», очищение «социокультурного поля» от устаревших образцов. Таким образом, глобализация выступает в роли донора, обеспечивающего прилив свежей крови в национальный «культурный организм». Однако при всей положительности этой «социокультурной процедуры», зачастую наблюдают побочный отрицательный эффект, особенно в массовой культуре (пропаганда насилия, педофилии и т. д.).

Транскультура провозглашает свободу от собственной культуры, в которой родился и был воспитан человек. Она обретается при выходе из своей культуры и при встрече с другими культурами. Концепция транскультуры предполагает открытость разных национальных культур, их взаимную вовлечённость, рассеивание символических значений одной культуры в других культурах. Представляя культурное многообразие и универсальность, транскультура выражает состояние принадлежности личности многим культурам. Транскультурное развитие использует потенциал всех культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Владимиров А.А.** и др. Современная глобализация. М., 2009.
- 2. Карасев В.И., Васьков А.Т.** Феномен глобализации в социальном контексте современности. М., 2002.

ВАНДАЛИЗМ И ХУЛИГАНСТВО КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ

«Хулиган» и «хулиганство» – слова английского происхождения. Как считают многие исследователи, Hooligan – фамилия знаменитой семьи преступников с вызывающим поведением и постоянными драками, проживавшей в XVIII в. в Англии. Впоследствии хулиганами стали называть уличных насильников юго-восточного квартала Лондона, а во второй половине XIX в. – людей, чуждых цивилизованному обществу и принадлежащих к преступному миру.

В России слово «хулиганство» получило распространение в 90 годах XIX в. Его появление объясняют по-разному. Одни считают, что это слово впервые ввел в русскую литературу популярный корреспондент московских либеральных газет Дионео, употребив его в одной из своих статей; другие – что оно занесено к нам петербургским градоначальником фон Валем, издавшим в 1892 году приказ о принятии решительных мер против бесчинствовавших в столице насильников, которые и именовались хулиганами, третьи считают – слово «хулиганство» произошло от древнерусского слова «хулить» и французского «gens» – люди. Толковый словарь В. Даля дает следующее определение слову «хулить» – не одобрять, порицать, хаять, порочить, унижать, осуждать и т. д. Кличку хулиган давали крепостным крестьянам, которые были в чем-то повинны и их хотели опорочить, унижить.

А еще одна теория гласит, что слово «хулиган» произошло от наименования двух кланов американских индейцев хулиганов и апашей. Апаша всегда стремились завоевать хулиганов, но долгое

время им это не удавалось, после завоевания, апаши за упорное сопротивление приписали им самые отрицательные качества.

В русской дореволюционной литературе конца XIX – начала XX вв. понятие хулиганство трактовалось чрезвычайно широко. Хулиганством в то время называли самые разнообразные преступления и проступки: например, ношение запрещенного оружия, истязания домашних животных, неуважение к старшим, властям и духовенству, посягательство на женское целомудрие вплоть до изнасилования, нанесение в драках увечий и ран, убийства, умышленное истребление имущества. Случаи подобного «хулиганства» подробно описаны в литературе того времени.

«Недавно все газеты, – писал, например, А. Петрищев в № 1 журнала «Русское богатство» за 1913 г., – обошло сообщение о каком-то парне, который ни за что, ни про что зарезал человека. Сидел в пивной и стал «хвалиться», что ему ничего не стоит отправить ближнего на тот свет. Событыльники усомнились. Парень выскочил из пивной, подбежал к первому попавшему на глаза человеку, зарезал его, потом спокойно вернулся, сел и сказал

– А теперь еще пивка выпьем ...»

Некоторые русские дореволюционные криминалисты, исследовавшие понятие хулиганство, приходили к выводу, что определить его вообще невозможно. Они считали, что хулиганство представляет собой «не мир действий и фактов», другими словами – не объективное явление, вызванное к жизни определенными закономерностями общественного развития, а мир «внутренних психических переживаний», эмоций. Для них хулиганство – это не внешнее поведение человека, характеризующееся определенными объективными признаками и подлежащее оценке с точки зрения социальных норм, существующих в данном обществе, а озорство, естественное расходование избытка сил на дикие выходки, с полным равнодушием к тому, что из этого выйдет – добро или зло. Главную особенность хулиганства они усматривали в том, что оно всегда

бесцельно и безмотивно для лица, его совершившего. Такое толкование затрудняло правильное понимание сущности хулиганства, исключало необходимость проведения какой-либо серьезной борьбы с ним. Этим и объясняется, что в дореволюционном русском уголовном законодательстве не было специальной нормы, предусматривающей наказуемость хулиганства.

В законодательстве дореволюционной России определение хулиганству не давалось, впервые о нем упоминал декрет СНК от 4 мая 1918 г. «О революционных трибуналах». Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. стал первым кодексом, который выделил хулиганство в самостоятельный состав преступления. Ст. 176 УК РСФСР 1922 г. находилась в главе о преступлениях против жизни, здоровья, чести и достоинства личности и гласила: «Хулиганство, т. е. озорные, бесцельные, сопряженные с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом действия – карается принудительными работами или лишением свободы на срок до одного года» [1].

В то советское время хулиганами обычно называли преступников – дебоширов, нарушителей общественного порядка и спокойствия, людей, оказывающих явное неуважение к обществу. Иногда хулиганами называли лиц, совершивших уголовные преступления против жизни, здоровья, достоинства личности, имущественных прав граждан, а также людей, совершающих антиобщественные проступки, нарушающих нормы нравственности, правила социалистического общежития. Повеса назойливо пристает к женщине, грубиян бесцеремонно расталкивает прохожих, бездельник топчет цветы в парке или сквере, дебошир избивает старика или подростка, бьет окна или ломает заборы – все это многие называли хулиганством.

В уголовном кодексе 1926 года статья 76 давала уже несколько другое определение хулиганству и определяла его, как «озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия» и отнесено

оно было к преступлениям против управления. Впоследствии из УК было исключено указанное выше определение хулиганства. Президиум Верховного Совета СССР в Указе от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство» дал новое определение этому явлению, квалифицировав его как «умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу». Такое же определение хулиганства стала содержать статья 206 Уголовного Кодекса 1960 года после издания вышеуказанного Указа Президиума Верховного Совета СССР.

Хулиганами нередко считали людей, которые совершают тяжкие преступления. Так в то советское время можно было слышать разговор о том, как хулиганы кого-то избили, либо ограбили, или изнасиловали женщину. В газетах появлялись заметки, в которых авторы рассказывали, как пьяный хулиган в трамвае или автобусе ударил ножом пассажира или оскорбил прохожего, как группа хулиганов учинила скандал в клубе.

Все это свидетельствовало о том, что в советской повседневной жизни, в быту, а часто и в печати хулиганством называли самые разнообразные преступления либо антиобщественные, аморальные поступки. Однако такое понимание этого явления не совпадало с определением, данным ему в законе.

В соответствии со ст. 206 УК РСФСР хулиганством признавались умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие неуважение к обществу [2].

Так в 1966 году гражданин Ермолаев в нетрезвом состоянии хотел пройти в общежитие к своему знакомому. Однако комендант, видя, что Ермолаев пьян, отказался пропустить его и вывел на улицу, когда он стал выражаться нецензурными словами. На улице Ермолаев стал приставать к прохожим, сквернословить, ударил Федорова, а затем, подняв камень, бросил его в проходившего мимо Соколова, однако промахнулся и разбил стекло в магазине. Районный

Мурманский народный суд правильно квалифицировал действия Ермолаева как хулиганство по ч. 1 ст. 206 УК.

По смыслу советского законодательства не всякое нарушение общественного порядка, сопряженное с неуважением к обществу, являлось уголовно наказуемым хулиганством. Советский Закон признавал таким хулиганством только действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу. Мелкое же хулиганство, например, сквернословие, оскорбительное неуважение к гражданам, появление в нетрезвом состоянии в общественных местах, игра в карты или другие азартные игры в парках, скверах, подъездах и т. п., влекло за собой административную ответственность или применение мер общественного воздействия.

Не являлось наказуемым хулиганством такие нарушения общественного порядка, которые совершаются по неосторожности, например, в результате нарушения правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта или городского электротранспорта. Умышленные нарушения общественного порядка нельзя было считать хулиганством, совершенные в результате преступных посягательств на иные охраняемые законом права и интересы: на жизнь, здоровье человека и т. п. Потому советское уголовное законодательство не считало хулиганством такие, например, преступления, как причинение из мести тяжкого телесного повреждения, хищение государственного или общественного имущества. За эти действия ответственность наступала не по ст. 206, а по ст. ст. 108, 89 или 90, 91, 92, 93 УК, предусматривающим наказуемость умышленного тяжкого телесного повреждения и хищения государственного или общественного имущества, совершенного путем кражи, грабежа, разбоя, присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением, мошенничества [3].

Главный идеолог советской страны В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость самой решительной борьбы с ним. «...Диктатура – писал В. И. Ленин – предполагает действительно

твердую и беспощадную в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов, революционную власть...» В. И. Ленин предупреждал, что в эпоху революции все элементы разложения общества, неизбежно весьма многочисленные, не могут не «показать себя». «А «показать себя» элементы разложения не могут иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода. Чтобы сладить с этим, нужно время и нужна железная рука» [4].

Борьба с хулиганством и иными нарушениями законности и правопорядка и сейчас является важнейшей задачей суда.

В уголовном кодексе 1996 года законодатель, прежде всего, разместил статью о хулиганстве в главе 24 «Преступления против общественной безопасности» и существенно изменил дефиницию хулиганства. Статья гласит: «Хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества».

Если сравнивать составы хулиганства 1960 года и 1996 года, то видно, что из прежнего состава хулиганства в самостоятельный состав преступления с названием «Вандализм» выделились «осквернение зданий и иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах» (ст. 214 УК РФ). Кроме того, ряд действий квалифицировавшихся прежде по ст. 206 УК РСФСР, включены в соответствующие нормы раздела «Преступления против личности», как действия, совершенные из хулиганских побуждений (ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», ст. 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»)

В диспозиции статьи 213 указаны признаки хулиганства:

- грубое нарушение общественного порядка;
- проявление явного неуважения к обществу;

- применение оружия или предметов используемых в качестве оружия.

Это обязательные признаки данного преступления, без которых нет и не может быть хулиганства. Рассмотрим каждый из них по отдельности.

Общеправовое определение общественного порядка было предложено И.Н. Данишиным: «Общественный порядок – это порядок волевых общественных отношений, складывающихся в процессе сознательного и добровольного соблюдения гражданами установленных в нормах права и иных нормах неюридического характера правил поведения в области общения и тем самым обеспечивающих слаженную и устойчивую совместную жизнь людей в условиях развитого общества» [5].

М.И. Еропкин определял общественный порядок как «обусловленную интересами всего ... народа ..., регулирующую нормами права, морали, правилами ... общежития и обычаями систему волевых общественных отношений, складывающихся главным образом в общественных местах, а также общественных отношений, возникающих и развивающихся вне общественных мест, но по своему характеру обеспечивающих охрану жизни, здоровья, чести граждан, укрепление народного достоинства, общественное спокойствие, создание нормальных условий для деятельности предприятий, учреждений и организаций» [6].

А.В. Серегин характеризует общественный порядок как «урегулированную нормами права и иными социальными нормами систему общественных отношений, установление, развитие и охрана которых обеспечивают поддержание состояния общественного и личного спокойствия граждан, уважение их чести, человеческого достоинства и общественной нравственности» [7].

Одно из основных различий в даваемых понятиях общественного порядка у этих исследователей состоит в том, что М.И. Еропкин, определяя круг отношений в данной сфере, выделяет в

качестве основного критерия место их возникновения и развития (общественные места), а А.В. Серегин – содержание отношения.

Под грубым нарушением общественного порядка следует понимать такие действия лица, которые причиняют существенный вред порядку, нравам и интересам человека, интересам организации, учреждения (срыв массовых мероприятий, временное прекращение работы транспорта, учреждения, нарушение покоя граждан в ночное время и т. д.). Этот признак тесно согласуется с другим необходимым признаком состава хулиганства: действия лица выражают явное неуважение к обществу, т. е. открыто, очевидно для всех (с точки зрения общепринятых норм нравственности) проявляют пренебрежительное отношение лица к правилам поведения, к личности человека, его чести, достоинству (проявление бесстыдства, издевательство над больными, беспомощными лицами, глумление над личностью и т. п.).

Необходимым признаком уголовно наказуемого хулиганства является применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Под применением оружия или иных предметов, используемых в качестве оружия, понимается реальное использование или попытка использования, а также демонстрация этих средств при совершении хулиганских действий в целях запугивания потерпевших.

Под оружием понимается любой вид оружия, о котором говорится в Федеральном законе «Об оружии». Предметы, используемые в качестве оружия – это любые предметы, которыми можно причинить вред здоровью, как специально приготовленные, приспособленные для этого (велосипедные цепи, городошные биты и т. д.), так и предметы хозяйственно-бытового назначения (топор, шило, отвертка, вилы, молоток, лопата, лом и др.). Таковыми могут быть и предметы, подобранные на месте преступления (камень, палка).

Местом совершения хулиганства бывают, как правило, общественные места (транспорт, кинотеатр, кафе, парк, улица), однако, могут быть и безлюдные места (лес, пустырь, отдельная

квартира), где присутствуют только хулиган и лицо, в отношении которого совершаются эти действия.

Хулиганство является преступлением с формальным составом. Оконченным оно считается с момента совершения действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

С субъективной стороны это преступление совершается с прямым умыслом: лицо осознает, что грубо нарушает общественный порядок, проявляет явное неуважение к обществу, что применяет оружие или предметы, используемые в качестве оружия, и желает совершить эти действия.

В основе хулиганских побуждений лежат извращенные потребности, стремления, удовлетворяемые антиобщественным способом. Содержание хулиганского мотива можно выразить как стремление лица в неуважительной форме противопоставить себя обществу, проявить пьяную удаль, грубую силу, буйство, жестокость, демонстративное пренебрежение нормами поведения, морали и права.

Субъектом преступления (ч.1) является любое лицо, достигшее возраста 16 лет.

К квалифицирующим признакам хулиганства (ч. 2 ст. 213 УК) относятся: совершение его группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ст. 35 УК); сопротивление представителю власти или иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка [8].

Под сопротивлением представителю власти или иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка, понимается активное противодействие осуществлению ими служебного или общественного долга. Сопротивление может выражаться в таких действиях, как попытка вырваться от задерживающих лиц, связывание, запираение или ограничение

свободы этих лиц. Кроме того, сопротивление может быть выражено в насилии или угрозе его применения, однако насилие не должно быть опасным для жизни или здоровья. В таких случаях содеянное в отношении представителей власти квалифицируется по совокупности ст. 213 и ч. 2 ст. 318 УК, а в отношении иных лиц – по совокупности ст. 213 и ст. 111, 112 УК. Сопротивление, оказанное после прекращения хулиганских действий, например, в связи с последующим задержанием виновного, не должно рассматриваться как квалифицирующее обстоятельство хулиганства.

К представителям власти, согласно примечанию к ст. 318 УК, относится любое должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. К ним относятся прокуроры, следователи, лица, производящие дознание и осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, сотрудники органов внутренних дел, контрразведки, государственной охраны, контрольных органов Президента РФ и глав администрации субъектов РФ, таможенных органов, органов надзора и др.

Под иными лицами, исполняющими обязанности по охране общественного порядка или пресекающими нарушение общественного порядка, следует понимать народных дружинников, отдельных граждан, принимающих участие в пресечении нарушений общественного порядка по своей инициативе.

Сопротивление с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, полностью охватывается диспозицией ч. 2 ст. 213 УК и не требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 318 УК.

В содержание умысла виновного при совершении хулиганских действий, сопряженных с сопротивлением, входит осознание того, что потерпевшим является представитель власти либо иное лицо,

исполняющее обязанности по охране общественного порядка либо пресекающее нарушение общественного порядка.

При квалификации хулиганства на практике вызывают трудности вопросы отграничения бытового хулиганства от преступлений против личности. Хулиганство, связанное с посягательством на личность, и преступления против личности различаются по признакам субъективной стороны: направленности, умыслу, мотиву. Ответственность за квалифицированное хулиганство наступает с 14 лет.

Дополнительный объект преступления – отношения к собственности. Предметом преступления может быть кроме зданий, сооружений, любое имущество в общественном транспорте или в общественных местах (сидения, стекла вагонов, двери, окна, стены, кресла в театрах и на стадионах). А это уже квалифицируется как вандализм (ст. 214 УК). Общественная опасность вандализма выражается в том, что эти действия грубо нарушают общественный порядок, спокойствие граждан, нормы общественной нравственности, кроме того, причиняют крупный имущественный и духовный вред обществу.

Слово «вандализм» произошло от названия древнегерманского племени вандалов, разграбивших в 455 г. Рим и уничтоживших многие памятники античной и христианской культуры. Вандалы отличались особой жестокостью, они не только разрушали святыни и храмы, но старались сделать это особенно унижительным образом. Изобретение термина приписывают аббату Грегуару. В 1794 г. он выступил с «Докладом о разрушениях, творимых вандализмом, и средствах их предотвращения», призывая самым суровым образом пресекать уничтожение памятников искусства. В XIX в. слово «вандализм» вошло в литературный обиход как обозначение разрушения или порчи произведений искусства и памятников архитектуры. Так, в 1846 г. появилась книга графа де Монталамбера, в которой автор осуждал разрушение католических церквей.

Большая советская энциклопедия определяет вандализм как «бессмысленное уничтожение культурных и материальных ценностей». Сходные толкования дают и другие современные отечественные справочники и словари, акцентируя внимание на иррациональности поведения разрушителя, а также на наносимом ущербе [9].

Даль обращает внимание на несоответствие этого действия моральным нормам, определяя его как «поступок грубый, противный просвещению, образованности».

Французский энциклопедический словарь «Ля русс» выделяет такой аспект, как «состояние духа, заставляющее разрушать красивые вещи, в частности, произведения искусства». В современном англоязычном источнике обращается внимание на правовой аспект вандализма: «Вандализм – тот, кто намеренно или вследствие невежества разрушает собственность, принадлежащую другому лицу или обществу». В таком смысле понятие вандализма стало распространяться на повседневные проявления хулиганства. Оно стало обозначать порчу общественной, частной, коммунальной собственности, поломки оборудования в учебных заведениях, на транспорте, нанесение рисунков и надписей на стены и т. п. [10].

В российском Уголовном кодексе до 1996 г. такой состав преступления не предусматривался. В новом Уголовном кодексе данное преступление определяется как «осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах». Следует заметить, что юридические определения вандализма в разных странах не совпадают. Кроме того, действия, связанные с разрушением чужого имущества, циничные поступки в отношении святынь и т. п. могут иметь различную юридическую квалификацию. УК РФ содержит несколько статей, связанных с уничтожением или порчей материальных и культурных ценностей и имущества. Помимо «вандализма» это «хулиганство», «надругательство над могилой», «умышленное уничтожение, разрушение или повреждение памятников истории и культуры»,

«умышленное уничтожение или повреждение имущества». Юридическое определение вандализма принято и в криминологических исследованиях.

Обращаясь к социально-психологическим и социологическим исследованиям, обнаруживаем гораздо более широкое толкование этого феномена. Говоря о вандализме, исследователи подразумевают разнообразные виды разрушительного поведения: от замусоривания парка и вытаптывания газонов до разгромов магазинов во время массовых беспорядков. Исходя из этого, можно говорить о взаимосвязи этих правонарушений, т. о. вандализм и хулиганство – культурно-исторический феномен переплетения.

Несмотря на неизбежные затруднения, все-таки можно выделить основные сущностные элементы вандализма. Так, А. Голдштейн выделяет элементы вандализма и право собственности на разрушенный объект. Исходя из этого, он дает определение: «Вандализм – это намеренный акт разрушения или порчи чужой собственности» [11].

Именно преднамеренность разрушения создает главные трудности и разночтения в применении этого понятия. Многие виды ущерба окружающей среде и оборудованию наносятся не столько из-за осознанного желания разрушить, сколько вследствие невнимательности, отсутствия заботы и аккуратности, соображений личного удобства. К числу таких действий относится вытаптывание газонов, замусоривание улиц, грубое обращение с витринами и т. п. Отличительной чертой этих поступков является то, что люди не осознают последствий своего поведения, и, следовательно, не ощущают ответственности за них. На практике провести различие между намеренными и ненамеренными разрушениями довольно сложно, так как они имеют одинаковый результат – материальный ущерб и деградацию окружающей среды, а часто и ощутимый моральный вред другим людям. Некоторые исследователи считают описанные виды поведения формой вандализма. Например, Уайз дает

такое определение: «Если кто-то изменяет часть физической среды без согласия на то ее собственника или управляющего, то это вандализм». Уайз различает «предумышленный» и «случайный» вандализм. Последний представляет собой повреждения из-за использования не по назначению, любопытства, озорства и несовпадения планов проектировщика и желаний пользователя. Другие авторы применяют понятие «разрушающее поведение» (depreciative behavior). Фактически, во многих эмпирических исследованиях намеренные и ненамеренные разрушения не различаются.

В России социальная нестабильность сопровождается увеличением различных форм хулиганства и вандализма. Только в Санкт-Петербурге в 2012 г. убытки из-за регулярных поломок на стадионах возросли в 4 раза по сравнению с 2009 г. На Московской железной дороге за один только 2012 г. разбито 49 800 кв. метров стекла в электричках, поездах дальнего следования. По некоторым оценкам, в Санкт-Петербурге 30% затрат на ремонт в жилищно-коммунальной сфере приходится на ликвидацию последствий вандализма.

Зачастую единичные разрушения незначительны, но, накапливаясь, они приводят к заметному ущербу. Учет косвенных финансовых убытков еще больше увеличит оценки ущерба.

Разрушения и поломки существенно меняют воздействие городской среды на эмоциональное состояние личности. Известно, что некоторые характеристики окружающей среды ассоциируются у людей с опасностью и нестабильностью. Разбитые стекла, грубые надписи и рисунки, поврежденные остановки, мусор и т. п. воспринимаются как симптом социальной деградации, признак ослабления социального контроля, что порождает беспокойство, чувство страха и уязвимости. Ощущения беспорядка и упадка, в свою очередь, провоцируют дальнейшие деструктивные действия, увеличивают вероятность новых разрушений. Некоторые исследователи высказывают предположение, что деградация среды меняет идентификацию личности, создавая ассоциации с низким социальным

статусом. Люди, чье имущество подверглось разрушениям со стороны вандалов, испытывают повышенный страх оказаться жертвой насильственных преступлений. Добавим, что у жертв возникает также желание отомстить и усиливается подозрительность и враждебность по отношению к молодежи в целом. Некоторые виды вандализма (например, порча культурных символов, надписи, содержащие агрессивные высказывания в адрес отдельных национальных групп) могут провоцировать социальные конфликты.

Наиболее важным социальным последствием вандализма является то, что усвоенные модели деструктивного поведения в дальнейшем повторяются в усиленной форме. Это значит, что вандализм потенциально содержит опасность разнообразных, в том числе более тяжелых форм агрессивного поведения личности в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Материал из Википедии – свободной энциклопедии ... Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1922 года.
2. Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1964. С. 348.
3. Научный комментарий к УК РСФСР. Свердловск, 1964. С. 410.
4. **Еропкин М.И.** В. И. Ленин об охране общественного порядка в Советском государстве // Труды Высшей школы МВД СССР. Вып. 27. М., 1970. С. 165–170
5. **Даньшин И.Н.** Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М., 1973. С. 143; Игнатов А.Н. Курс советского уголовного права. М., 1971. Т. 6. С. 306.
6. **Еропкин М.И.** Управление в области охраны общественного порядка. М., 1965. С. 92–92;
7. **Чепурнова Н.М., Серёгин А.В.** Теория государства и права: Учебное пособие. – М. : ЕАОИ, 2007. – 465 с.
8. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ.
9. Большая советская энциклопедия: В 30 т. – М. : «Советская энциклопедия», 1969–1978.
10. **Кишенкова О.В.** Обществознание: универсальный справочник. – М. : Яуза-пресс, 2013. – 448с.
11. **Романенкова Е.Н.** Международное частное право: Учебное пособие. – М. : ООО «Проспект», 2014. – 240 с.

КОНКУРЕНТНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ КИТАЯ И США НА ГЛОБАЛЬНОМ РЫНКЕ

Тенденции глобализации мировой экономики проявляются во всех аспектах осуществления бизнеса. Укрупнение международных отраслеобразующих предприятий, взаимопроникновение капитала во власть и наоборот, повышает зависимость всех национальных экономик, а также политики каждого отдельно взятого государства по отношению к целым регионам. Традиционное представление о делении стран на развитые и развивающиеся видоизменяется при становлении единого глобального рынка. Актуальным представляется рассмотрение негласного противостояния Америки и Китая.

В последнее время одним из стимулов внешнеполитической активности Вашингтона является Китай. Показатели развития китайской экономики, агрессивная инвестиционная политика на Ближнем Востоке в зонах инвестиционной активности США доказывают рост противостояния. По прогнозам аналитиков, китайская экономика обгонит американскую, вытеснив США на второе место. Отсюда очевидно стремление США остановить рост китайской экономики путем блокирования доступа к энергетическим ресурсам и наукоемким ресурсам. Китай, несмотря на кризис, стабильно сохраняет высокие темпы роста. Средние темпы роста американской экономики составляют 2% в год, а Китай удерживает 10% в год по темпам развития [5]. На сегодняшний день по объему ВВП Америка примерно в три раза опережает Китай, однако государственный долг, равный примерно объему ВВП в Америке, не позволяет американской экономике наращивать темпы. У Китая таких проблем нет, и, что очень важно отметить, китайцы являются основными кредиторами Америки. Конечно, высокие темпы роста

ВВП Китай удерживает за счет экспорта за счет расширения внутреннего рынка, а это около 1,3 млрд. человек. Три года назад доля экспорта составляла 60%, а с наступлением кризиса Китай снизил объемы экспорта, в том числе в США и страны Евросоюза, и доля внешней торговли в общем объеме ВВП сократилась до 40% [2]. Китай планомерно развивает свое собственное производство, используя возможности своей экономики, инвестируя в высокие технологии, доказывая желание стать экономикой, основанной на высоких технологиях. Такое желание учиться доказывается инвестициями в те отрасли, в которых китайская экономика отстает.

Покупка шведской Volvo и английской MG Cars, инвестиции в Saab ярко иллюстрируют желание использовать знания и технологии автомобильной отрасли Запада, которые Китай, как и другие технологии, планомерно изучает и развивает на своей территории и, на основе приобретенного опыта, использует для роста национальных производств при использовании своей значительно более дешевой рабочей силы. Уже 2 года Китай по производству автомобилей занимает первое место в мире, обогнав США и Японию. При этом экспорт автомобилей в кризис тоже снизился, зато стимулируется внутренний спрос. Китайцы покупают более 10 млн. автомобилей в год. Это влечет за собой новые проблемы с парковками, развязками и улучшением качества дорог, но в Китае они успешно решаются, стимулируя тем самым и развитие сопутствующих отраслей: дорожно-строительной, нефтеперерабатывающей и пр.

Однако рост экономики и сопутствующее ему развитие внутреннего производственного сектора влечет за собой увеличивающуюся потребность в энергоресурсах, в которые Китай готов инвестировать еще более значительные средства. Но по мере того, как растут цены на энергоносители, растет и инфляция в Китае. В 2010 году инфляция в стране составила 3,3% [1]. В этом году, по официальным данным, она составит 4 или 5%, а по оценке бизнесменов, реальная инфляция будет на 6–7% выше [1]. Естественно, это влечет за

собой значительные социальные проблемы. Потеря контроля над инвестициями в стратегически важные для Китая регионы, останавливает намеченные Пекином темпы роста.

Интересно рассмотреть позицию администрации США по отношению к странам, активно принимающим инвестиции Китая. Самым ярким свежим примером может служить позиция Вашингтона по Ливии. Китай в течение последних пяти лет осуществлял масштабные энергетические инвестиции на востоке Ливии, и сегодня, в результате военной операции в этой стране, китайские компании потеряли сотни миллионов долларов. В Пекине прекрасно понимают, что военное вмешательство – это, в большей степени, игра против Китая, нуждающегося в энергетических ресурсах. Эти общие рассуждения подтверждаются фактами. Китай работает в Африке более двадцати лет и за это время стал одним из ключевых партнеров Ливии, Нигера, Анголы и других государств. При этом он вкладывает огромные деньги не только в добычу нефти, урана и других стратегически важных ресурсов, но и в производство. Интересно оценить данные по экспорту нефти в Китай по странам (см. табл. 1) [4].

Страна	Тонн нефти (январь 2010)	Страна	Тонн нефти (январь 2010)
Ангола	3 360 687	Индонезия	265 365
Саудовская Аравия	2 908 350	Конго	388 409
Россия	1 273 039	Малайзия	198 796
Судан	1 149 869	Бруней	138 580
Иран	1 085 742	Экваториальная Гвинея	137 526
Кувейт	749 234	Катар	137 012
Оман	685 001	Габон	129 199
Бразилия	681 931	Австралия	75 262
Казахстан	681 780	Куба	58 170
Ирак	655 897	Вьетнам	57 617
Ливия	622 209	Эквадор	41 125
ОАЭ	541 746	Тайланд	34 140
Йемен	389 386	Монголия	18 723
Венесуэлла	363 371	США	1
Всего:	17 105 839		

Повышенное внимание США к нефтеносным районам континента является не случайным: по прогнозам нефтяных аналитиков, к 2015 г. доля американского импорта нефти из Африки достигнет 25% [5]. Для обеспечения контроля над ситуацией в 2008 г. было создано Объединенное командование вооруженных сил США в зоне Африки (Африком). Основная продвигаемая указанной организацией идея заключается в поддержании порядка и подавлении межплеменных столкновений, дестабилизирующих обстановку в регионах, где работают американские компании, а также превентивная борьба с терроризмом. Отказ от сотрудничества с Африкомом со стороны Ливии стоил Каддафи жизни.

Перевороты в африканских государствах, слишком активно сотрудничающих с Китаем, и другие шаги, нацеленные на выдавливание китайских компаний, ярко иллюстрируют указанное противостояние.

Например, ситуация с Нигером. Несколько лет назад правительство Нигера стало продавать КНР уран и заключило с китайской нефтяной компанией соглашение о разработке нефтяного месторождения, открытого на севере страны. В феврале 2010 г. в Нигере произошел государственный переворот, в результате которого Пекин лишился части контрактов. Китай начал разработки нефтяных месторождений в Судане, и там немедленно обострились межплеменные проблемы, закончившиеся референдумом о разделе страны. Когда на шельфе Кот-д'Ивуара была обнаружена нефть, Китай также инвестировал в ее добычу. Но в ноябре 2010 г. в стране началась «цветная» революция, и этой весной, после вмешательства миротворцев ООН и серии ракетных ударов по резиденции бывшего президента Гбагбо, к власти пришел поддерживаемый Западом президент Уаттара.

Несколько иной является тактика США в Азии. Там главной целью американской политики является перекрытие транспортных и энергетических путей [9]. В первую очередь речь идет о

нефтепроводе Иран–Пакистан–Индия–Китай и транспортных магистралях, связывающих Китай с портами на берегу Индийского океана, через которые в Китай поступает ближневосточная нефть. Значительная часть этих магистралей проходит через Пакистан, который активно сотрудничает с Пекином и в проектах по строительству на территории Пакистана глубоководного порта, предназначенного для приема нефтяных танкеров и развертывания базы ВМС. Ответом Вашингтона стала стратегия «АфПак», предусматривающая перенос борьбы с терроризмом на территорию Пакистана. Как результат – гибель мирных жителей от ударов американской авиации, нестабильность региона. Зато уничтожен Бен Ладен, доказательств чего нет до сих пор, но пакистанские военные превратились в мишень террористов, мстящих за гибель Бен Ладена. Политики и мировые СМИ твердят, что такой нестабильной стране нельзя владеть ядерным оружием, потому что оно может попасть в руки террористов. Все это формирует запрос на внешнее вмешательство, и в Китае прекрасно понимают, против кого направлена эта кампания. Пекин однозначно заявил, что считает Пакистан своим стратегическим партнером, и дал понять, что любые шаги, предпринятые против Пакистана, будут рассматриваться как вызов Китаю.

Аналогичная игра ведется вокруг проектов Китая в Шри-Ланке, Бангладеш, Мьянме и других государствах региона. Летом 2010 г. началось строительства газо- и нефтепроводов, связывающих Китай с портами Мьянмы. Все партнеры, как и сам Китай, международными организациями относятся в ранг злостных нарушителей прав человека, требующими вмешательства во внутреннюю политику извне.

Но главным инструментом политики США на этом направлении является поддержание индийско-китайского противостояния, подчинение своему влиянию южных соседей Китая и контроль над Малаккским проливом – узким проходом между

Малайским полуостровом и индонезийским островом Суматра, по которому танкеры с ближневосточной нефтью идут в тихоокеанские порты Китая.

Передел Ближнего Востока продолжается. Начиная с 15 ноября 2011, на фоне нестабильной ситуации в Сирии начало действовать нефтяное эмбарго против Сирии. Оно запрещает европейским компаниям покупать нефть и нефтепродукты из этой страны [6]. На экспорт в Сирии идет около 100 тысяч баррелей в день. Но, учитывая, что один баррель стоит около 100 долларов, получается немалая сумма. Ее недостача – удар по сирийскому бюджету. Сдерживают развитие сирийского вооруженного конфликта по сценарию Ливии Россия и Китай, получая крайне негативную оценку своей позиции со стороны США, объясняющих, что россияне защищают свою военно-морскую базу в Тартусе, а китайцы готовы пойти на все, что угодно, чтобы прикупить несколько лишних баррелей нефти.

Одним из последних примеров подобного рода является воссоединение Крыма с Россией, вызвавшее столь бурную реакцию мирового сообщества, разделившегося на два лагеря. Осудили действия России по присоединению Крыма: среди прочих стран – США, а поддержали действия России: Китай, Сербия, Казахстан, Белоруссия, Киргизия и др. [8]. Ситуация иная, расклад политических сил прежний.

Бурное развитие китайской экономики, сопровождающееся ростом военной мощи, квалифицируется в официальных документах как угроза национальной безопасности США. Официальный Пекин ведет себя достаточно сдержанно, избегая прямой конфронтации, тогда как Америка использует любые средства для наращивания давления. На экономику Китая работает время. Последовательная и четкая стратегия развития позволяет Пекину использовать этот ресурс в борьбе за господство на мировом рынке технологий и инвестиций. В свою очередь США, полагаясь на нынешнюю мощь, влияние и авторитет, уверены, что могут позволить себе более активную и

рискованную игру. Для глобального рынка время в купе с рациональными долгосрочными инвестициями становится самым главным конкурентным преимуществом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. <http://www.iccwbo.org> – International Chamber of Commerce (Международная торговая палата).
2. <http://www.economist.com.ru/> – Ежемесячный научно-практический журнал Экономист.
3. <http://www.rosbalt.ru/business/> – Информационный интернет портал «Росбалт».
4. <http://www.chinapro.ru/> – Деловой журнал ПроКитай.
5. <http://www.bloomberg.com> – Агентство финансово-экономической информации «Bloomberg».
6. <http://www.businessweek.com> – Интернет-версия журнала международных деловых новостей «Business Week».
7. **Миролюбова О.В., Сайченко О.А., Счисляева Е.Р.** Corporate social responsibility in Russian and international business: monograph – 2014.
8. <http://www.kremlin.ru/> – Официальный сайт Президента России.
9. <http://www.apcc.spb.ru/> – Центр сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.
10. <http://www.tpprf.ru/ru/> – Торгово-промышленная палата Российской Федерации (Комитет по деловой этике).

ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДА ВАТИКАНА К ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Иоанн Павел II критикует экономическую глобализацию, поднимая серьезные этические вопросы в отношении ее характеристик. Понтифик полемизирует с точкой зрения, которая вопреки социальному учению Ватикана, проповедует индивидуализм, триумф рынка и считает его логику этической парадигмой.

Сегодня мы можем наблюдать возникновение моделей этического мышления, которые являются побочными продуктами глобализации и несут на себе печать утилитаризма. Согласно позиции Ватикана, этика не может быть оправданием или легитимацией системы, так как мерой любой системы является человек: «Этика требует того, чтобы системы были созвучны потребностям человека, а не чтобы человек жертвовал собой ради системы» [1].

Папа открыто осуждает неолиберализм и глобальный рынок, который функционирует, не принимая во внимание человеческий труд, и настаивает на «неотъемлемой ценности человеческой личности», которая «всегда должна быть целью, а не средством, субъектом, но не объектом, не предметом для торговли». Ватикан считает, что глобализация не должна быть новой версией колониализма. Она должна уважать многообразие культур, которые являются ключами к пониманию жизни человека. Во всем многообразии культурных форм существуют универсальные человеческие ценности, и они должны быть выделены и заявлены как ведущая сила развития и прогресса [2].

Когда Иоанн Павел II принимал членов Европейской ассоциации производителей автомобилей по случаю их ежегодного собрания, которое проходило в Риме в 2001 году, он подчеркнул, что

процесс глобализации, «открывая новые возможности для прогресса, ставит острый вопрос о самой природе и цели экономической деятельности. Этот вопрос призывает к этической пронциательности, нацеленной на защиту окружающей среды и обеспечение полноценного развития миллионов мужчин и женщин таким образом, чтобы сохранить уважение к достоинству личности и дать возможность творчества в труде» [2].

17 мая 2001 года Папа обратился к участникам собрания, организованного итальянским Фондом этики и экономики. Он посвятил свою речь феномену глобализации, подчеркнув, что слово «глобальный», если понимать его когерентно, должно включать всех. Он еще раз подчеркнул, что глобализация, без сомнения, является феноменом, который предоставляет огромные возможности для роста и производства благ, но в настоящей форме она не обеспечивает справедливого распределения благ между гражданами различных стран. В реальности произведенные блага часто остаются в руках лишь нескольких субъектов, чему сопутствует существенная потеря своего суверенитета национальными государствами и без того слабых в области развития [2].

Доктрина Ватикана по вопросам глобализации утверждает, что, чтобы экономический рост был качественным ростом, он должен ориентироваться на важнейшие ценности; следовательно, он должен быть справедливым, стабильным, уважающим культурные и социальные особенности, а также экологичным. Глобализация есть феномен внутренне амбивалентный, как потенциально полезный для человечества, так и несущий серьезные социальные последствия. Ватикан убежден, что для защиты потенциальных жертв глобализации в глобальном масштабе необходимо интенсивная координация между политикой и экономикой в таких целях, как, например, сокращение внешнего долга развивающихся стран и развития законодательства о детском труде.

Ватикан, в тоже время, согласен, с тем, что главной характеристикой глобализации является продолжающееся уменьшение количества препятствий свободному передвижению людей, капиталов и товаров. Однако в статьях и выступлениях, по проблематике глобализации, постоянно подчеркивается, что значительная доля населения мира воспринимает этот феномен как нечто, навязанное извне, а не как процесс, в котором они могут активно участвовать. Рыночная экономика, с точки зрения учения Римско-католической церкви, является средством адекватного ответа экономическим потребностям людей, уважая их свободную инициативу, но рынок все же требует контроля. Сегодня, когда торговля и коммуникации все менее скованы границами, именно универсальное общественное благо требует, чтобы имманентной логике рынка сопутствовали контролирующие механизмы. Это является неременным условием для избежания сведения всех социальных отношений к экономическим факторам и для защиты тех, кто оказался в состоянии исключенности из развития или маргинализации. В итоге, по мнению Ватикана, глобализация как таковая ни плоха, ни хороша: она будет такой, какой ее сделают люди: «ни одна система не является самоцелью, и необходимо стремиться к тому, чтобы глобализация... служила людям, ... солидарности и всеобщему благу» [3, р. 417–423].

Одним из предметов обеспокоенности Святого Престола в отношении глобализации является тот факт, что последняя быстро стала культурным явлением. Рынок, как механизм обмена, стал средой новой культуры. Многие наблюдатели отмечают навязчивый, даже захватнический характер рыночной логики. Рынок навязывает свой способ мышления, действий и правила поведения. Те, кто выступает субъектом по отношению к рынку, часто воспринимает глобализацию как разрушительный поток, угрожающий социальным нормам, которые защищали их, и культурным ориентирам, которые указывали им направление в жизни.

Технологии и трудовые отношения изменяются слишком быстро, чтобы традиционные культуры успевали на это своевременно реагировать. Социальные, правовые и культурные защитные барьеры, возникающие в результате стремления людей защитить общественное благо, жизненно необходимы, поскольку индивидуумы и посреднические группы стремятся укрепить их. Но глобализация, утверждая новые образы работы, жизни и организации людей, несет опасность разрушения этих на протяжении долгого времени складывавшихся структур. Подобным образом, с точки зрения Ватикана, использование открытий в области биомедицины может заставить законодателей врасплох. Сами исследования, утверждает Иоанн Павел II, часто финансируются частными организациями, и их результаты нередко получают коммерческое использование ещё до того, как у общества появляется возможность их контролировать. Понтифик назвал это «усилением власти прометеева огня над человеческой природой до такой степени, что даже сам генетический код человека измеряется в терминах затрат и прибыли», и подчеркнул, что «все общества признают необходимость контроля над этими процессами и обеспечения уважения со стороны новых практик к фундаментальным человеческим ценностям и общественному благу» [4].

Утверждение приоритетности этики соответствует естественным требованиям человека и сообщества людей. Но, по мнению Ватикана, не все формы этики достойны того, чтобы считаться этичными. Этические ценности, как утверждает Святой Престол, не могут диктоваться технологическими инновациями, разработками или производительностью: они основаны на самой человеческой природе независимо от финансовых интересов, идеологий и политических взглядов.

Ватикан продолжает утверждать, что этика глобализации должна основываться на двух неразделимых принципах:

– непреходящая ценность личности – источника всех прав человека и любых форм общественного порядка;

– ценность человеческих культур, которую ни одна внешняя сила не имеет права принижать и тем более разрушать.

Глобализация должна уважать многообразие культур, которые являются ключами к пониманию человеческой жизни в универсальной гармонии народов. В частности, она не должна лишать бедных того, что является для них самым бесценным, включая их религиозные верования и практики, поскольку истинные религиозные убеждения являются ярчайшим проявлением человеческой свободы.

Ватикан утверждает, что, поскольку человечество вступило в процесс глобализации, оно должно выработать всеобщий этический кодекс. Это не означает создание единой доминирующей социально-экономической системы или культуры, которая будет навязывать свои ценности и критерии этического порядка: «Нормы общественной жизни следует искать в самом человеке, в человечестве, сотворенном рукой Творца. Это необходимо, чтобы термин "глобализация" не стал просто другим названием абсолютной релятивизации ценностей и гомогенизации образов жизни и культур. «Во всем многообразии культурных форм существуют универсальные человеческие ценности, и они должны быть выделены как направляющая сила развития и прогресса» [4, п. 4].

Римско-католическая церковь, сказал Иоанн Павел II, «будет продолжать работать со всеми людьми доброй воли, чтобы обеспечить победу в этом процессе всего человечества, а не только процветающей элиты, которая контролирует науку, технологию, коммуникации и ресурсы планеты в ущерб большинству людей. Церковь призывает все творческие элементы общества к сотрудничеству в интересах углубления глобализации, которая будет служить всем людям» [4, п. 5].

В основу доктрины Ватикана в отношении феномена глобализации Понтифик помещает три фундаментальных принципа:

- глобализация прав человека;
- солидарность: необходимость «глобализировать» солидарность происходит из фундаментального принципа уважения к достоинству личности. Принцип солидарности, в том виде, как он формулируется католической социальной доктриной, есть ставка на предпочтительный выбор бедных. Он утверждает, что «чем более индивидуумы беззащитны в данном обществе, тем более они требуют заботы и внимания со стороны других, т.е. вмешательства в их жизнь властей» [5]. На встрече с Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном 7 апреля 2000 года Папа заявил, что «рост взаимозависимости в мире породил глобальные проблемы (войны, преследования, эпидемии, бедствия), которые требуют новых способов мышления и новых видов международного сотрудничества для их эффективного преодоления». «Это предполагает включение солидарности в экономическую, политическую и социальную взаимозависимость, которая углубляется благодаря современному процессу глобализации» [5].
- субсидиарность: этот принцип является революционным этическим принципом католической социальной доктрины эры глобализации. Папа стремится к тому, чтобы в глобальной деревне сравнительно малые социальные единицы – общины, этнические и религиозные группы, семьи или индивидуумы – не были поглощены более крупными и не потеряли свою идентичность [5].

В 1986 Конференция епископов США опубликовала Пастырское послание «Экономическая справедливость для всех: католическое социальное учение и экономика США». Это письмо содержит несколько ссылок на католическое социальное учение. Цитата из энциклики «*Mater et Magistra*» (1961) из главы 2 параграфа 28 суммирует «христианское видение экономической жизни» следующим образом: «Основой отношения церкви к нравственному измерению экономической жизни является ее (церкви) видение трансцендентной ценности человеческой жизни. Достоинство человека, реализуемое в

сообществе людей, есть критерий, по которому должны измеряться все аспекты экономической жизни» [6, п. 28].

Все люди, следовательно, есть цели существования институтов, составляющих экономику, но не средства для достижения узко определенных целей. Личность должна уважаться с учетом ее религиозности. Также все экономические институты должны поддерживать связи в обществе и солидарность, которые естественны для достоинства личности. В случае если наши экономические элементы не отвечают требованиям достоинства личности, они должны быть поставлены под вопрос и изменены. Эти убеждения поддерживаются долгой теологической и философской традицией и обоснованным анализом современного опыта человечества.

Документ представляет шесть элементов того, как экономика должна служить человеку:

1. любое экономическое решение и структуры должны оцениваться на основе принципа достоинства личности;
2. последнее может быть реализовано и защищено только в рамках общества;
3. все индивидуумы имеют право участвовать в экономической жизни общества;
4. все члены общества имеют особые обязательства по отношению к бедным и слабым;
5. соблюдение прав человека является минимальным условием жизни в обществе;
6. общество, как единое целое, действующее посредством общественных и частных институтов, несет моральную ответственность за уважение к достоинству личности и защиту прав человека.

В своей энциклике «*Sollicitudo Rei Socialis*» Папа Иоанн Павел II начинает теологическое размышление об экономической глобализации следующим видением глобальной ситуации. Во-первых, подлинное развитие человечества, как качественный и

связный процесс, парализовано повсеместно «греховными структурами», отличающимися исключительным стремлением к выгоде и власти в ущерб достоинству личности. Во-вторых, создание этих структур сопровождалось совершением неисчислимых грехов, в конечном счете, коренящихся в поведении конкретных людей. В-третьих, растущее осознание и нравственная интерпретация взаимозависимости людей, которая отчетливо прослеживается в мировой системе, может помочь в осуществлении конверсии и нравственной борьбе против этих структур. В-четвертых, структуры и отношения между людьми, «отягощенные безжалостным стремлением к власти и выгоде, могут быть преодолены только с помощью такой добродетели как солидарность, т. е. желанием блага ближнему, в том числе, готовностью к самопожертвованию, но не его эксплуатацией, а служением ему, но не угнетением его» [7, п. 38].

В постсинодальном апостольском послании «*Ecclesia in America*» (1999) Папа Иоанн Павел II возвращается к этически двоякому характеру глобализации. В документе разносторонне обосновывается необходимость солидарности. В частности, вновь отмечается значимость католического социального учения в качестве вклада в изучение глобальной экономики. Кроме двух важнейших принципов, уже упомянутых выше (достоинство и солидарность), здесь вновь называется третий критерий для оценки процесса глобализации, а именно – субсидиарность: «Международная экономика должна оцениваться в свете принципов социальной справедливости в сочетании с особым вниманием к бедным и строительством системы международного благосостояния» [8, nn. 20, 55].

События 11 сентября 2001 года придали католическому социальному учению характер особой значимости. Десятая генеральная конференция Синода епископов в октябре 2001 г. призвала мировое сообщество коренным образом изменить глобальное материальное неравенство. Ватикан постоянно подчеркивает необходимость последовательного и духовно усиленного подхода

к существующему международному политическому порядку. В обращении к Федерации итальянских католических студентов от 26 апреля 2002 г. Папа Иоанн Павел II сказал, что «глобализация создает двойную проблему: отказ от терроризма и насилия и утверждение универсальных прав человека» [9].

Как считает Святой Престол, помимо того, что растущая взаимозависимость между людьми требует отказа от терроризма и насилия как способа реконструировать естественное состояние справедливости и свободы, призывает, кроме этого, «к прочной нравственной, культурной и экономической солидарности». Два этих требования могут послужить основанием для «политической организации международного сообщества, которое может гарантировать соблюдение прав всех народов [9].

Папа уделяет особое внимание необходимости развития многочисленных развивающихся стран: «Запущенность слабого развития и трагическая ситуация, в которой живут и умирают миллионы людей, носит сугубо этический характер, которому должны соответствовать последовательные экономические и политические опции» [9].

«Первый и решительный вклад в подлинное развитие, достойное человека, представляет собой поддержка образовательных и культурных программ», потому что «настоящий прогресс общества затрагивает все формы сознания, а также созревание менталитета и обычаев». «Человек является сторонником развития, а не денег и технологии». «Определенно, также должна предприниматься реформа международной торговли и мировой финансовой системы, но каждый должен делать решительный вклад в соответствии со своими возможностями, изменяя свой стиль жизни, который приведет к справедливому развитию, выгоды которого поделены между всеми». «Сотрудничество в интересах развития народов является императивом для всех и каждого, мужчин и женщин, обществ и наций» [10].

Европейский вклад в эту тему представлен в отчете «О глобальном управлении» (2003), подготовленном Комиссией епископских конференций Европейского сообщества (COMECE). Отчет был составлен группой признанных международных экспертов, возглавляемой Мишелем Камдессю, бывшим управляющим директором МВФ. Обращаясь к ключевым документам католического социального учения, отчет рассматривает глобальную ситуацию с точки зрения ответственности: ответственность каждой страны, ответственность мирового сообщества, ответственность всех элементов общества. На политическом уровне он выступает за новую систему глобального управления, нацеленную на усиление позитивного и ослабление потенциально негативного воздействия глобализации. Такое глобальное управление должно основываться на ряде ключевых ценностей и принципов: уважение достоинства личности, ответственность, солидарность, subsidiarность, последовательность, транспарентность и подотчетность. Для воспитания приверженности этим принципам и ценностям в отчете говорится о необходимости поддержки католического социального учения. Затем называются некоторые конкретные шаги к глобальному управлению, в особенности, предлагается сделать более значимым вклад Всемирной торговой организации, Международной организации труда и Программы ООН по окружающей среде. Предлагается основать группу глобального управления, которая, как говорится в отчете, «распространит свою активность на все регионы и народы мира и приведет нас к общественной власти с универсальной компетенцией», к чему Папа Иоанн XXIII призывал ещё в 1963 году. [11, pp. 82–83].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **John Paul II.** Address to the Pontifical Academy of Social Sciences. – Zenit News Agency, April 27, 2001 – <http://www.zenit.org/english/archive/0104/ZE010427.htm>.
2. **John Paul II.** Globalization must not be a new form of colonialism. Houston Catholic Worker, Vol. 21, No. 4, July–August 2001.

3. Pontifical Council for the Pastoral Care of Migrants and Itinerant People. People on the Move – № 91–92, April – August 2003.
4. **John Paul II.** Address to the Pontifical Academy of Social Sciences, n.3. – Zenit News Agency, April 27, 2001 – <http://www.zenit.org/english/archive/0104/ZE010427.htm>.
5. The Keys to Humanize Globalization: John Paul II's Proposals for Life in Global Village, n. 2. – <http://www.zenit.org/english/archive/0106/ZEA010616.html>, Zenit News Agency, June 16, 2001.
6. Mater et Magistra. Encyclical of John on Christianity and Social Progress, May 15, 1961.
7. Sollicitudo Rei Socialis. Encyclical of John Paul II for the Twentieth Anniversary of «Populorum Progressio», December 30, 1987.
8. Ecclesia in America. Post-Synodal Apostolic Exhortation of the Holy Father John Paul II: The Way to Conversion, Communion, and Solidarity in America, January 22, 1999.
9. Economic Globalization in Christian Perspective: A Brief Glance at Catholic Social Teaching - <http://www.warc.ch/pc/soester/08.html>.
10. Focuses on Solidarity and Struggle Against Terrorism. Zenit Daily Dispatch, April 26, 2002, ZE02042623.
11. Global Governance Assessment 2003. Commission of the Bishops' Conferences of the European Community (COMECE), Brussels, 2003.

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОЗДАНИЯ ШОС

Российская империя и Советский союз на протяжении всего существования проявляли огромный интерес к восточному направлению. В поисках союзника и партнера по геополитическим интересам на долгосрочный период Россия обратилась к своему ближайшему соседу – Китаю. На протяжении столетий складывались партнерские русско-китайские отношения. Наиболее важными вехами, пожалуй, можно назвать 1949 год – признание Советским Союзом КНР. В этой связи, следует отметить тот факт, что СССР стал первым государством, признавшим Китай, как независимое государство. Второе значимое событие – официальный визит М.С. Горбачева в Китай в 1989 году, который, по мнению самих китайцев, явился новой точкой отсчета русско-китайских отношений. Именно с того момента на долгие годы были установлены дипломатические отношения между СССР и Китаем. И даже после распада Советского Союза они не утратили своего былого значения.

Сегодня Российская Федерация продолжает политику сохранения отношений с восточным соседом. Активно поддерживает многолетние дружеские связи между двумя государствами, содействует обеспечению безопасности и мира в регионе, разрабатывает меры и принимает решения по устранению нерешенных пограничных вопросов. Одним из таких решений было создание форума «Шанхайская Пятерка» в 1996 году в Шанхае. Данный форум подразумевал регулярные встречи, проводимые руководителями стран на высшем уровне для обсуждения проблем пограничного сотрудничества.

Базой для открытия этого форума послужили два документа: «Российско-китайское соглашение о мерах доверия в зоне границы»

[1], и многостороннее «соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы». Последнее было подписано между Россией, Китаем, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном в 1997 году во время саммита в Москве [2].

Сближение этих стран диктовалось в первую очередь обострением угрозы терроризма в Центрально-Азиатском регионе и нарушением безопасности приграничных территорий стран шанхайской пятерки со стороны главного очага нестабильности в Средней Азии – Афганистана [3]. Там шла гражданская война между войсками Северной коалиции и движения Талибан. Ситуация в регионе беспокоила не только государств – соседей, но и, усиливавшего свое влияние, военного блока НАТО. Присутствие войск Североатлантического альянса в Азии и вмешательство во внутреннюю политику отдельных государств, в свою очередь, создавала напряженную обстановку среди стран региона. Страны-участники, с момента создания форума, объявили о высокой необходимости и срочности принятия мер для решения неопределенности в приграничных районах и уменьшения американского влияния.

В ходе поисков необходимых условий для разрешения возникших проблем форума проявлялись разногласия относительно характера и перспектив сотрудничества. В этот момент, выяснилось, что государства-участники более сосредоточены на реализации собственных целей, нежели на консолидации во имя обеспечения безопасности в регионе. Например, Китайское правительство предпочитало сотрудничество в сфере политики и борьбы с исламским экстремизмом. В то время как, страны Центрально-Азиатского региона (Узбекистан, Казахстан, Таджикистан) напротив, старались не акцентировать внимания на «исламской угрозе» из-за возможного усиления активности исламских организаций на территории всех стран Шанхайской пятерки, а переключить внимание форума на решение экономических вопросов. Что касается

Российской Федерации, она придерживалась промежуточной позиции между КНР и Центрально-Азиатскими государствами [4].

Совместная интенсивная работа стран на саммитах в Алма-Ате в 1998 г. [5], Бишкеке в 1999 г. [6], Душанбе в 2000 г. [7], несмотря на различные проблемы и противоречия, достигла значительного прогресса. Плодотворные усилия стран и результат, создали атмосферу взаимного доверия и сотрудничества между государствами, которая стала именоваться «шанхайским духом» [8]. Одним из результатов продуктивной работы форума явилось то, что на протяжении 7,5 тыс. км была создана полоса пониженной военной активности глубиной 100 км по обе стороны линии российско-китайской границы [4].

Постепенно круг вопросов расширялся до сфер внешней политики, экономики, охраны окружающей среды, включая использование водных ресурсов, культуры и т. д. 15 июня 2001 г. руководители пяти стран пришли к соглашению, по итогам которого, Шанхайский форум был преобразован в полноценную организацию многопрофильного сотрудничества. – Шанхайскую Организацию Сотрудничества (далее ШОС) [9]. Государства выступили с данной инициативой для расширения полномочий, так как статус форума не предусматривал активных решительных и широкомасштабных действий для устранения угрозы терроризма. В том же году в состав организации был принят Узбекистан.

Форум «Шанхайской пятерки» стал одним из самых ярких примеров в истории многосторонней дипломатии в современном мире, явившийся базой создания ШОС. Подводя итог выше сказанному, необходимо отметить, что появление новой международной организации – ШОС в Центрально-Азиатском регионе ни в коем случае нельзя считать феноменом, ввиду общности политических интересов стран участниц на протяжении значительных исторических периодов. Предпосылки создания данной организации имеют объективный характер. Осложнение политических связей

между странами-членами Шанхайской Организации Сотрудничества были вызваны современными экономическими и политическими трендами: глобализацией, терроризмом, экстремизмом и т. д. Поэтому необходимость поиска консенсуса в рамках политического института повлияло на создание ШОС.

Интерес третьих стран и организаций в Центрально-Азиатском регионе способствовал в том числе появлению такой организации как ШОС. Усиление политической роли региональных международных организаций и попытки стран-участниц этих организаций влиять на ситуацию в регионах так же стали причинами образования данного института. Важнейшим фактором так же стала необходимость в обеспечении безопасности границ стран шанхайской пятерки, и стабилизации экономического и социального развития самого центрально-азиатского региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Российско-китайское соглашение о мерах доверия в зоне границы – <http://www.chinastar.ru/rus/2/2/4> – 15. 08. 2005.
2. Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы – <http://www.chinastar.ru/rus/2/2/4>. – 15. 08. 2005.
3. **Matthew Hall**. The Shanghai Cooperation Organisation: A Partner for Stabilising Afghanistan? Centre for Defence and Strategic Studies Australian Defence College – 2009. – с 3.
4. Системная история международных отношений в 4-х томах. События и документы. 1918–2003. Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 3. События. 1945–2003. Раздел IV. Глобализация. Глава 13. М, НОФМО, 2003 с. – 357.
5. Досье о ШОС с 1996 года. Алма-Ате в 1998 г. – <http://tj.china-embassy.org/rus/zt/shhzzz/t242126.htm> – 24.03.2006.
6. Досье о ШОС с 1996 года. Бишкеке в 1999 г. – <http://tj.china-embassy.org/rus/zt/shhzzz/t242126.htm> – 24.03.2006.
7. Досье о ШОС с 1996 года. Душанбе в 2000 г. – <http://tj.china-embassy.org/rus/zt/shhzzz/t242126.htm> – 24.03.2006.
8. Шанхайский дух – http://dialogs.org.ua/issue_full.php?m_id=7522 – 26.09.2006 г.
9. Декларация о создании ШОС – http://russian.china.org.cn/archive2006/txt/2002-09/20/content_2043327.htm – 20.09.2002.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КИТАЯ

Китай имеет многовековую династическую историю (династия Хань (206 до н. э. – 9 н. э.), (династия Цин (1644–1912), рухнувшую в 1911 году, а последовавшие гражданская война и международные конфликты не позволили осуществить экономические преобразования. Лишь с образованием в 1949 году Китайской Народной Республики (КНР) было положено начало экономической модернизации. Впервые годы своего существования КНР направляла основные усилия на ликвидацию разрушительных последствий гражданской войны. Этот период времени (1949–1952) характеризуется как период восстановления народного хозяйства. Китай, еще до окончания восстановительного периода в качестве модели развития социалистического общества, принял за образец опыт ортодоксального сталинизма. Поэтому в построении социализма китайским руководством, в первую очередь, внимание было обращено на развитие тяжелой промышленности и проведение насильственной коллективизации в сельском хозяйстве. В стране с 1953 года была также внедрена практика пятилетнего планирования. С тех пор, Китай разработал, реализовывал (и продолжает реализовывать по сей день) пятилетние планы развития народного хозяйства. И даже переход к развитию рыночных отношений, рыночной экономики с 1978 г. не отменял последующие пятилетки. Успехи страны определялись также как и в СССР, выполнением или перевыполнением принятых пятилетних планов или лишь количественными показателями, указывавшие на рост общего объема произведенной продукции (до момента рыночных реформ). В период реализации первого пятилетнего плана (1953–1957), в основном, была завершена работа по проведению социалистического преобразования секторов частного сельского хозяйства, ремесла, частной торговли,

промышленности, была создана основа для осуществления социалистической индустриализации и закреплены социалистические производственные отношения. Доля государственного сектора, кооперативного сектора и смешанного сектора на основе сотрудничества частной и государственной собственности увеличилась с 21,3% в 1952 году до 92,9% [1] к концу пятилетки. Наряду с определенными успехами первой пятилетки выявились и некоторые проблемы: отставание сельского сектора от темпов развития промышленного производства; чрезмерная спешность и нетерпеливость в проведении социалистических преобразований негативно сказалась на многих процессах в будущем. За годы этой пятилетки в стране увеличился на 75% [2] выпуск продукции тяжелой промышленности. Однако руководство страны во главе с ее лидером Мао Цзэдуном не были удовлетворены темпами экономического роста страны и Мао направил Китай по пути «всеобъемлющей индустриализации» (программа «большого скачка»), для реализации которой необходимо было мобилизовать все население страны на интенсивный труд с тем, чтобы за короткий период времени добиться увеличения выпуска как сельскохозяйственной, так и промышленной продукции. Так, все внимание было приковано к созданию «дворовых доменных печей» для производства металла из низкосортной руды, металлического лома для чего миллионы крестьян и рабочих городов согласно указанием лидера страны Мао бросали поля и фабрики для их обслуживания. Можно сказать, что наряду с незначительными успехами в деле увеличения выпуска продукции, имели место негативные явления, такие как вырубка деревьев, уничтожение травянистого покрова и прудов, приведшие в 1959 и 1960 годах к катастрофическим наводнениям, снизившим сбор зерновых до уровня голодных лет. Итак, реализация программы «большого скачка», в конечном итоге, привела к жесточайшему голоду, который унес почти 30 млн. жизней. Из-за политических разногласий между двумя странами СССР (1960 г.) прекратил оказание помощи Китаю, помощь умирающим от голода людям пришла из Канады и Австралии.

Период «большого скачка» пришелся на вторую пятилетку (1958–1962 гг.), в которой ставилась задача создания мощной, независимой и целостной индустриальной системы и по некоторым значимым показателям догнать США и перегнать Великобританию. Однако, в ходе реализации «большого скачка» и «борьбы с правым уклоном» произошел дисбаланс в соотношении основных отраслей народного хозяйства, наблюдался финансовый дефицит, население страны столкнулось с большими трудностями, и прежде всего, с голодом. Правительством страны было принято решение о введении регулирования экономики. Преобразования (восстановления) народного хозяйства с 1963 по 1965 гг. осуществлялись в условиях прагматического политического курса, выдвинутого Дэн Сяопином и Лю Шаоци. Этот курс привел к росту валового объема промышленной продукции, а также нормализовал обстановку в сельском хозяйстве. Успех этого восстановительного периода обусловлен использованием в управлении производством высокопрофессиональных кадров, использованием достижений науки и введением системы оплаты по труду. К сожалению, развитие этого прагматического курса было прервано в 1966 году началом «великой культурной революции», бурно протекавшей с 1966 по 1969 годы. Следует напомнить, что эти годы (1966–1970) пришлись на третью пятилетку. В годы этой пятилетки были выполнены запланированные ведущие экономические показатели, в частности, плановые показатели валовой продукции промышленности и сельского хозяйства были перевыполнены, соответственно, на 16,2% – 14,1%, валовая продукция сельского хозяйства – на 2,2%, валовая продукция промышленности – 21,1%. Возросли также и производственные мощности жизненно важных продуктов и т. д. Однако, в ходе проведения «культурной революции» были закрыты школы и значительные массы молодежи и подростков, которые пользовались поддержкой армии (хунвэйбины – «красные охранники») поставили своей целью разгромить всех «правых» – врагов Мао. Итак, «культурная революция» нанесла определенные разрушения

интеллектуальной и культурной жизни страны, но она серьезно подорвала основы ее экономики (резко сократился объем внешней торговли, снизилась трудовая дисциплина, нарушилось транспортное сообщение, уменьшился выпуск промышленной продукции, приостановилось и сельскохозяйственное производство). Кроме того, из-за проводимой «культурной революции», коммунистическая партия, аппарат правительства и управления промышленностью недосчитывались многих своих квалифицированных кадров. В определенной мере после 1967 года армии удалось восстановить контроль над ситуацией. Однако, репрессивные меры, неразбериха и беспорядки продолжались вплоть до неудавшегося военного переворота в 1971 году, после которого Мао Цзэдун отошел от активного политического руководства страной. Усилия, предпринятые Дэн Сяопином и Чжоу Эньлаем вернуть страну к стратегии сбалансированного экономического развития начала 1960-х годов, были сорваны оппозиционерами, пришедших к власти в годы «культурной революции». Следует отметить, что уже в 1971 году самые худшие эксцессы остались позади и Китай был принят в ООН и установил отношения с США. Но эпоха страданий и страха китайского народа завершилась лишь со смертью Мао в 1976 году. В течение всего этого отрезка времени продолжали осуществляться «сталинские» пятилетние планы, направленные, прежде всего, на развитие тяжелой промышленности и значительные расходы на армию. В ходе реализации четвертого пятилетнего плана (1971–1975 гг.) были так же, как и в третьей пятилетки выполнены ведущие экономические показатели (валовая продукция сельского хозяйства и промышленности была выполнена на 101,7% к установленной норме, в том числе в сельском хозяйстве – на 104,5%, в промышленности – на 100,7%) [1]. Однако в этих планах присутствовало безосновательное, в какой-то мере, слепое стремление к высоким темпам развития, что создавало определенные препятствия для дальнейшего масштабного развития народного хозяйства и реальной модернизации экономического развития страны. В целом, можно

сказать, что «культурная революция» в Китае, проводившаяся с 1966 года, нанесла огромный вред китайской экономике. Политический курс Китая в целом стал меняться после 1978 года, когда власть сосредоточилась в руках Дэн Сяопина, под руководством которого с конца 1978 года начали проводиться экономические реформы, носящие рыночный характер. Проведение китайских реформ легли на плечи очень опытного бывшего революционного деятеля, который обладал огромным авторитетом и мог смело идти навстречу новым рыночным реформам. Следует отметить, что Китай раньше примерно на десяток лет, чем СССР стал на путь крупномасштабных преобразований, выбрав свою модель модернизации экономического развития. Каковы же причины, подтолкнувшие страну Китай к столь серьезным переменам или иными словами, что привело страну, ее руководство к необходимости разработки и реализации новых экономических реформ, ознаменовавших отказ от советской модели построения экономики и переход к строительству «социализма с китайской спецификой»? В первую очередь, подавляющее большинство руководителей и граждан Китая осознали важность и необходимость проведения кардинальных реформ, поскольку после «великой культурной революции», длившейся с 1966 по 1976 годы страна еще находилась в состоянии хаоса, бедности, репрессий и голода. Кроме того, Китаю пришло осознание важности активного приобщения к глобализационным процессам, к интегрированию его в мировую экономику. К тому же, осуществление коренных реформ было необходимо в целом для возрождения страны, для поднятия авторитета, укрепления власти и единства китайского руководства, подорванные в ходе проведения «культурной революции». В 1975 году ЦК КПК разработал первый «План десятилетний программы развития народного хозяйства в период 1976–1985 гг.», который ознаменовал начальный первый этап модернизированного строительства Китая (акцент работы ЦК КПК именно на модернизацию был заявлен в декабре 1978 года). В этот период времени реализовывался очередной пятый пятилетний план

(1976–1980 г.), в котором были установлены запредельные показатели из-за форсирования как обычно экономической ситуации. Подобное имело место, к сожалению, и в предыдущих планах. Таким образом, в результате запредельных показателей, в сфере экономического строительства были допущены новые промахи. Поэтому на третьем пленуме ЦК КПК XI созыва (декабрь 1978 г.) как раз и было положено начало курсу открытости и реформ и акцент работы

ЦК КПК сместился на модернизированное социалистическое строительство. Прежде всего, реформирование экономики предполагало сосредоточение внимания на «новой экономике», т. е. речь шла о стимулировании создания и развития совершенно новых предприятий разных уровней: национального, провинциального, поселкового, деревенского, а не на приватизацию неконкурентоспособной «старой экономики». Эти новые частные предприятия, и, прежде всего, поселковые и деревенские предприятия могли и использовали огромный потенциал рабочей силы из сел и деревень, новейшие технологии и проектные разработки или их имитации, заимствованные за рубежом, лучшие управленческие кадры, а также иностранные инвестиции, поступающие со всего мира. Можно говорить об определенной гибкости и некоторой прагматичности китайского руководства, которое не делало ставку на изменение формы собственности или сугубо частные предприятия. Оно лишь требовало, чтобы новые производства были реально современными и ориентировались на экспорт, новейшие технологии и т. д. Что касается государственных предприятий, то они были реформированы, а не приватизированы, им была предоставлена хозяйственная самостоятельность. Реформа в сельском хозяйстве предполагала раздробить крупные коллективные хозяйства на более мелкие, эффективные хозяйства, введя при этом систему их ответственности, благодаря чему был в дальнейшем достигнут рост производительности труда и создан отсутствующий до сего времени внутренний рынок потребительских товаров. Эти преобразования в

определенной степени привели к массовому перемещению сельского населения в города и, соответственно, к формированию значительного рынка рабочей силы в городах. Первоначально реформирование внешнеэкономической деятельности предполагало расширение внешней торговли, изменение структуры экспорта и импорта (напомним, что к тому моменту потребности страны в импорте были почти неограниченны, но страна мало что могла предложить на экспорт в индустриально развитые страны). Структура экспорта Китая претерпела существенные изменения в 1980-е годы. В начале этого десятилетия пищевые продукты и минеральное сырье (нефть и уголь) составляли 2/5 общего объема китайского экспорта, а к концу десятилетия они достигли 1/5. Доля готовых изделий в экспорте в течение этого же периода выросла с 50 до 75%, причем стоимость экспорта готовой одежды превышала суммарную стоимость экспорта нефти, затем в структуре экспорта вышли хлопчатобумажные ткани и морепродукты. Произошли изменения и в структуре импорта: доля готовой продукции (в основном производственное и транспортное оборудование) выросла с 65 до 82% от общей стоимости импортных поставок [2]. Основными торговыми партнерами Китая в 1980-х – первой половине 1990-х годов являлись Гонконг, Япония, США, Германия. Преобразование внешнеэкономической деятельности предполагало и проведение политики открытости в расчете на приток иностранных инвестиций для модернизации и развития промышленного производства. Их поступление отовсюду обусловлено тем, что КПК проводила и реализовывала активную политику индустриализации по опыту СССР вплоть до начала рыночных реформ. Китайское руководство для стимулирования инвестиций создало четыре специальные экономические зоны: Шанхай, Чжухай, Шаньтод и Хайкоу куда и устремились потоки прямых иностранных инвестиций Гонконга, Тайваня и США благодаря которым в определенной степени сформировался значительный экспортный сектор экономики, ориентированный на низко затратную, но трудоемкую продукцию.

Таким образом, эти зоны, привлёкшие к себе промышленное производство, ориентированное на экспорт, обеспечивали страну Китаю необходимой иностранной валютой. В то же время, Китаю удалось пробиться на потребительские рынки Запада, особенно США. В апреле 1979 г. ЦК КПК был представлен курс «Регулирование, преобразование, упорядочение и повышение», который означал выведение из трудного положения развитие народного хозяйства Китая. В этой связи, следует привести ряд неутешительных показателей, характеризующих экономическое состояние Китая. Так, ВВП в 1978 г. составил лишь 670 млрд. долл. США (китайский ВВП в этот год был меньше российского на 23%), ВВП на душу населения в 1978 г. составило 708 долл. США – этот показатель в 9 раз был меньше российского (данные по ППС в ценах 1993 г.) [3]. Приведем и другие показатели, характеризующие положение дел в Китае в 1978 г.: к моменту начала реформирования (доля занятых в государственном секторе составила – 94,9%, доля лиц, получающих пособия и субсидии из госбюджета – 5,6%, уровень безработицы – 5,3%, темпы прироста экспорта – 2,3%, импорта – 2,8%, доля машин и оборудования в экспорте составлял – 4,7%, а иностранные инвестиции в % к ВВП составляли лишь 0,11%) [3]. К 1978 г. не вызывают утешения показатели человеческого развития. Так, например, младенческая смертность на 1000 рождений составила – 41,0; уровень грамотности населения – 66,1%; число студентов в вузах на 10 тыс. чел. – 89 [3]. Выше представленные показатели подтверждают своевременность китайского руководства в принятии и проведении новых экономических реформ, содержание которых нашли отражение в принятых последующих пятилетних планах. В этом отношении особый интерес вызывает шестая пятилетка (1980–1985 гг.), поскольку в ней были определены такие задачи, которые ранее не ставились (всемерно развивать экономику и торговлю, эффективно использовать иностранные инвестиции, активизировать заимствование нужных стране передовых технологий, стимулировать развитие экономики и технологий и т. д.). Исходя из перечисленных

задач, становится понятным, что Китай связывает реформирование экономики, прежде всего, с необходимостью и важностью выведения страны на очень значимый мировой уровень, усиления развития внешнеэкономической деятельности и международных отношений. Отсюда не случаен огромный интерес китайского руководства к продолжению проведения политики «открытых дверей» начатой еще в 1978 г. и политики привлечения иностранных инвестиций. Весь мир привлекли значительные, достигшие в ходе шестой (1980–1985 гг.) и седьмой (1986–1990 гг.) пятилеток успехи, в частности, имел место стабильный рост по всем направлениям (ежегодный рост валовой продукции промышленности и сельского хозяйства составил 11%) [1]. Важно отметить, что среди основных принципов седьмой пятилетки было названо «продолжение курса внешней открытости с целью технического обмена и оптимального сочетания внутреннего экономического строительства с внешнеэкономическим расширением». К тому же, этот план выделил науку и образование в важные стратегические отрасли с целью содействия научно-техническому прогрессу и интенсификации интеллектуального роста. Обращает внимание и принцип «распространение духа упорства в борьбе, трудолюбия и бережливости». По-нашему мнению, этот принцип является частицей новой идеологии, без которой невозможно успешное решение поставленных задач перед страной, ее народом. Таким образом, на базе основных принципов седьмой пятилетки страна должна придти к дальнейшему созданию благоприятной экономической и социальной обстановки «для проведения реформы в сфере экономики с целью обеспечения основного баланса между социальным спросом и предложением», а также «заложить на ближайшие пять лет и далее основной фундамент социалистической экономической системы нового типа с китайской спецификой» [1]. Напомним, что Дэн Сяопин поставил задачу увеличения мощи китайской экономики к 2000 г. в четыре раза, для выполнения которой требовалось повышения эффективности сельскохозяйственного производства и комплексной перестройки

промышленности. Реформирование сельского хозяйства, завершенное лишь к 1984 г., обеспечило значительный рост производства основных продуктов питания, увеличило их разнообразие (благодаря частично широкому использованию химических удобрений и сельскохозяйственных машин т. д.). Успехи преобразования в промышленности позволили добиться постепенного устранения дисбаланса между объемами производства в тяжелой и легкой промышленности и привели к росту услуг. Развитие и расширение же внешнеторговых связей содействовало все большему интегрированию Китая в мировую экономику. Так, с 1979–1988 гг. по темпам ежегодного прироста валового национального продукта Китай уступал лишь Южной Корее. Однако развитие указанных тенденций было прервано в июне 1989 г. жестоким подавлением массовых политических демонстраций протеста на площади Тяньаньмэнь в Пекине и последующего ограничения гражданских прав. Но в последующие два года стали четко проявляться признаки возврата к прагматической линии в сфере экономики. Целью, проводимой экономической политики руководства Китая являлось продолжение курса на построение социалистического общества с применением рыночных отношений. Тому пример стремительный рост количества частных торговцев и малых предприятий в самых различных сферах обслуживания (рестораны, ремонтные мастерские, фотомастерские и др.). Так, например, в торговле, системе питания, сфере обслуживания в 1978 г. было занято лишь 9,4 млн. человек, то в 1992 г. это число превысило 43 млн. человек [4]. С момента проведения восьмой пятилетки (1991–1995 гг.) курс реформ и внешней открытости, модернизированное строительство страны вступили в новый этап. Об этом в своей речи заявил Дэн Сяопин на 14-й сессии ЦК КПК. К тому же, в марте 1991г. на собрании ВСНП седьмого созыва был утвержден Доклад о десятилетней программе народного хозяйства и социального развития. Самым весомым достижением и событием этой пятилетки стало досрочное – на пять лет раньше – выполнение задачи увеличения ВВП в четыре раза к концу 2000 года. В 1995 году

ВВП достиг 5760 млрд. юаней. И так, ВВП увеличился в 4,3 раза к уровню 1980 года, т. е. задача была выполнена на пять лет раньше [1]. Таким образом, восьмая пятилетка, ознаменовавшая новый этап в развитии рыночных отношений, в продвижении и дальнейшей реализации рыночных реформ стала демонстрировать всему миру реальные успехи в построении «социализма с китайской спецификой» (признание КПК многоукладности, плана и рынка как средств экономического регулирования и т. д.). Но главным результатом этого плана являются небывалые темпы роста экономики, достигшие именно в этот период 11%, что примерно на 4% выше, чем в период седьмого пятилетнего плана. Такого рекорда в стране до сего времени не было. По показателю производительности в сфере производства таких продуктов как уголь, цемент, хлопчатая ткань, телевизоры, хлопок, мясо, зерно Китай занял первое место в мире; второе место – стальной прокат и химволокно; третье место – производство электроэнергии. Это весомые достижения, свидетельствуют о том, что страна может разрешить многие проблемы, в частности, ликвидировать окончательно голод, изменить структуру импорта и экспорта, увеличить экспорт, выйти на мировые рынки и т. д. К тому же, к концу восьмой пятилетки уже сформировалась обстановка внешней открытости, позволившая Китаю (ее территориям и отраслям: перерабатывающей промышленности, базисной индустрии, инфраструктуры) общаться с внешним миром. В качестве примера развития внешней открытости регионов в период восьмого пятилетнего плана следует считать открытие границ и проведение политики внешней открытости в районе Пудун Шанхая, а также подобная политика осуществлялась в более чем 1100 уездах и городах страны. К этому времени были созданы многочисленные зоны экономического освоения и 13 зон беспошлинного ввоза товаров. Эти успехи подтверждают возможность благоприятного сосуществования социализма и рынка или можно выразиться иными словами: успешным внедрением в социалистические отношения рыночных отношений при обязательном контроле государства. Курс открытости

сказался и на динамичном развитии внешней торговли. Так, например общий товарооборот за рассматриваемые годы достиг 1014,5 млрд. долларов США, что в два раза больше, чем в период седьмой пятилетки. Ежегодный рост составил 19,5%, что выше уровня шестой пятилетки (12,8%) и седьмой пятилетки (10,6%). Общий объем экспорта составил более 100 млрд. юаней, а доля от общего объема мировой торговли с 1,6% в период седьмой пятилетки увеличилась на 3%. Благодаря ускоренному развитию экспортного сектора общий объем валютных резервов в Китае вырос в 5,6 раза (73,6 млрд. долларов США) по сравнению с уровнем конца седьмой пятилетки (11,1 млрд. долларов США) [1]. И в 1995 году по объему товарооборота страна занимала 11-е место в мире. Таким образом, выше изложенное указывает на прорыв в реализации рыночных реформ и подтверждает их вступление в новый этап. Это есть свидетельство того, что развитие Китая происходит своим своеобразным, отличным от других стран путем. В ходе девятой пятилетки (1996–2000 гг.) необходимо было удвоить среднедушевой уровень ВВП к уровню 1980 года, ликвидировать в основном бедноту, приблизить уровень жизни народа к среднезажиточному, ускорить строительство современных предприятий и первоначально создать сравнительно совершенную систему социалистической рыночной экономики и др. В рассматриваемой период времени прослеживается отход государства от жесткой централизации управления и все более прочные позиции в экономике начинает занимать частное предпринимательство. Так, доля госпредприятий в производстве промышленной продукции в Китае неуклонно сокращается (с 80% в 1978г. до 34% в 1998 г.), доля же частных предприятий продолжает расти и в 1998 г. составила более 12% [4]. Кроме того, в 1995 году была принята программа о перспективных целях экономического и социального развития к 2010 году, представляющая новый второй этап стратегической программы о модернизированном строительстве по всем направлениям. В соответствии с этой программой в 2010 году должно произойти: удвоение ВВП по сравнению с уровнем 2000 года,

значительное улучшение обеспечения жизни народа людей и должна сложиться сравнительно совершенная система социалистической рыночной экономики. Следует признать, что руководство страны, китайский народ со всей ответственностью приступили к ее выполнению. К концу десятой пятилетки (2001–2005 гг.) ВВП достиг 12,5 трлн. юаней, среднедушевой уровень ВВП – 9400 юаней [1]. Достижением одиннадцатой пятилетки Китая являются высокие темпы роста экономики, по которым стране удалось выйти в лидеры и занять по ним первое место в мире. По данным Международного валютного фонда (МВФ) в 2010 г. номинальный объем ВВП Китая достиг 5,878 трлн. долл. США. КНР обогнала Японию (5,459 трлн. долл. США) и вышла на 2-е место в мире после США (14,658 трлн. долл. США) [4], таким образом, став второй экономикой мира. Таким образом, в одиннадцатой пятилетке китайской экономике удалось совершить новый значительный скачок. Так, за период 2006–2009 гг. среднегодовой рост валового внутреннего продукта составил почти 11,5%, а это на 1,6% превышает показатель десятой пятилетки, который составил за пять лет 9,8% [4]. И это несмотря на то, что с 2006 по 2010 гг. страна перенесла и стихийные бедствия, и негативное влияние мирового кризиса. Высокие темпы роста ВВП в одиннадцатой пятилетки в Китае (более 11%) достигались за счет дешевого экспорта и значительных инвестиций. Следует признать и успех во внешнеэкономической деятельности: так, уже в 2009 г. Китай вышел на 1-е место в мире по объему экспорта – 1,2 трлн. долл. США (у Германии и США, соответственно, 1,12 трлн. долл. США и 1,05 трлн. долл. США) и на 2-е по импорту – 1 трлн. долл. США (у США – 1,6 трлн. долл. США, у Германии – 938 млрд. долл. США) [4]. Эти достижения в экспортно-импортной деятельности страны свидетельствуют о выполнении директивы XV съезда КПК (1997) о необходимости и важности перехода к экспортной ориентации экономики Китая, которая и позволила, и позволяет стране восполнить нехватку национальных природных ресурсов, активно вывозить продукцию национальной экономики и ввозить новую

технику, при этом развивая новые отрасли производства, постепенно формировать собственные транснациональные корпорации (ТНК) и достойно участвовать в глобальной конкуренции. Экономические успехи также обусловлены, на наш взгляд, правильной инвестиционной политикой привлечения иностранных инвестиций, проводимой Китаем (налоговые каникулы, льготные импортные тарифы, облегчения правил приема и увольнения иностранного персонала). Еще в 1986 г. китайское правительство выпустило список из 22 положений, направленных на улучшение инвестиционного климата. Особенностью Китая в этом отношении является привлечение в страну инвестиций зарубежных китайцев, которые появились впервые с середины 80-х годов благодаря улучшению инвестиционного климата. Так, среднегодовой объем этих инвестиций превышал 1 млрд. долл. США. За период 1978–1991 гг. китайские предприниматели, живущие за рубежом, инвестировали в КНР более 18 млрд. долл. США, что превышало 77% от общего объема ПИИ. Важно отметить, что в 2006 г. (начало одиннадцатой пятилетки) объем фактически привлеченных ПИИ превысил 70 млрд. долл. США, что позволило Китаю занять 1-е место в мире по этому показателю, а уже в 2007 г. они составили 74,8 млрд. долл. США., причем доля инвестиций зарубежных китайцев в общем объеме ПИИ составила 65% [4]. Таким образом, успехи в сфере привлечения инвестиций обусловлены, прежде всего, установлением приемлемого инвестиционного климата тесно связанного с общей политикой государства. Определенные успехи имеются у Китая в инновационной сфере, требующей активного государственного участия также: с 1999 г. доля затрат на научные исследования и разработки в ВВП Китая выросла вдвое – до 1,5%, достигнув в 2010 г. 100 млрд. долл. США. По этому показателю Китай уступает лишь США (325 млрд. долл. США). Заметим, что в планах китайского правительства к 2020 году намечено увеличение этих затрат до 300 млрд. долл. США, т. е. 2,5% ВВП [4]. Руководство страны, китайский народ не останавливается в своем экономическом развитии, а идет

дальше. Так, власти страны заявили, что китайскую экономику в двенадцатой пятилетке (2011–2015 гг.) ждет фундаментальная трансформация, заключающаяся в изменении модели экономического роста, заметно снизив его темпы. Отметим, что в предыдущие пять лет темпы роста ВВП в Китае составляли примерно 11%, что достигалось, прежде всего, за счет дешевого экспорта и колоссальных инвестиций. Однако, подобная модель имеет негативные последствия такие как деградация окружающей среды, надувание финансовых пузырей, разрыв между богатыми приморскими провинциями на востоке КНР и нищими внутренними регионами, растущая пропасть между богатыми и бедными. В соответствии с планом этой пятилетки экономика должна расти в среднем всего на 7% в год и тогда к 2015 году китайский ВВП составит 55 трлн. юаней (8,37 трлн. долл.) и продолжит догонять США, экономика которых уже сейчас составляет более 15 трлн. долл. [5]. Догнать нынешнего лидера КНР планируют после 2020 года, однако для этого стране придется во многом скорректировать модель экономического роста. В связи со сказанным приоритетными направлениями Китая в этой пятилетки станут рост внутреннего потребления, забота об окружающей среде, развитие инноваций, сглаживание социальных противоречий и др. Итак, власти страны будут в большей степени ориентироваться на рост внутреннего потребления. По словам премьера госсовета КНР Вэнь Цзябао, к концу пятилетки доля урбанизации вырастет на 4% и составит 51,5%, в городе будет создано 45 млн. дополнительных рабочих мест. Для стимулирования потребления в бедных сельских регионах госсовет повысит базовую ставку налога на доходы свыше 2 тыс. юаней в месяц (около 300 долл.), то в период этой пятилетке потолок повысится до 2,5–3 тыс. юаней (около 380–460 долл.) в зависимости от региона. Руководство страны намерено реализовать программу «Доступное жилье», построив более 10 млн. новых домов для семей с достатком ниже среднего. Для стимулирования инноваций государство снижает налоги и увеличивает вложения в исследования и разработки, что приведет к тому, что к концу

пятилетки доля расходов на науку должна составлять 2,2% ВВП вместо нынешних 1,5% [5]. В 2010 году в КНР на исследования было потрачено 141 млрд. долл., что в 2,8 раза меньше, чем в США, т. е. видно, что до мирового лидера – США – Китаю пока еще далеко. Тем не менее, главной сферой исследований, в которую будет инвестировать китайское государство, станет энергетика. За двенадцатую пятилетку планируется увеличить долю возобновляемых источников энергии в энергобалансе КНР до 11, 4% по сравнению с 8% предыдущей пятилеткой. При этом объем энергии, потребляемой на производство единицы ВВП, должен снизиться на 16%, выброс углекислого газа – на 17%. Руководство страны планируют на реализацию программ по защите окружающей среды потратить около 3 трлн. юаней (457 млрд. долл.) [5]. Госсовет КНР за эти ближайшие пять лет намерен в два раза увеличить социальные расходы, это означает, что до 25% расходной части бюджета будет тратиться на медицину, образование и соцобеспечение. Следует признать, что фундаментальных проблем как, например отсутствие пенсионной системы (она есть только для работников государственных учреждений) эти меры не решат. За эти годы продолжится и программа по освоению внутренних провинций КНР. Это связано с тем, что в последние годы издержки (прежде всего зарплата) в приморских провинциях Китая растут, и многие производители продукции легкой промышленности начинают переносить предприятия в страны Юго-Восточной Азии. В связи с этим, КНР предлагает иностранным инвесторам переводить производство не за рубеж, а в китайскую глубинку, где зарплаты по-прежнему низкие. При этом программой предлагаются налоговые льготы. Этой программой уже пользуются многие компании. Так, например, о переводе части производства вглубь страны объявила Foxconn Technology, собирающая, в частности, продукты Apple. Заметим, что зарплата на предприятиях в Гуандуне превысила 270 долл. в месяц, в то время как в бедных провинциях люди готовы работать и за 100 долл. [5]. Власти намерены бороться и с инфляцией как одним из

главных приоритетов в двенадцатой пятилетки. Руководство страны считает, что для решения этой проблемы следует найти оптимальное соотношение между темпами роста, занятостью и инфляцией. Таким образом, расширение внутреннего потребительского спроса – это важная задача для экономического развития Китая в течение этой пятилетки. Для ее решения за годы двенадцатой пятилетки следует:

- достичь существенного роста доходов городского и сельского населения с целью реализации баланса между повышением доходов населения и экономическим развитием, необходимо осуществить сокращение разрыва в доходах между городским и сельским населением, а также свести на нет межрегиональное и межотраслевое неравенство;
- реформировать в полной мере систему налогов на потребление ресурсов, ввести экологический налог и разработать план по реформированию налогообложения в сфере недвижимости;
- упростить условия регистрации в средних и малых городах, усилить и оптимизировать демографическое устройство в больших городах;
- ускорить и интенсифицировать строительство доступного жилья и жилья с низкой арендной платой для удовлетворения в жилье граждан со средними и низкими доходами, а также предотвратить спекуляции в этой сфере.

Все вышеизложенное подтверждает, что в своем экономическом преобразовании Китай, начиная с 1978 года, идет своим путем, выбранным им самим. При этом идет уверенными шагами. КНР на протяжении более 35 лет показал, показывает и, видимо, еще будет показывать всему миру невозможное – успешное осуществление реформирования по всем направлениям. Вместе с тем, Китай отошел от чисто советских социалистических принципов построения социалистического общества, и доказал миру, что возможны и иные пути к достижению своей заветной цели – построения коммунистического общества. Итак, китайский путь – это путь построения социалистической системы с китайской спецификой. И, прежде всего, Китай доказал, что вполне реально сосуществование

и развитие и рыночных, и плановых отношений. Главное – это умение направлять и контролировать развитие как тех, так и других. Эти функции возложены на руководство страны и КПК, которые осуществляют постоянный государственный контроль над происходящими экономическими процессами. Заслуга КПК в развитии страны велика. Так, активное участие партия принимает в разработке, корректировке и реализации пятилетних планов экономического и социального развития страны. Вместе с тем, рынок и конкуренция как элементы рыночного механизма стимулируют экономическое развитие по всем направлениям хозяйствования. И КНР, как раз продемонстрировал миру, что без развития рыночных отношений невозможно достичь значительных объемов и темпов по всем показателям экономического развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Russian.China.org.cn: Пятилетний план – [Электронный ресурс] – <http://russian.china.org.cn/russian/223070.htm>.
2. Академик: Китай. Экономика – [Электронный ресурс] – http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/3409/%D0%9A%D0%98%D0%A2%D0%90%D0%99.
3. Институт свободы. Московский либертариум: Тайна китайского экономического чуда – [Электронный ресурс] – http://www.libertarium.ru/l_ptchina_china.
4. Арин О. Россия на обочине мира – [Электронный ресурс] – http://www.rusglobus.net/Arin/books/Russia_adge/13.htm.
5. Габуев А. Пятилетка качества жизни. Китай наметил программу превращения в сверхдержаву – [Электронный ресурс] – <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1300165080>.

РАЗДЕЛ II.
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

УДК 323.15 + 314.83 + 314.92+314.7

А. А. Башкарев

**МИГРАЦИЯ ВЕПСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В XX ВЕКЕ**

Вепсы исторически являются одной из коренных народностей российского Северо-Запада, населяя сопредельные территории Ленинградской и Вологодской областей, а также республики Карелия. Современные ученые разделяют по диалектным особенностям речи три основные этнические группы вепсов: северную (прионежскую), среднюю (оятскую, белозерскую) и южную [1]. Компактность проживания этноса в пределах одной территории, к сожалению, не позволила полностью сохранить имевшуюся прежде систему социальных и культурных связей между этими тремя группами, что в итоге обусловило миграцию и ускорило ассимиляцию вепсов. В данной статье предлагается рассмотреть негативные факторы, повлиявшие на разобщенность этнических групп вепсов и вызвавшие резкое сокращение их численности в XX веке – как общей, так и проживающих на территории современной Вологодской области (см. табл. 1).

В прошлом территория расселения вепсов была гораздо обширнее. Ее сокращение происходило постепенно, но резко ускорилось в середине XX века. Особенно заметны такие процессы на территории современной Вологодской области. Так, еще в XIX в. вепскими были ряд деревень, большинство жителей которых сейчас обрусели [2]. Вплоть до 1922 г. вепсы проживали на территории бывшей Олонецкой (Вытегорский и Лодейнопольский уезды) и

бывшей Новгородской губерний (Белозерский, Тихвинский, Устюженский уезды). Последовавшее после революции 1917 г. кардинальное изменение административно-территориального устройства на данных территориях привело к образованию в 1927 г. Ленинградской, а в 1937 г. – Вологодской областей.

Табл. 1. Динамика изменения численности вепсов с 1926 по 2010 гг. (общей и проживающих на территории Вологодской области), тыс. чел.

Год	Общая численность	Численность вепсов на территории Вологодской области
1926	32,8	6,9*
1937	29,8	5,4
1939	31,7	5
1959	16,4	0,1
1970	8,3	0,3
1979	8,1	0,07
1989	12,5	0,7
2002	8,2	0,4
2010	5,9	0,4

* – на 1926 г. на территории Череповецкой губернии

Можно утверждать, что вплоть до середины 1950-х гг. вепсы проживали единым этническим массивом. Однако предпосылки их разъединения на разрозненные группы начали возникать еще в 1930-е гг. Такими предпосылками явились нерешенность многих задач национально-культурного развития в 1920-е – 30-е гг., полный отказ от проводившейся до 1937 г. политики коренизации, сложность с обеспечением мест проживания вепсов соответствующей инфраструктурой, в особенности в Ленинградской и Вологодской областях.

Миграция вепсов, как таковая, началась еще в период существования их исторических предков – племени весь, которая являлась крупной этнической группой, игравшей заметную роль в эпоху формирования единого древнерусского государства [3]. На

историческую судьбу вепсов повлияло продвижение славян на север, начавшееся на рубеже I и II тысячелетий, по водным путям, ранее обжитым древней весью. Оно положило начало ассимиляции вепсов, проживавших вблизи судоходных рек, и вытеснению их вглубь территории между Ладожским, Онежским и Белым озерами и за ее пределы, что можно считать началом миграционных процессов вепсского населения. Этническая история вепсов была весьма сложной. Весь-вепсы сталкивались со многими этносами, испытывали при этом различные воздействия и сами оказывали влияние на них и, несмотря на значительные «потери» в связи с миграциями и участием в этногенезе других народов, они сохранились как самостоятельная народность на своей территории [4].

Разделение вепских земель между Олонецкой и Новгородской губерниями сказалось на различиях в социально-экономическом и культурном развитии вепсов разных регионов. В период крепостного права вепсы Олонецкой губернии (прионежские, шимозерские, часть оятских) были государственными крестьянами, а остальные – помещичьими. В начале XVIII в. вепсы Петрозаводского уезда оказались приписанными к Олонецким (Петровским) металлургическим и оружейным заводам, а вепсы Лодейнопольского уезда – к Олонецкой судостроительной верфи. Работа на заводах и строительстве втягивала вепсов Олонецкой губернии в экономическую и политическую жизнь края [5].

При том, что процесс обрусения вепсов шел на протяжении нескольких столетий, он был постепенным и оценить его масштабы в полной мере достаточно сложно, что связано с отрывочным характером сведений о численности вепсского населения вплоть до 1897 г. Основными факторами постепенной ассимиляции являлась необходимость изучения русского языка ввиду тесного соседства вепсов с русским населением, наличием отходничества (уходом мужского населения на сезонные промыслы) и т.д. Однако процессы порусения в большей степени были заметны в зоне этнического

порубежья, за счет имевших место смешанных браков между вепсами и русскими. В то же время круг брачных связей вепсов в центре ареала расселения вплоть до начала XX в. был чрезвычайно узок – браки заключались в своих сообществах, выходы за пределы которого были крайне редки [6].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. начинается процесс административно-территориального разделения северо-западной части СССР. Вологодская область была образована в 1937 г., и в ее состав включается ранее отнесенный к Ленинградской области Череповецкий округ, на территории которого проживали средние и южные вепсы. Разрыв связей между отдельными группами вепских поселений произошел из-за многочисленных изменений районных границ, которые проводились без учета обитания здесь вепсской народности. Существующая ныне структура районного деления сложилась после очередной реорганизации в 1960-х гг. (см. табл. 2).

Табл. 2. Изменение системы районирования в местах компактного проживания вепсов (1950-е – 60-е гг., Ленинградская и Вологодская обл.)

Район	Область	Вошел в состав после административных реформ
Борисово-Судский	Вологодская	Бабаевского Вологодской обл.
Винницкий*	Ленинградская	Подпорожского Ленинградской обл.
Ефимовский	Ленинградская	Бокситогорского Ленинградской обл.
Капшинский	Ленинградская	Тихвинского и Бокситогорского Ленинградской обл.
Оштинский	Вологодская	Бабаевского и Вытегорского Вологодской обл.
Оятский	Ленинградская	Лодейнопольского Ленинградской обл.
Шольский**	Вологодская	Бабаевского, Белозерского и Вашкинского Вологодской обл.

* – имел статус вепсского национального в 1931–1938 гг.

** – на территории находились вепские национальные сельсоветы в 1930-х гг.

Особенности строительства местной дорожной инфраструктуры в СССР сводились к обеспечению транспортной связи лишь с центрами вновь образованных районов, что привело к утрате путей, крайне важных с точки зрения социокультурных контактов между этническими группами вепсов. Так, созданная еще в довоенный период административная граница между Ленинградской и Вологодской областями полностью разделила оятских и шимозерских вепсов, входивших в среднюю этническую группу, т. е. пересекавшие ее транспортные пути не переставали поддерживаться, а новые не создавались. Специфический характер рельефа, сильная заболоченность территории Вепсовской возвышенности приводили к быстрой утрате прежних гужевых дорог, связывавших деревни средних вепсов. Схожая ситуация наблюдалась в соседней Ленинградской области, где фактически отсутствовала дорожная сеть между районами проживания средних и южных вепсов — соответственно Винницким и Капшинским (позднее Подпорожским, Тихвинским и Бокситогорским) [7].

Еще одной причиной прекращения межэтнических связей средних вепсов, проживавших в Вологодской и Ленинградской областях, стало исчезновение традиции совместного проведения ярмарок и религиозных праздников, не сочетавшейся с официальной советской идеологией. Существовавшие ранее между вепскими деревнями соседних областей экономические и культурные связи оказались прерванными.

Период активного реформирования административно-территориальных границ, нарушившего относительную этнотерриториальную целостность вепсов, совпал с резким изменением в государственной национальной политике по отношению к этническим меньшинствам [8].

Следует отметить, что в первые два десятилетия существования советской власти принимались меры по национально-культурному развитию вепсов, что напрямую влияло и на

демографическую ситуацию. Так, в 1926 г. была зафиксирована самая высокая численность вепсов – 32,8 тыс. чел. (из них проживавших на территории Вологодской области – на тот момент Череповецкой губернии – 6,9 тыс. чел.) [9], что указывало на фактическое приостановление ассимиляционного процесса. В этот период создавались и национально-территориальные образования в местах компактного проживания вепсов. Так, в 1931 г. Винницкому району Ленинградской области с центром в с. Андроновское (Винницы) был присвоен статус вепского национального, сохранявшийся за ним на протяжении 7 лет. Аналогично вепским национальным был признан Шелтозерский район Карельской АССР, существовавший в таком статусе вплоть до 1956 г. Данная тенденция, к сожалению, не имела продолжения по отношению к территории современной Вологодской области – планы создания третьего национального района с центром в Шимозере реализованы не были.

Статус этнотерриториальных образований укреплялся в результате проводимой до 1937 г. политики коренизации, целью которой провозглашалось выравнивание политического, культурного и экономического развития национальных меньшинств с «передовыми нациями». Преодоление национального неравенства реализовывалось в рамках системы взаимосвязанных мер, льгот и привилегий, обеспечивающих ускоренное формирование национальной элиты и рабочего класса. Делопроизводство и школьное образование переводилось на языке местных народов, на них велась просветительская и культурная деятельность. Все это содействовало институционализации этничности и росту национального самосознания народов [10].

Следует упомянуть, что «Декларация прав народов России», по существу являвшаяся одним из первых документов Советской власти, принятым Советом народных комиссаров РСФСР в ноябре 1917 года, провозглашала свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. Политика

коренизации была логическим продолжением такой декларации и должна была оказать большое влияние на формирование культурного пространства СССР как многонационального государства. Кроме того, распространение национального языка и культуры, участие национальных кадров в местном самоуправлении по замыслу советских властей должны были остановить распространение автономистских и сепаратистских настроений.

К большому сожалению, положительная тенденция, направленная на поддержку национальной идентификации вепсов, к середине 1930-х гг. была свернута. Данное изменение приоритетов со стороны властей СССР объяснялось началом, так называемой кампании «борьбы с буржуазным национализмом», что де факто привело к борьбе с национальной самобытностью. Исследования по истории народов оказались под запретом, как «националистические», стали отражать только историю соответствующих территорий. Был нанесен серьезный удар по развитию и укреплению духовного единства родственных народов.

В конце 1930-х гг. вепские национальные район и сельсоветы в Ленинградской и Вологодской областях упразднили.

Таким образом, можно было говорить о завершении первого периода национального возрождения вепсов. Процесс этнокультурного развития вепсов как этноса при помощи государства был свернут. Административно-территориальная разобщенность вепского населения и отсутствие транспортных коммуникаций между территориальными единицами привело к дальнейшему ослаблению внутриэтнических культурных и языковых связей вепсов. Изменившаяся политическая ситуация создала предпосылки для ускорения языковой и политической ассимиляции [11].

Капитальная реконструкция дорожной сети в местах компактного проживания вепсов была проведена в республике Карелия и частично в Ленинградской области, однако не затронула северную часть Бабаевского района Вологодской области, где также

проживали вепсы. Это не позволило создать должную инфраструктуру, связанную с социальным обслуживанием населения, препятствовало налаживанию транспортного сообщения. В 1955 г. Оштинский район, на территории которого проживала большая часть вепсов Вологодской области и ранее существовало 7 национальных сельсоветов (табл. 3), был упразднен с разделением на Вытегорский и Борисово-Судский, а затем в 1959 г. на Вытегорский и Бабаевский районы. Данная административно-территориальная реформа крайне негативно сказалась на социальном обеспечении и транспортной доступности вепсского населенного пункта Шимозеро, приведя в итоге к его упразднению в конце 1950-х гг. Так, местные власти не выделяли финансирование на поддержание единственной транспортной артерии, связывавшей п. Шимозеро с бывшим райцентром п. Ошта. Несмотря на строительство в п. Шимозеро школы и больничного корпуса, функционирования нескольких коллективных хозяйств, на территории юга Оштинского района полностью отсутствовала электрификация, что резко осложняло хозяйственную деятельность.

Следует обратить внимание, что одним из наиболее негативных явлений, наметившихся в послевоенный период, стала кампания по укрупнению населенных пунктов и упразднению целого ряда их как бесперспективных, причем зачастую упразднялись именно национальные поселения. Причиной тому послужила общая тенденция, имевшая место в СССР, а также сохранявшаяся неблагоприятная обстановка с дорожной сетью и инфраструктурой.

Можно утверждать, что наиболее разрушающее действие на этнотерриториальную целостность вепсской народности в Вологодской области оказало вынужденное переселение из прекращавших свое существование населенных пунктов Оштинского района в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

При том, что в целом наиболее резкое сокращение численности вепсов в СССР по данным официальных переписей произошло в

период с 1939 по 1959 гг., для Вологодской области оно было наиболее катастрофическим (см. табл. 1) – с 4976 до 117 человек, т. е. более чем в 40 раз [12]. Такое изменение показателей можно связать с событиями Второй мировой войны и предшествовавшими ей репрессиями по отношению к вепсскому населению, факт применения которых в частности подтверждают полевые исследования автора [13].

Свое негативное влияние оказали военные события 1942 г., когда 25-километровая фронтовая зона расширилась и возникла необходимость эвакуации населения из целого ряда деревень Оштинского района. Оштинский район, являясь прифронтовым, в период 1941–42 гг. в связи с военными действиями по требованию военного командования вынужден был эвакуировать гражданское население из данной полосы. В соответствии с указанием командования армии СССР в срок до 31 октября 1942 г. от гражданского населения освобождались 3 северных и восточных сельсовета района – Мегорский, Верхне-Водлицкий и Торозерский, на территории которых проживали вепсы. В соответствии с данным распоряжением была проведена эвакуация 30 колхозов, составляющих 65% всей экономики района, что повлекло за собой резкое снижение материально-экономического уровня всего населения района [14].

После прекращения военных действий необходимо было реэвакуировать население и восстановить разрушенное хозяйство. 28 июня 1944 г. бюро Оштинского РК ВКП(б) принимает решение «О восстановлении райцентра села Ошты и освобожденных колхозов Нижне-Водлицкого, Верхне-Водлицкого, Оштинского, Курвошского и Торозерского сельсоветов». В целом Оштинскому району был нанесен значительный ущерб – было сожжено более 20 деревень, 460 жилых домов, уничтожено имущество. 29 сентября 1944 г. принято решение «О мероприятиях по оказанию помощи Оштинскому району» [15], связанное с необходимостью поставок

стройматериалов, продовольствия, и. т. д. Однако нанесенный военными действиями ущерб в полной мере восполнен не был, что усугублялось сложностью земледелия на данной территории ввиду особенностей рельефа и структуры почв. Это привело к решению местных властей об упразднении большей части вепских населенных пунктов Оштинского района в конце 1950-х гг. и вынужденной трудовой миграции населения из мест компактного проживания этноса, резко ускорившей ассимиляционный процесс.

Наиболее негативные последствия имела полная ликвидация вепских деревень бывшей Шимозерской волости, население которой еще в 1926 г. было практически полностью вепским (95,8%) [16]. В 1953 г. местные власти вновь возвращаются к рассмотрению вопроса «О мерах помощи Оштинскому району» [17]. Находившиеся в сложном экономическом положении коллективные хозяйства юга Оштинского района предполагалось перевести путем объединения в Ленинградскую область и иные населенные пункты Вологодской. К 1955 г. им была полностью прекращена финансовая помощь [18]. Вследствие отсутствия поддержки со стороны местных властей шимозерские хозяйства к концу 1959 г. полностью прекратили свое существование, а их вепское население мигрировало в сопредельную Ленинградскую область и Карельскую АССР. В 1955 г. Оштинский район был упразднен, из-за чего хозяйства п. Шимозеро оказались на периферии вначале Борисово-Судского, а затем Вытегорского районов, причем связь с районными центрами и иное инфраструктурное обеспечение в них фактически отсутствовали.



Рис. 1. Схема миграции вепского населения бывш. Шимозерской волости в 1950-60-е гг. Схематично обозначены территории расселения: **1** – северных (прионежских) вепсов; **2** – средних (оятских) вепсов; **3** – южных вепсов.

Ликвидация п. Шимозеро и окружающих деревень не только привела к массовой миграции этнических вепсов, ускорившей их ассимиляцию с русским населением, но и усугубила территориальную разобщенность этноса, в особенности – средних (оятских) вепсов. В то же время несколько отличная ситуация наблюдалась в Пяжозерском сельсовете Борисово-Судского (затем Бабаевского) района, где вследствие протестов местного населения удалось сохранить этнические деревни.

Таким образом, сельские советы бывшего Оштинского района, в конце 1930-х гг. официально переставшие быть вепскими национальными (табл. 3), к началу 1960-х гг. оказались уничтожены фактически. Куйский и Пондальский вепские сельсоветы бывшего Шольского района, войдя в состав Бабаевского района Вологодской области, с конца 1930-х гг. вплоть до конца 1990-х гг. существовали без специального этнического статуса.

Табл. 3. Вепские национальные сельсоветы
в Ленинградской и Вологодской областях в 1931–1937 гг. [19]

Сельсовет	Район	Область	население в наст. время
Кривозерский	Оштинский	Ленинградская (после 1937 г. – в составе Вологодской обл.)	нет
Нажмозерский			нет
Пелкасский			нет
Пяжезерский			проживает
Сяргозерский			нет
Торозерский			нет
Шимозерский			нет
Винницкий	Винницкий	Ленинградская	проживает
Каргинский			нет
Ладвинский			проживает
Мягозерский			проживает
Немжинский			проживает
Озерский			проживает
Пелдушский			проживает
Сарозерский			нет
Ярославский			проживает

В послевоенный период власти также проводили политику искусственной ассимиляции вепсов, отказываясь отражать истинные данные о национальности в официальных документах, что приводило к учету вепсов как русского населения. Так, по данным исследования, проведенного в 1981–1983 гг. Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, общая численность вепского населения в ходе переписи 1979 г. была занижена более чем на 4000 человек [20]. На уместность утверждений о фальсификации указывают резко изменившиеся показатели переписи 1989 гг, когда официальная численность вепсов в Вологодской области возросла до 728 человек.

Попытка возрождения национальных деревень, подъема национального самосознания вепсов была предпринята в конце 1980-х гг. вместе с изменением национальной политики СССР и

общей политической ситуации. Позднее, в 1990-е гг. была образована Вепсская национальная волость в Республике Карелия, а в Вологодской области статус вепского национального был возвращен Куйскому сельскому совету [21]. Проекты восстановления инфраструктуры в районах, ранее заселенных вепсами, стали предметом активного общественного обсуждения. В 1989–1990 гг. должны были быть разработаны экспериментальные проекты районных планировок в местах проживания вепсов, в т. ч. в Бабаевском и Вытегорском районах Вологодской области [22].

Тем не менее, вопрос об административном объединении вепсов в единый национальный район решить не удалось. Разобщенность и постарение этноса, негативная экономическая ситуация, миграция в города и ассимиляция обусловили продолжающееся уменьшение общей численности вепсов (с 12501 чел. в 1989 г. до 5936 чел. в 2010 г., в Вологодской области с 728 чел. в 1989 г. до 412 чел. в 2010 г.) В данном контексте интересным представляется факт крайне незначительного сокращения вепского населения Вологодской области по официальным данным переписей 2002 и 2010 гг. (см. табл. 1). В то же время, по данным переписей, сокращение общей численности в этот период продолжалось, и было значительным. Возможно, подобная ситуация объяснима ростом этнического самосознания на фоне существования национального вепского сельсовета в Вологодской области, однако она нуждается в дальнейшем мониторинге и научном изучении.

Таким образом, можно выделить следующие основные причины миграции вепского населения Вологодской области в XX веке. Во-первых, административно-территориальная разобщенность вепсов, сохранявшаяся на протяжении всего столетия, усугубилась вследствие проведения административных реформ 1927–1959 гг. Во-вторых, изменившаяся после революции политическая ситуация обусловила прекращение внутриэтнического контактирования из-за утраты традиций проведения религиозных праздников и ярмарок.

В-третьих, резкое изменение национальной политики в 1937–1938 гг. и кампания по упразднению т.н. «неперспективных» деревень в 1950–1960-х гг. привели к исчезновению большого числа населенных пунктов, в которых проживало вепское население, оказавшееся вынужденным мигрировать. Негативную роль сыграли события Второй мировой войны и невнимание местных властей к необходимости экономической поддержки вепского населения Вологодской области в послевоенный период, что привело к полному исчезновению бывшей Шимозерской волости, служившей связующим звеном для контактов внутри вепского этноса. Все эти факторы были крайне негативными для национального самосознания, сохранения культуры и традиционного уклада жизни вепсов, и явились причиной резкого сокращения их численности – как общей, так и на территории Вологодской области, что позволяет сегодня говорить о вепсах как о малочисленном и исчезающем народе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Пименов В. В., Строгальщикова З. И.** Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития. // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 6.
- 2. Йоалайд М.** Этническая территория вепсов в прошлом. // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 76.
- 3. Пименов В. В.** Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М., 1965. С. 264.
- 4. Пименов В. В., Строгальщикова З. И.** Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития. // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 10.
- 5.** Там же. С. 11.
- 6. Малиновская З. П.** Из материалов по этнографии вепсов // Западно-финский сборник. Л., 1930. С. 163 – 206.
- 7. Петухов А. В.** Административная разобщенность – фактор ускорения ассимиляции вепсов. // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 55-64.
- 8. Башкарев А. А.** Языковая политика властей СССР по отношению к вепсам в 1930-е гг. // Языковая политика властей СССР по отношению к вепсам в 1930-е гг. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 2 (148). С. 110-113.

9. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 1. Северный район, Ленинградско-Карельский район. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М., 1928. С. 108-110, 114, 134, 183, 185, 205, 207.
10. Вепсы: модели этнической мобилизации: Сборник материалов и документов / Под ред. Е. И. Климентьева, А. А. Кожанова, З. И. Строгальщиковой. Карельский научный центр. – Петрозаводск, 2007. С. 12.
11. Там же. С. 14.
12. Всесоюзные переписи населения 1939 и 1959 гг. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php,
http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php
13. Полевые исследования автора (Вологодская обл., Вытегорский р-н; аудиозапись интервью с жителем п. Межозерье Н.С. Федоровым 22 сент. 2012 г.)
14. ВОАНПИ. Ф. 725. Оп. 2. Д. 233. Л. 1-3.
15. **Цветков С. Н.** Ошта в годы войны // Вытегра. Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 1997.
16. **Пименов В. В., Строгальщикова З. И.** Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития. // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 16.
17. Вологодский областной государственный архив, ф. 2522, оп. 35, ед. хр. 23, л.256.
18. **Петухов А. В.** Административная разобщенность – фактор ускорения ассимиляции вепсов. // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 59-60.
19. Справочник истории административно-территориального деления Ленинградской области http://classif.spb.ru/sprav/np_lo/
20. **Пименов В. В., Строгальщикова З. И.** Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития. // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 22.
21. Постановление губернатора Вологодской области «О регистрации населенных пунктов Бабаевского муниципального района» от 14.12.1999 № 817. http://vologda-oblast.ru/ru/laws/?id_15=6084&search_15=14.12.1999++817
22. Рекомендации регионального межведомственного совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки». // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 165-167.

ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

Арктика представляет собой огромный по площади регион, включающий ряд территорий воды и суши. Согласно «Словарю современных географических названий», «Арктика – северная полярная область земного шара, охватывающая Северный Ледовитый океан с островами (кроме Восточного и Южного Норвежского моря), прилегающие части Атлантического и Тихого океанов и северные окраины материков Евразии и Северной Америки (без полуострова Лабрадор). Южная граница на суше совпадает с южным пределом зоны тундры. Общая площадь в этих границах составляет около 27 млн. км²» [1]. Другими словами, этот регион включает в себя не только ледяные покровы и острова в Северном Ледовитом океане, но и материковые части государств.

Такие государства сегодня именуются «Арктической пятёркой»: это Россия, США, Канада, Дания и Норвегия. Этот неформальный клуб не является каким-либо официальным объединением: представители этих государств проводят встречи с целью политического регулирования ситуации в Арктике. В разное время они, как и некоторые другие страны, внесли свой вклад в освоение Арктического региона и отстаивание своих интересов в его пределах.

Народам, проживавшим на территории современной Российской Федерации, Арктика была известна с древнейших времён. «Следы самых первых поселений человека в российской Арктике археологи относят к 7–9 тысячелетиям до н. э.» [2]. Однако «постоянные поселения рыбаков стали появляться на ледовитых побережьях 3 тысячелетия спустя» [2]. Процесс непосредственного освоения части данного региона можно связать с интересом к Северному морскому пути (СМП) – кратчайшему маршруту, который сегодня соединяет Европейскую часть России с Дальним Востоком.

Приблизительно в конце XVI века из Архангельска (город-порт на Белом море, основанный в 1584 г.) начались частые плавания к реке Таз (современный Ямало-Ненецкий автономный округ России), которые проходили по двум путям – вокруг Ямала и через полуостров по рекам и волокам. Вслед за этим в XVII – XVIII веках последовал ряд научно-исследовательских экспедиций на восток вдоль побережья Северного Ледовитого океана, целью которых было как освоение новых территорий, так и поиск транзитных путей в Азию. «В 1648 состоялось вошедшее в историю плавание Ф. Алексеева (Попова) и С. Дежнёва, достигших устья реки Анадырь» [3]. Они стали первыми из европейцев, открывших пролив между Азией и Америкой и прошедших через него.

Следующим значительным шагом стал выход работы М.В. Ломоносова «Краткое описание различных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию», в которой он, проанализировав результаты Камчатской экспедиции, доказал возможность транзитных плаваний через Северный Ледовитый океан [3]. Практическое использование Северного морского пути начинается со второй половины XIX века. «В 1877 шхуна «Утренняя заря» прошла от Енисея в Петербург, доказав, что этот участок освоен русскими» [3].

В Советское время исследования Арктического региона сводились в основном к необходимости обслуживания СМП. С этой целью 21 мая 1937 года была открыта первая в мире дрейфующая станция «Северный полюс – 1», с 1990 года работает более чем 31 станция «Северный полюс».

В 1920-е годы был также создан «Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт» (ААНИИ), целью которого является «комплексное изучение Полярных регионов Земли» [4]. Таким образом, водные территории, по которым проходит СМП, всегда были исключительным владением современной России и её предшественников.

Весомый вклад в исследование приполярного региона в западной части Северного Ледовитого океана внесли англичане. Их освоение Арктики началось в эпоху правления Елизаветы I Тюдор (XVI век), когда английский моряки открыли короткий путь через север американского континента к Молуккским островам (так называемым «островам пряностей») в дальневосточных морях. Этот путь через Северный Ледовитый океан называли Северо-Западным проходом (англ. Northwest Passage).

Ввиду тяжёлых климатических условий и недостаточной технической развитости долгое время пройти через весь Северо-Западный проход, соединяющий Атлантический океан с Тихим, не удавалось. На протяжении трёх столетий англичанами были предприняты неоднократные попытки исследовать местность в том районе и найти безопасный путь из Европы в Азию.

Мартин Фробишер совершил три путешествия в XVI веке, но не прошёл дальше Баффиновой земли. В 1616 году Роберт Байлот и Уильям Баффин исследовали залив, позже названный заливом Баффина. Однако те воды они ошибочно приняли за закрытые (достаточно распространённое заблуждение среди полярных исследователей, возникающее из-за толстого ледяного покрова на море и миражей), отсрочив исследование тех мест вплоть до первой половины XIX века [5].

С 1818 года Британское адмиралтейство продолжило поиски прохода из Атлантики в Тихий океан. В 1819–1820 сэр Уильям Эдвард Пэрри доказал, что Ланкастерский пролив – путь в неизвестные западные моря [5]. Джон Франклин позже пытался пройти через весь Северо-Западный проход, но два его корабля никогда не вернулись, застряв во льдах. На протяжении XIX в. подданные Британской короны предпринимали неоднократные попытки пройти через весь Проход, но удалось это только известному норвежскому исследователю Руалю Амундсену в 1903–1906 гг. После этого стало очевидно, что теперь с

помощью современных технологий преодоление ледовой обстановки в Северо-Западном проходе представляется возможным.

В 1969 году американский нефтяной танкер «Манхэттен» (Manhattan), сопровождаемый канадским ледоколом «Джон А. Макдональд» (John A. Macdonald), пересёк Проход с востока на запад [6]. Внимание мирового сообщества вновь было приковано к этому маршруту в конце 1980-х, когда по нему прошёл тяжёлый ледокол Береговой охраны США «Поляр си» (Polar Sea), не запросивший у канадской стороны разрешение на проход.

Тогда же возник вопрос и об арктическом суверенитете [6]. В 1988 году США и Канада достигли соглашения, которое позволило американским судам достигать вод канадской Арктики, в том числе и с учётом пересечения Северо-Западного прохода [6].

На протяжении продолжительного периода времени ситуация с архипелагом и частью Северного Ледовитого океана к северу от материкового побережья Канады складывалась достаточно непросто: невозможно было чётко ответить на вопрос, кому принадлежат эти территории и каков должен быть порядок прохода по ним судов, принадлежащих тому или иному государству. Как было упомянуто выше, огромный вклад в освоение тех территории внесли британцы, и вплоть до первой половины XX века вопроса о контроле над данными территориями не возникало, так как Канада находилась в той или иной форме зависимости от Соединённого королевства. Но позже, постепенно получив независимость сначала на правах члена Британского содружества, а потом и полностью, Канада автоматически приняла американское побережье Северного Ледовитого океана, в том числе и Северо-Западный проход, под свою юрисдикцию.

Помимо перечисленных стран в «Арктическую пятёрку» входит также государство, чья суверенная территория находится далеко за пределами полярного круга, – Дания. Позволяет ей это автономная территория Гренландия – земля к востоку от Канады и к западу от Исландии.

Для Европы Гренландию открыл норвежский мореплаватель Эрик Рыжий в конце X века. Он же и дал ей такое название («зелёная страна») из-за климата, который был тогда гораздо мягче нынешнего: побережья этой земли были покрыты зелёными лесами. Другая причина такого наименования крылась «в качестве своеобразного пиара – для привлечения поселенцев» [7]. «В 1397 году Гренландия попала под власть Дании, однако [как утверждается] все европейские поселения вскоре там вымерли из-за похолодания и недостатка продовольствия» [7]. По другим источникам эти поселения около «1500 исчезли по [иной] неизвестной причине» [8]. В XVII веке голландские торговцы пытались наладить попытки торговли с гренландскими аборигенами, позже это удалось сделать и датчанам. В начале XVIII века они основали постоянное поселение на западном берегу и в 1729 году объявили Гренландию своей колонией. Уже в XX веке, «в 1953 году, Гренландия была объявлена территорией Дании, которая, однако, в 1979 году получила права самоуправления» [7].

За последние три века Гренландию посетило большое количество научно-исследовательских экспедиций разных стран. Наиболее значимые из них были экспедиция американского контр-адмирала Роберта Пири 1886 года, позже использовавшего эту землю как базу для исследования Северного полюса, английская и немецкая экспедиции, которые «проникли в труднодоступные внутренние районы острова с высотами 2400 – 3050 м для проведения метеорологических и гляциологических исследований» [8]. В этом же столетии в Гренландии были созданы военные базы подводных лодок, самолётов США, американские радиолокационные и радарные установки.

Важным событием в истории исследования Арктики стало событие под названием «Международный полярный год» (МПГ), которое за 125 лет проводилось трижды. Первый (1882–1883 гг.) прошёл по инициативе австрийского военно-морского офицера Карла Вейприхта, который из своего опыта полярных экспедиций предположил, что решения фундаментальных проблем метеорологии и геофизики могут быть найдены на полюсах Земли. Ключевым

итогом Первого МПГ стал вывод о том, что геофизический феномен не может быть изучен лишь каким-нибудь одним государством, а, наоборот, для изучения таких вопросов требуется полномасштабное международное сотрудничество [9]. То есть уже тогда был создан прецедент для будущего расширения связей между государствами для более подробного изучения Арктики.

Второй МПГ прошёл в 1932–1933 гг. и был инициирован с целью изучения Высотного струйного течения (ВСТ) – «сильного, практически горизонтального потока ветра на границе тропосферы и стратосферы» [10]. По его результатам 40 стран-участниц продвинулись в изучении метеорологии, магнетизма, атмосферной науки и ионосферного феномена [9].

Третий МПГ (2007–2008 гг.), не считая Международного геофизического года (МГГ) 1957–1958 гг., принципиальным отличием которого стало комплексное изучение полярных регионов Земли, то есть изучались «не только географо-геофизические процессы в полярных регионах («неживая природа»), но и вся «живая природа», включая социологические аспекты» [11].

Сегодня Арктика представляет собой регион, освоенный вдоль континентальных побережий Северного Ледовитого океана. Хотя на протяжении истории был предпринят ряд экспедиций к северному полюсу, данная территория так и не попала под юрисдикцию ни одного государства. Крупных межгосударственных споров за Арктику не велось, так как из данной местности было нечего взять. Она представлялась безжизненной и бесполезной для человека, во-первых, по причине недостаточной освоенности, во-вторых, исходя из реалий временного промежутка до начала XX века, когда не существовало ни межконтинентальных баллистических ракет, ни потребности в таких энергоресурсах как нефть и газ.

Единственное, чем Арктический регион мог привлекать во времена от начала эпохи Великих географических открытий, – это потенциальная возможность межконтинентального судоходства по Северному Ледовитому океану, что сделало бы маршруты из одного

океана в другой значительно короче, а также частично решило бы проблему пиратства. Пиратам было бы значительно труднее нападать на суда и поддерживать свою жизнедеятельность при суровом климате в водах, часто скованных во льдах.

Однако именно по причине господства сурового климата и непредсказуемого погодного режима Арктика долгое время оставалась недоступной как для исследователей, так и для тех, кто желал проложить морские пути вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Когда последнее всё же удалось, регион не стал открытым для свободного судоходства из-за недостаточной развитости технологий. Торговые суда не могли справиться в арктических водах самостоятельно, поэтому короткие пути между континентами так и не использовались.

Освоение прибрежных вод Северного Ледовитого океана можно условно разделить на *западное направление* (нынешний канадский Северо-Западный проход, побережье Аляски и воды Гренландии) и *восточное* (российский Северный морской путь). Если с водами, где проходит современный СМП всё с юридической точки зрения ясно (его всегда осваивала Россия), то с северными берегами в Западном полушарии всё гораздо сложнее. Их осваивали представители многих государств, в особенности Великобритании, а позже передали все права на приполярные территории Канаде. К востоку от Канады закрепились территориальные воды Дании (так как Гренландия в итоге оказалась в её составе) и Норвегии, которая имела естественный выход к Северному Ледовитому океану.

За прошедшие столетия арктические воды были достаточно изучены исследователями разных стран, но важно заметить, что до недавнего времени не было возможности и прямой необходимости исследовать их дно.

На протяжении XX столетия Арктика также начала привлекать учёных всего мира как динамичный регион, ярко отображающий природные изменения на Земле. К Северному полюсу и близлежащим территориям стали направляться различные научно-исследовательские

экспедиции (в том числе и в рамках Международного полярного года), цель которых была ответить на те или иные вопросы геофизики, метеорологии и прочих естественных наук. Можно сделать вывод, что в итоге это и сделало Арктику «родиной глобального потепления» в будущем, а также натолкнуло на открытие огромных залежей энергетических ресурсов и полезных ископаемых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Котляков В.М. Словарь современных географических названий // <<http://slovari.yandex.ru/dict/geography/article/geo/geo1/geo-0278.htm?text=%D0%B0%D1%80%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0&stpar3=1.2>> 29.03.2010.
2. История освоения: Русские в Арктике // Арктика сегодня <<http://www.arctictoday.ru/region/history/200000333>> 29.03.2010.
3. Освоение Севера русскими // Клубков П.А., Богданов С.И. Российский гуманитарный энциклопедический словарь <<http://slovari.yandex.ru/dict/riges/article/rg2/rg2-2423.htm?text=%D0%B0%D1%80%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0&stpar3=1.9>> 29.03.2010.
4. «Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт» // <http://www.aari.ru/main.htm?http://www.aari.ru/ann80th/dates_85_1.html> 29.03.2010
5. Arctic Exploration // The Canadian Encyclopedia <<http://www.thecanadianencyclopedia.com/index.cfm?PgNm=TCE&Params=A1ART A0000295>> 30.03.2010.
6. Northwest Passage // The Canadian Encyclopedia <<http://www.thecanadianencyclopedia.com/index.cfm?PgNm=TCE&Params=A1ART A0005816>> 30.03.2010.
7. Россия подрастёт на 1200000 км² Арктики // Известия науки <<http://www.inauka.ru/prognoz/article76040.html>> 29.03.2010.
8. Гренландия // Энциклопедия Кольера <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/3992/ГРЕНЛАНДИЯ> 29.03.2010
9. IPY History // IPY 2007 – 2008 <<http://www.ipy.org/about-ipy/ipy-history>> 02.04.2010.
10. Высотное струйное течение (ВСТ) // Новые новости INFOX.ru <http://www.infox.ru/science/planet/2008/10/10/carbondioxyde_3.phtml> 02.04.2010
11. Международный полярный год 2007–2008 // Российская академия наук, Геофизический центр <<http://www.wdcb.rssi.ru/WDCB/IPY/IPY.ru.html>> 02.04.2010.

АНИМИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ШАМАНИЗМЕ ТЮРКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

В настоящее время во всем мире отмечается всплеск интереса к шаманизму. Появление неошаманов, осуществляющих различные целительско-лекарские, гадательные и другие практики, создание шаманских центров, школ, разработка и проведение различных тренингов по овладению шаманскими техниками для всех без исключения заинтересовавшихся данным явлением людей, доступность, открытость и вариативность «современного шаманства» позволяет ему проникнуть во многие сферы жизни. Увлечение данным феноменом не обошло стороной и Россию, что было связано с активным возрождением в конце 90-х гг. XX века древних автохтонных верований. На данный момент актуальными являются вопросы о том, что, собственно, представляет собой столь популярный для современной культуры шаманизм, каковы причины того, что многие люди находят в нем что-то важное и близкое для себя, что он способен дать современному человеку, каковы его дальнейшие тенденции развития?

Ответить на эти вопросы невозможно, не имея представления об истоках данного феномена. Так, если представить историю шаманизма в виде дерева, корни которого уходят в далекую древность и символизируют собой архаичные представления, мировоззрения и верования людей, то стволом этого дерева будет традиционный шаманизм, верхнюю же часть дерева – крону – будут представлять различные виды современного шаманизма (бытового, городского, синтетического, экспериенциального и т. д.).

Одним из центров традиционного шаманизма является Алтае-Саянский регион. Алтай буквально пропитан следами древних

культур, отголоски которых заметны и в современной истории. Здесь обживал пещеры древний человек, здесь же в середине I тыс. до н. э. обитали легендарные скифы, о великолепном наследии которых стало известно благодаря раскопкам курганов пазырыкской культуры. Тюркские народы считают Алтай своей прародиной. Недаром известный этнограф А.В. Анохин за бесчисленные естественные и духовные богатства сравнил Алтай с родовитым Ханом [1, с. 16]. Кроме того, благодаря своему уникальному расположению он всегда был открыт для контактов с другими народами Сибири, являясь в разное время «местом их соприкосновения и связующим звеном» [2, с. 14], что облегчало процесс восприятия иных культур. В результате, культура Алтая обогащалась традициями, учениями и опытом народов Монголии, Тибета, Индии, Ирана, Китая, не теряя при этом своей автохтонности, становясь благодаря этому более жизнеспособной и гибкой. Именно поэтому здесь причудливо переплетались различные верования и религии, такие как шаманизм, буддизм, ламаизм, христианство, ислам и др. Благодаря возможности таких смещений именно здесь зародилось и развилось уникальное вероучение, получившее название бурханизм. Таким образом, в основе культуры Алтая лежит гармоничный синтез разных культур, что, бесспорно, делает ее более интересной и духовно богатой.

Переходя непосредственно к теме традиционного шаманизма, было бы разумно для начала определить, что такое шаманизм. Однако сформулировать четкое определение данного феномена является крайне сложной задачей. Прежде всего, необходимо отметить, что сами народы Сибири не могут дать и в принципе не нуждаются в точном определении данного феномена. Более того, алтае-саянские народы вообще не имели в своем языке слова «шаманизм», используя вместо него слово «јанг», переводимое просто как «вера» [3, с. 11]. В общих же чертах под шаманизмом понимают систему представлений и культов, сложившихся в определенное «учение о способах осознанного и целенаправленного взаимодействия с

духами» [4, с. 37]. Важно осознать, что шаманизм не просто примитивная вера в духов, а глубокая потребность людей жить в гармонии с ними, окружающей их средой, сохраняя равновесие между миром природы и миром людей.

Помимо определения исследуемого феномена, необходимо обозначить его временные рамки, указав его нижнюю и верхнюю границы. Нижняя граница традиционного шаманизма, вероятно, относится к периоду бронзового века. По археологическим источникам шаманизм существовал и ранее, но едва ли он представлял собой цельную систему в том виде, в каком она известна сегодня. Скорее всего, это были зачатки шаманизма, те самые «корни дерева», представляющие собой некие магико-тотемические и анимистические обряды. В качестве верхнего рубежа традиционного шаманизма можно обозначить современность, т. е. тот период, когда в 1990-е годы известность приобретает неошаманизм, имеющий существенные отличия от классического шаманизма.

Кроме того, представляется важным отметить одну важную деталь, из которой проистекают определенные трудности на пути изучения шаманизма, а именно: мировоззрение тюркоязычных народов Южной Сибири не является целостной системой и не представляет собой раз и навсегда установленную, неизменную картину мира. Скорее всего, она представляет собой фрагментарные, отрывочные сюжеты, «рассеянные» в сказках, мифах, легендах, шаманских текстах, песнях, загадках, ритуалах и допускает некоторые отклонения за счет накопленных в ней пробелов. А.М. Сагалаев сравнил традиционное мировоззрение с сетью, в которой, однако, «сияют обширные пустоты и провалы, а в иных местах, напротив, вязь узелков довольно густа» [5, с. 23]. Такое положение вещей стало возможно благодаря отсутствию письменности, которая могла бы зафиксировать мировоззрение населения Алтая, тем самым закрепив целостную, непоколебимую систему взглядов на мир. Письменная культура, а вместе с ней и

канон, являющийся естественным его порождением, приводит к кризису, застою, застою, формализуя стихию живой культуры [5, с. 23]. Пока в культуре нет непротиворечивых и законченных текстов, пока в ней отсутствуют строгий канон, однозначность, мировоззрение лишается жестких рамок и схем, являясь динамичным, открытым к потребностям сегодняшнего дня, актуальным в конкретный период времени, что обеспечивает ему жизнеспособность и живучесть. Как следствие, мифоритуальная картина мира на каждом этапе достраивалась ситуативно, в зависимости от того, что было важно, значимо и в целом имело какую-либо ценность для людей в определенный исторический период. Таким образом, мировоззренческая система, становясь объектом общественного творчества, была ясна, понятна и близка каждому человеку.

Однако вариативность и открытость алтайской мировоззренческой системы привели к тому, что исследователям приходится иметь дело не с конкретной системой представлений, а со своего рода отрывками, что влечет за собой домысливание и достраивание до более-менее завершенной концепции, а это грозит потерей связи с возможным первоначальным образом.

Несмотря на это, динамичная система миропонимания существовала в условиях сохранения традиционного ядра, стержня. Поражает, как однажды возникшие сюжеты и образы, объясняющие мир и место человека в нем, продолжали удовлетворять общество, алтайский народ на протяжении огромного количества времени. И здесь нельзя усматривать примитивизм или отсталость культуры тюркоязычных народов. Выйти за границы созданных однажды образов и идей архаичная мысль даже не ставила себе целью. Любое нарушение модели мира могло привести к дисгармонии сакрального Космоса, что тут же отразилось бы на жизни общества, причастного ему. Вот почему так важно было поддерживать старые, устойчивые идеалы.

Ядром же алтайского мировоззрения, на основе которого формировалась и шаманская традиция, было олицетворение природы,

заселение ее различными духами. Безоговорочная вера алтайцев в свою зависимость от природы, обязательное подчинение воле и силе населяющих ее духов, а также острая необходимость жить в гармонии с окружающим миром – важнейшие черты анимистических представлений тюрков Южной Сибири. Шаман же является посредником между духами, божествами и людьми. Именно он может оказывать влияние на судьбу и жизнь народа, испрашивая у духов здоровье, благополучие, успех на промысле и в хозяйстве.

Согласно представлениям алтайцев, Вселенная строго упорядочена. Она делится вертикально на три¹ части: верхний, средний и нижний миры. Для каждой из трех частей характерен определенный набор обитающих здесь духов и божеств политеистического алтае-саянского пантеона.

Главные божества небесной и подземной сфер – Ульгень (или Худай, Кудай у хакасов) и Эрлик – являются таковыми не только потому, что занимают центральное место в своих сферах, но и потому, что изображаются демиургами-творцами, фигурируя в космогонических мифах алтайцев, играющих важнейшую роль для их мировоззрения.

Возможно, одна из самых древних версий о сотворении мира является та, где фигурируют не непосредственно антропоморфные Ульгень и Эрлик, а две птицы, создающие мир, за которыми также в дальнейшем будет угадываться Эрлик и Ульгень. Одной птице доступны только две сферы мира – небесная и земная (в дальнейшем ей будет соответствовать образ Ульгенья). Вторая птица является водоплавающей, и ей доступны три сферы жизни. Именно она ныряет под воду, символизирующую хаос, предшествующий сотворенному, упорядоченному миру, и достает с ее дна горстку земли. В дальнейшем она разрастается, а птицы, принимающие облик Ульгенья и Эрлика продолжают обустраивать только что созданный мир.

¹ Д.А. Функ и А.В. Анохин отмечают, что телеутские шаманы делят вселенную на пять частей: небо, земля реальная, земля воображаемая, земля истины (земля, находящаяся вне горизонта) и земля зла (преисподняя).

О древности мифа о ныряющей птице, достающей из глубин вод землю, говорит тот факт, что он известен и племенам индейцев Северной Америки, предки которых, переселяясь из Азии в Новый Свет, по всей видимости, унесли с собой данный миф [6, с. 27]. Здесь, скорее всего, большую роль сыграло наблюдение аборигенов Сибири: им вполне могла быть знакома водоплавающая птица поганка – при нырянии под воду она, в самом деле, приносит в клюве ил или землю. Таким образом, ей доступны все три сферы. Возможно, именно ее образ стал значимым для шамана – он, как и та самая водоплавающая птица, в силах проникать в три части Вселенной, путешествовать по ним, поддерживать их динамическое равновесие. Может быть, именно это является причиной того, что многие шаманы, считая птицу своим предком, уподобляются ей – шаманский костюм в целом либо же отдельные его части (нагрудник, подвески) зачастую символизировали птицу.

Существуют версии и о том, что мир творит Ульгень в одиночку, а Эрлик либо является просто его помощником, либо появляется позднее. Но и в этом случае Эрлик не остается безучастным к творению мира. Он как бы «портит» идеально созданную Землю Ульгенья: создает на ней горы, бугры, кочки, болота, а также таких существ, как лягушку, крота и «множество других гадов» [6, с. 29]. За это Ульгень свергает его сначала на землю (такой факт является свидетельством того, что изначально Эрлик воспринимался божеством-небожителем), а потом под землю, где он, обретя свое царство, становится его хозяином. Вообще, Эрлик предстает в мифах более активным и изобретательным: Ульгень создает собаку, но именно Эрлик дает ей шерсть, Ульгень творит тело человека, а Эрлик вдвухает в него душу². Поэтому именно Эрлик считается «отцом и творцом души человека» [7, с. 3]. Кроме того,

² Стоит отметить, что в реалиях алтайской культуры за этим словом стоит понимать зародыш, некоторую жизненную силу, двойника человека, называемым *кут*, а не душу в христианском (платоновском) смысле слова.

благодаря Эрлику появляется искусствоковки железа, музыкальные инструменты и, наконец, первый (легендарный) шаман по имени Жангара получает свой дар от Эрлика [4, с. 38].

Но в таком случае появляется вопрос, чем Эрлик так не угодил Ульгеню, почему лейтмотивом космогонического мифа, повторяющегося во многих его версиях, становится вражда, конфликт между двумя демиургами? Ответ кроется в том, что для традиционного мировоззрения Вселенная должна иметь границы [6, с. 30], ей необходимо дать предел. Для этого нужно обозначить «верх» и «низ», разведя их по разным полюсам. Именно для этих целей служит взаимное удаление друг от друга двух «полюсов», демиургов. Так, Ульгень вместе со своими сыновьями и дочерьми отправляются на самый дальний слой неба, за месяц, солнце и выше всяких звезд. Эрлик же обретает свое царство под землей. Таким образом, Ульгень и Эрлик необходимы как друг другу, так и миру в целом, который, во-первых, становится возможным только благодаря сотворчеству демиургов, а «их противодействие есть та самая пружина, что приводит мир в движение» [6, с. 30], а, во-вторых, сотворенный мир таким образом обретает упорядоченность.

Однако Ульгень и Эрлик не являются абсолютным добром и абсолютным злом, как порой их представляют (например, такого взгляда придерживается А.В. Анохин, разделивший алтайских духов на добрых и злых). Между добром и злом невозможен компромисс, диалог, гармоничное взаимодействие, а именно это мы находим и в мифоритуальном сценарии, и в целом в «мирочувствовании» народа Алтая. Борьба двух демиургов носит скорее ритуальный характер. По всей видимости, заблуждение о том, что Эрлик зол и враждебен человеку проистекает из того, что именно ему выпала доля наказывать, насылать болезни, забирать людей в мир умерших. Например, у кумандинцев, когда Ульгень неудовлетворен отношением к себе со стороны какого-либо человека, передает свое решение о его наказании Карыг-кану, «который *порукает* (курсив мой. – В.В.) Эрлику (...)

привести его в исполнение» [8]. Таким образом, неблагожелательные действия по отношению к людям не более чем его *обязанность*, работа, которую ему поручает не кто иной, как сам Ульгень.

С течением времени (видимо, не без влияния соседних культур, в том числе и христианства с его этическим дуализмом) за Эрликом все-таки закрепляется образ отрицательного существа в противоположность положительному Ульгению, который зачастую в более поздних мифах предстает единственным творцом Вселенной. Подтверждением идеи о том, что творцами мира, а вместе с тем и человека, являются оба божества, служат шаманские тексты – отцом в них называется как Ульгень, так и Эрлик. Например, есть следующее упоминание об Ульгене-отце:

Великое место с солнцем и луною,
Месяц и солнце мое создал,
Отец мой Улгән выкроил [7, с. 10].
Эрлик также называется отцом:

...Эрлику отцу моему трижды кланяйся,
Не сгибающих колени заставивший молиться,
Седому отцу моему трижды кланяйся... [7, с. 47]

Помимо Ульгения и Эрлика тюрки Южной Сибири верили в существование целого ряда божеств, обитающих в верхнем и нижнем мирах.

Известно, что сыновья и дочери Ульгения (по сообщению А.В. Анохина их семь и девять соответственно [7, с. 12]) живут вместе со своим отцом на небе. Изображения дочерей Ульгения в виде девяти куколок часто нашиваются на спину шаманского костюма-маньяка. Считается, что некоторые шаманы могут получать от них внушения во время своего камлания. В целом же, функцией дочерей Ульгения является охрана *жула*³ людей от злых духов. Помимо сыновей и дочерей Ульгень имеет большое количество помощников – служебных духов,

³ *Жула* представляет собой вышедший из человека и блуждающий теперь *кут*.

являющихся посредниками между шаманом и верховным божеством. Один из самых известных здесь – Уткучы (или Уткучи), который встречается шамана, когда тот добирается до пятого слоя неба ⁴, ведет с ним переговоры и передает волю верховного божества.

Духи-обитатели небесного и подземного миров схожи по своему происхождению и функциям. Так, Эрлик, как и Ульгень, тоже имеет дочерей (по данным А.В. Анохина их либо две, либо девять [7, с. 8]). Известно, что они проводят время «в праздности и играх» [7, с. 8], а также пытаются завлечь шаманов на свое ложе, когда те проходят мимо во время своих камланий. Если же им удастся это сделать, шаман может поплатиться за такую неосмотрительность своей жизнью.

Сыновья Эрлика (обычно называют семь, А.В. Анохин же дает сведения о девяти сыновьях [7, с. 4]) аналогично сыновьям и дочерям Ульгения являются посредниками между камом и владыкой подземного мира. Они руководят шаманами во время жертвоприношения, сопровождают их в непростом пути по нижнему миру и ведут переговоры с Эрликом. Кроме того, они усмиряют разных мелких злых духов, которые похищают души людей и всячески вредят человеку, охраняют от них вход в жилище людей. По этой самой причине человек видит в них «больших благодетелей, поэтому относится к ним с отменным уважением, но боится их грозного гнева и могущества» [7, с. 7]. Подтверждение этому можно обнаружить в следующем шаманском тексте – здесь кам обращается к одному из сыновей Эрлика:

...Горячку не выпускай
Смерти не давай!
От дверей своих и дальше
Покойного счастья от тебя прошу! [11, с. 183]

⁴ По разным данным всего небесных слоев семь или девять, у телеутов – шестнадцать [9, 10]

Такое положение вещей вновь подтверждает идею о том, что подземный, нижний мир, в который верило тюркоязычное население, не является копией или аналогом христианского или же буддийского ада. Уже много позже, после насильственной христианизации народов Сибири, явившейся «тотальным прессингом чуждой веры» [5, с. 24] в мифологическое мировоззрение тюрков Юга Западной Сибири вливаются различные христианские элементы, не свойственные прежним представлениям населения данной территории.

Необходимо уделить внимание еще и тому, что для алтайского шаманского пантеона характерно сочетание исключительно алтайских персонажей с божествами, некогда распространенными у древних тюрков, уйгуров и монгол. Например, Эрлик имеет древнее происхождение. Его имя обнаруживается еще в рунических текстах. Божеством же верхнего мира в древнетюркскую эпоху называется Тенгри (древнетюркский словарь дает два значения данного слова – небо и бог, божество [12, с. 544]). Тенгри и Ульгенъ не тождественны друг другу. Это доказывается тем, что шаманы камлали Ульгеню и Тенгри по отдельности и по-разному, хотя некоторые аналогии между этими двумя божествами все-таки провести можно. Божественная же супруга Тенгри по имени Умай (в древнетюркском словаре опять же дается два перевода *Umaĵ* – послед, детское место, чрево матери и имя богини [12, с. 611]), до сих пор известна на Алтае как «женское божество», «покровительница детей» [13, с. 285]. В древнетюркские времена наряду с Тенгри она могла даровать победу над врагом, являясь покровительницей всего древнетюркского народа. После распада древнетюркских государств, функции Умай ограничились семейно-бытовыми нуждами: отныне шаман обращался к ней с просьбой послать ребенка, излечить бесплодие, предотвратить выкидыш, облегчить роды, защитить младенца от злых духов. Однако тема двуединства персонажей алтайского пантеона не обошла стороной и, казалось бы, безоговорочно добрую и светлую Умай. Она могла быть и грозной, и опасной, в ее силах было не только давать

души младенцев, но и забирать их [5, с. 67], что является еще одним подтверждением ошибочного деления духов строго на добрых и злых.

Таким образом, можно заключить, что для мировоззрения народов Алтая, а вместе с тем и тюркских народов Южной Сибири, в целом не свойственен строгий дуализм. Божества, духи не оценивались строго как положительные или отрицательные, добрые или злые, воплощая в себе и то, и другое. Такое двуединство было необходимо для динамики жизни, обеспечения ее круговорота.

Персонажи среднего мира представляют собой духов местности. К ним относятся духи гор, рек, озер, тайги и т. д., которые могут содействовать удаче на охоте, даровать здоровье, благополучие, защищать от злых духов и многое другое. Взамен же они требуют почтения и жертвоприношений. За неуважительное отношение к себе, провинность они наказывают, насылая непогоду, различные болезни, уничтожая скот, т. е. в целом лишают людей своего покровительства.

Духи среднего мира выделяются в совершенно особую, отдельную группу и не находятся в подчинении ни у Ульгения, ни у Эрлика, ни у какого-либо своего верховного божества среднего мира – его тут просто нет. По всей видимости, население ощущает с ними более тесную и близкую связь, нежели с духами верхнего и нижнего миров в силу того, что к ним напрямую может обращаться любой человек без помощи шамана. Правда, в XIX – начале XX вв. стало формироваться представление о том, что шаманы могут вести с ними диалог более успешно.

Без сомнения, главным абстрактным героем, заключившим в себе других обитателей местности, является сам Алтай. К собирательному образу Алтая (духу Алтая) часто обращаются шаманы за помощью, например:

На буром коне солнечный Алтай!
В летние дни веселый!
В зимние дни вскармливающий,

Тихо движущий реки.
С красивыми высотами наш текущий Алтай
Ублаготвори нас своим плодородием,
Дарами ублаготвори!
... С малолетства ходим по тебе, наш Алтай,
Выкормивший души (наши) – наш Алтай,
Под ним мы живем, наш Алтай!
...Вскормивший моих лошадей, дай благополучие!
Прибыли дай больше!
Убыли не давай!
Охотничий наш Алтай!
Зверя и птицы больше дай ... [11, с. 165-166]

Важнейшими духами среднего мира являются горные духи. Причину этого можно усмотреть в том, что горы – самый главный и распространенный элемент алтайского ландшафта. Безусловно, горы с давних пор вызывали у людей чувство восхищения и благоговения. Гора представлялась предком рода, поэтому каждый род имел свою родовую гору. Одной из главных функций горы является жизнедательная функция (здесь прослеживается связь между горой и богиней материнства Умай). Представления о том, что в недрах горы сокрыта будущая жизнь, оказались довольно живучими. Так, шаман, совершая камлание по причине бесплодия женщины, отправляется к горе богини-матери, в глубине которой висят колыбельки с душами-зародышами младенцев. Шаман берет одну из них и внедряет в тело будущей матери [6, с. 70]. Кроме того, хозяева гор могли и вредить человеку: во время своего любимого занятия – игры в кости, камешки, шашки и пр. – горные духи зачастую выигрывают/проигрывают души зверей, скота. В этом случае шаман отправляется к горным духам для возвращения души. Гора имела большое значение и для шамана. Когда тот получал свой первый или новый бубен, он обязательно отправлялся показать его родовой горе. Без ее одобрения он не мог использовать новый инструмент.

Ландшафт Алтая отличает не только огромное количество гор и хребтов, но он также является страной рек и озер. Не мог обойти стороной этот факт и народ Алтая. Известно, что по представлениям алтайских тюрков, есть главный дух воды, а вместе с ним сосуществуют хозяева каждого водоема. Именно дух воды создал целебные источники, он может наградить удачей в рыбном промысле, но в его же силах погубить, утопить человека или послать наводнение. Именно поэтому было необходимо приносить ему различные жертвы.

Особо почитается тюрками еще один сакральный объект – священное дерево (чаще всего это береза), что связано с особым отношением к дереву. Дерево играет значимую роль в мифологии тюркоязычных народов: оно связывает воедино три мира, являясь мировой осью. По священной березе шаман может подняться в верхний мир – на небо.

Кроме духов верхнего, среднего и нижнего миров, шаманы имеют большое количество своих духов-помощников. Они, являясь посредниками между камом и различными божествами и духами, участвуют в проведении обрядов, помогают ему преодолевать препятствия во время путешествий шамана в другие миры, защищают, охраняют и т. д. Главным помощником шамана был, как правило, его умерший предок, от которого тот и получал свой дар.

Таким образом, тюркоязычные народы Южной Сибири, понимая, что всецело зависят от окружающего мира, природы, внимательно относились к ней, ощущая вместе с тем свою соприродность. Видя вокруг себя природные формы, ландшафт, люди наполняли их культурным содержанием, раскрывая ее скрытые потенции. Они жили с уверенностью, что помощи можно ждать только от божеств и духов, населяющих окружающий их мир. А для этого нужно было жить в единстве с природой – с горами, озерами, деревьями, которые стали семантическим ядром алтайской мифологии. Поддержание мира и равновесия входило в функции

шамана. Он передавал волю божеств и духов, выполнение которых обеспечивало гармоничное существование людей. Он же относил к ним жертву, вел переговоры, испрашивал у них здоровья и благополучия в целом. Пока жил шаман, народ был под защитой и опекой небес, земли, гор, водной стихии, предков и т. д. Это мир, в котором действовал договор между духами и народом, заключить который без шамана не представлялось возможным. Таким образом, шаманы восстанавливали и сохраняли хрупкое равновесие, обеспечивали стабильность и порядок во Вселенной, в которой обитало огромное количество различных духов и божеств, требующих постоянных жертв, почтения и благодарности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Анохин А.В.** Лекции по алтаеведению / подгот. текста и предисл. А.В. Малинова. – СПб: Изд. Политехн. ун-та, 2012.
- 2. Сагалаев А.М.** Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск: Наука, 1992.
- 3. Тыдыков П.П.** Русско-Алтайский словарь. – М.: Центральное Издательство Народов СССР, 1926.
- 4. Арефьев В.Е.** Мифы и шаманизм Алтая. – Барнаул, 2002.
- 5. Сагалаев А.М.** Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991.
- 6. Сагалаев А.М.** Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск: Наука, 1992.
- 7. Анохин А.В.** Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествия по Алтаю в 1910-1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. // Сб. МАЭ. – Л., 1924. – Т. 4, вып. 2
- 8. Малинов А.В.** Культура коренных малочисленных народов Сибири // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. – СПб.: Изд. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2008.
- 9. Функ Д.А.** Миры шаманов и сказителей. Комплексное исследование телеутских и шорских материалов. – М.: Наука, 2005.
- 10. Анохин А.В.** Доклад о телеутском шаманстве, составленный в 1912 г. // Архив НИИ МАЭ. Ф.11. Оп.1. № 162.
- 11. Каруновская Л.Э.** Представления алтайцев о вселенной. Материалы к алтайскому шаманству // Советская этнография. – М.: Изд. АН СССР, 1935, № 4-5.
- 12. Надеяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М.** / под. ред. Никитина Н.А., Рычкова Н.П. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969.
- 13. Потапов Л.П.** Алтайский шаманизм. / Отв. ред. Р.Ф. Итс. – Л.: Наука, 1991.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УЧЕТА В РОССИИ

История развития учета многогранна, её изучение предоставляет возможность по-иному взглянуть на многие современные тенденции развития бухгалтерского учета.

Учет возникает как исторически объективная необходимость. Его начало обусловлено потребностями хозяйства, а потребности учета стимулировали развитие человеческой цивилизации, ведь функционирование учета возможно лишь при наличии письменности и элементарной арифметики.

Характерной чертой истории развития бухгалтерского учета является эволюция, возникновение его теории и постоянное совершенствование практической деятельности.

Учет служит связующим звеном между хозяйственной деятельностью и людьми, принимающими решения. Он измеряет хозяйственную деятельность путем регистрации данных о ней для дальнейшего использования, обрабатывает полученные сведения, сохраняя до нужного момента, и перерабатывает их таким образом, чтобы они стали полезной информацией, передает посредством отчетов информацию тем, кто использует ее для принятия решений [5].

В России история развития учета начинается с периода Киевской Руси. В 1654 году был издан «Счетный приказ» – первый документ, регламентирующий организацию учета. Появление этого документа было обусловлено потребностями хозяйства, наличием письменности и умением вести учет. В 1710 г. в газете «Московские ведомости» впервые появилось новое слово «бухгалтер». Это слово немецкого происхождения. Аналог в русском языке слово «книгодержатель». И до настоящего времени основной бухгалтерский регистр – «Главная книга». Вся обобщенная информация переносится в Главную книгу из

базы данных любой автоматизированной системы бухгалтерского учета. В 1714 году появилась первая инструкция по организации учета. В 1722 г. издан документ «Регламент управления адмиралтейства и верфи», в котором описана строгая система натурально-стоимостного учета материалов. В это же время появляются первые бухгалтерские книги – «Журналы хронологических записей», подобные используемым сегодня «Журналам хозяйственных операций».

Определенный вклад в развитие бухгалтерского учета внесли русские ученые. Их мнения отличались от мнений западных и восточных авторов, вследствие своеобразных направлений русской школы бухгалтеров.

Но в целом в России развитие бухучета было основано на европейских стандартах, несмотря на то, что некоторые ученые пытались оспорить каноны двойной записи и навязать собственную систему, которая не выдержала проверку временем (таковы были теории Езерского, Ахматова). После отмены крепостного права началось быстрое промышленное развитие страны, появился оперативный учет предприятия.

Основоположником теории оперативного учета стал П.И. Рейнбот. Ученый ввел понятие прямых и косвенных материальных затрат, разработал схему ежегодной калькуляции для определения себестоимости продукции. Был введен в обращение термин «норма издержек» – один из первых показателей, определяющих эффективность производственного процесса. Профессия бухгалтера с этого момента требовала интеллекта, образования, способности аналитически мыслить [3].

Накопленный опыт предшествующих поколений требовал обобщения и развития методики счетоведения.

В России начали публиковать работы хорошо известных в Европе российских бухгалтеров в специализированном издании – журнале «Счетоводство».

Труды А.М. Вольфа, А.А. Беретти, Н.У. Попова, Л.И. Гомберга и многих других ученых были переведены на несколько языков и включены для изучения в программы университетов. А.М. Вольф создал классификацию ценностей (деньги, ценности вещественные, ценности условные), А.А. Беретти – метод «Красное сторно». Н.У. Попов – метод математического моделирования в бухучете, Л.И. Гомберг – документ «Рыночная калькуляция».

Принято считать, что **первый период** развития учета в истории России закончился в 1917 году.

Второй период начался с переходом к плановой системе хозяйства. В этот период сформировались два взгляда на дальнейшее развитие учета. Первый – ликвидация денег и внедрение новых идей в области учета:

- в качестве объекта учета – человек;
- средство учета и контроля – трудовая книжка;
- натуральный измеритель – единственная база учета;
- вести учет имущества не отдельного предприятия, а страны.

Это направление было признано ошибочным и бесперспективным, поскольку противоречило уже сложившейся ранее в России системе учета.

Победу одержали сторонники второго направления предлагавшие оставить учет в дореволюционном виде.

Однако условия плановой экономики, общественный характер собственности и потребности государственного управления экономикой потребовали внесения больших изменений в систему учета.

В этот период главным потребителем информации, формирующейся в системе бухгалтерского учета, выступало государство в лице отраслевых министерств и ведомств и планирующих, статистических и финансовых органов.

Сложившейся в период плановой экономики системе бухгалтерского учета были характерны:

- ориентированность бухгалтерской отчетности на удовлетворение информационных потребностей налоговых и других органов государственной власти;
- обязательность следования утвержденным принципам отражения операций;
- обязательность применения Плана счетов, утвержденного государством и др. [2].

Третий период развития учета в России начался с 1991 года в связи с развитием новых рыночных отношений.

Реформирование бухгалтерского учета в России началось в 1991 году с разработки и внедрения Плана счетов, утвержденного приказом Министерства финансов Российской Федерации от 1 ноября 1991 г. N 56.

Новый План счетов ввел в учетную практику такие объекты учета, как нематериальные активы, финансовые вложения, отношения аренды, займы. Изменилась методология учета основных средств, капитальных вложений и других объектов учета. Важным шагом стало принятие Положения по бухгалтерскому учету «Учетная политика предприятия» ПБУ 1/94, утвержденного приказом Минфина России от 28.07.1994 N 100 [4].

В нем была изложена необходимость применения характерных для развитых зарубежных стран принципов бухгалтерского учета, как полнота отражения в учете всех фактов хозяйственной деятельности, осмотрительность, приоритет содержания над формой, непротиворечивость данных бухгалтерского учета, рациональность его ведения, последовательность применения учетной политики.

21 ноября 1996 г. был принят Федеральный закон N 129-ФЗ "О бухгалтерском учете", которым были установлены понятия, объекты и задачи бухгалтерского учета, определены предъявляемые к нему требования, разработаны способы регулирования и организации бухгалтерского учета.

Основными направлениями развития бухгалтерского учета и отчетности в Российской Федерации было определено повышение качества информации, формируемой в бухгалтерском учете и отчетности, и обеспечение гарантированного доступа к ней всем заинтересованным пользователям [1].

Для приведения национальной системы бухгалтерского учета в соответствие с требованиями рыночной экономики и международными стандартами финансовой отчетности была разработана Программа реформирования бухгалтерского учета.

Возникла необходимость обеспечить потенциальных партнеров достоверной финансовой информацией в привычной для них форме и позволяющей им принимать обоснованные решения при построении хозяйственных отношений с российскими предприятиями и организациями.

Так как в мировой практике сложилась тенденция, по которой отчетность крупных европейских корпораций пересчитывалась при публикации в соответствии с системой GAAP, за основу были приняты принципы и концептуальные основы построения системы бухгалтерского учета и отчетности применяемые в США [5].

В 1992 году начался переход к международным стандартам бухгалтерского учета в России. При этом была поставлена цель, – создать систему учета способную обеспечить:

- непротиворечивость российской системы бухгалтерского учета общепризнанным в мире подходам к его ведению;
- сформирована модель сосуществования и взаимодействия системы налогообложения и системы бухгалтерского учета;
- процедуры корректировки бухгалтерской отчетности в связи с инфляцией;
- допустимые способы оценки имущества и обязательств;
- открытость (публичность) бухгалтерской отчетности.

Для реформирования бухгалтерского учета и финансовой отчетности в соответствии с международными стандартами были

разработаны новые и уточнены ранее утвержденные положения (стандарты) по бухгалтерскому учету.

В 2004 году по решению Правительства РФ была разработана «Концепция развития бухгалтерского учета и отчетности на среднесрочную перспективу», одобренная приказом Минфина России от 01.07.2004 г. Согласно данной Концепции дальнейшее развитие бухгалтерского учета и отчетности должно было:

- повысить качество информации;
- создать инфраструктуру применения МСФО;
- изменить системы регулирования бухгалтерского учета и отчетности;
- усилить контроль качества бухгалтерской отчетности.

В 2005 г. был запущен проект ТАСИС «Осуществление реформы бухгалтерского учета и отчетности в Российской Федерации». Задача данного проекта заключалась в оказании содействия в осуществлении реформы бухгалтерского учета и отчетности и переходе на МСФО для улучшения делового и инвестиционного климата в России, а в перспективе – и в Едином экономическом пространстве. На финансирование Проекта Европейским Союзом было выделено 3,5 млрд. евро. Проект осуществлялся в течение 25 месяцев [6].

В процессе внедрения МСФО, выявились основные проблемы:

- отсутствие закона, обязывающего применять МСФО;
- несоответствие теоретической базы российским стандартам;
- принципы применения на практике не соответствуют принятым в России нормам.

В тоже время подтверждены преимущества отчетности, составленной по МСФО.

В связи с поставленной целью привлечения новых инвесторов и получения заемных средств, главное преимущество применения МСФО – высокое качество управленческой отчетности: понятность,

сравнимость, прозрачность, надежность, сокращением издержек, затрачиваемых на анализ отчетности российских предприятий.

В 2011 года начался новый этап развития бухгалтерского (финансового) учета и отчетности с утверждения Приказом Минфина России от № 440 и Плана Министерства финансов РФ на 2012–2015 годы по развитию бухгалтерского учета и отчетности в РФ на основе Международных стандартов финансовой отчетности.

В настоящее время, когда в России закончился период спада производства и многие промышленные предприятия вступили в период восстановления и развития производства особое внимание уделяется бухгалтерскому и управленческому учету. И причина этого кроется в сути экономики предприятия – определение затрат, результатов производства и их сопоставление.

Многие предприятия по-прежнему испытывают недостаток прибыли, – основного источника развития. Поскольку экономический результат производства определяется разностью дохода от продажи продукции (работ, услуг) и затрат на их производство и сбыт трудно переоценить важность совершенствования системы учета, обеспечивающей руководителей информацией для принятия управленческих решений.

Большинство руководителей и специалистов осознали, что грамотное использование информации из базы бухгалтерского учета для анализа и управления поможет в достижении предприятием высокого экономического результата.

Стандарты финансового учета разрабатывались в США и Англии с начала XX века, а Международные стандарты финансовой отчетности с 1970 года.

Россия приступила к переводу отечественного финансового учета на международные принципы лишь к концу 1990-х годов, изучив и приняв за образец зарубежный опыт. В результате отправным пунктом формирования системы учета продолжают оставаться Положения по бухгалтерскому учету.

Таким образом, в данной статье проиллюстрированы основные этапы развития учета в России и отражены современные тенденции дальнейшего развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 21.11.1996 N 129-ФЗ.
2. **Пошерстник Н.В., Мейскин М.С.** Самоучитель по бухгалтерскому учету : 14-е изд. – СПб.: Герда, 2008. – 400 с.
3. **Соколов Я.В., Соколов В.Я.** История бухгалтерского учета. М.: Финансы и статистика, 2004.
4. **Федосова Т.В.** Бухгалтерский учет, Конспект лекций –ТТИ ЮФУ, 2007.
5. **Фазулзянова А. И.** Перспективы развития бухгалтерского учета и отчетности // Молодой ученый. – 2012. – №7. – С. 131–134.
6. **Акатьева М.Д.** История развития бухгалтерского учета. Учебное пособие – Москва: МГУП, 2010. – 168 с.

ПАДЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО УРОВНЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В 1990-е ГОДЫ

В 1990-е годы в России в связи с проводимыми «реформами», нацеленными на ликвидацию социалистической собственности и становление капитализма, когда промышленное и сельскохозяйственное производство упало почти наполовину, происходил процесс сокращения реальных доходов населения, росло количество бедных россиян. Они рекрутировались в основном из наемных рабочих, служащих занятых в экономике, социальной сфере, из числа пенсионеров. Главным признаком принадлежности к бедняцкой группе являлся крайне низкий доход, основным источником которого для большинства населения являлась заработная плата, а также и пенсия. Об этом свидетельствует официальная статистика, помещенная в табл. 1 [1].

Из этих данных видно, что в советский период оплата труда и социальные трансферы являлись почти единственным источником денежных доходов граждан, на которые, например, в 1990–1991 годы приходилось около 90 %. Однако в период организации «рыночных реформ» несколько изменилась структура доходов населения, возросла доля от предпринимательства и собственности. Тем не менее оплата по труду и социальные трансферы по-прежнему были в структуре денежных доходов граждан преобладающими на протяжении всех 1990-х годов. Они составляли до 80 %, причем из них на оплату труда падало до двух третей.

Вот почему от уровня зарплаты во многом зависело материальное благополучие наемного работника в экономике, в сфере обслуживания. Однако либерализация цен, приватизация в 1990-х годах и рост инфляции обесценили реальную заработную плату, хотя номинально она увеличивалась в разы, особенно в первой половине 1990-х годов.

Состав и использование денежных доходов населения

		1970	1975	1980	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
		Миллиардов рублей (с 1998 г. - млн. руб.)													
Денежные доходы всего		115,6	160,2	201,8	244,7	383,2	830,5	7099,9	79949	354834,1	910747,6	1350199,6	1641596,8	1751410,6	2811059,5
в том числе:															
доходы от предпринимательской деятельности	2,9	4,3	4,4	6,6	14,3	14,3	34,3	600,0	14900,0	58200	149689,7	184004,9	212741,7	248682,2	2811059,5
оплата труда	96,3	129,3	161,1	188,9	292,7	519,2	5227,0	48811,4	235363,3	572133,7	889729,6	1078744	1135869,9	1839356,5	
социальные трансферты	14,6	22,4	30,4	40,1	56,4	136,0	1013,7	12016,0	49402,2	119494,0	189615,9	245484,1	237675,9	381370,4	
доходы от собственности	0,6	1,9	2,7	3,8	9,5	106,2	71,2	2368,5	16341,5	58987,3	72255,6	94341,3	97070,6	207109,2	
другие доходы	1,2	2,3	3,2	5,3	10,3	34,8	188,0	1853,1	5527,1	10442,9	14593,6	10285,7	32112,0	25299,5	
В процентах															
Денежные доходы всего		100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:															
доходы от предпринимательской деятельности	2,5	2,7	2,3	2,7	3,7	3,7	4,1	8,4	18,6	16,0	16,4	13,6	13,0	14,2	12,7
оплата труда	83,3	80,7	79,8	77,2	76,4	62,5	73,6	61,1	61,1	64,5	62,8	65,9	65,7	64,9	65,4
социальные трансферты	12,6	14,0	15,1	16,3	14,7	16,4	14,3	15,0	15,0	13,5	13,1	14,0	15,0	13,6	13,6
доходы от собственности	0,6	1,2	1,3	1,6	2,5	12,8	1,0	3,0	3,0	4,5	6,5	5,4	5,7	5,5	7,4
другие доходы	1,0	1,4	1,6	2,2	2,7	4,2	2,7	2,3	2,3	1,5	1,2	1,1	0,6	1,8	0,9

Так, ежемесячная номинально начисленная зарплата у работающих в экономике в 1990 г. составила 0,303 тыс. руб., в 1991 г. – 0,548 тыс.; в 1992 повысилась до 6 тыс. руб., в 1997 г. – до 950,2 тыс. руб.

Ошеломляющий рост номинально начисленной зарплаты у наемных работников сопровождался резким падением ее реального содержания. Так, в 1992 г. по сравнению с 1991 г. ее размер составил по официальным данным 67 % [2] и продолжал падать в последующие годы, о чем свидетельствует нижеследующая табл. 2 [3].

Таблица 2

Движение номинальной заработной платы, розничных цен и реальной заработной платы

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Номинальная (прирост, раз)	1,81	10,9	9,8	3,8	2,1	1,7	1,2	1,1	1,45
Розничные цены на товары и услуги (прирост, раз)	1,87	16,3	9,8	4,1	2,9	1,5	1,15	1,28	1,81
Реальная (прирост, раз)	0,97	0,67	1,0	0,92	0,72	1,14	1,04	0,86	0,8
Индекс реальной заработной платы (1990 г. = 100)	97	65	65	60	43	49	51	44	35

Как свидетельствует статистика, увеличение номинальной денежной платы, особенно в 1990^x годах, существенно отставало от роста розничных цен, в результате чего реальная зарплата в 1995 г. к уровню 1990 г. составляла 43 %, а в 1999 г. – 35 %.

А это являлось одним из важных показателей падения жизненного уровня населения, роста его обнищания, резкого сокращения его реальных доходов, хотя уровень этого обнищания граждан не везде был одинаковым с учетом начисленной им заработной платы, сумма которой заметно колебалась по регионам РФ и отраслям

экономики. Поэтому за средними данными о размерах зарплаты наемным работникам наблюдались существенные колебания.

Так, в 1992 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников предприятий и организаций по отраслям экономики, как упоминалось, составляла 6 тыс. руб., в 1995 г. – 472,4 тыс. руб., в 1999 г. – 1522,8 руб., тогда как в промышленности она была выше – 7,1 тыс. руб.; 528,8 тыс. руб.; 1830 руб. соответственно. В то же время в сельском хозяйстве зарплата была на порядок ниже – 4 тыс. руб.; 236,7 тыс. руб. и 629,1 руб. и оставалась самой низкой в 1999 г., в 2,5 раза меньше, чем по экономике в целом. Немного опережали по размерам заработной платы служащие здравоохранения, образования, культуры: у первых она достигала в 1999 г. – 975 руб., у вторых – 885,1 руб., у третьих – 854,2 руб., или почти в 2 раза меньше, чем по России в целом. Самые высокие размеры заработной платы были у работников, занятых в финансово-кредитной и страховой сферах: в 1995 г. – 768,7 тыс. руб., в 1999 г. – 3514,1 руб., или более чем в 2 раза выше, чем в целом в экономике. У работников управления она находилась на уровне оплаты труда в промышленности, согласно официальной статистике [4].

Статистические данные свидетельствуют о заметной разнице в оплате труда и по регионам. Например, если среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в 1994 г. в РФ равнялась 220,4 тыс. руб., в 1999 г. – 1522,8 руб., то в Северном районе она составляла – 311,6 тыс. руб. и 2049,9 руб. соответственно; в Центрально-Черноземном – 149,8 тыс. руб. и 1052,8 руб.; в г. Москве – 325,5 тыс. руб. и 2356,6 руб. Причем даже внутри региона наблюдалась серьезная дифференциация в оплате труда. Например, в Западно-Сибирском районе за среднемесячным жалованьем в 1994 г. 298,5 тыс. руб. и в 1999 г. – 2022 руб., в Тюменской области она была 540,9 тыс. руб. и 4054,8 руб., в том числе в Ямало-Ненецком автономном округе – 826,8 тыс. руб. и 5804,8 руб. соответственно [5].

Как следует из указанных цифр, наибольший размер оплаты труда имел место в Москве, где располагались многие ведущие банки, экспортные корпорации и в нефтегазовых регионах, прежде всего в Тюменской области.

Неравенство в сумме получаемой заработной платы неодинаково сказывалось и на среднедушевых доходах населения. Так, в 1994 г. они равнялась в стране 206,3 тыс. руб., в 2000 г. – 2192 руб., в Москве – 691,1 тыс. руб. и 9291,3 руб.; в Санкт-Петербурге – 223,2 тыс. руб. и 2589,6 руб., в Тюменской области – 409,4 тыс. руб. и 4905,3 руб., в Воронежской области – 128,3 тыс. руб. и 1239 руб. соответственно.

Как явствует из статистики, в 1994 г. в Москве доход на душу населения в целом превышал общероссийский в 3,3 раза, в 2000 г. – в 4,2; и Воронежской области – в 5,4 и 7,5 раза соответственно [6].

В целом по стране среднедушевые денежные доходы только за один 1992 г. в связи с тотальной либерализацией цен упали почти наполовину – до 52,5 % по сравнению с предшествующим годом, хотя в дальнейшем темпы этого сокращения уменьшились [7]. Причем для многих наемных работников размер оплаты труда приближался к уровню прожиточного минимума или даже был ниже его, что служило еще одним показателем роста их обнищания, обеднячивания. Правительством была установлена следующая величина прожиточного минимума на душу населения, помещенная в табл. 3 [8].

Однако минимальный размер оплаты труда был на порядок ниже величины прожиточного минимума. Так, в 1993 г. он составлял 4,3 тыс. руб., в 1994 г. – 14,6, в 1995 г. – 20,5, в 1998–1999 гг. – 83,5 руб. [9]. Такая мизерная минимальная месячная оплата труда в конце 1990-х годов наемному работнику, примерно в размере 3 долларов, позволяла ему купить приблизительно один кг мяса [10]. К тому же и она на протяжении всех 1990-х годов регулярно не выплачивалась по несколько месяцев, а порой и лет.

Таблица 3

Величина прожиточного минимума
(в среднем на душу населения в месяц; тысяч рублей; с 1998 г. – руб.)

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	в том числе			
									I квар тал	II квар тал	III квар тал	IV квар тал
Все население в том числе по социально- демографиче- ским группам:	1,9	20,6	86,6	264,1	369,4	411,2	493,3	907,8	824,3	919,2	943,5	944,2
трудоспособ- ное население	2,1	23,1	97,4	297,2	415,6	462,4	554,7	1002, 8	900,8	1005	1050,9	1054,3
пенсионеры	1,3	14,4	61,0	186,2	260,5	289,9	347,9	639,9	585,3	652,5	663,5	658,3
дети	1,8	20,7	87,4	268,6	373,2	415,1	498,2	901,7	824,6	920,4	930,9	930,9

Во всех регионах тогдашней «реформированной» России в больших или меньших масштабах миллионы граждан оставались без своевременно полученной заработной платы, хотя политики-«реформаторы» обещали им процветание в конце 80-х – в самом начале 90-х годов. Тогда как на практике все обернулось социальным бедствием для большинства населения. В самые пиковые периоды осуществления «реформ», ваучерной и аукционной приватизации невыплатой зарплаты были затронуты от 59 до 65 % организаций, в 1992 г. доля предприятий-неплательщиков, согласно проводимым социологическим исследованиям, составляла 10 %; в 1995 г. – 45 %, в 1997 г. – 70 %, в 1998 г. – 64 %, в 1999 г. – 47 %. По сведениям Государственного комитета статистики, в сентябре 1999 г. в должниках по невыдаче зарплаты числилось 39 % от всех предприятий. За указанные выше годы количество работников предприятий с недополученной заработной платой за предыдущие месяцы выглядело соответственно: 59 %, 75 %, 82 %, 70 %. При этом средний срок

погашения невыплат составил в 1992 г. – 1,6 месяцев, в 1995 г. – 4,2, в 1996 г. – 5,1, в 1999 г. – 5,8 месяцев [11].

Причем хронически не выплачивалась своевременно зарплата работникам бюджетной сферы. Так, во второй половине 1999 г. невыдачи им наблюдалась почти во всех регионах РФ и на 1 ноября достигли 7,3 млрд. руб. Из 89 субъектов не должниками числились лишь 7, в том числе Санкт-Петербург, Краснодарский край, Москва. Комментируя эту печальную статистику, тогдашний премьер-министр В.В. Путин вынужден был признать: «В некоторых же субъектах проблема задолженности по зарплате приобретает масштабы социального бедствия. Без зарплаты сегодня остаются миллионы людей, в основном учителя, врачи, работники культуры, т.е. люди, несущие ответственность за духовное и физическое здоровье нации». При этом глава правительства заметил: «Можно удивляться их терпению [12].

А ведь именно у этой социально-профессиональной группы населения оплата труда наряду с работниками сельского хозяйства являлась самой низкой. Как писала газета «Известия» 21 октября 1998 г. в целом по стране невыплаты достигали астрономической цифры до 88,1 млрд. долларов.

По данным руководителей Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга, номинальная оплата труда увеличилась за 1990–1998 годы в 3500 раз, тогда как цены подскочили в 8000 раз. Если в 1990 г. на среднюю зарплату можно было купить в городе на Неве около 5 наборов прожиточного минимума, то в 1998 г. – 2,2, а после августовского кризиса 1998 г. – еще меньше [13].

Согласно расчетам некоторых специалистов, реальная зарплата у работающих россиян в 2000 г. снизилась в 3 раза к уровню 1991 г. [14]. А по сведениям экономиста Б. Соколина, если на среднемесячную зарплату в России в 1989 г. можно было купить 150 кг мяса, то в 1999 г. – лишь 40 кг [15].

Правда, следует в этой связи оговориться, что в конце 1980-х годов далеко не во всех регионах СССР можно было свободно приобрести мясо, и действовала во многих местах талонная система

его покупки, однако и в 1990-х годах оно для значительной части бедных россиян также осталось недоступным ввиду его дороговизны, хотя полки магазинов мясными продуктами были заполнены до отказа, преимущественно импортным.

Незавидной оказалась в годы «реформ» и судьба многочисленной социально-демографической группы населения, пенсионеров. В результате радикальных социально-экономических трансформаций 1990-х годов их материальное положение резко ухудшилось, многие из них были сведены до нищенского существования. Владимир Путин в статье «Строительство справедливости. Социальная политика России», опубликованной в «Комсомольской правде» 13 февраля 2012 г., так охарактеризовал бедственное положение пенсионеров. По его оценке, в результате «краха экономики» в 90-е годы, старики оказались в нищете, «в первый же год после начала реформ, в 1992 г., реальный размер пенсий опустился наполовину от уровня предыдущего года, потом после слабых попыток его поднять на основе всевозможных индексаций и доплат, наступил кризисный 1998 г., который спровоцировал новое обрушение пенсий». Официальная статистика, помещенная в табл. 4, подтверждает данный вывод [16].

Она показывает средний, нищенский размер пенсий, составляющий примерно от 1/5 до 1/3 мизерной заработной платы наемного работника. Причем ее сумма резко сократилась по сравнению с советским периодом, когда только в 1992 г. она уменьшилась почти наполовину и продолжала понижаться и в последующие годы. При этом средний уровень пенсий немногим превышал величину прожиточного минимума, т. е. показателя принадлежности к бедности, хотя в СССР он заметно превосходил эту черту. По подсчетам экономиста С.М. Меншикова, среди многочисленной армии пенсионеров насчитывалось до 25 млн. человек, «прочно относящихся к категории застойной бедности» [17], т. е. около двух третей от их общего количества.

К тому же наименьший размер пенсии пожилым людям зачастую не выплачивался месяцами, у государства на эти цели не хватало денег. Например, из-за растущих неплатежей на 1 октября 1998 г. дефицит средств на финансирование выплат пенсий достигал 30,6 млрд. руб. При этом после августовского финансового кризиса 1998 г. реальная сумма пенсий уменьшилась на 60 % к уровню предыдущего года [18].

В связи с высокой инфляцией и в последующие годы она продолжала снижаться, ее рост в 3 раза отставал от темпов увеличения цен. Согласно заявлению председателя Пенсионного фонда России Михаила Зурабова, в 2001 г. пенсия превратилась в «систему социально вспомоществования, у 60 процентов населения она ниже прожиточного минимума» [19]. По подсчетам А. Розена и Г. Кецбая, реальная величина пенсий в РФ с 1991 г. по 2000 г. снизилась в 5 раз [20].

Таблица 4

Основные показатели пенсионного обеспечения

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Численность пенсионеров, состоящих на учете в органах социальной защиты населения (на конец года):								
всего, тыс. человек	35273	36100	36623	37083	37827	38184	38410	38381
в процентах к предыдущему году	103,6	102,3	101,4	101,3	102,0	100,9	100,6	99,9
Численность занятых в экономике, приходящаяся на одного пенсионера, человек	2,08	1,99	1,88	1,80	1,76	1,70	1,66	1,67
Минимальный размер пенсии по старости (с учетом компенсации), тыс. руб. (с 1998 г. – руб.)	1,1	11,3	40,7	89,6	190,4	222,0	234,2	290,3
Соотношение минимального размера пенсии по старости (с учетом компенсации) с минимальным размером оплаты труда, процентов	164,9	186,5	231,6	210,8	261,7	265,8	280,5	347,7

Средний размер назначенных месячных пенсий (с учетом компенсации), тыс. руб. (с 1998 г. – руб.)	1,6	19,9	78,5	188,1	302,2	328,1	399,0	449,0
Величина прожиточного минимума пенсионера, тыс. руб. (с 1998 г. – руб.)	1,3	14,4	61,0	186,2	260,5	289,9	347,9	639,9
Соотношение среднего размера назначенных месячных пенсий (с учетом компенсации), процентов:	119,3	138,1	128,6	101,0	116,0	113,2	114,7	70,2
с величиной прожиточного минимума пенсионера								
со средним размером начисленной заработной платы	26,0	33,9	35,6	39,8	38,2	34,0	36,0	29,5
Реальный размер назначенных месячных пенсий (с учетом компенсации), в процентах к предыдущему году	51,9	130,7	96,8	80,5	108,7	94,6	95,2	60,6

В свете изложенного материала можно констатировать, что итогом реализации «реформ» 1990-х годов и становления капиталистической системы в России стало резкое падение жизненного уровня основной массы населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Российский статистический ежегодник. 2000. Статистический сборник. М., 2000. С. 149.
2. Там же. С. 141.
3. **Меньшиков С.М.** Анатомия российского капитализма. 2-е изд. М., 2008. С. 282–283.
4. Российский статистический ежегодник. 2000. С. 155.
5. Там же. С. 144–146.
6. **Меньшиков С.М.** Указ. соч. С. 285.
7. Российский статистический ежегодник. 2000. С. 141.
8. Там же. С. 156.

9. Там же. С. 168.
10. Санкт-Петербургские ведомости. 2000. 2 февраля.
11. **Капелюшников Р.** Задержки зарплат и экономическое поведение. Макроэкономический подход // Вопросы экономики. 2000. № 9. С. 65–68.
12. Цитата по: Санкт-Петербургские ведомости. 1999. 17 декабря.
13. Санкт-Петербургские ведомости. 2000. 2 февраля.
14. Независимая газета. 2000. 2 декабря.
15. Санкт-Петербургские ведомости. 2000. 14 марта.
16. Российский статистический ежегодник. 2000. С. 167–169.
17. **Меньшиков С.М.** Указ. соч. С. 283.
18. **Матвиенко В.** Актуальные вопросы социальной политики России // Международная жизнь. 1999. № 4. С. 31–32.
19. Известия. 2001. 19 марта.
20. Независимая газета. 2000. 2 декабря.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И РОЛЬ ЧАСТНОГО БИЗНЕСА

Меняются эпохи, системы, правительства, но всегда неизменным остается значение состояния и развития образования в стране, ибо это ценная интеллектуальная составляющая любого общества и государства. Обращение к опыту развития коммерческого образования России представляется вполне актуальным в настоящее время, в период масштабного реформирования образования в стране.

В дореволюционной России коммерческое образование означало подготовку кадров для коммерческой деятельности. Его развитие неразрывно связано с общим образованием в России, темпы роста которого заметно активизировались после реформ 60–70-х годов XIX века. Во второй половине XIX века формируется многоуровневая воспитательно-образовательная система. Проблемы образования стали одним из важных направлений деятельности земских и городских органов самоуправления.

Развитие экономики, промышленности и торговли вызвали интерес и потребность в развитии различных ступеней образования у предпринимательского класса. Бурное развитие капитализма во второй половине XIX века, связанный с этим процесс технического перевооружения промышленности и потребности в квалифицированных кадрах создали условия для развития образования, в частности, технического. Труд неграмотных рабочих был неэффективным и не выгодным для предпринимателей. Эта была одна из причин, по которой владельцы промышленных предприятий открывали на свои средства при фабриках и заводах частные школы и ремесленные училища для детей, вечерние классы для взрослых.

Другая причина объясняется условиями капиталистической конкуренции, капиталист был объективно заинтересован в том, чтобы получить наибольшую прибыль, а для этого на его предприятии должны были работать квалифицированные специалисты, владеющие знаниями и навыками современного ведения хозяйства. Третья причина финансирования предпринимателями образования была связана с собственными детьми. Если в более ранний период представители деловых кругов России особенно не стремились обучать своих детей в учебных заведениях, то к концу XIX века считалось дурным тоном, если дети промышленников и купцов не были образованы, не имели специального образования.

После реформ второй половины XIX века все ступени образования развивались значительно быстрее. Начальные училища в значительной мере открывались по инициативе городского и земского управления, развитие получило частное образование, в рамках которого школы открывались на частные средства. Для сложившейся системы образовательных учреждений была создана система надзора. Если город выделял средства на школы, то в состав советов входили, как правило, спонсоры – представители купечества и других предпринимательских слоев населения.

Представляет интерес соотношение между государственными и частными средствами, выделяемыми для финансирования образования. Для финансового обеспечения образования, к сожалению, традиционно, выделялось значительно меньше средств относительно прочих важных статей расхода бюджета. Правительство не выполняло своих намерений относительно финансирования образования, в частности, «промышленного образования». Из общей суммы расходов на профессиональные учебные заведения (19.645.881 р.) в 1898 году лишь 34,9 % составляли затраты казначейства [1, с. 8]. Остальная часть приходилась на ассигнования земств, городского самоуправления, пожертвований частных лиц и поддержку общественных благотворительных организаций.

Частная инициатива проявлялась при открытии новых учебных заведений. Например, Петербургские предприниматели, как правило, числятся в списках жертвователей в различных учебных заведениях. Они также являлись инициаторами открытия специальных учебных заведений. Так, в Санкт-Петербурге была открыта школа пивоварения имени С.Ю. Витте, принадлежавшая к разряду низших технических учебных заведений, имевшая целью дать учащимся теоретическую и практическую подготовку для исполнения обязанностей мастеров по всем отделам пивоваренного производства. Полный курс обучения в школе продолжался два года с разделением на два класса. При школе имелась химическая лаборатория для практических занятий учащихся, а также для испытания материалов, продуктов и приборов, относящихся к пивоварению. В школу принимались лица всех сословий не моложе 17 лет, причем требовалась двухлетняя практика на пивоваренном заводе и познания в объеме курса не ниже уездного, городского или двухклассного сельского училища. Кроме учеников, проходящих курс систематического обучения, в школу принимались вольнослушатели для изучения отдельных предметов, таких как: солодовое или пивоваренное производство, культура дрожжей и другие. Окончившие полный курс школы получали звание мастера по пивоварению. Эта школа была открыта и содержалась на средства союза пивоваренных заводчиков России [2, с. 492].

Заметную роль в развитии образования сыграло Императорское Русское Техническое общество (РТО), созданное в Петербурге в 1866 году. В 1868 году РТО создало из своих членов специальную Постоянную комиссию (ПК) по техническому и профессиональному образованию. Бюджет ПК при РТО складывался первоначально непросто. Комиссия начала свою деятельность с суммы 500 рублей, но благодаря финансовой поддержке петербургских промышленников уже к 1903 году бюджет ПК составил 190.000 рублей [3, с. 25]. Ежегодные средства поступали от промышленных компаний и товариществ, крупных предприятий, таких как Трубно́го,

Железопрокатного и Проволочного заводов, Российско-Американской резиновой мануфактуры, Франко-Русских заводов, Общества Путиловских заводов, а также от известных промышленников Н.А. Варгунина, В.И. Воронина, М. Конради, Г.Л. Лессне, Э.Л. Нобель, Ф.И. Тортона и других. В бюджет ПК РТО ежегодно поступали средства от 1.000 до 5.000 от Городской думы Петербурга [4, с. 125]. В 1908 году двухсоттысячный бюджет ПК при РТО почти весь состоял из пожертвований и ассигнований промышленников, при фабриках которых были устроены школы и специальные классы. В это же время Министерство народного просвещения передало на нужды ПК только около 17.000 рублей, что составило 8 % бюджета [5, л. 4].

Главный тезис деятельности Постоянной комиссии заключался в том, что «первая основа технического образования – есть образование общее» [6, с. 47]. Следует заметить, что дискуссия в обществе о соотношении общих и специальных дисциплин в технических и коммерческих учебных заведениях шла постоянно. В программной речи министра торговли и промышленности В.И. Тимирязева, произнесенной им в Государственной думе 13 марта 1909 года, отмечалось, что в деле распространения коммерческого, промышленного и художественного образования важно пересмотреть учебные программы в смысле усиления профессионального характера этих школ [7, с. 72].

Заинтересованные в развитии своих отраслевых предприятий фабриканты и заводчики не жалели средств на развитие образования и подготовку через различные общества большого числа квалифицированных рабочих. Общество для содействия русской промышленности и торговли, Санкт-Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности (с 1906 года – Общество фабрикантов и заводчиков) и другие вкладывали средства в промышленные учебные заведения соответствующего типа, открывали профессиональные училища, используя зарубежный опыт. Правительство не стремилось вкладывать

средства в эту область образования, тем более в негосударственный сектор и перекладывало эту функцию на плечи общественности и частного капитала. Только за период 1889 – по 1894 годы сумма пожертвований от частных лиц составила 1.640.000 рублей. Значительные денежные суммы (примерно от 100.000 до 10.000.000 руб.) завещались или передавались на нужды промышленного образования крупными фабрикантами и заводчиками, купцами.

Таким образом, развитие образования требовало значительных финансовых вкладов. Их отсутствие в государственных органах власти создавали условия необходимости привлечения к этой сфере предпринимательского капитала. В то же время, заинтересованность в развитии образования представителей торгово-промышленного сословия расширяли их желания и варианты в финансовой поддержке воспитательно-образовательной сферы. Совместными усилиями государство и частный капитал, в лице, прежде всего предпринимателей, способствовали формированию и развитию системы образования в России, составной частью этой системы являлось коммерческое образование.

В западных странах на это было обращено внимание еще в первой половине XIX века, и развитие государственного и частного профессионального образования привело к массовому созданию профессиональных начальных, низших и средних школ. В России даже в начале XX века система профессионального образования была развита слабо. Особое значение для предпринимателей имело развитие коммерческого образования.

История коммерческого образования в России имела свою основу и традиции. Попытка государственного регулирования торгового обучения относится к первой четверти XVIII века, в то время когда возросли масштабы торговых оборотов и торговых капиталов, развитие получило торговое и промышленное предпринимательство. Не имея собственных учебных заведений, Петр I отправлял на обучение за границу купеческих сыновей на средства их отцов

Во второй половине XIX века потребность в коммерческом образовании была связана с бурным развитием капитализма в России. В 70-х годах при некоторых реальных училищах были открыты коммерческие отделения. Однако за недостатком учащихся они постепенно стали закрываться. Тем не менее, рост торговли и финансово-кредитного дела потребовали развития коммерческих училищ, которые создавались по частной и общественной инициативе. В целом коммерческое образование развивалось крайне медленно. До 1896 года в стране имелось лишь 10 коммерческих училищ, в том числе два старейших – Санкт-Петербургское коммерческое училище (основано в 1772 г.) и Московское коммерческое училище (основано в 1804 г.), которые состояли в Ведомстве учреждений императрицы Марии. Известны были в России также Тенишевское и Лесное училища, а также коммерческое училище А.П. Нечаева в Петербурге. Все они были устроены примерно по одному плану и мало удовлетворяли потребности в коммерческом образовании.

В конце XIX века представители деловых кругов России проявляли возрастающий интерес к расширению и распространению коммерческого образования, о чем свидетельствуют материалы первого съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. На втором съезде коммерческое образование имело уже свою секцию [8].

Интерес общественности к развитию коммерческого образования выразилось в создании в 1889 году первоначально в Петербурге, а затем и в других крупных городах России Общества для распространения коммерческих знаний. Собрание учредителей Общества в составе примерно 122 человек, представителей купечества и банкиров, приняли устав общества. Финансовое положение Общества определялось членскими и благотворительными взносами. Можно сказать, что коммерческое образование в России организовывалось самим обществом, при весьма слабом участии

правительства, которое в конце XIX века отпускало лишь около 2,2 % из общей суммы затрат на коммерческое образование.

В 1894 году коммерческие учебные заведения главным образом были сосредоточены в Министерстве финансов по отделу торговли и промышленности, а затем с 1906 года переданы в ведение Министерства торговли и промышленности. В 1896 году принято Положение о коммерческих учебных заведениях (далее – «Положение»), дополненное в 1900 году. «Положение» предусматривало порядок учредительства и типы учебных заведений. В соответствии с «Положением» учреждать коммерческие учебные заведения было разрешено обществам, сословным организациям, городам, земствам и частным лицам, исходя из потребностей местной торговли и промышленности. «Положение» предусматривало четыре типа заведений: коммерческие училища, торговые школы, торговые классы и курсы коммерческих знаний.

Коммерческие училища включали семиклассные училища, дающие общее и коммерческое образование, и трехклассные, дающие только коммерческое образование. Коммерческие училища принадлежали к разряду средних учебных заведений и готовили деятелей на более ответственные должности в крупных торговых и промышленных предприятиях. Торговые школы (одноклассные с годичным курсом обучения) и трехклассные (с трехлетним курсом обучения) готовили низших служащих для торгово-промышленных учреждений. Торговые классы и курсы коммерческих знаний ставили своей задачей расширить знания людей, уже имевших практическую деятельность. В классы и курсы принимались лица не моложе 12 лет, состоявшие на службе в торгово-промышленных учреждениях.

«Положение» 1896 года определило статус коммерческих училищ как общеобразовательных учебных заведений, дающих учащимся общее образование в объеме курса реального училища и коммерческое образование. Училища содержались за счет благотворительности и платы за обучение [9, с. 131–132].

«Положение» явилось первым базовым законодательным актом, определившим систему коммерческого образования, поскольку ранее все коммерческие учебные заведения действовали на основании собственных (хотя и однотипных) уставов.

«Положение» открыло широкие возможности для частного бизнеса. В стране с «лихорадочной быстротой» стали открываться коммерческие училища, торговые школы, курсы и т. д. С одной стороны, это было положительное явление. Но, как отмечал В. Добровольский, при быстром росте количества падала качественная сторона постановки учебного дела. «Предприниматели, открывавшие школы не из каких-либо альтруистических побуждений, стремились получить приличный процент на затраченный капитал, – считал В. Добровольский [10, с. 388]. Далее начинался процесс, характерный и для современного образования, конкуренция между коммерческими учебными заведениями.

К 1900 году в ведении Министерства финансов имелось 56 коммерческих училищ. На содержание 56 коммерческих учебных заведений обществами и частными лицами расходовалось 1.300.000 рублей. Средняя стоимость содержания коммерческого училища определялась в 35.000 рублей, но в некоторых училищах она превышала 100.000 рублей. Годичное содержание торговых школ в среднем обходилось в 10.000 рублей. Ежегодное содержание торговых классов и курсов коммерческих знаний было весьма различно, зависело от числа слушателей и колебалось в пределах от 300 до 15.000 рублей [11, с. 495]. Кроме специальных коммерческих учебных заведений существовали двухклассные коммерческие отделения. Они были открыты при 25 реальных училищах Министерства народного просвещения, при 4 реальных училищах при церквях иностранных вероисповеданий и при 3 частных реальных училищах. Имелись также коммерческие курсы для женщин при Демидовском доме призрения.

Торговые школы и прочие коммерческие учебные заведения

открывались на средства или при поддержке частного капитала. Развитие коммерческого образования во многом связано с инициативой купеческого сословия. В 1872 году в России широко отмечался двухсотлетний юбилей со дня рождения Петра I. В честь юбилея Петербургское купеческое сословие учредило в столице Коммерческое училище имени Петра I. Это училище находилось в ведении Министерства финансов, поскольку оно более других было заинтересовано судьбой русского купечества и должно было оказать поддержку училищу, которое предназначалось для специальной подготовки детей купеческого сословия. Для учреждения училища собрание выборных купеческого сословия постановило ежегодно отчислять из общей суммы по 10.000 рублей.

Для успешно обучавшихся учеников вводились стипендии и поощрения, имевшие характер социальной поддержки. Кроме стипендий, учрежденных Санкт-Петербургским купечеством в Петровском училище, существовали стипендии отдельных лиц и обществ, которые имели сословную принадлежность. Например, Мариинское общество торговцев Санкт-Петербурга в 1883 году «в память Священного Коронования Их Императорских Величеств Александра Александровича и Марии Федоровны» установило одну стипендию для детей купцов из членов общества. [12, с. 45–46].

Существовали и другие формы финансирования и поддержки образовательных учреждений. Купеческое сословие было заинтересовано в профессиональном совершенствовании, вкладывало средства и поддерживало различные ступени коммерческого образования. Купеческие общества открывали и общеобразовательные учебные заведения. Так на Загородном проспекте торговцы Сенной площади имели свою гимназию и реальное училище. А в 1911 г. проходил Всероссийский съезд представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. Из 17 рассмотренных на съезде вопросов, 5 вопросов были посвящены постановке коммерческого образования [13, л. 7].

Начало XX века было ознаменовано открытием в России высших коммерческих школ первоначально в виде отделений при Политехнических институтах (в Риге и Петербурге) и Высших коммерческих курсах (в Москве и Петербурге). В 1909 году Учебный отдел министерства торговли и промышленности составил впервые проект высшего коммерческого образования в России. В проекте было предусмотрено право учреждения коммерческих институтов заинтересованным лицам и обществам. Высшие коммерческие институты должны были давать законченное коммерческое образование и выпускать банковских коммерческих и для консульской службы агентов. Из последних предполагалось формировать кадры русских консулов и вице-консулов, так как большинство этих должностей ранее занимали иностранцы. Для подготовки этих специалистов предполагалось расширить преподавание иностранных языков как европейских, так и восточных. Окончившие коммерческие институты получали звание кандидата коммерческих наук и ученого товароведа, в зависимости от выбранной специальности [14, с. 65].

В начале XX века возрастает потребность в развитии высшего коммерческого образования. В 1910 году зарегистрировано «Петербургское общество содействия высшему коммерческому образованию». В своем ведении Общество имело Санкт-Петербургский институт высших коммерческих знаний, где и располагался Совет общества (Загородный проспект 58). В состав Совета общества входили крупные предприниматели, среди которых – Л.М. Вольф, В.А. Девриен, И.С. Крючков, Н.Н. Харчев и другие [15, л. 21, 21 об.]. В это же время в столице функционировало Петровское общество распространения коммерческого образования. Один из документов свидетельствует что, председатель общества выразил благодарность Э.Л. Нобель и другим членам общества за оплату счетов по приобретению учебных пособий для научных кабинетов торговой школы [16, л. 411].

Высшее коммерческое образование в России к 1913 году

было представлено 6 высшими учебными заведениями, в том числе Петербургскими высшими коммерческими курсами М.В. Побединского и Институтом высших коммерческих знаний. Сюда также можно отнести коммерческое отделение Петербургского политехнического института.

В заключении следует отметить, что государственная политика, удовлетворяя требования экономики и времени, поддерживала развитие образования, в частности коммерческого. Тем не менее, коммерческое, равно как и общее образование в значительной степени развивалось за счет общества и капиталов предпринимателей. Предприниматели, заинтересованные в развитии технического и коммерческого образования, активно вкладывали средства в эту сферу, удовлетворяя, прежде всего, свои экономические интересы. Степень и быстрота развития коммерческого образования находилась в прямой зависимости от уровня экономического развития страны и потребностей общества в образовании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России. – СПб., 1910. Ч. I, II.
2. Россия в конце XIX века. – СПб., 1900.
3. Дневник III съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в Санкт-Петербурге. 26 декабря 1903 – 6 января 1904 гг. – СПб., 1903–1904. – №2.
4. **Логинова В.С.** Общественная и частная инициатива в деле профессионально-технического образования в России в конце XIX – начале XX в. Страницы истории // Благотворительность и милосердие: Сб. науч. трудов. Саратов, 1997.
5. ЦГИА РФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 291.
6. Техническое образование. 1895. № 8.
7. Программная речь Министра торговли и промышленности В.И. Тимирязева // Техническое и коммерческое образование. 1909. №3.
8. Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. 1889–1890 (Т. 1). СПб., 1891; Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. СПб., 1898.
9. **Кузьмин Н.Н.** Коммерческое образование в России конца XIX – начала XX в. // Актуальные проблемы профессионально-технического образования в СССР. – Горький. 1974.

10. Добровольский В.О. частной инициативе в коммерческом образовании и о товариществах преподавателей // Коммерческое образование. 1911. № 7.
11. Россия в конце XIX века.– СПб., 1900.
12. Краткий очерк об учреждениях Санкт-Петербургского купеческого сословия. – СПб.,1908.
13. ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп.13. Д. 624.
14. Высшее коммерческое образование в России // Техническое и коммерческое образование. 1909. №4.
15. ЦГИА СПб. Ф. 287. Оп. 1. Д. 168.
16. ЦГИА СПб. Ф.1258. Оп.2. Д.236.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ С ФИНЛЯНДИЕЙ (ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В царствование Александра I Финляндия вошла в состав Российской империи, что привело к изменению ее статуса. Она получила автономию и стала называться Великим княжеством Финляндским. По вопросу статуса Великого княжества Финляндского, в исторической литературе существуют различные точки зрения. Мы полностью согласны с мнением отечественного историка И.Н. Новиковой, которая отмечает, что «Финляндия получила статус Великого княжества (в Финляндии до вхождения в Российскую империю действовали шведские законы: «Форма правления» от 21 августа 1772 г. и «Акт соединения и безопасности» от 21 февраля и 3 апреля 1789 г. – *С.П.*) еще в конце XVI века, при шведском короле Юхане III. Однако на практике это была в большинстве своем лишь красивая декларация, не подкрепленная реальным содержанием» [1].

По мирному Фридрихсгамскому договору, заключенному в 1809 году, Швеция отказалась от своей восточной Финляндии в пользу России. Как отмечает Л.В. Суни, «обстоятельства требовали от российской власти быстрого упрочения своих позиций на присоединенной территории. Эта задача не могла быть решена лишь методами военного принуждения. Необходимо было проведение такого политического курса, который нейтрализовал бы существующее в Финляндии недоверие к российскому правлению, исключил бы превращение Финляндии в очаг сепаратизма и в конечном итоге обеспечил бы безопасность северо-западных границ в условиях приближавшегося столкновения с Францией» [2, с. 100].

Статус Великого княжества Финляндского определял государственно-правовую форму автономии в рамках Российской империи, что определялось рядом обстоятельств. Финляндия по уровню общественного развития стояла выше, чем любая из русских губерний. В России еще господствовали крепостнические отношения, тогда как в Финляндии крепостного права не было и финляндское крестьянство, равно как и городское бюргерство, представляли собой довольно активную политическую силу [3, с. 176–187].

Проведение успешной политики России на новых территориях было возможно лишь при условии, что «население княжества получило бы не меньше, а больше прав и привилегий, чем оно имело при шведском господстве» [1]. Исходя из этого положения, российская администрация позволила Великому княжеству Финляндскому иметь в политической структуре свой законодательный орган – Сейм; собственную исполнительную власть – Императорский финляндский Сенат. По требованию Александра I все дела, касающиеся Великого княжества Финляндского, должны были докладываться ему напрямую, минуя российские министерства. С этой целью была учреждена Комиссия по финляндским делам, реорганизованная позднее в Комитет по финляндским делам. В 1826 г. Комитет был переименован в Статс-секретариат Великого княжества Финляндского во главе с министром статс-секретарем. Эту должность занимали финны. Можно полностью согласиться с мнением И.Н. Новиковой, что «Россия целое столетие предпочитала смотреть на финляндские дела через финляндские очки» [4, с. 131].

По вопросу взаимоотношений царской России и Великого княжества Финляндского в работах российских ученых XIX века преобладает имперская концепция. Эта концепция утвердилась в эпоху Петра I, суть которой сводилась к тому, что Россия – это наследственное «имение», вотчина царя, которая должна управляться и функционировать как частное владение. Государство

рассматривалось как политический и социальный институт, отдельный от персоны правителя, со своими задачами и проблемами.

В основе доктрины российского абсолютизма было положено теологическое обоснование царской власти. В принятых законодательных актах утверждалось, что император Всероссийский является монархом самодержавным и неограниченным. И власть его основана на «божественное поручение», а повиноваться ему следует не на страх, а за совесть, так повелевает сам Господь Бог. Особенностью петровских реформ было то, что в них помимо Бога были ссылки на «общее благо».

Идея «общего блага», «всенародной пользы» была характерна для всех абсолютных монархий того времени. Только монархи знали, что нужно их подданным и стране в целом. Концепция просвещенного абсолютизма строилась на высокомерном и презрительном отношении к народу, что предопределяло политику в отношении национальных окраин царской России. «Автономный статус Финляндии обычно интерпретировался в тех же категориях, что положение Польши. Автономия как нечто дарованное императором – великим князем, а, следовательно, отнюдь не самоочевидное. Этим объясняется в частности тот факт, что на практике, вплоть до времени появления так называемого «финляндского вопроса», не наблюдалось сколько-нибудь заметного подлинно академического, лишенного утилитарного подтекста, интереса к особенностям финляндского законодательства, административного устройства, то есть наследию шведских времен» [5].

В этой связи следует обратиться к концептуальной разработке А.А. Ирхина, который анализирует особенности развития так называемых «Больших имперских пространств – Западного и Восточного» [6]. Согласно данному взгляду, образование национальной империи на основе общности языка, религиозных традиций и национальной близости и распространение своей власти в заморских колониях – свойственно западному типу Большого имперского пространства. Восточный тип Большого имперского пространства

образуется на основе исторического опыта Византийской, Османской и частично Российской империи (до реформ Петра I) [6]. Характеризуя различия между Западным и Восточным типами Больших пространств, А.А. Ирхин, отмечает, что в империи Западного (колониального) типа «метрополия всячески оберегает себя от ассимиляции. Метрополия не впитывает в себя большие пласты покоренных культур, а усваивает минимально необходимое для налаживания долгосрочной коммуникации с колониями на уровне элит и ведения максимально непропорциональной торговли и других видов обмена» [6]. В империи Восточного типа развивается, прежде всего, имперский центр, а укрепление приграничных районов происходит по причинам, среди которых А.А. Ирхин выделяет:

«во-первых, окраины должны быть заинтересованы в нахождении в имперской системе. Они наиболее близко находятся к промежуточным пространствам и, следовательно, конкурирующему имперскому центру;

во-вторых, их геополитическое положение должно предполагать обладание высоким уровнем устойчивости с целью защиты имперского центра в качестве защитного сегмента Большого пространства. При этом такое развитие отрицает национальную проблему между центром и периферией» [6]. Для Восточного типа, культурная и национальная ассимиляция не была характерна и в отличие от Западного. Напротив, происходил процесс «объединения множественности», когда «происходит взаимное обогащение культур на основе культурного обмена, смешанных браков и т. д.» [6].

Практика вовлечения Финляндии в орбиту имперского управления России носила сложный характер и не всегда укладывалась в рамки Западного или Восточного типа имперского развития. Как справедливо отмечает И.Н. Новикова, «имперский федерализм, выразившийся в предоставлении Финляндии широкого самоуправления, кооперация с местной элитой, толерантность в вопросах веры и территориальные уступки обеспечили на

протяжении практически столетия верноподданность финляндцев по отношению к российскому самодержавию» [1]. Политический статус Финляндии внутри России также воспринимался весьма благожелательно, по мнению К. Корхонена: «Автономия Финляндии, её особый статус внутри России не вызывал у российских властей и основной части политических мыслителей ни недовольства, ни возражений, и мало кто в те времена обнаруживал в нём хотя бы намёк на угрозу для целостности России» [7, р. 26], и далее констатирует, «во время правления Николая I Финляндия, в особенности в политическом смысле, была главным образом забыта русским общественным мнением» [7, р. 42].

Присоединение Финляндии к России активизировало процесс становления финляндской нации, что нашло отражение в известном изречении А.И. Арвидссона: «Мы не шведы, русскими стать не хотим, так будем же финнами». В царствование Александра II Финляндия добилась наибольших успехов в развитии государственных институтов и самоидентификации финнов. По определению А. Каппелера, «финны, бывшие в начале XIX века «малой» или «молодой» нацией, почти поголовно состоящей из крестьян и не имеющей собственной элиты, к началу XX века «имели все предпосылки и основания для формирования современной нации» [8, с. 161–164].

Финляндия в XIX веке имела многие государственные атрибуты: законодательную и исполнительную власть, свою национальную валюту, таможенную службу на границе с метрополией, свою почту, а с 1878 года – свои войска. Финский язык получил статус государственного языка в 1880-х годах. Экономическое развитие Финляндии шло быстрыми темпами, что привело к заметному росту её благосостояния. Нельзя не согласиться с выводом М.А. Витухновской о том, что «положение Финляндии внутри Российской империи оказалось, таким образом, совершенно исключительным – и не только в масштабах самой империи, но и в сравнении с устройством других многонациональных государств» [9, с. 90].

У Финляндии появилась возможность провести модернизацию своей экономики и социальной сферы в соответствие с европейскими либеральными моделями, что давало возможность сформировать демократические основы государственности. Однако сама Россия, как справедливо отмечает Р. Суни, «заметно отставала в области экономической и ещё более – в области создания демократических и просветительских институтов. Более того, при Александре III контрреформы уничтожали те ростки либерализации и демократизации, которые существовали в конце царствования Александра II. Противоречия между метрополией и окраиной нарастали и приводили к дестабилизации империи. <...> Сохранение автократического типа правления наряду с проведением конституционных или либерально-демократических реформ в отдельных регионах оказалось сильнейшим дестабилизирующим фактором» [10, с. 23].

Такое положение Великого княжества Финляндского служило постоянной причиной внутренних разногласий в правящих кругах Российской империи. Даже появилось политическое понятие – «финляндский вопрос», включавший в себя круг проблем: идеологических, политических, экономических, правовых и др.

Политическое решение «финляндского вопроса» связывалось с деятельностью генерал-губернатора Финляндии Н.И. Бобрíkова, стоявшего на консервативно-националистических позициях. Период, получивший в истории Финляндии название «первого периода угнетения». Он связан с Манифестом от 3 (15) февраля 1899 года, по которому российскому правительству предоставлялось право издавать для княжества законы, без одобрения финляндского сейма. Одновременно вводилось два закона: о введении русского языка в делопроизводство в центральных учреждениях Финляндии (1900 г.) и о воинской повинности (1901 г.), согласно которому финские войска упразднялись, а жителям княжества предписывалось служить в российских войсках. Так же было принято и несколько постановлений, очень чувствительных для финляндцев. С 23 июля

1899 года было запрещено хождение финских почтовых марок с гербом Финляндии – львом, и чуть позже – запрещение вообще использовать герб Финляндии на почтовых отправлениях.

«Финляндский вопрос» рассматривался российским руководством как вопрос финляндского сепаратизма, который может оказать губительное воздействие на другие части империи. Понятие «сепаратизм» толковалось российской и финляндской стороной по-разному. Финляндцы не требовали расширения автономных привилегий, но активно отстаивали их неприкосновенность, что, по терминологии А. Орриджа и К. Вильямса, можно назвать как «автономистский национализм» [11, р. 24, 29, 32]. Во второй половине XIX века российские правящие круги крайне опасались националистических тенденций в Финляндии, рассматривая их как сепаратистские, ведущие к выходу из состава империи [12, с. 195].

Ряд российских ученых рассматривали возникшее напряжение в отношениях России и Финляндии как следствие активного процесса национального строительства финляндского народа. В.П. Семенов-Тянь-Шанский обратил внимание на особенности финляндского мироощущения на рубеже веков, заметив, что у молодой финляндской нации инстинкт самосохранения своих традиций и культуры был доведен «до болезненных форм». «Типичным примером психологии малого народа может служить «очень легкий переход законной гордости за свои традиции и культуру в националистическое самомнение и нежелание соблюдать умеренность в отношениях с империей» [13, с. 57]. Один из российских исследователей Финляндии начала XX века, Н.Каменский отмечал, что многое в отношениях финнов к русским вызывало недоумение. «Например, излагая прошлое Финляндии, учебники истории освещали все события со шведской точки зрения, сожалея о неудачах Швеции и радуясь ее успехам. Россия же всегда была представлена в невыгодном освещении. Все успехи русских объяснялись или случаем или подкупом» [14 с. 26–27]. В этом смысле нельзя не согласиться с точкой зрения финского исследователя

Т. Полвинена, который отмечал, что «националистическое чванство» отнюдь не является привилегией одних только великих держав» [15].

Как отмечает И.Н. Новикова, «отсутствие умеренности в высказываниях лидеров финляндского национального движения, нарочитый акцент на особой финляндской государственности давали повод российским чиновникам интерпретировать естественное стремление малого народа к обособлению, желание сохранить свои особые права и привилегии, как преступный сепаратизм. Не случайно в конце XIX в. среди правящей элиты империи все яснее звучало требование «вторичного завоевания» Финляндии, включавшее в себя постепенную ликвидацию автономных привилегий княжества» [1; 12, с. 197].

Царствование Николая II характеризовалось усилением националистического курса в государственном управлении, это вело к укреплению самодержавного режима и значительно повлияло на политику России в отношении автономных прав Финляндии. Стремление укрепить правовые основы имперского правления, полностью подчинить Финляндию российским законам, было связано и со сложившейся международной обстановкой в Европе. В этом политико-правовом контексте «финляндский вопрос» представлял собой столкновение двух позиций: сторонников теории «инкорпорированной провинции» (Н.И. Бобриков, В.К. Плеве, А.Н. Куропаткин) и финляндских сторонников теории «особого финляндского государства» (Л. Мехелин, Р. Германсон, Ю. Вуолле-Апиала).

Начало XX века характеризовалось всплеском финляндского национализма: 16 июня 1904 года Н.И. Бобриков был смертельно ранен в сенате финляндским чиновником Э. Шауманом. События 1905 года в России оказали существенное влияние на решение «финляндского вопроса». В 1906 году на основе ноябрьского Манифеста в Финляндии сформировалась самая радикальная в Европе того времени представительная система: однопалатный парламент. Он

формировался на основе всеобщего и равного избирательного права. Впервые в мире женщины получили право избирать и быть избранными. Теория «особого финляндского государства» получила определенное практическое подтверждение.

В правящих кругах России усиление автономного положения Финляндии вызывало тревогу. С одной стороны, националистические настроения в Финляндии ухудшали взаимоотношения с Россией, а с другой – шел процесс усиления взаимоотношений Финляндии с Германией, что ставило вопрос о безопасности России. Все это привело в 1908–1917 годах к попытке ограничить автономные права Финляндии. В финской печати эти годы получили название: «вторым периодом угнетения». Политику имперских властей России можно определить как «русификация».

Решение «финляндского вопроса» во многом определялось экономическими действиями российских предпринимателей с целью, предоставления отечественному капиталу режима наибольшего благоприятствования в Финляндии, для вытеснения германских конкурентов. Для этого должны были вступить меры юридического и политического характера, призванные постепенно ликвидировать финляндскую автономию. Поэтому решение «финляндского вопроса» имело целью – добиться вытеснения с финского рынка иностранных конкурентов и обеспечить господствующее положение на нем российским экспортерам [4, с. 136].

Решение «финляндского вопроса» в большой степени зависело от безопасности российской столицы. «В 1898 г. германский рейхстаг одобрил Программу строительства военно-морского флота. Германия начала строить свой большой военный флот непосредственно в Балтийском море, в Кильской гавани. Финляндия с ее длинными побережьями слишком ясно стала превращаться в потенциальный плацдарм для нападения» [1]. «Финляндский вопрос» стал одним из важнейших во внешнеполитической линии российского правительства.

В 1908 году Дума приняла новый порядок представления финляндских дел, если раньше все вопросы поступали напрямую от генерал-губернатора к царю, то теперь они шли в Совет министров, который давал по финским делам заключение. С точки зрения финляндцев, этот порядок лишал их персональной унии с Россией и низводил Финляндию на положение одной из российских провинций. Особый русско-финляндский комитет предложил, все законы, касающиеся Финляндии, принимать в России, это сводило роль финского парламента к чисто совещательной. С 1908 до 1914 годов был принят ряд законов, направленных против автономии Финляндии. В 1914 году на рассмотрение царя поступила программа мер, получившая название «программа русификации». По мнению И.М. Соломеща, «генеральная линия на уничтожение автономных институтов княжества сохранялась», однако «война поставила царское правительство перед необходимостью решать более неотложные задачи, чем пересмотр финляндского законодательства. Программа 1914 г. осталась лишь демонстрацией настроений царизма и его политическим ориентиром» [16, с. 18].

Можно сделать вывод: за вековой период вхождения Финляндии в Российскую империю произошел стремительный процесс роста национального самосознания финляндского народа. Результатом стало появление политико-правового кризиса, получившего название «финляндский вопрос». События 1917 года привели к независимости Финляндии, что, по сути, означало окончательное решение «финляндского вопроса».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Новикова И.Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века — http://www.vbrg.ru/articles/referaty_otnoshenie_rossii_i_finlandii/problema_gosudarstvenno-pravovogo_statusa_finlandii_v_rossijskofinljandskikh_otnoshenijakh_xix_veka/.

2. **Суни Л.В.** О месте Финляндии в военно-стратегических планах царизма в 80-е гг. XIX в. // Скандинавский сборник. Вып. 21. 1976, Таллинн: Ээсти Раамат. С. 90-105.
3. **Корнилов В.А.** К истории политического устройства Великого княжества Финляндского в 1809 г. // Ученые записки МГПИ. 1971. Т. 439. С. 176–187.
4. **Новикова И.Н.** Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX начало XX века): Сб. науч. ст. [По материалам межрегион. семинара "Регион. процессы в император. России"]. М.: МОНФ, 1997. 237 с.
5. **Соломещ И.М.** От Финляндии Гагарина к Финляндии Ордина: на пути к финляндскому вопросу // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: Сб. статей / под науч. ред. А.Н. Цамутали, О.П. Илюха, Г.М. Коваленко. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004 (Сер. «Научные доклады»: Вып. 1). С.143–153.
6. **Ирхин А.А.** Большие пространства Евразии: типология, виды модернизации, моделирование будущего развития.– <http://rusprostranstvo.com/article/view/350>
7. **Korhonen K.** Autonomous Finland in the political thought of nineteenth century Russia. Turku: Turun yliopisto, 1967. 126 S.
8. **Каппелер А.** Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 343 с.
9. **Витухновская М.А.** Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX веков // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: Сб. статей / Под науч. ред. А.Н. Цамутали, О.П. Илюха, Г.М. Коваленко. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004 (Серия «Научные доклады»: Вып. 1). С.89–142.
10. **Суни Р.** Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 9-73.
11. **Orride A., Williams C.** Autonomist Nationalism: A Theoretical Framework for Spatial Variations in its Genesis and Development // Political Geography Quarterly 1. (1982). P. 20–34.
12. **Погодин С.Н., Саблина М.А.** Российско-финляндские отношения в последней трети XIX века // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2012 – № 1 (143). – С. 195–198.
13. **Семенов-Тянь-Шанский В.П.** Финляндия. Пг.: Огни, 1918. 81с.
14. **Каменский Н.** Современное положение Финляндии с точки зрения обороны государства. К финляндскому вопросу в Гос. Думе. СПб.: Тип. Глав.упр. уделов, 1908. 65 с.
15. **Полвинен Т.** Держава и окраина. Н.И. Бобриков генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб.: Европейский дом, 1997. 319 с.
16. **Соломещ И.М.** Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Петрозаводск: ПетрГУ, 1992. 89 с.

ИСТОРИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВНОПРАВИА В РОССИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Одной из главных характеристик XX века стала борьба за равноправие женщин и мужчин, за реализацию этого основополагающего принципа демократии. Россия, одна из первых стран мира, провозгласившая принцип равноправия полов, через 90 лет оказалась далеко позади многих стран.

Каковы причины отставания? Почему в начале XXI века в стране, которая еще в начале XX века законодательно обеспечила своим гражданам право избирать и быть избранными во все органы власти, женщины все еще остаются «чужими» в поле политики? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Дело тут и в особенностях исторического развития страны, и в специфике ее политической культуры с устоявшимися патриархальными стереотипами, и своеобразием политической системы, и в проблемах законодательного обеспечения гендерного равноправия и т. д.

Реализация политики равноправия в России – процесс сложный, противоречивый и даже парадоксальный. Сложно дать полный анализ причин этого явления. В данной работе рассматриваются две: деформация самой идеи равноправия и методы ее реализации.

Хотя советская власть формально наделила гражданок страны всей совокупностью прав человека, однако новый строй можно с полным основанием назвать социализмом с «мужским лицом». Несмотря на законы, в реальности к женщинам относились как к гражданам не совсем полноценным, «другим». Женщины имели право на труд, они были активными общественницами, имели право на представительство в структурах власти, но им отвели квоту только

в органах законодательной власти, в ту пору по большому счету – чисто декоративной, и не пускали на вершины этой власти – в руководящие органы партии, в ЦК и Политбюро.

Сложившийся в советское время гендерный порядок точнее всего можно квалифицировать как «государственный патернализм», основанный на формальной норме равноправия полов и скрытой дискриминации женщин. А в собственно политической сфере – как имитацию политики гендерного равноправия.

Одним из первых шагов советского правительства в деле «раскрепощения женщин» стали декреты, принятые в декабре 1917 года, женщинам была предоставлена вся полнота гражданских прав и свобод. Осуществляя свой уникальный социальный эксперимент, большевики, пришедшие к власти осенью 1917 г., подразумевали под «решением женского вопроса» прежде всего скорейшее «коммунистическое воспитание» женщин, привлечение их в партийные ряды с дальнейшим выдвижением на государственные посты.

В стране активно пропагандировались идеи включения женщины в производство, общественные отношения при полном уравнивании в правах с мужчинами. Такое включение рассматривалось как неременное и обязательное условие построения социализма. В.И. Ленин писал, что «без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни, но и к постоянной, поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии» [4, с. 158].

В декабре 1917 г. были приняты декрет «О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния» и «О расторжении брака». Проект декрета о гражданском браке был составлен выдающейся феминистской и революционеркой А.М. Коллонтай. Первый советский брак в новой России был именно ее браком с влюбленным в нее революционным матросом П.Е. Дыбенко. Эти декреты легли в основу принятого 22 октября 1918 г. отдельного семейно-правового акта – «Кодекса законов об

актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекуном праве». Он утверждал, что «брак является частным делом брачующихся», объявлял все старые церковные метрические книги не имеющими юридического значения и вводил взамен их книги записи актов гражданского состояния.

Первая Конституция РСФСР советского периода в 1918 г. закрепила юридическое равноправие женщин и мужчин. Женщины России получили право избирать и быть избранными в структуры власти, право на выбор профессии, получение образования. т. е. то, за что билось несколько поколений российских женщин.

В борьбу за новую советскую женщину активно включились женщины-руководители партийных и советских органов – И. Арманд, Н. Крупская. А. Коллонтай и другие. Видным теоретиком разработки женского вопроса была Александра Коллонтай. Вот несколько цитат из ее произведений, показывающих пути достижения равенства женщин и мужчин в ходе социалистического строительства. Новая женщина страны Советов – «это, прежде всего, самостоятельная трудовая единица, чей труд идет не на обслуживание частносемейного хозяйства, а на общественно полезную и нужную работу ... не стало больше былой зависимости женщины ни от хозяина – капиталиста, ни от кормильца мужа. Явился один хозяин, этот хозяин – Советская трудовая республика» [10, с. 5].

А для того, чтобы женщины смогли отдавать больше сил и времени коммунистическому строительству «в наших интересах, в интересах крепости коммунистического строя – разбить ... устои старой экономической буржуазной семьи. Жизнь ... очищает путь для строительства новых форм семьи – семьи социалистической. т. е. для воспитания детей в детских колониях, детских общежитиях» [10, с. 5].

И, наконец, апофеоз равноправия – новый подход к материнству: «в стране, где женщина признана равноправной и равноценной единицей труда, быт, а вместе с бытом и культура, складываются по-новому ... Октябрь перевернул взгляд на материнство: трудовое

государство считает, что материнство есть социальная обязанность женщины». Рождение ребенка не есть «частное дело; в нем, прежде всего, заинтересовано само трудовое общество» [10, с. 6].

Интересна интерпретация вопроса равноправия, изложенная профессором А. Залкиндом в работе «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата». Женщина, согласно этим заповедям, должна расстаться с классово-бесплодными чертами «красоты» и «женственности». Этим чертам «мало места и от которых мало толку в условиях индустриализованного, интеллектуализированного, социализирующего человечества» и которые «неминуемо будут стерты в порошок телесными комбинациями наилучшего революционного приспособления, наилучшей революционной целесообразности». «Бессильная же хрупкость женщины ... вообще ни к чему: экономически и политически, т. е. и физиологически, женщина современного пролетариата должна приближаться и все более приближается к мужчине ... «женственность» являющаяся порождением тысячелетнего рабского положения женщины ... в минимальной степени соответствует надобностям революции и революционного полового подбора». Далее профессор очень четко определил правила новых отношений между мужчиной и женщиной: «Половая жизнь для создания здорового революционно-классового потомства, для правильного, боевого использования всего энергетического богатства человека, для революционно-целесообразной организации его радостей, для боевого формирования внутриклассовых отношений – вот подход пролетариата к половому вопросу. ... Отсюда: все те элементы половой жизни, которые вредят созданию здоровой революционной смены, которые грабят классовую энергетику, гноят классовые радости, портят внутриклассовые отношения, должны быть беспощадно отмечены из классового обихода, отмечены с тем большей неумолимостью, что половое является привычным, утонченным дипломатом, хитро пролезающим в мельчайшие щели – попущения, слабости, близорукости» [14, с. 9].

По мнению профессора «половой подбор должен строиться по линии классовой, революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специально полового завоевания ... Класс в интересах революционной целесообразности имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов. Половое должно во всем подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всем его обслуживая» [14, с. 10].

Таким образом, обобщая образ эмансипированной, новой советской женщины, можно нарисовать такой портрет: мужеподобная трудовая единица, имеющая социальную обязанность рожать детей в результате свободной любви, освобожденная от семейных уз и заботы о детях, которые будут воспитываться государством в детских колониях, и активно участвующая в строительстве социализма.

Не случайно в начале 20-х годов XX века шли бурные дискуссии о равенстве женщин и мужчин, взаимоотношениях полов, свободной любви и семье.

До предела упрощенная процедура заключения брака и развода (для этого достаточно было зайти в ЗАГС на 10 минут) должна была искоренить отношения насилия и зависимости, существовавшие в семье. Первые законы о семье формально дискриминировали мужчин, установив крайне упрощенную процедуру установления отцовства (по письменному заявлению матери ребенка). В 1920 г. к первым уравнивающим декретам советской власти добавился декрет о разрешении медицинских аборт по желанию женщины. Его целью стала ликвидация «последнего препятствия», стоявшего на пути сексуального и семейного раскрепощения женщины. Все перечисленные выше положения нашли свое подкрепление в принятом в 1926 г. законодательстве о браке и семье. Вместе с тем разрешение разводов и аборт само по себе не могло решить проблему гендерного равенства в частной жизни. Первой причиной

было негативное отношение к идеям «отмены семьи» со стороны крестьянского большинства России – как женщин, так и мужчин.

Однако даже в крупных городах, где эти идеи были с восторгом восприняты студенческой молодежью, фактические права женщин при устройстве быта и распределении обязанностей и коммунах постоянно нарушались, а сами женщины нередко рассматривались не как равноправные участницы сексуальных отношений, а лишь как объект мужского желания.

Второй причиной стали экономические проблемы, воспрепятствовавшие государству взять на себя функции материального обеспечения и воспитания детей. В случае отдельного проживания отца от матери, несмотря на законодательно дискриминирующий мужчин принцип установления отцовства, фактическое участие отца и уходе за ребенком, его воспитании на практике было минимальным. Поэтому в начале 20-х годов женщины в целом сохранили и даже увеличили свою ответственность за бытовое благополучие и духовное развитие детей, что отнюдь не способствовало их реальному равенству с мужчинами, свободными от таких проблем.

Но уже в 30-е годы революционный романтизм в отношении женщин трансформировался в расчетливый прагматизм. Начало этого периода соответствует первым пятилетним планам индустриализации и коллективизации, а затем отмечено официальной декларацией, согласно которой женский вопрос в Советском Союзе был «решен». Это означало, в частности, ликвидацию всех женотделов и женсоветов, которые к началу 1930-х гг. были закрыты наряду с множеством иных общественных организаций. Оставшиеся и вновь создаваемые женские объединения даже формально не были самостоятельными организациями и существовали исключительно как «приводные ремни» политики партии. Среди них – сформированное «сверху» движение за овладение женщинами мужскими профессиями (трактористки, летчицы, водители общественного транспорта). «Вовлечение женщин в среду общественного производства» (о чем

мечтал Ленин) обернулось втягиванием их в сферу неженского труда. 1930-е годы считаются периодом «великого отступления» от революционной политики по отношению к семье, «шагом назад», возвращением к традиционалистским нормам. Однако это не совсем верно. Во-первых, государственная политика поддерживала именно новую семью – первоячейку советского общества, семью, которая подчиняла режим своей жизнедеятельности требованиям советского трудового коллектива. Во-вторых, в деревне по-прежнему проводилась политика раскрепощения женщин: крестьянок поощряли освобождаться от тирании мужей и отцов, отстаивать свой статус независимых колхозниц, равных мужчинам. Не случайно сами колхозницы убежденно повторяли: «колхозы дали нам полную экономическую независимость от мужчины – отца, мужа, свекра», «женщина теперь по всем линиям самостоятельный человек» [6, с. 23]. В связи с нарастающим увеличением разводов и бегством мужей матери-одиночки составляли и в городах, и на селе значимую социальную категорию, которая изо дня в день обучалась самостоятельным внедомашним действиям.

Сталин определил роль женщин в обществе «как колоссальный резерв трудовых сил», а их предназначение было в том, чтобы «стать плечом к плечу со своим мужем, отцом или братом в борьбе за новую жизнь» [5, с. 122].

Сталин особенно подчеркнул, что «трудящиеся женщины являются не только резервом. Они могут и должны стать, – при правильной политике рабочего класса, – настоящей армией, борющейся против буржуазии. Выковать из женского трудового резерва армию работниц и крестьянок, действующую бок о бок с великой армией пролетариата, в – этом вторая и решающая задача рабочего класса [5, с. 122].

Не забыл он и женщин-колхозниц. «Женский вопрос в колхозах, – говорил Сталин на первом съезде колхозников-ударников, – большой вопрос, товарищи ... Женщины в колхозах – большая сила.

Держать эту силу под спудом, значит совершить преступление. Наша обязанность состоит в том, чтобы выдвигать вперед женщин в колхозах и пустить эту силу в дело ... колхозницы должны помнить, что только в колхозе имеют они возможность стать на равную ногу с мужчиной. Без колхозов – неравенство, в колхозах – равенство прав» [5, с. 123].

В середине 1930-х годов изменение гендерных отношений было закреплено в законодательстве. Главным правовым актом стала Конституция СССР 1936 года, которая провозгласила: «В СССР решена задача огромной исторической важности – впервые в истории на деле обеспечено подлинное равноправие женщин». Статья 122 гарантировала: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов». В ст. 137 особо отмечалось: «Женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами» [2]. Однако как отмечала О. Хасбулатова, «за счет включения женщин в списки народных депутатов одновременно решались проблемы репрезентации для рабочих и колхозников» [10, с. 482].

По мере укрепления социалистического государства и начала индустриализации, советское правительство стремилось ограничить свободу частной жизни, применяя все более жесткие методы контроля и регулирования. Юридически новая тенденция была закреплена в таких документах, как закон об отмене аборт по желанию женщины (1936), отмена уравнивания прав зарегистрированных и не зарегистрированных официально супругов и усложнение процедуры

развода (1944). Новые законы не только коренным образом противоречили классическим положениям марксистской теории в отношении освобождения женщины, но и привели к существенному росту подпольных аборт и материнской смертности, ухудшению положения тех женщин, которые жили в незарегистрированных браках.

Помимо противоречивой государственной политики в сфере брачных отношений, существенную роль в формировании гендерных стереотипов советских людей играло фактическое неравенство в распределении семейных обязанностей. Для женщины семья оказывалась частью предписанной ей роли «работающей матери», занимая большую часть времени, «свободного» от выполнения производственных обязанностей перед государством. Семья фактически становилась для женщины эквивалентом личного времени. Включение большинства женщин в общественное производство в конце 30–40-х годов не привело к существенному сокращению их домашних обязанностей и в более поздние годы.

Сталинская Конституция 1936 года провозгласила достижение равноправия женщины с мужчиной во всех сферах жизни общества. Главным показателем уровня равноправия с тех пор и до конца 80-х гг. считалась степень вовлеченности женщин в общественное производство. Этот показатель был одним из самых высоких в мире. Свыше 90% женщин трудоспособного возраста были заняты в различных секторах экономики, что, казалось бы, символизирует достижение полного равенства в сфере труда. Однако особенностью женского труда является концентрация в наименее высокооплачиваемых отраслях производства и на более низких должностях.

В 50–60-е годы в сфере регулирования гендерных отношений наступила определенная либерализация. Реформа образования, предпринятая в 1954 году, восстановила смешанное образование. В 1955 году вновь был легализован аборт, а в 1965 году – значительно

облегчена процедура развода. В 1968 году были приняты Основы законодательства СССР и союзных республик о браке и семье. Этот документ, имевший декларативный, общий характер, закреплял не столько долг и обязанности женщин, сколько их права и поощрение материнства.

Нельзя не отметить те изменения, которые все-таки произошли в общественном сознании. Женщина повысила свой социальный, имущественный и личностный статус, она получила возможность выбирать мужа, разводиться с ним и не терять при этом своего общественного статуса, многие профессии были «открыты» для них, появилась возможность получать высшее образование. Женщина-мать-работница становится своего рода символом советской эпохи; почетно быть активной, деятельной работницей, строителем коммунизма и при этом матерью и женой. Женщина уже не бесправная «рабыня» своего мужа и свекрови, а самостоятельный человек, который вне зависимости от его семейного положения является нужным государству и обществу. Однако истинный гуманный смысл идеи равноправия, основанный на свободе выбора путем реализации личностного потенциала и женщин и мужчин, был подменен в первую очередь правом на труд, правом на активное, наравне с мужчинами, участие в социалистическом строительстве, коллективизации, индустриализации, восстановлении народного хозяйства и т. д. Но мужчину при этом не ориентировали на то, чтобы он наравне с женщиной нес бремя домашнего хозяйства и воспитания детей. Семья, быт становились как бы личным делом женщин.

Даже журналы советского периода отражали только одну ипостась женщины – «Работница» и «Крестьянка». Проблема сочетания производственной и семейной функций стала сугубо женской, а в отношении к женщинам преобладал потребительский подход. У женщины не было права выбора – за нее решало государство.

Политика в отношении женщин стала определяться с позиций того, что они должны дать обществу. Нужны стране рабочие руки – иди и работай, нужно повысить рождаемость – иди и рожай. Это потребительское отношение к женщине старательно представлялось как равноправие, как «полное и окончательное решение женского вопроса».

Положительными моментами, реализованными в советский период, стало то, что проблема равноправия была поднята на политический, государственный, конституционный уровень, была введена негласная квота представительства женщин в структурах власти на уровне 30%, создана широкая система социальных гарантий для материнства и детства, женщины получили широкий доступ к образованию, получению профессии.

Комментируя Указ Президента России от 4 марта 1993 г. [3], Н. Шведова отметила, «общественная практика обнаружила ограниченный, иллюзорный характер равноправия, вступила в противоречие с самой жизнью. Идея равенства полов не стала органичной частью ни культуры общества, ни прав человека, ни реальной государственной политики».

Этот вывод подтверждают и зарубежные исследователи, например Д. Броунинг в работе «Советские политики – где женщины?» отмечает, что женщины, вопреки декларациям, практически исключены из сферы принятия решений, у женщин отсутствует доступ в высшие политические сферы... Женщины либо не участвуют в политике, либо занимают в ней второстепенные позиции [7, с. 220].

Таким образом, исторический опыт развития гендерного равноправия в России свидетельствует о постоянном дисбалансе в регулировании гендерных отношений в политической сфере, об ущемлении прав одного из участников этих отношений – женщины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Конституция РФ 1993 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: – main-law.ru.

2. Конституция СССР 1936 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: – Etext/www.hist.msu.ru/ER/cnst1936/htm.
3. Указ Президента РФ от 4 марта 1993 года № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» [Электронный ресурс] – Режим доступа: – base.garant.ru/6150171/.
4. **Ленин В.И.** Полн. собр. соч. Т. 40. – 410 с.
5. **Сталин И.В.** Краткая биография. М., ОГИЗ. 1948, – 242 с.
6. **Brouning G.** Soviet Politics – Where are the Women? In:HollandB.(Ed.)Soviet Sisterhood. Bloomington.Indiana, The Harvest Press, 1985.
7. **Clements В.Е.** The Birth of the New Soviet Woman // Bolshevik culture: Experiment and Order in Russian Revolution/ A.Gleason, P.Kener, R.Sities (Ed.) Bloomington: Indiana University Press, 1989.
8. **Залкинд А.** Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // Радуга. №6. 1990. С. 9–10.
9. **Кочкина Е.В.** Политическая система преимуществ для граждан мужского пола в России 1917–2002 /В сб. Гендерная реконструкция политических систем. Под. Ред. Степановой Н.М., Кочкиной Е.В. СПб, «Алетейя»,2004. с.477–524.
10. **Скорнякова С.С.** Женщины и власть в России: уроки демократии.СПб., Декада, 2000, – 25 с.

**ОСОБЫЕ СОВЕЩАНИЯ И ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ
КОМИТЕТЫ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ
ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

К началу 1914 года русская армия была в основном обеспечена необходимым объемом и номенклатурой вооружений и боеприпасов на мирное время и, по расчетам правительства, имела достаточный запас для ведения большой европейской войны. Производительность казенных и немногочисленных частных военных заводов в России в целом удовлетворяла запросы армии. Российское правительство полагало, что война будет скоротечной и имеющихся ресурсов будет достаточно для ее успешного ведения. Следует отметить, что такой же просчет допустили и остальные державы, участницы Первой мировой войны [6].

Война внесла свои коррективы в прогнозы правительства. Затяжной и ожесточенный характер войны, колоссальные масштабы военных действий обусловили небывалый рост потребностей действующей русской армии в вооружении и боеприпасах. Имевшихся на складах военного ведомства и производимых на казенных заводах военных материалов стало катастрофически не хватать уже в первые месяцы войны. Русская армия испытывала гигантскую нехватку в вооружениях, боеприпасах, снаряжении и т. д. [1, с. 427, 428].

Для удовлетворения потребностей фронта необходимо было мобилизовать весь экономический потенциал страны, перевести народное хозяйство на военные рельсы. Решающим фактором успеха в войне стало умение враждующих сторон использовать все имеющиеся ресурсы для расширения производства в целях обеспечения ведения боевых действий. Российское правительство

изначально попыталось решить эту задачу, используя преимущественно административно-командные методы. Был принят ряд законодательных актов, обеспечивавших мобилизацию промышленности, перевод экономики на военные рельсы [2]. Уже осенью 1914 г. сталелитейные и судостроительные заводы были поставлены под контроль морского министерства; в советы по руководству заводами наряду с администрацией были включены представители царской бюрократии; был установлен надзор за положением дел на предприятиях и т. д. Стал формироваться механизм прямого регулирования экономики государством: заморожены цены, введен «сухой закон», предприятия обязывались исполнять в первую очередь военные заказы, запрещалось вывозить за границу нефтепродукты, ряд других товаров и пр. [3, с. 62–63].

Предпринятые усилия, однако, не смогли удовлетворить потребности фронта. По мере того как война приобретала все более затяжной характер становилось очевидным, что упор на казенную промышленность не позволяет в короткие сроки обеспечить производство вооружений и боеприпасов в том объеме, который потребовала война. Поэтому были предприняты шаги с целью максимально и в кратчайшие сроки привлечь частную промышленность к обеспечению потребностей армии, принеся в жертву производство гражданских товаров. Реализовать эти намерения, однако, оказалось не просто, ибо в России отсутствовала система мобилизации частной промышленности, которая позволяла бы с наибольшей эффективностью использовать незадействованные для нужд фронта производственные мощности.

Успешное наступление австро-германских войск на Восточном фронте весной и летом 1915 г., вскрывшее вопиющие недостатки в снабжении русской армии всем необходимым, сделало задачу мобилизации экономического потенциала страны на нужды фронта особенно актуальной. Как свидетельствовала практика, обычные звенья государственного аппарата управления оказались не в

состоянии справиться с ее решением. Возможным выходом из этой сложной ситуации могло бы стать создание чрезвычайных органов управления, а так же привлечение предпринимателей к планированию и регулированию производства и распределения предметов вооружения и снаряжения для армии.

Первая мировая война оказала огромное влияние на экономику и общественно-политическую жизнь России и вызвала появление новых государственных и общественных органов, деятельность которых была направлена на поддержание обороноспособности страны. Постепенно в течение 1915 г. в России была создана система чрезвычайных органов военно-экономического регулирования, наделенных весьма широкими полномочиями и призванных заниматься мобилизацией всех хозяйственных ресурсов страны для удовлетворения потребностей фронта.

Особые совещания. Необходимость мобилизации всех резервов экономики на военные нужды привела к созданию учреждений, в состав которых наряду с государственными служащими вошли представители частной промышленности. В мае 1915 г., на фоне крупных неудач на фронте, было создано Особое совещание по усилению артиллерийским снабжением действующей армии под председательством военного министра. В состав Совещания наряду с представителями Военного министерства, других правительственных чиновников были включены председатель Государственной думы и ряд ее членов, представители частной промышленности.

В последующем Правительство сформировало систему таких учреждений. Их основу составили созданные на основании законов от 17 августа 1915 г. четыре Особых совещания для обсуждения и объединения мероприятий: 1) по обороне государства (на основе первого Особого совещания); 2) по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны; 3) по продовольственному делу; 4) по перевозке топлива, продовольствия и

военных грузов. Несколько позже 30 августа 1915 г. было учреждено Особое совещание по устройству беженцев. [4, с. 55].

Для координации деятельности всех подразделений по снабжению армии и флота и организации тыла летом 1916 г. при председателе Совета министров и под его руководством было создано Особое совещание министров. Этому надведомственному органу подчинялись все отраслевые совещания.

Особые совещания являлись высшими государственными учреждениями, создавались как инструмент согласования межведомственного управления. Совещания финансировались Советом министров, должны были представлять отчеты в Государственную думу и Государственный совет. Председатели совещаний – главы соответствующих министерств – обладали широкими полномочиями, несли ответственность только перед царем.

Создание Особых совещаний было со стороны самодержавия шагом навстречу требованиям буржуазии, выдвинувшей весной 1915 г. лозунг «мобилизации промышленности». В работе совещаний помимо чиновников различных ведомств участвовали представители Думы и Государственного совета, Земского и Городского союзов, Центрального военно-промышленного комитета. При этом Правительство стремилось оставить ключевые посты за собой. Особые совещания возглавили отраслевые министры. Допуская представителей финансово-промышленных кругов к участию в работе совещаний, правительство сохраняло решающее слово при принятии решений за министерскими чиновниками [5, с. 230].

Законом было предусмотрено право Особого совещания образовывать свои рабочие органы – комиссии. Число этих комиссий и круг вопросов, которыми они занимались, определялись после обсуждения в совещании его председателем. Члены комиссии избирались совещанием, а их председатели назначались председателем совещания.

В подчинении особых совещаний находился ряд государственных органов по регулированию отраслей экономики: Комитет по делам металлургической промышленности, Химический комитет и другие. Рабочий аппарат совещаний опирался на аппарат трестов и синдикатов. Делопроизводство велось канцеляриями соответствующих министерств. На местах интересы Особых совещаний представляли назначенные центром уполномоченные. Последние были направлены в 11 районов страны, под их председательством организовывались местные совещания, получившие названия заводских. В состав совещаний входили представители местной администрации и местной буржуазии [4, с. 183].

Особые совещания имели право издавать обязательные к исполнению временные правила, распределять и контролировать выполнение государственных заказов. Им предоставлялись широкие права по надзору за предприятиями: определять договорные связи, устанавливать предельные цены на продукцию и размеры заработной платы, в чрезвычайных случаях – проводить секвестр и реквизиции предприятий и имуществ, устранять администрацию заводов и фабрик [5, с. 230].

Наиболее представительным было Особое совещание по обороне. В его состав вошли председатели и по 9 членов от Государственной Думы и Государственного Совета, представители от ряда министерств и ведомств, крупного капитала. Деятельность совещания находилась под постоянным контролем царя и Совета министров. На совещание по обороне возлагались: высший надзор за деятельностью всех правительственных и частных предприятий, выполнявших военные заказы; содействие в создании новых предприятий и модернизации старых; распределение правительственных военных заказов и контроль над их выполнением. [4, с. 184]. В руках Особого совещания по обороне оказалось размещение до 97% военных заказов. В ходе войны компетенция

особых совещаний, и, прежде всего, Особого совещания по обороне, значительно расширилась.

Законодательство от 17 августа не уделило достаточного внимания проблеме обеспечения единства в управлении тылом. Практика работы Особых совещаний очень скоро обнаружила острую проблему координации их деятельности. Успешное выполнение тем или иным совещанием своих обязанностей оказывалось немыслимым без активной поддержки других совещаний. Действовавшее законодательство обязывало председателей Особых совещаний информировать военного министра – руководителя Особого совещания по обороне – обо всех принимавшихся решениях. Оно же позволяло ему приостанавливать решения других Особых совещаний, если они казались ему нецелесообразными, с возможной последующей передачей дела в Совет министров, если не удавалось согласовать позиции. Эти полномочия, конечно, позволяли председателю Особого совещания по обороне поддерживать определенную степень согласованности в работе органов военно-экономического регулирования. Но они оказывались совершенно недостаточными для того, чтобы эффективно координировать и тем более контролировать деятельность других Особых совещаний. Будучи в принципе равны между собой, Совещания имели широкие возможности для того, чтобы действовать совершенно самостоятельно, не считаясь друг с другом.

Далее, образование Особых совещаний создало определенные сложности в деле организации управления тылом. На общем поле ответственности за работу тыла действовали равные друг другу и слабо связанные между собой высшие органы государства – соответственно Особые совещания и Совет министров. Законы от 17 августа 1915 г. фактически расчленили управление тылом на две во многом изолированные друг от друга сферы – сферу общеполитическую, составлявшую предмет деятельности

правительства, и сферу военно-экономического регулирования, где царили Особые совещания. В результате в тылу возникало своеобразное двоевластие.

Правительство со временем осознало, что решить проблему кризиса промышленности без участия общественности невозможно. В годы войны значительно возросла роль русского капитала в управлении экономикой страны. В связи с выявившейся неспособностью «официальных властей» эффективно управлять страной в условиях войны, буржуазия проявила большую активность в создании общественных структур, которые стали параллельными структурами управления. Официальной задачей этих структур было содействие правительству в решении важнейших задач помощи фронту, а неофициальной – формирование легального аппарата для своих объединений.

В начале войны на Всероссийском съезде представителей земств был создан Всероссийский союз земств, а 8–9 августа 1914 г. на совещании городских голов был образован Российский союз городов. Высшим органом каждого союза был съезд уполномоченных, а между съездами делами ведали главные комитеты союзов во главе с главноуполномоченными. Первоначально задачей этих союзов была организация помощи больным и раненым, но в ходе войны их функции были значительно расширены: они стали заниматься заготовками и поставками в армию обмундирования, снаряжения, боеприпасов и продовольствия, военно-санитарным делом, размещением беженцев. Для целей военного снабжения использовались мелкие предприятия путем распределения заказов военного ведомства. Деятельность организаций имела существенное значение в условиях, когда мелкая промышленность была распылена и не могла быть использована непосредственно управлениями военного министерства [8, с. 62].

В 1915 г. обе организации объединились во *Всероссийский союз земств и городов* (Земгор). Возглавил объединение кадет князь

Г. Львов. Правительство предоставило Земгору права полувоенной организации. Земгор стал одним из инструментов проникновения российской буржуазии в государственное управление.

Военно-промышленные комитеты. Другим инструментом, который был использован буржуазией с этой целью, стало создание в центре и на местах особых органов – военно-промышленных комитетов. Идея о создании военно-промышленных комитетов (ВПК) была впервые сформулирована в мае 1915 года на 9-ом съезде представителей торговли и промышленности. Инициаторы создания комитетов видели в них, прежде всего, органы общественной помощи правительству в деле мобилизации промышленности и выполнения ею военных задач. В июле 1915 года состоялся 1-й съезд ВПК, а уже 27 августа того же года было принято правительственное Положение о военно-промышленных комитетах. Положение закрепляло за ВПК функции содействия правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота необходимым снаряжением и довольствием путём планового распределения сырья и заказов, своевременного их исполнения и установления цен.

Комитеты получили статус юридического лица: могли заключать договоры с частными и государственными учреждениями и общественными организациями, владеть собственностью, вступать в обязательственные отношения, организовывать приемку и сдачу предметов для нужд армии и флота выступать в суде, при этом «не могли преследовать коммерческих целей». Небольшой первоначальный капитал в 160 000 рублей ВПК получили как взнос от совета съездов представителей промышленности и торговли. Из казны военно-промышленным-комитетам было ассигновано 300 тыс. рублей. Впоследствии Правительством ВПК было предоставлено отчисление в 1 % от всех казённых заказов, размещённых при участии военно-промышленных комитетов, что составило значительные суммы.

В соответствии с Положением были сформированы областные, губернские и городские военно-промышленные комитеты. К концу

1915 г. действовало 24 областных и 215 местных комитетов, а к началу 1916 г. – уже 220 местных ВПК, объединённых в 33 областных. Позднее их число возросло. Крупнейший Военно-промышленный комитет был сформирован в столице. Вторым по значению был Московский комитет, во главе которого стоял известный предприниматель П.П. Рябушинский.

Систему Военно-промышленных комитетов возглавлял Центральный ВПК, который располагался в Петрограде. Там же проходили съезды представителей ВПК. Задача Центрального Военно-Промышленного комитета заключалась в объединении, направлении и координации деятельности местных комитетов. В 1915–1918 гг. выходил его печатный орган – «Известия Центрального ВПК».

В состав Центрального ВПК входили 10 представителей от Совета торговли и промышленности, по три представителя от областных военно-промышленных комитетов, Всероссийского земского и Всероссийского городского союзов, пять – от Комитета военно-технической помощи, по два – от городских дум Петрограда и Москвы и Всероссийской сельскохозяйственной палаты [5, с. 74]. После 2-го съезда представителей ВПК (26–29 февраля 1916 г.) в составе ВПК были организованы рабочие группы: 10 представителей петроградских рабочих во главе с меньшевиком К.А. Гвоздевым были избраны в состав Центрального ВПК, а 6 – в состав Петроградского комитета. Председателем Центрального ВПК был сначала Н.С. Авдаков, а затем А.И. Гучков (июль 1915 г. – март 1917 г., май – октябрь 1917 г.). Товарищем председателя был избран А.И. Коновалов, позже им стал депутат IV Государственной Думы Н.К. Волков.

Центральный военно-промышленный комитет (ВПК) имел развитую структуру, в составе которого были образованы отраслевые секции: механическая, химическая, по снабжению армии, вещевая, продовольственная, санитарная, по изобретениям, автомобильная,

авиационная, перевозок, угольная, нефтяная, торфяная и лесная, мобилизационная, крупных снарядов, станков и др. Число секций со временем увеличивалось [9, с. 160–163].

Основной задачей ВПК стало централизованное получение правительственных заказов на поставку военного снаряжения и размещение их на промышленных предприятиях. ВПК стали посредником между государством и частной промышленностью. К началу 1917 г. ВПК получили от казны заказы на сумму около 400 млн. руб., что составляло, однако, не более 3–4% от общего количества государственных военных заказов. При этом ВПК выполнили заказы не более чем на 60–70% [6]. Это позволяет утверждать, что ВПК играли довольно скромную роль в организации производства предметов вооружения.

Со временем ВПК обрели функции, позволявшие им заниматься не просто распределением заказов между предприятиями, работавшими на оборону, но и в значительной мере регулировать их деятельность. ВПК мог устанавливать норму средней нагрузки промышленного заведения, проводить разверстку объемов военной продукции между фабриками, устраивать проверки на предприятиях, устанавливать обязательные нормы сдачи товара. ВПК применяли административные методы управления, подменяли и контролировали деятельность государственных структур, вмешивались в работу предприятий [3, с. 66–67]. Следует признать, что администрирование ВПК оказалось успешнее государственного регулирования.

ВПК также участвовали в улаживании конфликтов между рабочими и предпринимателями (примирительные камеры). По их инициативе на заводах были отменены ограничения рабочего дня и использования женского и детского труда на предприятиях, выполнявших военный заказ».

Нельзя не признать, что в годы Первой мировой войны Военно-промышленные комитеты играли активную роль в политической и

экономической жизни Российского государства. Во многом благодаря ВПК (и Земгору) была решена проблема переориентации промышленных предприятий на выпуск востребованной армией продукции. Русская буржуазия стремилась превратить Центральный военно-промышленный комитет в центр по руководству работой всей промышленности, распределению ресурсов, а также размещению военных заказов. Вместе с тем, степень компетенции ВПК оставалась узкой, что не позволяло им содействовать решению многих важных вопросов работы тыла (например, смягчение кадрового голода в промышленности). Неэффективность мероприятий правительства по мобилизации промышленности и созданию военной экономики дали возможность либеральной буржуазии в годы войны выйти на новые рубежи в политической жизни страны.

Перечисленные учреждения и организации в основном были ликвидированы после выхода России из войны в марте 1918 г. После 4-го съезда ВПК (17–29.03.1918 г.) их предприятия и часть аппарата были преобразованы в Народно-промышленные комитеты, которые были окончательно упразднены в октябре 1918 г.

В целом в течение 1915–1917 гг. Российским государством и общественностью была проведена большая работа по усилению военной мощи России. Милитаризация экономики, перевод ее на военные рельсы позволили добиться серьезных успехов в деле обеспечения армии востребованной фронтом продукции. В конце 1916 г. из 2290 предприятий 1800 (81%) были преимущественно ориентированы на выпуск продукции военного назначения. Из 2,4 млн. рабочих, занятых в промышленности, 2 млн. (86%) работали на производствах, обслуживавших нужды фронта [10, с. 27]. Однако, несмотря на впечатляющий экономический подъем, уровень производства, необходимый для полноценного снабжения армии, достигнут так и не был. Действия правительства по регулированию экономикой оказались недостаточно продуманными и бессистемными. К концу войны в отсутствие единого центра управления сложилась

многоступенчатая система регулирования экономикой, части которой нередко дублировали друг друга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Головин Н.И.** Военные усилия в Мировой войне. – М., 2009.
- 2.** Законодательные акты, вызванные войной. 1914–1915 гг. В 3-х томах. – Пг., 1916.
- 3. Белов С.И.** Мобилизация российской промышленности в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. –2014. – №1. – С. 59-68.
- 4.** Высшие органы государственной власти и управления России. IX–XX вв.: Справочник / Под общ. ред. А.С. Тургаева. – СПб.: Изд-во «Образование-Культура», 2000. – 368 с.
- 5. Фомичев А.В, Фомичева Л.С.** История государственного управления в России (IX – начало XX вв.). Учеб. пос. – СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2011. – 244 с.
- 6. Кюнг П.А.** Военно-промышленные комитеты в России в годы Первой мировой войны: историко-архивное исследование. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2007.
- 7. Тимошенко, А.И.** Особое совещание по обороне в России в годы Первой мировой войны // Правоведение. –1968. – № 2. – С. 128- 132.
- 8. Дякин В.С.** Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914-1917гг.-М.,1967.
- 9. Погребинский А.П.** Военно-промышленные комитеты // Исторические записки. Т. 11. М., 1941.
- 10. Маевский И.В.** Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. – М., 1957.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ЭЛИТ

Российские реформы в конце XX века изменили социально-экономическую систему страны. Рассыпался хозяйственный механизм, разрушились промышленные связи, сузились возможности национального рынка. В первую очередь пострадали образование, здравоохранение, социальное обеспечение. Производственная активность переместилась из наукоемкой сферы в экспортодобывающие отрасли, которые стали главной составляющей доходной части бюджета.

Экономическая политика последних десятилетий привела к ухудшению условий для развития производительного сектора, что переориентировало экономических агентов на транзакционные виды деятельности. В результате стал развиваться конфликт между транзакционным и реальным секторами экономики. Доминирование финансового сектора, не принимающего непосредственного участия в производстве, основано на абсентеистской собственности, которая приносит спекулятивный доход. Как следствие его размеры и разросшийся рынок ценных бумаг во много раз превзошли рост стоимости материальных активов корпораций.

Расширение топливно-энергетического и транзакционного секторов изменило содержание политических институтов. Наряду с увеличением управленческого аппарата, трансформация экономики обусловила перераспределение власти между политическими субъектами. С одной стороны, обострилась политическая конкуренция, связанная с усилением персональных и корпоративных амбиций. С другой – произошла реставрация авторитарной системы управления, которая ослабила «либеральную революцию» ельцинского периода. Резкое расслоение социальных страт привело к

глубоким разломам между людьми, отраслями и регионами, попавшими в разные социально-экономические условия.

Фрагментация общества, маргинализация значительного числа населения вернули Россию к ее извечной проблеме – взаимному отчуждению двух базовых социальных страт, существующих в слабо пересекающихся социально-экономических пространствах. В первой оказалась промышленная, финансовая и политическая элита, живущая в условиях избыточного потребления и исповедующая ценности индивидуализма. Во второй – большая часть населения, выживающая в условиях материальной недостаточности и сохраняющая коллективистские социокультурные приоритеты. Разнородность этих сегментов связана не только с различиями в уровне доходов, но и, что более важно, с полярностью их социального мышления. Последствия такой разобщенности трагичны для общества (наглядным примером служит российская история XX века). Прежняя российская элита с проблемой разобщенности не справилась. Современная – получила очередной шанс на ее решение.

Верхняя страта представляет собой управленческое сообщество нескольких политико-финансовых империй. Частично её социальные корни уходят в советскую номенклатуру, которая, освободившись от обязательств перед обществом, конвертировала власть и ресурсы в финансово-экономический капитал. Приватизационные аукционы способствовали созданию корпоративных структур, получивших доступ к государственным активам. Каждая из них приобрела собственный социально-экономический потенциал: силовые структуры, креатуры в органах власти, информационно-аналитические ресурсы, связи с регионами и отраслями и т. д.

Присутствие корпораций в политике обеспечило элитный плюрализм. Миграция предпринимателей из бизнеса во власть и обратно превратилась в обычную практику политического процесса. Однако разнородность верхней страты не изменила направленность политической системы. По итогам избирательного цикла 2003–2013 гг. оформилась моноцентричная конструкция (концентрация

политической власти в едином центре; ориентация на экономическую элиту; популизм). Правила «политической игры» задает исполнительная власть в лице Президента. Десятилетие ее отступления перед партикулярными интересами обусловило возврат к государственной централизации. Слабость гражданского общества предопределила усиление бюрократии и силовых структур. Положение крупного бизнеса укрепилось за счет крупномасштабного перераспределения собственности.

Федеральный центр лишил экономический «истеблишмент» прямого политического участия. Президентская формула равноудаления бизнеса от власти привела к отстранению олигархических кланов от прямого воздействия на внешнюю политику и кадровые перемещения, но их влияние на социально-экономическую сферу только возросло. Экономическая политика осталась глубоко либеральной – соответствующей интересам крупного бизнеса. Тесная связь между бизнесом и администрацией утратила статус приоритетного основания внутриэлитной консолидации. Властная вертикаль заставила субэлитные группы подчиняться Президенту, но не устранила причин их разногласий. Эффективная государственность в пределах существующих границ осталась единственным основанием для социального консенсуса. Противоречия не исчезли, но изменили конфигурацию, приобрели многомерность [1].

Современные межэлитные взаимодействия отличаются определенной архаизацией, что парадоксальным образом способствует стабильности политических институтов.

Жесткая борьба корпоративных структур эпохи первоначального накопления капитала за доступ к государственным ресурсам сменилась «монополистической войной» за выживание. В результате более мелкие экономические субъекты были поглощены немногочисленными гигантами. Отраслевые лобби использовали государственные институты для реализации ведомственных интересов. Одним из следствий государственной централизации явилось сближение позиций экономических элит (газовой и нефтяной) по

стратегической теме – поддержке отечественной обрабатывающей промышленности. Газовая элита, заинтересованная в независимости от импорта газодобывающего оборудования, изначально инвестировала часть прибыли в поддержку отечественного машиностроения. Нефтяные корпорации, ориентированные на импорт оборудования, хоть и существенно позже, но также включились в восстановление национальной промышленности.

Для определения российской элиты часто применяется термин «клан» [2]. Название обусловлено наличием связей, которым свойственны: закрытость, клиентизм, узко корпоративная, партикулярная ориентация. Их сущность выражена в патроно-клиентских отношениях на любом управленческом уровне. В частности, ведущими факторами, определяющими карьеру чиновника, являются не интеллектуальная составляющая, профессиональная компетентность, высокая образованность или управленческая эффективность, а поддержка экономической или административной структуры. Взаимосвязь личной преданности с покровительством высокопоставленного лица оказывается определяющим фактором карьерного роста на любой ступени управленческой иерархии.

И наконец, постсоветская «феодализация» проявилась на уровне региональных субъектов. Она выросла не из особенностей производственных отношений, а из властных амбиций конкретных групп или лиц. В ряде бывших республик СССР произошел регресс процессов элитообразования. Релевантный обществу модерна принцип бюрократического формирования управленческого аппарата изменился на рекрутирование, основанное на социальных связях добуржуазного типа. Заново обрели социальный статус жузы в Казахстане; тейпы в Чечне; региональные, земляческие, родственные кланы в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении и т. д.

Атрофия государственного мышления местных элит, отсутствие у них стратегического подхода к управлению проявились в готовности ради сиюминутной корысти жертвовать долговременными интересами регионов. Руководители субъектов

федерации напоминают князей периода распада Киевской Руси: «В опустошенном общественном сознании оставалось место только инстинктам самосохранения или захвата... Если бы князья были предоставлены сами себе, они разнесли бы свою Русь на бессвязные, вечно враждующие между собой удельные лоскутья... Власть хана давала хотя бы призрак единства мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинам» [3].

Возвышение региональных элит запустило «архаизацию» общественной жизни большинства территорий, которая повлекла за собой регрессию институтов, нравов и образа жизни людей. Рост социального положения местной бюрократии соседствовал с резким падением цивилизационного статуса населения.

Путинская централизация затормозила развитие этих процессов. Однако эффективность государственной бюрократии целесообразно рассматривать в более широком социальном контексте по следующим направлениям:

- Государственные интересы общества, которым она управляет.
- Партикулярные (групповые) интересы управленческого аппарата.
- Личные интересы конкретного чиновника.

На сегодняшний день чиновничество наиболее эффективно в реализации личных интересов: практика коррупционно-стимулированного бюрократического произвола в России является общеизвестным фактом (согласно данным Transparency International в 2013 г. Россия по уровню коррупции заняла 127 место из 175 стран) [4].

Показателями эффективности управленческого аппарата в достижении корпоративных целей являются его численность и изменение материального содержания. В настоящий момент наблюдается резкое увеличение числа постсоветской бюрократии. При этом оплата труда большинства госслужащих в два-три раза меньше, чем в коммерческом секторе (превышение только у верхнего эшелона). Оба параметра свидетельствуют об умеренной эффективности бюрократии в реализации групповых интересов.

И наконец, государственная бюрократия и крупнейшие корпорации, обладая огромными административными и финансовыми ресурсами, показали себя неэффективными агентами инновационного развития страны.

Известно, что корпоративные структуры имеют ограниченные возможности для стимулирования экономического роста в масштабах государства. При этом их симбиоз с властью не всегда мешает элите превратиться в субъект развития. Корпоративная модель неоднозначна – она может способствовать как экономическому росту страны, так и исключительному обогащению элиты. Конструктивное участие в крупном бизнесе ключевой бюрократии доказывает опыт государственного корпоративизма в странах Юго-Восточной Азии.

Было бы ошибкой возлагать ответственность за модернизацию экономики только на государство. Однако эффективная экономическая политика возможна, только при условии ее закрепления в качестве государственного приоритета – что очевидно на примере развитых стран. Современное мировое хозяйство отличается определяющей ролью «экономики знаний». Интеллектуализация труда выступает ключевым фактором глобальной конкуренции. Главным условием и инструментом ее создания является качество человеческого капитала, развитие которого остается прерогативой государства. Бизнес принимает участие в обеспечении интеллектуальной экономики, но матрица развития инновационной сферы требует государственной поддержки (основные причины связаны с: капиталоемкостью научных исследований, высокой степенью риска, зависимостью от уровня развития научной среды и информационной инфраструктуры, спецификой требований к квалификации кадров, необходимостью правовой защиты интеллектуальной собственности и т. д.).

Неслучайно реформы государственного управления развитых стран были нацелены на стимулирование экономики через развитие человеческого потенциала. За последние 30 лет существенно выросли расходы на социальное развитие и в среднем составляют 62% от

государственного бюджета, вдвое увеличились социальные трансферты, доли расходов на науку и образование достигли 5% ВВП [5].

Совершенно иная динамика наблюдается в России. Почти вся социальная сфера с конца XX в. (здравоохранение, образование фундаментальная наука, социальное обеспечение) выступала объектом редукции. С 2004 г. начались реформы по ее маркетизации (система монетизации льгот; коммерциализация здравоохранения, образования, науки, культуры) [6]. В результате Россия занимает 104 место – в индексе качества жизни [7]; 61 место в индексе развития человеческого потенциала. [8]. Те же причины объясняют низкий уровень конкурентоспособности страны в целом. За годы реформ доля ТЭК в российском ВВП возросла почти вдвое – с 11 до 19,5%. Это больше чем в Колумбии, Венесуэле и других странах с сырьевой экономикой (доля российского экспорта, составляющая продукцию ТЭК, достигла 68%). Отставание России очевидно по ряду ключевых экономических показателей: в рейтинге глобальной конкурентоспособности страна занимает 64 место [9], в соответствии с индексом технологического развития – 68 место; в рейтинге экономической свободы – 140 место [10].

Таким образом, деятельность бюрократии показывает неоптимальное соотношение общегосударственных и корпоративных интересов. Она использует механизмы государственного управления в партикулярных целях и неэффективна как агент государства. В конечном итоге рост бюрократии не укрепляет позиции государства, а представляет собой усиление политических позиций аффилированной с государством элитной группы, которая не смогла осуществить структурную модернизацию экономики. Политические и бизнес-элиты не проявляют реальной заинтересованности в стратегическом развитии страны, что обесценивает их элитарный статус. Такое положение отражает сложный комплекс политических, экономических, социально-психологических и др. причин [11].

Во-первых, в российском социальном опыте дискредитирована сама идея развития. Она так и не стала безусловной ценностью как для

массового, так и элитарного сознания. Проблемы, возникавшие по ходу мобилизационных проектов, отражали слабость внутреннего импульса социальной эволюции. Задачи, стоящие перед обществом, превышали возможности населения. Для большинства граждан модернизация сопровождалась сверхнапряжением и свехэксплуатацией, а значит, насилием, компенсировавшим скудость остальных ресурсов – финансовых, материальных, временных и т. д. (тот же Ключевский отмечал катастрофический упадок физических и психологических сил населения в период после петровских реформ) [12].

Модернизация диктовалась не только произволом властей, но и характером государственного строительства – созданием империи на скудном экономическом базисе, необходимостью выживания социума в условиях конкуренции с более удачливыми в геополитическом плане соперниками. Поэтому власть часто выступала в качестве кнута, подстегивающего развитие, иногда против собственного желания.

Впрочем, элита имела и собственные причины избегать модернизационных проектов. Активная модернизация уменьшает степень социальной устойчивости верхней страты. Быстрая ротация верхнего класса чревата масштабными "чистками", связанными с обнулением его социального статуса. В более мягком варианте – неспособность элиты выступать в роли эффективного агента модернизации выставляет на всеобщее обозрение ее профессиональную и личностную несостоятельность. Такое положение влечет за собой потерю легитимности и, в то же время, необходимость применять как легитимное, так и нелегитимное насилие ради сохранения собственных привилегий.

Во-вторых, российское массовое сознание отражает более общие социально-психологические закономерности. Формирование ценностных ориентиров связано не только с субъективными предпочтениями каждой страты, но и с объективными законами длинноволновых колебаний массового сознания (от ожиданий населения по поводу общезначимых ценностей к частным интересам). Общественная активность и индивидуальный интерес существуют в

состоянии маятникового движения от частных предпочтений (корыстолюбие и эгоизм) к государственным приоритетам (патриотизм и коллективизм). Нация имеет ограниченные возможности по выполнению обязательств, требующих сильного напряжения. Люди неспособны длительное время прилагать героические усилия ради "великих" целей. Периодически они фокусируются на решении личных задач. Усталость от публичных призывов и мобилизационной активности, разочарование в полученных результатах девальвируют политический пафос, идеализм, реформы. Когда классовая или групповая активность затухает, спектр социальных действий начинают определять факторы культуры – этнические, религиозные, моральные. Более того, период частного интереса – время консолидации, когда усваиваются нововведения предшествующего периода, а так же накапливаются предпосылки для будущего развития.

Таким образом, безразличие современной элиты к проблемам страны является оборотной стороной гипертрофированной устремленности недавнего «социалистического проекта» в будущее, который требовал от своих участников жертвенного отношения к настоящему. Значительные издержки (политические, психологические, нравственные и т. д.), связанные с форсированной модернизацией, накопили у элиты огромный негативный потенциал в связи с психологическими последствиями постоянно воспроизводившегося противоречия между функциями владения и распоряжения. Поэтому в фокус стартовавшего в начале 90 гг. реформаторского процесса попала исключительно дистрибуция.

И последнее: с конца 90-гг. индифферентность политического класса отчасти объясняется практически повсеместной приватизацией институтов государства и гражданского общества кланово-корпоративными структурами. Эрозия государственной идентификации привела к тому, что элита усвоила корпоративный принцип существования, а население – региональный. Общегосударственный локус идентификации как инструмент артикуляции общезначимых целей практически отсутствовал.

Учитывая пластичность массового сознания, индифферентность рядовых граждан к идее инновационного развития не критична для будущего страны, чего нельзя сказать о безразличии элиты. Она является не только субъектом стратегического целеполагания, но и носителем эталонных ценностей для большинства населения, без которых развитие просто блокируется. Следовательно, пассионарность верхней страты – условие, может быть, недостаточное, но необходимое для сохранения российской государственности [13]. В определенной степени элита может использовать уже наработанные технологии социального общежития и консолидации культурно разнородного населения в единый социальный организм. Эффективность их применения в предшествующие исторические периоды не была оптимальной. Она колебалась в зависимости от применяемых методов управления (от прямого принуждения до социально-психологического стимулирования).

Следует учитывать, что в российском обществе отсутствует многочисленный средний класс, наличие которого, является базовым условием стабильности социальной системы. Поэтому естественные процессы самоорганизации приведут только к усилению имущественной и социально-психологической поляризации социальных страт. В современных условиях социальные проблемы не решаются автоматически, но только при условии адекватной политики государства.

Таким образом, задача политической элиты состоит в переориентации на ценности развития и обеспечения целенаправленного влияния на процессы социальной самоорганизации. Это позволит смягчить разнонаправленные тенденции, консолидировать общество, установить приоритет общенациональных задач над корпоративными и личными интересами.

Как ни парадоксально, но конструктивный потенциал заложен в сегодняшнем кризисе. Точнее – в связанном с ним сужении оптимистических альтернатив развития России. Ограниченность возможностей ведущих мировых игроков мягкими методами разрешить

грядущие экономические проблемы побуждают их ужесточать политику в отношении конкурентов, а последних – учиться выживать автономно. Однако такая независимость будет возможна, только если они встанут на путь развития. С этой точки зрения, недавние санкции, являются для нашей элиты очередным стимулом для обеспечения масштабной консолидации общества для решения общенациональных задач. Она получает возможность не только мобилизовать внутренние ресурсы на развитие собственного производства, но и существенно расширить базу своей социальной поддержки, а значит, и легитимность. Впрочем, такой сценарий не безальтернативен. Существует и другая перспектива: стать добычей более сильных геополитических игроков. Какой из двух сценариев будет реализован, зависит от качества человеческого капитала российских управленческих элит.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Гаман-Голутвина О.В.** Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. РОССПЭН, Москва, 2006. С. 358.
- 2. Афанасьев М.** Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М.: Воронеж, 1990, С. 150.
- 3. Ключевский В.О.** Сочинения в 9 тт. М.: Мысль, 1977, т. 5. С. 205.
- 4.** <http://gtmarket.ru/news/2013>.
- 5. Гаман-Голутвина О.В.** Политические элиты России. Вехи эволюции исторической. РОССПЭН.
- 6. Бендина Н.** Россия превращается в гибрид Венесуэлы с Бирмой (RBC Daily 12мая 2005 г.).
- 7.** <http://dnevniky.ykt.ru>.
- 8.** <http://www.grandars.ru>.
- 9.** <http://gtmarket.ru/news>.
- 10.** <http://gtmarket.ru/news>.
- 11. Бухарин С.П., Малков С.Ю.** Эволюция элиты. Академический проект. "Гаудамус". Москва 2014, С.75.
- 12. Ключевский В.О.** Сочинения в 9тт.М.: Мысль, 1977,К. 5, С.205.
- 13. Гумилев Л.Н.** Этносфера: история людей и история природы /М.:Экопрос,1993.С.97.

РАЗДЕЛ III.

ДИСЦИПЛИНАРНОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

УДК 330

С. М. Булацкий

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАЦИОННОГО РИСКА В КОММЕРЧЕСКИХ БАНКАХ

Глобализация финансовых услуг вкупе с увеличивающейся сложностью финансовых технологий делает банковскую деятельность более разнообразной и комплексной. За последние два десятилетия произошел скачок в развитии информационных технологий, который, в свою очередь, повлиял на деятельность финансовых организаций и условия, в которых она осуществляется. Технологический прогресс привел к появлению новых финансовых инструментов, электронной торговли, возможности удаленного оказания финансовых услуг через сеть Интернет. Однако, открытие новых возможностей для банков привело и к необходимости учета новых видов риска, включая операционный риск. Уровень операционного риска есть мера качества любого бизнес-процесса, поэтому высшее руководство банков сегодня все больше внимания уделяет развитию системы мониторинга и управления этим видом риска.

Передовая банковская практика показывает, что при измерении параметров операционного риска банк сталкивается с рядом проблем, включая недостаточность глубины исторических рядов данных, особую природу распределений убытков и потерь при реализации рисков, что осложняет их моделирование, а также недостаточную изученность интеграции и корреляции различных видов риска. Несколько лет назад для коммерческих банков было доказано, что абсолютно любое

нововведение прямо или косвенно приводит к увеличению подверженности банка операционному риску [4, с. 408–409].

Операционный риск – это один из основных видов риска, с которыми сталкивается любой коммерческий банк, он потенциально содержится во всех банковских продуктах, процессах, системах и других проявлениях деятельности. Эффективное управление операционным риском – одна из важнейших задач коммерческого банка, в противном случае, последствия реализации событий операционного риска могут быть очень серьезными и даже, как будет показано далее, катастрофическими. Для того, чтобы управлять операционным риском эффективно и продуктивно, необходимо знать его природу и историю. Цель данной работы, построенной на историческом качественном анализе – проследить историческое развитие взглядов банкиров на проблемы операционного риска, оценить сложившуюся конъюнктуру в моменты изменения ключевых тенденций и сделать выводы, направленные на усовершенствование современных подходов к управлению операционным риском в коммерческом банке.

Зарубежная наука и практика в области риск-менеджмента в ряде сфер экономической деятельности значительно опережает отечественную, в первую очередь это относится к наиболее развитым странам – США, Канаде, Японии, развитым европейским государствам. В 50-е годы прошлого столетия именно в этих странах появляется ряд публикаций, в которых происходит обоснование необходимости перехода от страхования к управлению рисками на предприятии [8; 9].

В 70-е годы XX века появляются первые профессиональные организации и первые менеджеры по управлению рисками, квалификация «риск-менеджер» была впервые присвоена в 1973 году. В то время управление рисками в основном относилось только к частным типам рисков, таким, как финансовый, реже – страховой или производственный. Само название «риск-менеджмент» не было общеупотребимым и еще не вошло в обиход, его применение не имело системного характера. В предпринимательстве управление

рисками активно развивалось по большей части в определенных отраслях, отличавшихся сложностью производимых операций, требованиями безопасности и т. п., что требовало дополнительного надзора со стороны управления.

В 80-е годы в производственных предприятиях управление риском целиком входило в «всеобщего управления качеством» (TQM, ISO 9000, 6Sigma). Непосредственно управление рисками получило признание лишь в 90-е годы благодаря первостепенной важности этого вопроса именно для финансовых корпораций. К примеру, в 1993 году компания GE Capital назначила Джеймса Лэма на должность директора по управлению рисками (CRO). Он отвечал за управление всеми аспектами рисков организации, включая бэк-офис операции. На сегодняшний день в топ-менеджмент большинства крупнейших корпораций входит директор по управлению рисками, который в ряде случаев имеет возможность использовать прямой канал коммуникации с правлением организации.

К концу 1980-х – началу 1990-х многие предприятия начали создавать внутренние структуры по управлению рисками. Основным мотивом была необходимость оптимизации и сокращения затрат на страхование. Стандартным набором функции подразделения риск-менеджмента являлась минимизация затрат на страхование, сокращение персонала, вывод страховых функций за пределы компании и передача их третьим лицам. В финансовых институтах рассматривались кредитный и рыночный риски, не подпадавшие под их определения виды рисков, помечались как *другие*, и в этих случаях мог рассматриваться «операционный риск», но без четкого определения – лишь как остаточная категория для отнесения к ней *других* рисков. Историческое развитие подходов к рассмотрению и управлению рисками показано на рис. 1.



Рис. 1. Развитие подходов к управлению рисками (по материалам GARP).

Необходимо отметить, какие мировые события оказывали влияние на переломы в тенденциях отношения менеджеров и ученых к управлению рисками. Первый из них был связан с нефтяным кризисом 1970-х годов. До него страховые компании не прибегали, в частности, к сценарному анализу, появившемуся в течение холодной войны. В 1980-х годах, после изобретения и повсеместного распространения производных финансовых инструментов, произошел новый шаг в развитии научного подхода к управлению финансовыми рисками. Следующий всплеск научного интереса и внимания практиков к результатам исследований был зафиксирован в 90-е годы XX века. Этот виток развития был связан с шагом вперед в области компьютерных технологий, позволяющий любому пользователю проводить быстрые вычисления и оперировать большими объемами данных, что позволило совершить громадный скачок в банковской индустрии, и, в свою очередь, привело к появлению многочисленных новых источников подверженности банков операционному риску.

Интересно рассмотреть время и источник появления самого термина «операционный риск». К началу 1990-х годов в качестве общего представления фигурировало понятие «риск операций» [15], а категория «операционный риск» не получала широкого

распространения вплоть до конца 90-х, когда впервые были разработаны и опубликованы первые предложения Базель II.

Еще в 1974 году в Швейцарии был образован своего рода *клуб центральных банков*, названный Базельским комитетом по банковскому надзору, задачей которого стояла координация основ глобальной политики в области банковского надзора. Комитет как таковой не являлся национальным регулирующим органом, но де факто имел власть посредством реализации своих рекомендаций на местах – через государственные органы надзора разных стран. Комитет располагается и администрируется через Банк международных расчетов (BIS, Bank for International Settlements), и в 1988 году им были разработаны и предложены основы системы регуляции достаточности капитала банков, получившие название Базель I. В первоначальной редакции в нормах достаточности явно учитывался кредитный риск, после принятия поправок 1996 года также стал учитываться рыночный риск.

Одна из ключевых идей, предложенных Базельским комитетом, состояла в том, что банку необходимо резервировать определенную часть капитала, призванную покрыть неожиданные потери в случае реализации каких-либо рискованных событий, то есть служить своего рода буфером. На государственном уровне установлением ограничений занимались местные регулирующие органы, как правило, центральные банки стран. Порог отношения собственного капитала к активам был установлен жестко на уровне в восемь процентов, многие банки были не удовлетворены такими условиями, а исследователи начала 1990-х годов отмечали, что Базельское соглашение 1988 года было на деле нечувствительно к рискам. Изменения в этой части также были приняты в 1996 году, когда предлагаемые правила были адаптированы для применения собственных, внутренних моделей оценки резервируемого капитала.

С середины 1990-х годов начинается новый этап развития науки и практики в области риск-менеджмента. Управление нефинансовыми

рисками выходит за рамки рамок страховой дисциплины, риск-менеджмент начинает носить системный характер, возникает новая концепция интегрированного риск-менеджмента, в основе которой лежит дедуктивный подход (подробнее о дедуктивном подходе в разд. 2.2) к определению риска. Научные и деловые круги постепенно отказываются от устаревшей концепции, согласно которой цель риск-менеджмента состоит в избегании или минимизации риска. Цель интегрированного риск-менеджмента, или «риск-менеджмента в рамках всего предприятия» («enterprise risk management») состоит в поиске оптимального баланса между риском и доходностью [2].

В качестве дальнейшего свидетельства растущей важности области риск-менеджмента можно привести пример создания во многих компаниях должностей именно для специалистов в области управления рисками. Так, в 1996 году была основана организация Global Association of Risk Professionals (GARP) и сегодня насчитывает более 150000 членов в 195 странах, присваивает звание Financial Risk Manager (FRM) после прохождения серии экзаменов. К 2014 году было сертифицировано более 28000 специалистов по всему миру [13].

Начиная с середины 90-х годов прошлого века в разных странах мира появляются первые стандарты по риск-менеджменту. Первый подобный стандарт был выпущен в 1995 году в Австралии (стандарт ANZ-4360:1995 «Risk management»), позже в США, Великобритании, Японии.

На протяжении долгого времени, когда речь заходила об управлении рисками в финансовых институтах, все внимание уделялось двум *основным* группам рисков – кредитным и рыночным. Риски, не относящиеся к этим двум группам, помечались как *другие* и не получали такого внимания, как кредитные и рыночные. Как будет показано далее, за последние годы довольно значительное количество известных финансовых предприятий были потрясены потерями, превосходящими \$1 млрд. Более того, некоторые случаи таких потерь привели к банкротствам. И при этом ни одна из этих потерь не была

вызвана кредитными или рыночными рисками, все они были связаны с операционным риском – одним из тех, что исторически относили к группе *других*. Примечательно также то, что операционный риск, лежащий в корне этих значительных потерь, является, по крайней мере, частично, следствием последних технических инноваций, грандиозного прорыва в области информационных технологий, финансовой дерегуляции и глобализации.

Несмотря на то, что операционный риск – это старейший из типов риска, с которым приходится сталкиваться банкам, а рискованные события этого типа происходят постоянно и реализуются в различных формах, банковские организации столкнулись с реальностью, в которой они оказались неготовыми справиться с операционным риском. Сейчас многие банки разделяют мнение Роджера Фергюсона (вице-председатель Федеральной резервной системы США с 2001 по 2006 г.), который в 2003 году сказал следующее: «Во все более технологически управляемой банковской системе операционные риски стали еще большей долей в общем риске. Честно говоря, в некоторых банках они, возможно, преобладают».

Мировая финансовая система за последние 20–30 лет много раз была потрясена ошибками в деятельности банков, а риски, с которыми им приходится сталкиваться, становятся все более сложными. Более ста операционных потерь, превосходящих по объему \$100 млн. каждая, а также несколько превосходящих \$1 млрд. произошло в финансовых организациях с конца 1980-х годов. Согласно исследованиям, большой международно-активный банк обычно испытывает 50–80 случаев потерь, превосходящих \$1 млн. в год. Хорошо описаны и задокументированы причины и последствия некоторых очень примечательных инцидентов в финансовой индустрии, связанных с операционными потерями. Далее следуют некоторые из них.

Первый и самый часто упоминаемый в литературе пример – банкротство банка Barings Bank. Он прекратил свое существование в 1995 году, когда его капитала не хватило для покрытия потерь

величиной более \$1 млрд., которые были вызваны несанкционированной трейдерской деятельностью Ника Лисона – одного из сотрудников. Второй случай, также поражающий воображение масштабами последствий, произошел в нью-йоркском отделении японского банка Daiwa Bank. Имя трейдера-виновника потерь, величина которых также превысила \$1 млрд. – Тосихиде Игучи, он осуществлял мошеннические сделки на протяжении 11 лет до 1995 года. Случай подобно рассматривается в литературе, и нам кажется излишним рассматривать их подробно в рамках данной работы, хотя они и являются крайне поучительными [11].

Еще один ужасающий и очень показательный в контексте операционного риска инцидент – нью-йоркская трагедия 11 сентября 2001 года. В результате террористической атаки понесенный ущерб только одного банка Bank of New York составил \$ 140 млн., тогда как общий финансовый ущерб оценивается в величину \$ 40–70 млрд., и это без учета грандиозных потерь в человеческих ресурсах [12].

В то время, как аналитическая работа в ряде финансовых институтов в области операционного риска имела продвижение вперед, академические исследования по большей части обходили стороной эту тему из-за недостатка данных. Не только не доставало данных, но и согласованного и принятого большинством финансовых организаций определения операционных потерь не существовало. Вследствие этого, сбор широко применимых данных об операционных потерях был крайне затруднен.

В июне 1999 года рабочей группой Базельского комитета по рискам (RMG, Risk Management Group) был опубликован документ, озаглавленный как «неформальный обзор, подчеркивающий возрастающее признание значимости рисков, отличных от кредитного и рыночного, таких, как операционный риск, которые стали причиной некоторых важных банковских проблем в последние годы» [10]. Не сложно догадаться, о каких частных проблемах шла речь. В последствии, в 2001 году, Базельским комитетом было принято

предложенное Британской ассоциацией банкиров определение операционного риска, как «риска прямых или непрямых потерь, возникающих вследствие неадекватных или ошибочных внутренних процессов, людей или систем или внешних событий».

Финансовая индустрия ответила критикой на это определение, ссылаясь на недостаточную четкость определения прямых и непрямых потерь. Переработанное определение операционного риска приобрело следующий вид: «операционный риск – это риск потерь из-за неадекватных или ошибочных внутренних процессов, людей или систем или внешних событий». Это определение включает правовой риск, но исключает стратегический и репутационный риск.

Также RMG впервые предложила деление на восемь бизнес-линий и семь типов рисков событий как основной способ классификации событий операционного риска. Восемь бизнес-линий – это: корпоративное финансирование, торговля и продажи, розничные операции, коммерческие операции, платежи и расчеты, агентские услуги, управление активами и брокерская деятельность. Семь типов рисков событий – это: внутреннее мошенничество, внешнее мошенничество, трудовое законодательство и безопасность труда, клиенты, продукты и правила бизнеса, ущерб материальным активам, прерывание бизнеса и сбои систем, управление исполнением, доставкой и процессами.

Теперь совершенно ясно видно, что благодаря таким людям, как Ник Лисон и Тосихиде Игучи, нынешняя система регуляции и управления операционным риском имеет свой теперешний вид, их даже называют «отцами операционного риска». С другой стороны, к 1995 году (год банкротства Barings Bank) Базельский комитет уже принял во внимание значимость «риска операций», воспринимаемого в контексте «недостатков в работе информационных систем или внутреннего контроля», которые открывали путь неожиданным операционным потерям. Рекомендации 1988 года (Базель I) уже в то время находились на пересмотре, поэтому, правильнее было бы

сказать, что выделение операционного риска в качестве отдельной категории дало возможность извлечь наиболее полный урок из таких случаев, которые произошли с Barings, Daiwa и другими.

После нескольких лет обсуждения и утверждения положений, в 2004 году был опубликован окончательный текст свода новых рекомендаций – Базель II. Как уже было описано, за 90-е годы произошли серьезные изменения – проявления неизмеримых рисков, отличных от кредитного и рыночного, стали более заметны, а также появилась категория операционного риска, призванная покрыть большую часть этих неизмеримых рисков.

По замечаниям ученых, амбициозность и беспрецедентность проекта Базель II раскрывается в попытке проникнуть в микро-управленческий мир банков. Согласно ранним обзорам Базельского комитета (до 1998 года), половина рассматриваемых банков уже имела своего менеджера по управлению операционным риском. Этот факт отражает растущее на тот момент осознание финансовыми корпорациями важности внутренней проблемы операционного риска, а не просто попытку в дальнейшем соответствовать регулятивным нормам.

Имплементация рекомендаций Базель II в России началась достаточно оперативно. В 2005 году было опубликовано Письмо Банка России «Об организации управления операционным риском в кредитных организациях», в котором, в частности, содержалось разделение деятельности банка на 8 бизнес-линий с целью классификации событий операционного риска и были введены ключевые понятия и даны рекомендации по управлению операционным риском в банках и контролю за его эффективностью. В конце 2009 года (в целом, согласно плану имплементации рекомендаций, предложенных Базельским комитетом) было опубликовано положение о порядке расчета размера операционного риска согласно Базель II [6; 7]. Сегодня российские банки применяют различные подходы к измерению операционного риска и различные фреймворки для управления им [5].

Таблица 1.

Статистика количества публикаций по ключевой фразе «operational risk» в основной базе Web of Science компании Thomson Reuters

Год публикации	Количество публикаций	% от общего числа
2006	3	1.53%
2007	24	12.25%
2008	32	16.33%
2009	25	12.76%
2010	30	15.31%
2011	19	9.69%
2012	33	16.84%
2013	19	9.69%
2014	10	5.1%

Таким образом, в начале и середине прошлого десятилетия наблюдался значительный интерес к проблемам управления операционным риском – во многом благодаря нескольким случаям колоссальных операционных потерь, а в дальнейшем и вследствие последовавших регулятивных изменений, кульминацией которых стало соглашение Базель II, впервые требовавшее от банков отчисления капитала на операционный риск. Тем не менее, в последующее время научный и предпринимательский интерес к проблемам операционного риска стал ослабевать. В качестве примера можно привести статистику публикаций научных статей по тематике по годам, основываясь на данных реферативной базы Web of Science от Thomson Reuters. Статистика количества публикаций представлена в табл. 1. Это могло происходить по ряду причин:

- Операционный риск – это риск последствий, то есть он не может принести деньги организации.
- Отчисляемый на операционный риск капитал мал по сравнению с кредитным и рыночным рисками.
- Отсутствует достаточная уверенность в методологии расчетов – широко признанным является факт того, что валовой доход самый эффективный показатель операционного риска.

- Некоторые банки используют продвинутые подходы к измерению операционного риска, фокусируясь на вопросах капитала и не оказывая достаточного внимания реальному управлению риском.

Однако анализ причин глобального финансового кризиса 2008 года создал предпосылки для улучшения управления рисками и вновь навел фокус на важность его культуры. Две причины возвращают операционный риск вновь на повестку дня:

- Роль операционного риска в широко распространенной в современной индустрии модели управления риском всего предприятия (EWRM, enterprise wide risk management) и

- Его роль в становлении эффективной культуры риска, так как операционный риск касается непосредственно каждого участника бизнес-процессов [14].

Издание рекомендаций Базель II стало основной вехой в сфере управления операционным риском, и в дальнейшем помогло продвинуться вперед в части последовательного сбора данных об операционных потерях как внутри банков, так и между ними, что имеет особую важность. Эта последовательность и единообразность сбора данных делает возможным для банков сравнение их потерь по бизнес-линиям, обмен данными и способами наблюдения. Внешние проводники данных применяют те же стандарты, делая, таким образом, возможным применение внешних данных для конкретного банка, помогая ему построить свою модель подверженности операционному риску.

Регулятивные реформы Базель II успешно закрепили за категорией операционного риска функцию отправной точки для регуляционной мысли. Понятие не является отдельной категорией, не имеет под собой набор каких-то устоявшихся практик, но содержит в себе пограничную область, скомпонованную из различных элементов управления рисками, создавая тем самым новые регуляционные и управленческие практики, называемые «управление операционным риском».

Категория операционного риска устроена ученой мыслью таким образом, чтобы совмещать в себе совершенно разные вещи. В качестве примера можно привести типы рисковых событий – казалось бы, что вообще общего можно найти у последствий урагана и недопустимым поведением сотрудников?

История развития операционного риска формируется на наших глазах, и содержание категории «операционный риск» может обсуждаться и в дальнейшем, но уже сегодня можно констатировать, что благодаря изучению вопросов операционного риска были открыты новые горизонты внутри риск-менеджмента, новые условия и возможности вмешательства и контроля в рамках управления рисками.

Введение понятия операционного риска отражает политические потребности в методах эффективной регуляции и инструкциях для обоснованного управления и принятия взвешенных и безопасных решений в финансовой системе.

Различные признаки говорят о том, что в ближайшем будущем мы не будем наблюдать ослабевание интереса к понятию операционного риска, и оно продолжит развиваться. В 2011 году Базельским комитетом по банковскому надзору был опубликован важный доклад – «Принципы надежного управления операционным риском», ставший продолжением документа, впервые изданного в 2003 году. В нем прослеживалась эволюция управления операционным риском на протяжении этого периода. Принципы, изложенные в докладе, основаны на наилучшей деловой практике и наблюдательном опыте и охватывают три основных темы: общее руководство, риск-менеджмент и раскрытие информации.

Томас Карри, занимающий пост контролера денежного обращения США, в 2013 году высказал следующую мысль: «Операционный риск сопутствует любому действию, в которое вовлечен финансовый институт, от расчетов по чекам и до трейдерской деятельности, и чем больше институт или процесс, тем больше риск операционной неудачи». При этом Базельский комитет

продолжает работу над новыми документами, обновляя требования для отчисляемого на операционный риск капитала и вводя новые инструкции, что свидетельствует о неуклонно возрастающей важности и неисчерпанности проблем операционного риска.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алпеев А.С. Проблемы корректного определения термина «риск» и терминов на его основе. // Надежность. – 2005. – №1. – С. 53–59.
2. Бартон Т., Шенкир У., Уокер П. Комплексный подход к риск-менеджменту: стоит ли этим заниматься: Пер. с англ. – М.: Издат. дом «Вильямс», 2003. – 208 с.
3. Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса: Пер. с англ. – М.: Экономическая школа, 2005. – 704 с.
4. Кох Л.В., Смольянинова Е.Н., Просалова В.С. Инновации в банковском бизнесе. – СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2009. – 490 с.
5. Кох Л.В. Совершенствование системы управления банковскими рисками // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2010. – № 1(92) – С.222-226
6. Об организации управления операционным риском в кредитных организациях: письмо Банка России от 24.05.2005 N 76-Т // Вестник Банка России. – 2005. – № 28.
7. О порядке расчета размера операционного риска: положение Банка России от 03.11.2009 г. N 346-П (ред. от 03.07.2012) // Вестник Банка России. – 2009. – № 77.
8. Управление рисками / Под ред. Пикфорд Д.: Пер. с англ. – М.: ООО «Вершина», 2004. – 352 с.
9. Чернова Г.В., Кудрявцев А.А. Управление рисками: Учебное пособие. – М.: Изд-во Проспект, 2003. – 160 с.
10. Basel Committee on Banking Supervision [Электронный ресурс]: офиц. сайт. Базель, 2014. URL: <http://www.bis.org/bcbs/index.htm> (дата обращения: 15.11.2014).
11. Bodur Z. Operational risk and operational risk related banking scandals/large incidents. // MaliyeFinansYazilari. – 2012. - № 97, 26. – P.61-82.
12. Chernobai A., Rachev S., Fabozzi F. A Guide to Basel II Capital Requirements, Models, and Analysis. – Hoboken: John Wiley & Sons, 2007. – 300 p.
13. Global Association of Risk Professionals [Электронный ресурс]: офиц. сайт. Лондон, 2014. URL: <http://www.garp.org> (дата обращения: 15.11.2014).
14. McCormack P., Sheen A. Operational risk: Back on the agenda. // Journal of Risk Management in Financial Institutions. – 2013. – № 6, 4. – p. 366–386.
15. Power M. The invention of operational risk // Review of International Political Economy. – 2005. – № 12, 4. – P. 579.
16. Web of Science [Электронный ресурс]: офиц. сайт. Нью Йорк, 2014. URL: <http://webofknowledge.com> (дата обращения: 15.11.2014).

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФИЛОСОФИИ РАЛЬФА
КЕДВОРТА В СВЕТЕ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ И
ТЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ XVII ВЕКА (ИСТОРИКО-
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)**

В данной работе представлен краткий обзор взглядов одного из наиболее ярких представителей философско-теологической школы Кембриджского неоплатонизма семнадцатого столетия, Ральфа Кедворта (1617–1688). Принимая во внимание, что философские учения известных представителей эмпиризма, механицизма, атомизма и рационалистического дуализма Нового времени (и семнадцатого столетия в частности) уже весьма исследованы и представлены в описаниях историко-философского процесса [1, 125–126; 2, 709], в своем очерке мы будем исходить из того, что более углубленное понимание самого этого процесса становится возможным при сопоставлении уже известного багажа наследия с малоизвестными в нашей отечественной литературе достижениями тех современников, против которых выступали эти известные фигуры. Кроме того, все еще необходимо признать, что место этой философской школы так и не определено по достоинству, не то чтобы вовсе не «инкадрировано» в рамки традиционных представлений о «мейнстримах» историко-философского процесса, игнорировано или замалчивается, но, с нашей точки зрения, все же недооценено в необходимой мере и представлено в виде «бэкграунда» своей исторической эпохи. В методологической установке своего изложения мы будем исходить из «постклассических» интенций в видении процессов течения идей и борьбы, им сопутствующей, характерным выразителем которых является, например, лидер Марбургской школы неокантианства Эрнст Кассирер, увидевший в феномене Кембриджской школы

своеобразную ступень в развитии древнейших философских традиций платонического идеализма и перипатетического рационализма [3, 18], и охарактеризуем эту школу как исторический вариант «классического рационализма» в эпоху тотального господства философских идей, наследующих скептической, атомистической и стоической линий философской истории, спровоцированного неуправляемым – с точки зрения его быстрого осмысления – взрывом научно-технического прогресса, вариант, развиваемый его лидерами параллельно с трансцендентальным рационализмом Р. Декарта.

При самой общей характеристике Кембриджского неоплатонизма принимают во внимание таких мыслителей как Бенджамен Уичкот (1609–1683), Генри Мор (1614–1687), Джон Смит (1618–1652), Натаниэль Калверуэл (1619–1651) и ряд второстепенных фигур, но наиболее известным представителем идеалистического течения семнадцатого столетия из Кембриджского университета является Ральф Кедворт, поскольку, именно в его работах более всего проявляются концептуальные особенности теологических построений Кембриджского неоплатонизма в рассматриваемый период. Кроме того, как пишет во втором томе своей объемной работы исследователь рационализма в Англии Дж. Таллок, «Кедворт является наиболее известным представителем Кембриджской школы и, в то же время, наиболее систематичным и строгим в выражении идей, свойственных данной школе» [4, 193].

В данной работе представляется целесообразным предварить описание основных взглядов Ральфа Кедворта краткой биографической справкой, основные факты которой подчерпнуты из цитируемых ниже изданий [5, 8–15]. Известно, что местом его рождения является г. Аллер в графстве Сомерсетшир, в двух с половиной милях к северо-западу от Лангпорта, где он появился на свет в 1617 году. Жизнь его отца также тесно связана с Кембриджским университетом, так как он был воспитанником Эммануэль Колледжа в Кембридже, а затем священником Церкви

Святого Андрея при том же университете. Отец Р. Кедворта умер в 1624 г. [6, 110] в молодом возрасте. Его вдова, происходящая из семьи Мэтчел (Machell), принимала участие в воспитании принца Генри, старшего сына короля Джеймса. Она вышла замуж вторично за доктора Стогтона (Dr. Stoughton) и последний весьма поспособствовал Ральфу Кедворту в получении хорошего образования. Ральф поступил в Кембридж в 1630 г. в возрасте 13 лет, а с 9 мая 1632 г. он уже студент Эммануэль Колледжа, а в 22 года ему присуждается степень магистра искусств, после чего ему был немедленно предложен пост тьютора (куратор практической работы студентов). Весьма примечательно, что сразу же после получения степени магистра Ральфу Кедворту поручили курировать «широкий круг учеников», так как подобной чести, несомненно, удостоивались лишь немногие преподаватели [4, 193–194].

Молодой магистр выступал с лекциями и проповедями перед паствой и студентами, из которых некоторые добились успехов на политическом поприще. Так, например, Сэр Уильям Тэмпл (Sir William Temple) впоследствии стал послом и снискал известность на писательском поприще. В то же время, другой представитель школы Кембриджского платонизма Джон Смит, возможно, также слушал лекции Ральфа Кедворта, хотя прямых указаний на это нет. Ральфу Кедворту был предложен пост приходского священника в Северном Кэдбери (North Cadbury) в Сомерсетшире в 1641 г., который, по-видимому, он не занял, так как в 1643 г. пост этот уже принадлежал Б.Уичкоту [4, 195].

Позже, при других условиях, 3 октября 1650 г. Р. Кедворт сменил Бенжамин Уичкота на аналогичном посту в Северном Кэдбери, так как рассчитывал получать больший доход, что для него было невозможно на тот момент в Кембридже. В 1654 г. он получает пост главы Крайст Колледжа, что повысило его доход и позволило жениться. Впоследствии у него рождаются двое детей: сын Томас и дочь Дамарис [6, 113].

В настоящее время известно, что Р. Кедворт написал достаточно большое количество работ (в том числе, в виде манускриптов, которые и сейчас еще не изданы), но только спустя десять лет после присуждения степени магистра в 1642 г. он опубликовал свою первую работу «Рассуждения об истинной природе Тайной Вечери» («A Discourse concerning the True nature of the Lord's Supper», 1642). Эта работа состоит из Введения и шести глав, в которых обсуждается отношение Тайной Вечери к жертвенным обрядам иудеев и язычников, и через рассмотрение этих обрядов раскрывается истинное значение Тайной Вечери. Как и большинство его последующих сочинений, это первое насыщено цитатами из классических трудов, а также еврейской и патристической литературы. Р.Кедворт полагал, что истинная идея Тайной Вечери – пиршества с регулярным приношением жертв, аналогичного тем пиршествам, которые были в законе у иудеев. Р. Кедворт делает вывод, что все жертвы язычников были посвящены не Богу, а Дьяволу.

В этот период Кедворт пишет еще одно сочинение «Союз Христа и Церкви, что скрывается в тени» («The Union of Christ and the Church; in a Shadow», 1642), в котором он также отстаивает истинный смысл жертвенности и пытается восстановить то истинное в данном вопросе что, по его мнению, не было искажено представителями Римской Церкви (Romanists). Так, например, Р. Кедворт считает, что пуритане утратили истинное понимание брака. Он обращается к работам Св. Павла и находит у последнего подтверждение того, что муж и жена есть не подобие мистического союза Христа и Церкви, а материальное воплощение либо имитация духовного первопринципа. Примечательно, что для разъяснения данного положения Р. Кедворт использует два таких понятия как «эктипическое» (земное), то есть вторичное, полученное в результате воспроизведения или имитации, и «архетипическое» (божественное), то есть, первичное изначальное, как нечто оригинальное и самоценное. Таким образом, Р. Кедворт фактически не разводит понятия более и менее совершенного, а

устанавливает для каждого свое место. Нижнее (низшее) – не имитирует верхнее (высшее), а является его точной копией.

Даже в раннем возрасте Кедворт очень хорошо знает работы многих классических и средневековых философов. Он цитирует не только неоплатоников и иудейских мыслителей, но и более современных ему авторов как Пико делла Мирандола, Людовика Вива (известного также под именем Джона Луи, родившегося в Валенсии в 1492 г., поддерживавшего отношения с Эразмом Роттердамским и критиковавшего в своих философских произведениях схоластику), Фрэнсиса Бэкона [4, 201].

Необходимо отметить, что многие вопросы, затрагиваемые теологами, были типичными для целой плеяды мыслителей предшествующего периода. Охватываются эти вопросы и в ранних работах Р. Кедворта, но интересна и показательна манера изложения автором вопросов касающихся теологии, а также рассмотрение их в свете философской аргументации. Ральф Кедворт ищет истоки морали и религии, пытается определить их основания и принципы функционирования в конкретном историческом периоде применительно к нуждам каждого человека, но, по мнению Д. Таллока, эта попытка не была до конца успешной [4, 202].

После получения в 1644 г. степени бакалавра Богословия Р. Кедворт был назначен на пост главы Клэр Холла. Доверие к нему пуританских властей можно объяснить тем, что он получил образование в Эммануэль Колледже – «самом пуританском колледже университета» [6, 1]. Р. Кедворта практически не затронули все политические изменения, и он всегда сохранял лояльность к власти и легко подвигался по служебной лестнице, хотя в период Содружества Кедворт фигурирует как сторонник Кромвеля, а не короля [4, 203–204].

После назначения на пост в Клэр Холле он был удостоен звания почетного профессора гебраистики и смог полностью посвятить себя академической работе, которой занимался без малого десять лет. Однако, доход, получаемый на этой должности, был

совершенно недостаточным, так как не позволял ему устроить свою личную жизнь. В силу этих причин он даже хотел покинуть Кембридж и решился на это в 1654 г., но смог уладить дела с женьбой после того как ему был пожалован более доходный пост в Колледже Христа. О его жене ничего не известно. Период с 1654 г. до Реставрации мало значим для его биографии. Известно, что он продолжал заведовать кафедрой Гебраистики.

В 1657 г. была предпринята попытка на государственном уровне дальнейшей переработки Писания, выпущенного в новом издании во время правления короля Джеймса. Для этого был организован Парламентский Комитет под управлением Лорда Комиссионера Уайтлока, а также подкомиссия, которой надлежало проконсультироваться у заслуживающих доверия представителей духовенства [4, 207]. Поскольку Р. Кедворт был в числе этих представителей, можно говорить о доверии к нему целого ряда представителей правящей партии. Есть также и более важные факты, говорящие в пользу связей Р. Кедворта с представителями власти. Р. Кедворт состоял в переписке с Джоном Фэрлоу (John Thurloe), Государственным Секретарем и при Кромвеле, и при его сыне Ричарде. Имеющиеся косвенные данные, такие как переписка Кромвеля и Д. Ферлоу, подтверждают факт личного знакомства О. Кромвеля с Р. Кедвортом [4, 208–209].

В период предшествующий жизни и деятельности Р. Кедворта отчетливо прослеживается тенденция неоднозначной трактовки им многих положений христианского учения, которые ранее казались незыблемыми, что привело к своего рода «размыванию» религиозных догм на общем фоне теологических дискуссий в Англии. Сохранилась эта тенденция и позднее, в связи с чем власть пыталась упрочить свои позиции в вопросах религии, а Р. Кедворт даже пишет работу, разъясняющую подобного рода противоречия и касающуюся пророчеств Святого Даниила, – «Рассуждение, касающееся пророчеств Даниила о Семидесяти Неделях» («The Discourse

concerning Daniel's prophecy of the Seventy Weeks»). Эта работа не была опубликована и представляет собой манускрипт, но была высоко оценена Генри Мором в предисловии к работе «Великая тайна божественного» («Grand Mystery of Godliness»), выпущенной в 1660 г. Интерес к пророчествам Св. Даниила проявлялся и позднее, что видно из работ И. Ньютона [7, 57; 8, 591–614; 9, 57; 6, 114; 4, 210–211].

Р. Кедворт смог упрочить свое положение и после Реставрации, которую он приветствовал, чему можно найти подтверждение в его приветственных стихах, опубликованным в «Academiae Cantabrigiensis, sive ad Carolum II, reducem, &c., gratulatio» [4, 212]. Отсюда можно сделать вывод о том, что Р. Кедворт приветствовал любой политический режим, способствующий стабильности в стране. Р. Кедворт, как и любой университетский профессор того времени, формально был обязан официальным властям, что характеризует политически пассивную позицию Р. Кедворта. Через два года после Реставрации Р. Кедворту был пожалован пост викария в местечке Эшвелл в графстве Хертфордшир, но пребывание его на этом посту не подтверждено [4, 214].

В 1665 году Р. Кедворт начинает работать над некоей работой, посвященной вопросам добра и зла. Исследователи не могут определить, что это была за работа, но, вполне возможно, это могла быть одна из следующих работ: «Трактат о Свободе воли» (1837, «A Treatise of Free Will») либо «Трактат о вечной и неизменной нравственности» (1731, «Treatise concerning Eternal and Immutable Morality»). Эти последние работы были напечатаны уже после смерти Р. Кедворта и в совокупности являются отражением его взглядов на этику, гносеологию и психологию.

Почти весь остаток жизни Р. Кедворт работает над самой известной своей работой «Истинная разумная система Вселенной» («The True Intellectual System or the Universe»). Этот внушительных объемов, более тысячи страниц, трактат был готов к печати в 1671 г. Однако, Кедворт реализовал лишь часть замысла, и работа должна

была быть еще больше. Напечатана же она была лишь в 1678 году в период важных идеологических изменений в настроении английского общества, после Реформации трансформировались также и религиозные настроения. Противоречия, в которые любили пускаться теологи уходят в прошлое, общество все более приветствует религиозную свободу, а не идеологические окрашенный догматизм конфессий различного толка, порождавший лишь фанатизм на фоне важных изменений английского общества. Кроме того, общество проявляло все больший скептицизм по отношению к религии вообще [10, 118–125; 6, 115–116].

Подобная ситуация не могла не обратить на себя внимание пекущихся об истинной вере. Для этих людей тенденция высказываться по вопросам веры и религии более свободно была лишь прикрытием либо проявлением факта безверия, что, по мнению Кембриджских неоплатоников, демонстрирует, например, Т. Гоббс. Философии такого рода, не оставляющей в человеке места божественному, по мнению Р. Кедворта, должна быть противопоставлена иная философия. Именно против Т. Гоббса и направлено основное сочинение Р. Кедворта «Истинная разумная система Вселенной» («The True Intellectual System or the Universe»). Но реакция на эту работу оказалась отнюдь не позитивной и представители Римско-католической Церкви, со своей стороны, раскритиковали весомый пласт ее языческого и мифологического содержания [4, 219–221]. Однако, первоначальная волна критики не помешала (возможно, даже способствовала) если не популярности (книга была очень громоздкой и плохо воспринималась широким читателем), то признанию в глазах истинных ценителей эрудиции автора в последующий период, когда «Система» получила достойную оценку, как на родине автора, так и за рубежом. Так, Ле Клерк (Le Clerc), выпустил в своей «Избранной Библиотеке» (Bibliothèque Choisie) в 1703 г. некоторые отрывки произведения Р. Кедворта и считал необходимым перевод работы на латинский язык для

всеобщего знакомства с ней на континенте [11, 125]. Лишь 30 лет спустя известный своими трудами по истории Церкви немецкий теолог Иоганн Лоренц фон Мосхайм (нем. Johann Lorenz von Mosheim) опубликовал свой перевод на латинский, снабдив его ценными пояснениями. Эта работа была в свою очередь переведена опять на английский и напечатана в 1845 г. Существует также сокращенный вариант на английском языке, выполненный неким Томасом Вайзом (Thomas Wise), членом Эксетер Колледжа Оксфорда, вышедший под названием «Опровержение Разума и философия атеизма» («A Confutation of the Reason and Philosophy of Atheism»). Этот сокращенный вариант был выпущен в Лондоне в 1706 г. Д. Таллок также пишет о безуспешных попытках перевода работы на французский язык [4, 224].

После публикации «Системы» Р.Кедворт более не развивал своих взглядов в какой-либо иной работе, хотя и прожил еще 10 лет. В том же году ему была пожалована пребенда в Глочестере, то есть доход с церковного имущества. Он умер в Кембридже 26 июня в 1688 году и был погребен в часовне Колледжа, который он до этого возглавлял [6, 113; 4, 225].

Хотя научная биография Р. Кедворта известна, о его характере и привычках в быту можно судить лишь косвенно, по отзывам его современников, рассеянных в различных письмах и дневниках этих людей. Его дочь, Дамарис Кедворт, известная в связи с биографией Дж. Локка, который умер у нее в доме в 1704 г., также увлекалась метафизикой. Она была замужем за сэром Фрэнсисом Мэшем из Отса в графстве Эссекс. Самое значительное ее сочинение носило название «Рассуждение о предмете Божественной Любви» («A Discourse Concerning the Love of God»). London 1696). Сочинение получило определенное признание и в Англии, так как оно было напечатано в Лондоне в 1696 г. и на континенте, поскольку был выполнен его перевод на французский язык Питером Костом (Peter Coste), а затем напечатано и в Амстердаме в 1705 г. [4, 226–228].

В связи с огромной эрудицией Р. Кедворта и его вниманию к широкому кругу вопросов помимо доктринального толка возникают определенные трудности с оценкой значимости его достижений, но, по мнению Д. Таллока, деятельность Ральфа Кедворта можно представить в трех аспектах: как проповедника; как мыслителя теистического толка; как моралиста, к которым мы бы добавили его вклад в развитие неоплатонических концептов и попытку создания новой онтологической оси, а также его оригинальную трактовку мыслителей древности и языческих мифологических сюжетов.

Наследие Р. Кедворта-проповедника дошло до нас в виде всего двух проповедей: “Sermon before the House of Commons” 1647 и “The Victory of Christ” 1670. С одной из них он выступил 31 марта 1647 г. перед представителями Палаты Общин. При анализе проповедей становится ясно, что они написаны в духе, свойственном Кембриджским неоплатоникам на более раннем этапе их деятельности и соответствуют духу произведений Б. Уичкота (1609–1683). Сходное отношение мыслителей к религиозным запросам времени выражено также и в их непрерывных и искренних попытках связывать сложные проблемы религии с самой жизнью, а не сухой теорией. Реализовать свою программу мыслители Кембриджа предполагали, распространяя идеи просвещения и терпимости. В этих попытках Кембриджские неоплатоники не находили полного понимания в пуританских кругах, поскольку в тот период любые попытки просвещения встречали неоднозначный отклик. Пуританство не поощряло слишком пристального внимания к загадкам природы и явно высказывалось в пользу менее радикальных религиозных штудий (хотя лучшие его представители были очень образованы, но знание природы не поощрялось, рациональное и религиозное подлежало разделению). Само понятие «разум» все еще вызывало подозрения и напрямую относилось к ереси. В XVII веке философия, тем не менее, все более дистанцируется от религии. Но именно Кембриджские платоники предпринимают еще одну попытку

привести философию и религию в гармоничное состояние, и сделать акцент на практической стороне христианского учения.

Многие мыслители того времени не могли не осознавать, что отделение религии от мышления неизбежно приведет к превращению религии в предрассудок. Истинная философия не отворачивается от проблем жизни и религиозного духа, и философия, уважительно относящаяся к фактам, должна быть дополнением религии, а не ее противницей. Истинная вера поддерживает правый разум и, в свою очередь, получает поддержку от него. Такие представления характерны для всей школы Кембриджского неоплатонизма. Не свободные полностью от определенной, впрочем, весьма значительной доли иррационализма, представления подобного рода были свободны от традиционных заблуждений, характерных для пуританства и не отвечающих современным запросам. По-видимому, этим объясняется их спокойное отношение к собственным незначительным успехам и к огромным успехам научной мысли по сравнению с верой. Кедворт не только выступает в проповедях за гармонию знания и веры, но также и за единство веры и жизни, принципов религии и морали. Цель религии в том, чтобы убедить людей жить как Христос, то есть, открывать родники веры и любви в себе самом, а не предлагать им уже готовые мнения, сколь бы авторитетными эти мнения ни были. Христос был хозяином жизни, а не ученым.

Обращение к Палате Общин в подобном духе в 1647 году было актуально в силу процветавшего религиозного фанатизма, но и требовало определенного мужества, так как в тот период фанатизм процветал именно в силу разницы во мнениях и в отсутствии прочной основы, которая смогла бы примирять спорящих. Подобное положение дел позволяло использовать религиозные противоречия в политических целях.

Во второй проповеди имеется много ссылок на религиозные разногласия и выявляется разнообразие религиозных противоречий, но Р. Кедворт не может в полной мере выступать в

качестве критика, так как на страницах своих работ склонен размышлять и созерцать. В обстановке всеобщего смятения, особенно по вопросам религии, Р. Кедворт отстаивает незыблемые основы христианской веры [4, 228–235].

Как рационалист и религиозный мыслитель Р. Кедворт проявляет себя в своем главном труде «Истинная разумная система Вселенной». Направленная против Т. Гоббса, «Система» первоначально должна была отражать взгляды на свободу и необходимость, – важнейший вопрос христианской теологии, начиная от ее полемики с гностицизмом II века н.э., – но затем Р. Кедворт пытается расширить спектр обсуждаемых вопросов и дать рациональное объяснение «истинному положению человека» в мире, а также вопросам порождения и уничтожения. Можно сказать, что в этих вопросах мыслитель на доступном ему материале продемонстрировал не только свою эрудицию, но и системный подход к рассматриваемым проблемам, что и сейчас не позволяет относиться к его взглядам как к интеллектуальному раритету. Р. Кедворт начинает с определения различных форм «фатализма», который считает несопоставимым с истинным порядком вещей.

Первой формой фатализма является учение о материальной необходимости или «судьбе» в изложении Демокрита, не оставляющее места, по мнению Кедворта, для идеи Бога и любого духовного существования, объясняющая все явления посредством законов механики, а формирование существ – посредством произвольной игры случайных факторов, действующих в процессе взаимодействия и соединения частиц.

Второй формой фатализма является теологический или религиозный фатализм, проповедуемый схоластами и современными Р. Кедворту теологами, рассматривающий все действия как равно необходимые и относящий проявления добра и зла за счет произвольной воли Бога.

Третьей формой фатализма является древний Стоицизм, отрицающий реальность идей морального порядка или высшего разумной (в философии Стоицизма – «пневма», «логос») сущности, рассматривающий эту сущность как неизменный природный порядок, циклический, неотвратимый, что не оставляет места для свободы воли.

Все эти формы философии судьбы не имеют связи с религиозной теорией, так как первая полностью разрушает идею божественного, а вторая и третья эту идею обесценивают и выхолащивают. Соответственно, Р. Кедворт выдвигает три принципа ее понимания:

1. Реальность верховного божественного Интеллекта и духовного мира в опровержение атомистического материализма Демокрита и Эпикура в духе аристотелевского космического интеллекта.
2. Наличие вечной реальности моральных идей в опровержение взглядов номиналистов и им подобных в духе классического неоплатонизма Плотина и Филона Александрийского.
3. Реальность моральной свободы и ответственности в опровержение стоического натурализма и панпсихизма [4, 241–242; 15, 6–8] (в духе христианской космической психологии и сотериологии).

Тем не менее, напечатанная часть работы содержит лишь описание первого из этих принципов, а «Трактат о Вечной и неизменной нравственности» «A Treatise concerning Eternal and Immutable Morality» может считаться комментариями ко второму из этих принципов [4, 243].

Во многих рассуждениях Р. Кедворта мы встречаем указание на особый «моральный источник», непосредственно связанный с особой характеристикой интеллекта. Человек как свободный моральный субъект, способный выбрать между добром и злом, должен, прежде всего, четко знать разницу между добром и злом, и такому человеку доступна истинная свобода.

Р. Кедворт помещает источник морали внутрь человека и выступает как интерналист и как интуитивист с точки зрения усмотрения

истинной морали, но и как поборник свободы воли, следуя древней традиции христианского мистицизма (интуитивизма), восходящей истоками к Клименту Александрийскому (II век н. э.) [12, 20–30; 13, 70–83; 14].

Первые три главы «Системы» посвящены различным системам атеизма. Материализм, атакуемый Р. Кедвортом – учения Демокрита и Эпикура, которые он называет «атеистическим атомизмом». Но Р. Кедворт выступает и против Т. Гоббса, отождествляемого им с представителем «античного материализма» Демокрита, который, по его мнению, пытался в своей физике объяснить явления посредством соединения частиц или их взаимозависимости без вмешательства любого, особого либо подчиненного действия. Сейчас эта идея общепринята, не существует некоей рациональной, интеллектуальной силы, опосредующей между действием Перводвигателя и всеми звеньями движения, составляющими вселенную. Но Кембриджские неоплатоники, следуя традиции платоновской физики полагали, что данные представления опустошают Вселенную и не оставляют в ней места для Бога. Р. Кедворт различает «демокритов», или «атомический атеизм», и общую теорию атомистической философии, которую он определил как признание определенных примитивных «элементов величины, числа, размера, движения» из которых были сформированы все телесные явления. Эту теорию Р. Кедворт сравнивает с другими античными системами и с древней иудаистской традицией. Монады Пифагора, «гомогенные элементы» Анаксагора и «корневые элементы» Эмпедокла являются для Р. Кедворта различными фазами одного фундаментального движения мысли. Отрывок из произведений Страбона, где говорится о некоем Сидонце или финикийце по имени Мохус как об авторе атомизма, убеждает Р. Кедворта в том, что этот Мохус является Моисеем. Таким образом, по Р. Кедворту, атомизм соотносится с теизмом и служит для объяснения физических истоков вселенной, не отрицая идеи божественной воли, как перводвигателя. Но Левкипп, Демокрит, а

затем Протагор и Эпикур начали рассматривать лишь материальную сторону философии, пренебрегая духовной составляющей [15, 55–57; 4, 246–249].

Р. Кедворт атакует не только механистические гипотезы, но и три другие формы атеизма: «гилопатию», «космопластическую форму», «гилозоизм». Все это формы материализма, так как они не признают никакого существования вне пределов материи. В то время как механистическая теория рассматривает мир в виде соединения материи и движения, или атомов, прибывающих в движении, эти теории полагают саму материю как источник всего сущего.

В гилопатической форме изначальная материя предполагается мертвой и лишенной интеллекта, но обладающей качествами и формами, способными производить или порождать в природе все явления, даже те, которые содержат жизнь и разум. Такая форма атеизма была характерна для Анаксимандра [6, 1].

Для космопластической формы характерно наличие определенной пластической лишенной разума, действующей инстинктивно природы, возвышающейся над телесной вселенной.

Для гилозоической формы характерно наделение всей материи определенной живой и энергичной природой, но лишенной чувства и сознания.

Во всех этих представлениях вещество наделяется самостоятельностью и активностью, способной порождать и развивать мир. Здесь ключевой идеей является развертывание миропорядка во времени с постоянным его усложнением, в то время как ключевая идея учения Демокрита – механицизм или конструкция.

Р. Кедворт считает, что все теории атеистов можно отнести к этим основным типам. Но кардинальный вопрос для него – вопрос материальности или нематериальности Первичного (изначального). В теизме понятие «изначалие» раскрывается не более, чем в иных философских системах. Поэтому могут существовать и «теисты атомисты» и «теисты гилозоисты». И гилозоизм и атомизм являются

атеизмом лишь тогда, когда они скомбинированы с «корпорреализмом (учением о телесном), другими словами, когда исключают Разум из природы как источник ее становления. Суть такой разновидности атеизма в смещении разума с лидирующих позиций в природе. По Р. Кедворту, атеизм – это материализм, и, прежде всего, «корпорреализм» (в частном случае, корпорреализм Т. Гоббса), отрицающий независимость существования разума, особый верховный характер последнего, и оставляющий нас лицом к лицу не с разумом, а с некоей неясной силой, способной к порождению как разума, так и любой другой (силы) космической активности. Истинное представление о Боге – представление о нем как о совершенном, наделенном сознанием и способностью «благом существе (или разуме), существующем безначально и являющимся причиной всех других вещей» [16, 4] Любая философия и любое учение, признающие материальный характер «изначалия» – лишь форма атеизма. Кедворт осуждает философов, пытавшихся рассматривать разум и материю как две самосущие составляющие. К этим типам воззрений Кедворт относил воззрения Цицерона и Плутарха [17, 17–23; 4, 251].

Истинная идея Бога включает в себя не только атрибуты бесконечной силы и знания, но и бесконечного блага или любви. В своей аргументации Кедворт использует Каббалистов: Сефира в Божестве выше и Бин и Хохма (понимания и мудрости) и зовется в силу этого Хетер (корона) [16, 4]. Р. Кедворта привлекает идея определения истинного значения язычества. Р. Кедворт предлагает отказаться от идеи обретения истинного понимания Бога только такими монотеистическими религиями, как иудаизм, христианство и ислам, так как это подрывало понятие единства Бога. При этом Р. Кедворт опирается на необходимость существования врожденных идей. Далее Р. Кедворт возражает против факта творения из ничего, описывает природу духовного бестелесного существования, явления движения и разумения [6, 1].

Реальность духовного Р. Кедворт доказывает различными путями. Один из этих путей – аналогия, проводимая им между существованием веры в духов и явления чудес и существованием идеальной реальности. Р. Кедворт не желает подобно Т. Гоббсу относить существование призраков за счет разыгравшегося воображения. Существование духов, по его мнению, должно демонстрировать и существование над этими духами Главенствующего. Демонстрацией того же являются чудеса и пророчества, как проявления сверхъестественного духа. По-видимому, даже впадая в противоречие, Р. Кедворт поднимает вопрос о существовании понятий, сформированных не только посредством чувств, а также вопрос о существовании объектов, являющихся субъектом чувств. Если ничего подобного нет, то любой объект вне чувств ничего для нас не значит. Если мы не можем помыслить духовное существование, но говорим лишь о возможности вообразить это существование, то оно для нас нереально. Именно подобное отношение к проблеме он приписывает Т. Гоббсу, а также полагает, что для последнего единственным доказательством являются чувственные данные. Действительно, «в человеческом разуме нет понятий, которые либо полностью, либо частично не были бы порождением органов чувств» [18, 9].

Остановимся также на участии Ральфа Кедворта в дискуссиях научного характера, в которых научная значимость воззрений Р. Кедворта несомненна, как, например, в его взглядах на «движение» как физическое явление и как на концепт современной ему физики. Так, движению как таковому и мышлению как форме движения Р. Кедворт предпосылает определенную весьма характерную самостоятельность и активность несозданного вечного разума. Мир в глазах Р. Кедворта представлял собой бесконечное движение, в котором нет «мертвых» точек, ни в начале, ни в конце. Идея движения как передачи импульса от тела к телу является доказательством существования разума или какой-либо иной

субстанции, в которой телесное не присутствует. Для характеристики движения одного тела относительно другого или же передачи силы он вводит понятие «гетерокинетика». Для того, чтобы пребывать в покое, необходимо находиться в процессе самостоятельного движения, для чего вводится термин «автокинетика». Это позволяет Р. Кедворту предрасположить мышление движению, а разум – материи. В этом, по его мнению, и заключалась суть учения языческих теистов. Атеисты, естественно, меняют данный порядок вещей. Кедворт полагал необходимостью наличие определенного активного и «гилархического начала», способного действовать как из себя самого, так и воздействовать на материю.

Хотя физическая категория «движения» интересует и Р. Кедворта и многих других мыслителей, более интересным, или же более важным для него представляется интерпретация дуалистической оппозиции в системе Ум-Материя. Поскольку, как известно, Разуму (Нус) Р. Кедворт (уделяя значительное внимание варианту Анаксагора [16, 81]) отдает приоритет, то возникает трудность, касающаяся факта передачи влияния Разума на природу. Эту трудность Кедворт пытается разрешить за счет введения понятия «пластической природы», которую он определяет как подчиненный разуму инструмент для исполнения Провидением той части Божьего замысла, которая состоит в упорядочении процесса движения материи. Вопрос о статусе и особенностях понятия «пластической природы» неоднозначен и рассматривался многими исследователями не только трудов Р. Кедворта, но и работ другого Кембриджского неоплатоника Г. Мора, который также вполне внятно высказывался по этому поводу в работе «О бессмертии души». Например, Каролина Мерчент в своей статье описывает понятие «пластической природы» в контексте реакции на механистическую философию Р. Декарта, Т. Гоббса, Р. Бойля как попытку восстановления представления о единстве природы, и сопоставляет дуалистические взгляды Р. Кедворта и Г. Мора с монистической позицией Ф. Глиссона,

А. Конвей, Ф.М. ван Гельмонта и Г.В. Лейбница [19, 255–269]. Другим примером может служить статья Гвидо Гильони, рассматривающего понятие пластической природы через призму воззрений стоиков [20, 313–331]. Статья Уильяма Хантера является, по-видимому, наиболее цитируемой при анализе «пластического принципа» вообще и разработку этого принципа Р. Кедвортом в частности [21, 197–213]. По мнению указанных авторов, наполнение данного концепта у Кедворта не включает каких-либо разумных начал. Природа эта скорее инстинктивна, отсюда ошибки и дефекты при порождении с ее участием материальных объектов (возникновение уродств у младенцев как пример).

Воздействие Бога на мир должно быть постоянным и происходит оно за счет «пластической природы», которая имеет не характер «архетипа», то есть изначалия и причастия Богу, но «эктипический характер» вторичности. Это живая, но слепая сила, исполняющая замысел божественного Архитектора. Р. Кедворт сравнивает «пластическую природу» с божественным разумом в его проявлениях, а не в себе самом. Он сравнивает эту природу также с инстинктом животных, однако, в этой связи, инстинкт даже превосходит «пластическую природу» тем, что имеет своим началом волю самого животного, в то время как «пластическая природа» движется и действует по воле Создателя [22, 322].

Р. Кедворт отрицательно относится к идее «общего оживляющего принципа» или «мировой души», повсеместно приобретающей формы различных живых организмов. Он считает, что «мировая душа» – не сумма мировых душ каждого конкретного организма, но некое качество, принадлежащее всему космосу. «Пластическая природа» – это фактически некий агент, обладающий конечной целью формирования данного конкретного организма. Поэтому, Кедворт считал возможным существование иерархии «пластических природ». Идея Р. Кедворта – реплика идеи Платона о «душе мира» («Тимей»), направленная против Р. Декарта.

Платоническое своеобразие Кедворт проявляет и в сближении неоплатонической триады [23, 295] и христианской Троицы. Его суждения по данному вопросу – Троица является троицей сущностей (beings) а не троицей личностей (persons), в которой ипостаси Сына и Св. Духа признаются состоящими из одной субстанции с ипостасью Отца, но не одинаковы по статусу, – за что критики назвали Кедворта «триетистом» и «арианином». При этом Р. Кедворт выявляет близость взглядов платоников античности и христианских мыслителей, порицает некоторых поздних неоплатоников, которые исказили изначальный смысл Троицы, заимствованный, по его мнению, из секретного иудейского учения Каббалы.

Взгляды Р. Кедворта на вопросы Воскрешения изложены в заключительной V-й главе «Системы» в дискуссии о природе «нетелесного» и «непротяженного». Кедворт исходит из предположения, что душу и дух можно представить вне места и движения. Тогда конечный дух должен быть нигде и везде, что не стыкуется с фактом конечности духа. Кроме того, в соответствии с религиозными воззрениями, душа должна перемещаться, когда отлетает от тела в момент смерти, например. Лишается ли душа своего тела полностью, либо остается некое телесное содержание, необходимое для перемещения души после смерти. Опираясь на авторитет Каббалы, Кедворт утверждает, что душа связана с телом, и после того как его покидает. Кедворт развивает идею двух оболочек души: первая, грубая материальная (земная) оболочка – тело; вторая, более тонкая материальная (воздушная) оболочка – тело души, при этом древние утверждают существование третьего типа тела, более тонкого, чем два вышеуказанных – лучистое или небесное тело, которое характерно для очистившихся личностей.

Здесь налицо сходство античного философского учения и христианского учения о Воскресении (Воскрешении). Во-первых, оба учения признают, что высшего счастья для сути не следует искать в отрыве от телесного. Во-вторых, оба учения также сходятся по вопросу

состояния души после смерти и полагают, что это состояние будет более высокого порядка, нежели земное материальное. Учение о Воскрешении является откликом того инстинкта, который отождествляет наслаждение с воплощенностью существа в определенном месте пространства и с духовным предвкушением тех возможностей и перспектив, которые открываются лишь при освобождении от грубых страстей материального. Это, фактически, учение Св. Павла о некоем «небесном транспорте» для освобожденной души. Тело – лишь мертвое семя того будущего тела Воскрешения и, в том же смысле совпадает с телом воскресения, в котором и не совпадает с ним. Эта двойственная ситуация может быть разрешена лишь путем духовного преобразования и уподобления телу Христа.

Кедворт, таким образом, признает наличие тела и у ангелов и у духов, но лишь Высший Дух не имеет телесного содержания, поскольку для Высшего Духа нет уже абсолютно никакой необходимости обращаться к телесному». Кедворт как моралист, безусловно интересен, так как его интерес к этим, по-видимому, является наиболее показательным и проходит через все его работы в качестве некой основы для построения композиции этих работ. Для него человек – прежде всего рациональное и этическое (моральное) существо. Если говорить о божественном вообще, то, прежде всего, следует говорить о божественной сущности человека, – считает Кедворт. Христианский теизм рассматривает человеческую душу как совершенно уникальную реальность, отличную от природы. Жизнь души абсолютна и первична, в отличие от других природных феноменов, жизнь которых фрагментарна и рефлексивна». Это – типично моральная постановка вопроса, так как подобное представление о душе предполагает, что это душа является и органом и источником морали, а не пассивным воспринимающим звеном. Т. о. затрагивается вопрос об ответственности, о воле. Возможность определения добра и зла, таким образом, приходит не извне, а изнутри. Кроме того, мораль, как и знание – результат определенного

познавательного опыта, делает вывод Кедворт. Т. о. и моральное и любое другое познавательное суждение происходит из души.

Моральная система Кедворта зиждется на гносеологии и исходит для определения источника морального знания, пытаясь ответить на вопрос, является ли мораль «вещью в себе» (thing in itself). Является ли добро добрым по природе или по установлению, к чему, по мнению Р. Кедворта, склоняются софисты Протагор («Теэтет»), Пол и Калликл («Горий»), Фрасимах и Главкон («Политик»), а также Эпикур и Демокрит. Современным Демокритом он называет Томаса Гоббса, хотя и непрямо («последний автор, писавший по этике и политике»), который возродил не только физиологические гипотезы Эпикура и Демокрита, но и их моральные парадоксы. Подобных взглядов придерживаются также и современные Р. Кедворту теологи. От этих взглядов полностью свободны были лишь Отцы Церкви, но и в схоластике можно было найти след этих воззрений, а, начиная, с У. Оккама они заняли устойчивые позиции в теологии. Эти взгляды – «результат неправильно воспринятой идеи о Всемогущей Божественной Воле». Неправильным следует считать представление, согласно которому ничего не может существовать отдельно от этой Всемогущей Воли. Именно по этой причине и «зло» и «добро» одинаково причастны ее актам, и в этой постановке вопроса нет ничего человеческого, как считает Кедворт. В доказательство он приводит следующее: общее положение – вещи являются самосуцими по природе, а не по произволу; то же распространяется на качества, то есть белое является белым в силу качества белизны, и не может рассматриваться как объект иного качества, например, черноты. В силу этого моральное морально, так как явление не может быть моральным, если не имеет качества морального. Вещи являются таковыми по природе их и, следовательно, их природа должна существовать вечно. Не существует также бескачественных качеств. Следовательно, не

существует и сущности, лишенной существования, то есть, произвольно созданной сущности.

Истинный моральный элемент присутствует также и в тех положениях морали, которые прежде были лишь положениями и получили моральную нагрузку в результате постановления или произвола. Этот моральный элемент проистекает не из волевого акта, а из права и авторитета, устанавливающих этот акт, которые, в свою очередь, основаны на природной справедливости и иными словами, волевая деятельность не должна рассматриваться в отрыве от целеполагания. Мораль, таким образом, предрасположена по отношению к воле и является изначальным позитивом, предшествующим любому впоследствии найденным и тем более, установленным законам.

Поскольку существует однозначно позитивная мораль, то моральные качества вещей превосходят удовольствия, связанные с этими качествами. Подчинение – это не подчинение командам, но находится в сфере действия авторитета, основанного на интеллектуальной природе. Сын подчиняется отцу не по воле первого, а по убеждению второго в необходимости подчинения отношениям между отцом и сыном. Необходимость морального акта может быть полностью в соответствии с нашей волей и желанием. В то же время, мы можем подчиниться факту, который для нас совершенно нейтрален в силу необходимости подчиниться отношениям более высокого морального порядка. Так, например, если мы даем слово выполнить нечто, для нас совершенно незнакомое, мы выполняем это в силу тех отношений, которые наложены на нас в силу данного ранее обещания. При этом нечто не изменяется, его сущность остается прежней. Меняется это нечто лишь для нас. Мотив для нас – не выполнение этого некоего действия, а подчинение данному ранее слову. В то время, как добро и зло признаются независимым от воли созданных существ, что следует считать правильным, ряд мыслителей полагают, что добро и зло зависимы от

Воли Бога. Здесь Р. Кедворт обращается к Р. Декарту. Р. Декарт видит противоречие в том, чтобы рассматривать нечто за рамками Воли Бога, так сказать, до действия Божественной Воли. В чем же заключается различие во взглядах Кедворта и Декарта на отношение между Божественной Мудростью и Божественной Волей? Оба мыслителя видят источник идей добра и зла в Боге. Р. Кедворт помещает эти идеи до воли Бога, а Р. Декарт – после. Для Кедворта подобная теория Декарта – нарушение естественного хода вещей, то есть проявления возможности сделать невозможное: поменять местами элементы числового ряда, переименовать геометрические фигуры (речь идет не о новых названиях для этих фигур, что вполне возможно, но о возможности изменить саму фигуру, например, сделать круг из треугольника), в моральном аспекте – назвать истину ложью. Декарт, однако, не утверждал, что подобное возможно. Он лишь пытался поставить естественный ход вещей в зависимость от Воли Бога поскольку, поскольку они были созданы Богом (для Декарта – созданы Волей Бога). Источник истины – Бог». Кедворт полагает, что Бог это разум – вечный светочный порядок. Декарт полагает, что Бог это выше или порождающая причина. Неоплатоническое представление о божественном порядке с «благом» в центре, «мудростью» в радиальном отношении к центру, по-видимому, ближе к истине, не смотря на очевидную мистическую подоплеку подобного представления.

В заключении следует подвести определенные итоги в отношении значимости работы Р. Кедворта для английской философии и для формирования такого неоднозначного явления как Кембриджский неоплатонизм семнадцатого века. Необходимо отметить, что совокупность взглядов Платона, воспринятая мыслителями из Кембриджа, получила в их работах дальнейшее развитие, хотя попытку синтеза христианских и иных (не только платонических) воззрений нельзя назвать полностью удачной, так как можно говорить лишь о более или менее удачном синкретизме. Этику мыслителей из Кембриджа можно рассматривать по преимуществу

(работы Генри Мора стоят несколько особняком) как гносеологию со своим достаточно развитым аппаратом аргументирования, что привлекает внимание этиков, логиков и эпистемологов современности. Более того, для Р. Кедворта характерна типичная для Нового Времени манера изложения материала и опора на рационализм как на связующее звено в трактовке научных и теологических идей. Рациональный подход к рассмотрению широкого круга вопросов отражается в плоскости общественных отношений как защита принципов толерантности и всеохватности восприятия проблем этики и гносеологии.

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 12-03-00452а, руководитель проекта – доктор философских наук Н.В. Голик

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Виндельбанд В.** История Новой философии в ее связи в общей культурой и отдельными науками. Перевод со второго немецкого издания Е.И. Максимовой, В.М. Невежиной и Н.Н. Платоновой под редакцией профессора С.-Петербургского Университета А.И. Введенского, том первый. От Возрождения до Канта. С.-Петербург, 1902.
- 2. Рассел Б.** История Западной философии, и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. СПб.: Азбука, 2001.
- 3. Kassirer E.** Die platonische Renaissance in England und die Schule von Cambridge. Leipzig, Berlin, 1932.
- 4. Tulloch J.** Rational Theology and Christian Philosophy in England in the Seventeenth Century. In II vols., Vol. II. The Cambridge Platonists. William Blackwood and Sons. Edinburgh and London, MDCCCLXXII. – P.193
- 5. Janet P.** Mediateur plastique. Paris, Librairy philosophique de Ladrance, Rue Sait-Andre-des-arts, 41, 1860.
- 6. Powicke F.J.** The Cambridge Platonists. New York: Georg Olms Verlag Hildesheim, 1970. – P.110
- 7. Ньютон И.** Замечания на книгу Пророка Даниила и Апокалипсис св. Иоанна. СПб., 1916
- 8. Дмитриев И.С.** Неизвестный Ньютон. Силуэт на фоне эпохи. СПб: Алетейя, 1999. – СС. 591–614
- 9. Newton I.** Observations upon the Prophecies of Daniel, and the Apocalypse of St. John. London, 1733.
- 10. Бокль Г.Т.** История цивилизации в Англии. Перевод Буйницкого А.Н. СПб., 1895. – С.118–125.

11. **Kors Alan Charles.** *Atheism in France, 1650–1729. Volume I. The Orthodox Sources of Disbelief.* Princeton, New Jersey, 1990.
12. **Цыб А.В.** *Античная философия в александрийской экзегетике II–III вв. н. э.: дисс... канд. филос. наук. 09.00.03. – СПб., 1999. – С. 154 .*
13. **Цыб А.В.** *Античная философия в александрийской экзегетике II–III вв. н. э. // Универсум Платоновской мысли: рационализм или философская религия? Эпистемология Платона: тезисы докл. IV Всеросс. конф. 14 мая 1996 г. и историко-философского семинара 29 марта – 2 апр. 1997 г. – С.-Пб. 1997. – С.70–83.*
14. *Научно-образовательный информационный ресурс Санкт-Петербургское Платоновское философское общество* URL: <http://www.platoakademeia.ru/images/docs/conferences/1996/11.pdf> (дата обращения: 08.08.2014).
15. **Cudworth R.** *A Treatise concerning Eternal and Immutable Morality.* London, 1731. – P. 55–57.
16. **Cudworth R.** *The True Intellectual System of the Universe.* New York: Published by Gould & Newman, 1837.
17. **Gysi L.** *Platonism and Cartesianism in the Philosophy of Ralph Cudworth.* Bern: Herbert Lang, 1962. - P. 17-23
18. **Гоббс Т.** *Левиафан. Ч. I. О человеке. Гл. I / Собр.соч. в 2-х тт. Т.2. М.: Мысль, 1992. – С.9.*
19. **Merchant C.** *The Vitalism of Anne Conway: Its Impact on Leibniz’s Concept of the Monad // Journal of the History of Philosophy. – 1979. July vol. 17, N3. – PP. 255–269.*
20. **Gigliani G.** *Thecosmoplastic system of the Universe: Ralph Cudworth on Stoic naturalism.// Revue d’histoire des sciences/ -2008, tom 61-62, Juillet-December. – PP. 313–331.*
21. **William B., Hunter Jr.** *The Seventeenth Century Doctrine of Plastic Nature. // Harvard Theological Review – 1950. Vol. 43/Issue 03/ July. – PP. 197–213.*
22. **Ориген.** *Против Цельса (перев. с греч. Л. Писарева). Кн. 4, LVII и сл. New York: Gnosis Press. Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла, 1996. – С. 322 и сл.*
23. **Плотин.** *Эннеады II, 9. (перев. с древнегреч. Т.Г. Сидаша). СПб.: Издательство Олега Абышко, 2004. – С. 295 и сл.*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Термин «когнитивная наука» появился несколько десятилетий назад. В широком смысле слова – он объединяет науки, круг интересов которых сводится к приобретению, хранению, преобразованию и использованию структур знания, и тому, как эти структуры формируются в мозгу человека. По словам Е.С. Кубряковой «когнитивная наука – это наука о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентативны нашему сознанию и составляют основу ментальных, или когнитивных процессов» [4]. Но хотелось бы отметить, что когнитивная наука (КН) – наука об общих принципах функционирования мозга. Американский ученый А. Гарднер, вслед за одним из основоположников когнитивной науки Дж. Миллером, говорит не о когнитивной науке, а о когнитивных науках, таких как антропология, психология, нейронаука, философия, компьютерная наука и искусственный интеллект [12]. Но все выше перечисленные области знаний объединены следующими характеристиками, которые позволяют говорить о более тесных связях в междисциплинарных областях, которые нацелены на решение эпистемологических задач, а именно:

- убеждение в существовании особого уровня ментальных репрезентаций, которые должны изучаться отдельно от биологических, неврологических, социальных, культурологических и других особенностей человека;
- признание компьютеров одним из основных средств для проведения исследований и моделирования функционирующего мозга;
- междисциплинарность когнитивной науки;

– традиционность науки, которая прослеживается далеко в античности.

Таким образом, ученых в когнитивной науке объединяет интерес не только к разным сторонам языка и когнициям, которые включают помимо языка умозаключения, восприятие, память, обучение, но и, кроме того, изучение этих процессов, связанных с процессами получения, обработки и хранения информации и знаний.

Место лингвистики в когнитивных науках, которые изучают процессы, так или иначе связанных со знанием и информацией, невозможно понять без понимания всех составляющих КН в целом. Если разложить на составляющие КН по задачам, которые каждая отрасль науки будет выполнять, то необходимо отталкиваться от основных функций когнитивной деятельности. Если взять за основу процессы получения, обработки, фиксации, хранения, организации и накопления информации, то когнитивная лингвистика будет находиться в области изучения знаковых систем: семиотики и лингвистики. У КН есть такие аспекты изучения когниции, которые косвенно связаны с изучением языка; такие например как теория информации, математическое моделирование, моделирование искусственного интеллекта, философия, логика, биология, медицина, психология. Таким образом, связь между изучением когниции и изучением языка, делает когнитивную лингвистику частью КН в целом. В настоящий момент когнитивная лингвистика изучает языковые проявления деятельности человеческого сознания. Язык является главной когнитивной составляющей в когнитивной лингвистике. Хотелось бы еще раз подчеркнуть междисциплинарную составляющую когнитивной лингвистики, ведь язык является составляющей любой речемыслительной деятельности человека. На базе наблюдаемых и объективированных результатов деятельности человека можно изучать такие когнитивные феномены человеческого сознания как память, логическое мышление, умозаключения т. п. Таким образом, когнитивная лингвистика изучает не только формы

языкового выражения речемыслительной деятельности, но и такие языковые единицы и категории, которые связаны с восприятием мира человеком, и их отражение и место в процессе познания. Если взять любой дискурс или текст, в рамках когнитивной лингвистики он будет рассматриваться с нескольких сторон: с одной стороны текст – это данные, которые позволяют судить о языке и целях его употребления в различных ситуациях, с другой – любой дискурс участвует в акте коммуникации, т. е. обмене информацией и ее осмыслении, а также, дискурс может прямо или косвенно давать данные о ментальной деятельности человека. Таким образом, значительная часть когнитивной лингвистики приходится на изучение семантики. Значение слова является когнитивным феноменом, и его исследование проливает свет на сознание человека, его структуры и устройство. Наиболее значительные из структур нашего сознания те, которые уже сформировали значения языковых знаков. Эти структуры репрезентуют сознание человека с помощью языковых знаков. Являясь междисциплинарной, КН объединяет разные области знаний. Каждая составляющая занимает особое место в КН. Составляющими частями КН могут быть проблемы, технологии, методики, процедуры анализа, а также фундаментальные понятия, так или иначе связанные с ментальными процессами.

В начале 50–60 годов прошлого столетия произошли серьезные изменения в разных областях наук так или иначе связанных с процессами мышления. Многие ученые полагают, что начальные этапы зарождения КН связаны именно с математическим моделированием и психологией математического мышления, так как в этой области деятельности можно наиболее четко проследить свойства человеческого мышления. Есть и другое мнение, что психология преобразуется в когнитивную посредством воздействия на нее теории информации. Для когнитивной психологии стало важным, что в качестве канала связи стал рассматриваться сам человек, а не только технические средства. Человек начинал

изучаться как канал коммуникативной связи, который получает информацию, перерабатывает и на основании которой создает новую. В данном случае предшествующей КН будет считаться теория информации. Также, у истоков КН стояли такие области научного знания как психология математики, экспериментальная психология, искусственный интеллект, психолингвистика, и т.д.

Термин КН впервые был использован Дж. Миллером на одном из симпозиумов по теории информации в середине 50-х гг. Миллер говорит о том, что «экспериментальная психология человека, теоретическая, теоретическая лингвистика, и симуляция когнитивных процессов на компьютере, – все это части общего целого...» [7]. Первый центр по исследованию когнитивных процессов был открыт при Гарвардском университете в 1960 г., где начались первые исследования о природе когнитивных процессов. Первые результаты исследований психологии речи и коммуникации направили КН на решение не только психологических проблем, под сферу детальности которых попадали сведения об акустике, артикуляции, и других лингвистических составляющих, но и позволили критически отнестись к бихевиористским убеждениям, влияние которых на лингвистику было особенно значительным. В то время как бихевиористы утверждали важность лишь непосредственно наблюдаемых явлений, то в трансформационной грамматике лингвисты стремились обнаружить глубинную сущность языковых структур. Под влиянием идей Н. Хомского психическая и лингвистическая науки были переориентированы на исследование неких трансформационных структур в порождении и восприятии речи, и в центре ее внимания оказалось предложение, высказывание, лингвистические основы речевой деятельности [9].

Главной темой КН в 60-е гг. становятся ментальные процессы, направленные на постижение знаний, связанных с природой мыслительных процессов. В это время ученые – когнитивисты работают над самыми разными областями научного знания,

основными из которых являются изучение памяти, восприятия, психология развития детей, механизмы принятия решений. Но все они в итоге, так или иначе, связаны с лингвистикой. При изучении ментальных процессов первые когнитологи обратились к таким лингвистическим темам как, членение предложения при его восприятии и запоминание слов в заданном контексте.

Дж. Миллер занимался механизмами порождения речи. Эти процессы невозможно подвергнуть прямому эксперименту, и это привело к изменению самой экспериментальной работы и использования ЭВМ, компьютерных программ и методик в эксперименте. Дж. Миллер был основоположником идеи о создании искусственного интеллекта и формулирования психологической теории с помощью компьютерных программ. Моделирование искусственного интеллекта порождает большое количество работ, посвященных процессу понимания и восприятия речи именно у специалистов в области искусственного интеллекта и информации, а не у лингвистов. Они изучают свойства человека и машины вести обработку информации пошаговым способом.

Наряду с экспериментами, проводимыми с помощью современной вычислительной техники, в КН используются разные методы построения научного эксперимента. Н. Хомский, в своих работах, указывает на важность установления закономерных принципов психической и языковой деятельности человека и последующего эмпирическим путем установления фактов для их объяснения [9].

В этот период происходит становление такой междисциплинарной науки как психолингвистика. Когнитивная психология базируется на опыте психолингвистических исследований. В психолингвистику заимствуется проблематика и традиции когнитивной психологии, что изменяет характер связи когнитивной психологии с КН в целом и в частности с когнитивной лингвистикой. Когнитивная психология рассматривает вопрос о сути репрезентации структур знания в голове человека в новом формате,

ведь языковые данные обеспечивают наиболее «естественный доступ к когнитивным процессам» и механизмам [4]. Процесс мышления человека представляет собой операции репрезентации окружающей действительности в голове человека. Одними из форм данных репрезентаций являются образные и языковые представления. Понимание этих процессов помогает постичь сущность когнитивных операций, т.к. с помощью языка когнитивные процессы кодируются и таким образом можно расшифровать их сущность.

В 50-е и 60-е гг. огромное влияние на становление когнитивной психологии оказывает лингвистика Н. Хомского. В этот момент лингвистика рассматривается как часть когнитивной психологии и занимается, прежде всего, знаниями и языковой компетенцией говорящего. Это связано с тем, что язык отражает познание в качестве главного средства выражения мысли. Также, в этот момент, появляется мысль о том, что язык оказывает влияние на познание воздействуя на понятия человека.

В самом начале 80-х гг. в КН главенствуют тенденции междисциплинарности. Когнитивисты пытаются понять, возможно ли создание лингвистической теории без общей теории когнитивных процессов, а также, возможно ли говорить о теории когниции без лингвистики. Ученые в этот момент пытаются совместить исследование когнитивных процессов, язык и языковое поведение. В этот момент ученые утверждают, что поведение людей определяется его знаниями, а языковое поведение – его языковыми знаниями. Основной задачей становится изучение онтогенеза речи. Н. Хомский формулирует цель исследования, которая заключается в понимании порождения знания в принципе и знания языка у человека [9].

Хомский указывает на то, что теперь предстоит задача «заняться подлинными, природными свойствами языка в том его виде, в котором он интериоризован в мозгу человека» [9]. Таким образом, меняется не сама база для исследований, ведь выводы о строении языка, его организации и его единиц, стоятся на основе наблюдений за корпусом реальных данных, т.е. самим языком, а постановка проблемы

исследования. Лингвисты пытаются понять, что конкретно можно извлечь из языкового материала. Возникает предположение, что поверхностные языковые структуры также информативны, как и глубинные, так как они содержат достаточное количество информации для обеспечения общения и обмена информацией между людьми. Безусловно, для понимания дискурса человеку требуется кроме языковых сведений и другие, но за начальный этап восприятия и понимания отвечает именно поверхностная языковая форма. Изначально лингвисты пытались с помощью анализа поверхностных структур обнаружить глубинную систему. Но уже в этот момент ученые ставят цель изучить внутренние механизмы, составляющие суть врожденной языковой способности. Хотелось бы заметить, что в любом случае, чтобы проанализировать данные «на выходе», необходимо проанализировать данные «на входе», т. е. обращение к внешнему проявлению, к «поверхностным структурам», необходимо. Между учеными возникает кардинальные расхождения в понимании связи между языком и познанием: в определении когниции нет единого мнения [11]. В случае, когда язык репрезентативен в голове набором отдельных модулей, относительно автономных и со своей задачей, процесс понимания аналогичен процессу интеграции данных, поступающим по разным каналам, и не только языковым. По другим теориям именно язык и есть модуль, который отвечает за обработку информации.

Все эти разногласия приводят к расхождениям в понимании места лингвистики в ряду КН. Положение Н. Хомского о том, что когнитивная лингвистика часть когнитивной психологии резко критикуется. Язык в когнитивной лингвистике изучается не как некая когнитивная способность, а как данность речи.

В поздних работах Хомский говорит о следующих проблемах, которые ставит перед собой современная лингвистика: «1) что представляет собой знание языка, что существует в мозгу говорящего на английском, испанском или японском языке; 2) как возникает эта система знаний в мозгу, 3) как эта система используется в речи;

4) каковы физические механизмы, используемые в качестве материальной базы для этой системы знаний и для их применения» [10]. Видимо Н. Хомский определяет проблемы, относящиеся к внутреннему строению языка, к структурированию сознания, к организации языковой способности, как психической так и физической. Из вышеперечисленного становится понятно, что самостоятельно справиться с решением этих задач когнитивная лингвистика или психология не могут. Сделать это может только междисциплинарная КН. Объяснить некоторые свойства языка только языковыми законами невозможно, так как язык одновременно обеспечивается и ограничивается строением памяти, принципами восприятия мира, характером воображения, возможностью обработки информации с помощью зрения, слуха, обоняния и т. п. Другие особенности в организации языковых структур имеют когнитивную составляющую. Например, лингвистика не дает объяснений, почему семантический класс глаголов обладания, принадлежности показывает соответствие свойств классу глаголов, обозначающих перемещение в пространстве и местоположение объектов [13].

Таким образом, в КН в этот момент главенствует постулат о том, что между когнитивными структурами и языковыми структурами существуют корреляции, но проанализировать их можно с разных сторон, начав с когнитивных или языковых структур. Хотелось бы отметить, что, безусловно, спектр изучения языка меняется, объем функций и свойств языка для изучения увеличивается. Соответственно, ученые ориентируются на достижение разных знаний о языке. Поэтому можно говорить о том, что КН заняла свою нишу в процессе структурирования наших знания о языке и помогает совершенствовать наше представление о нем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Болдырева Е.Л.** Стратегия министерства обороны Финляндии «Безопасно в будущее» / Международные отношения и диалог культур. 2013. №1 (2012). С. 27–31.
2. **Гришина Н.Ю.** Обучение студентов технических вузов профессиональной

иноязычной коммуникации на основе когнитивной технологии / дисс... канд. пед. наук.13.00.08. / Санкт-Петербург, 2006. – С. 204

3. Гришина Н.Ю. Проектирование когнитивной технологии обучения студентов технических вузов профессиональной иноязычной коммуникации / Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2006. № 46. С. 140–142.

4. Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний / Под ред. Березина Ф.М., Кубряковой Е.С. М., 1992.

5. Кубрякова С.Е. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука. 1994.

6. Кубрякова Е.С. Особенности речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.

7. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структура представления знаний / Под ред. Березина Ф.М., Кубряковой Е.С. М., 1992.

8. Миллер Дж. (1964). Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию. // Инженерная психология. / Под ред. Д.Ю. Панова и В.П. Зинченко. М.: Прогресс. С. 192–225.

9. Язык и структуры представления знаний / Под ред. Березина Ф.М., Кубряковой Е.С. М., 1992.

10. Chomsky N. Rules and representations. N.Y., 1980.

11. Chomsky N. Language and problems of knowledge. The Managua lectures. N.Y., 1988.

12. Fodor J. The language of thought. Hassocks: Harvester, 1976. P. 156.

13. Gardner A. The mind's new science: the history of the cognitive revolution. N.Y., 1985.

14. Jackendoff R. Sense and reference in a psychologically based semantics // Talking minds: the study of language in cognitive science. Cambridge (Mass.), 1984. P, 49–50.

15. Shepard R.N. George Miller's data and the development of methods for representing cognitive structures // The making of cognitive science: Essays in honour of George Miller // Ed. by W. Hirst. Cambridge (Mass.) 1988.

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ УЧАСТИЯ АВСТРАЛИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В 2014 году исполняется 100 лет со времени начала Первой мировой войны – события, во многом предопределившего развитие международных отношений на протяжении XX века и оставившего глубокий след в памяти народов, участвовавших в этой кровавой бойне. Не является исключением и Австралия. В 1914–1918 гг. Австралийский Союз, в то время доминион Британской империи, при населении менее 5 млн. человек выставил на поля сражений 330 тыс. человек, из которых погибло 61 тыс. и более 152 тыс. было ранено [1, р. 286]. Объединенный армейский корпус Австралии и Новой Зеландии – АНЗАК, участвовал в тяжелейших боях на Галлиполи в 1915 г., в битве при Сомме в 1916 г., воевал в Палестине. Самостоятельной операцией австралийской армии стал захват Германской Новой Гвинеи. В этой операции участвовали корабли австралийского флота крейсера «Австралия» и «Сидней» [2, р. 82–83]. В годы войны Австралийский Союз совершил рывок в своем экономическом развитии – вызванные военным временем сложности в получении промышленных изделий и товаров народного потребления из Англии, а также потеря важного для Австралии немецкого рынка стимулировали развитие национального производства. Парижская мирная конференция 1919–1920 гг., завершившая Первую мировую войну, стала первым международным форумом, на котором Австралийский Союз, наряду с другими доминионами получил самостоятельное представительство и тем самым обозначил свое присутствие на международной арене. Наконец – и это, пожалуй, самое важное, участие в войне породило национальных героев и национальные мифы Австралии, что во многом содействовало

самоидентификации австралийской нации и ускорило процесс эмансипации Австралийского Союза от метрополии.

В данной статье предпринимается попытка дать оценку российской историографии участия Австралии в первой мировой войне. Нельзя не признать, что, к сожалению, история Австралии до сих пор не принадлежит к числу популярных сюжетов в трудах представителей российской исторической науки, тем не менее, столь значимое для австралийцев событие, как участие их страны в войне 1914–1918 гг. уже получило определенное освещение в работах отечественных историков. Анализ историографии австралийского участия в первой мировой войне показывает, что она отражает все те специфические особенности и черты, которые характерны для развития исторической науки СССР и постсоветской России в целом. Это, прежде всего, идеологическая зашоренность и акцент на социальной и классовой составляющей изучаемых событий в публикациях 30–50-х годов, постепенное преодоление идеологической и тематической ограниченности в работах 70–80-х гг., более разностороннее и объективное исследование избранной темы в трудах отечественных историков постсоветского периода.

Первые научные публикации об участии Австралии в «империалистической войне» появились в конце 30-х – начале 40-х гг., причем, несомненно, этот интерес был подогрет началом второй мировой войны. В 1941 г. выходят две статьи С.В. Захарова «Британская империя в войне 1914–1918 годов» и «Британские доминионы во время первой империалистической войны» [3; 4]. В разделах, посвященных Австралии, автор освещает фактическую сторону участия Австралийского Союза в войне. Он отмечает, что австралийские воинские части «сыграли в войне очень крупную роль» и сражались с «исключительным мужеством и героизмом, а Австралия, как и другие доминионы увеличила свой удельный вес и влияние внутри Британской империи [3, с. 87]. Вместе с тем основное внимание автор статей уделил внутривнутриполитическому развитию

Австралии, которое он оценивает со строго ортодоксальных марксистских позиций. Справедливо указывая на имевшее место в годы войны развитие национальной промышленности Австралийского Союза и перестройку жизни страны на военный лад, автор неизменно делает акцент на «жирных доходах капиталистов», а суть внутренней политики «оппортунистических вождей» стоявшей у власти Австралийской рабочей партии и премьер-министра страны «ренегата» У.М. Хьюза С.В. Захаров видит в сворачивании демократии и борьбе «против революционных элементов ... и против пацифистов» [4, с. 155, 158, 162]. Оценивая рабочее движение в Австралии в годы войны и отмечая рост антивоенных настроений, С.В. Захаров явно преувеличивает степень его радикализации под «ясным и сильным» влиянием «Великой Пролетарской Революции в России» [4, с. 165]. Нельзя не отметить также скудость источников, на которых С.В. Захаров базирует свои статьи. Это, в основном, энциклопедические и статистические справочники и изданные в Англии общие работы по истории первой мировой войны.

Более широкую источниковую базу, которая включила в себя также австралийские источники и литературу, использовала Н.П. Летова, опубликовавшая в 1958 г. большую статью «Австралия в годы первой империалистической войны» [5]. В добротной академической манере, тщательно и подробно аргументируя свои выводы фактическим и статистическим материалом, автор статьи затрагивает проблемы подготовки Австралии к войне, развития экономики страны в военное время, внутривнутриполитических борениях по поводу так и не состоявшегося введения всеобщей воинской повинности. В качестве идеологической точки отсчета используется ленинское учение об империализме и его разновидности – локальном империализме, по мнению Н.П. Летовой, безусловно, применимом к Австралии. С этих позиций в статье говорится об усилении в экономике Австралии в годы первой мировой войны влияния «англо-австралийского и австралийского монополистического капитала» и

«дальнейшем развитии империалистических тенденций в среде... правящей буржуазии» [5, с. 179, 168]. Эти тенденции привели к усилению «полицейского режима» внутри страны и «ухудшению материального положения трудящихся», что, в свою очередь усилило антивоенные настроения и классовую борьбу австралийских рабочих [5, с. 187]. С опорой на известное ленинское высказывание о либеральном, но не социалистическом характере Австралийской лейбористской партии Н.П. Летова разъясняет причины относительных неудач рабочего и антивоенного движения. Также как С.В.Захаров, она акцентирует внимание на росте левых настроений в рабочем движении под влиянием революционных событий 1917 г. в России, итогом которых стало формирование в 1920 г. Коммунистической партии Австралии [5, с. 200]. Во внешней политике локально-империалистические тенденции проявили себя в «стремлении установить австралийское господство над юго-западной частью Тихого океана» [5, с. 179]. В этой связи автор статьи уделяет особое внимание усилиям Австралии по захвату Германской Новой в 1914 г. и закреплению сделанных территориальных приобретений на Парижской мирной конференции.

Та же тематика касательно периода первой мировой войны и с таких же идеологических позиций затронута и в первых обобщающих работах по истории Австралии, изданных в СССР: монографиях К.В. Малаховского «История Австралийского Союза» и «История Австралии» [6; 7]¹. Однако при несомненном марксистском антураже этих работ и осуждении «реакционной внутренней политики австралийских правящих кругов», которая «определяла и внешнюю политику страны» [7, с. 149], в них уже нет той «идеологической остервенелости», которая была характера для трудов, изданных ранее. Оценки деятельности австралийского правительства в годы первой мировой войны, его социальной политики, реформистской линии

¹ См. также вышедшую в научно-популярной серии АН СССР книгу К.В. Малаховского «Будни пятого комитента» [8].

Австралийской лейбористской выдержаны в объективистской манере и сформулированы в более сдержанных выражениях. К.В. Малаховский стал, по сути дела первым из отечественных авторов, кто подробно осветил расширение в годы первой мировой войны австралийской сферы влияния в юго-западной части Тихого океана. В обеих своих монографиях, он освещает историю захвата австралийскими войсками Германской Новой Гвинеи и действия австралийского флота в акватории Тихого океана в августе-сентябре 1914 г. В «Истории Австралийского Союза» К.В. Малаховский останавливается также на усилиях премьер министра Австралии У.М. Хьюза закрепить за своей страной бывшую Германскую Новую Гвинею [6, с. 202–203; 7, с. 161–162, 213–218]². В монографиях К.В. Малаховского «Остров райских птиц. История Папуа-Новой Гвинеи» и «История колониализма в Океании» помимо рассказа о получении Австралией мандата Лиги Наций на бывшую Германскую Новую содержится анализ политики австралийской колониальной администрации и положения дел в бывшем германском владении в период 1914–1919 гг. [10, с. 58–59; 11, с. 292–297]³. В соответствии с марксистской традицией К.В. Малаховский исходит из однозначно негативной оценки колониализма и делает акцент на продолжении австралийскими оккупационными властями колониальной политики бывшей немецкой администрации. Все немецкие чиновники были оставлены на своих местах, и новые австралийские власти продолжили практику немцев по использованию принудительного труда коренного населения Новой Гвинеи на плантациях кокосовой пальмы [10, с. 70; 11, с. 293–294].

² Сюжетам, связанным с захватом Австралией Германской Новой Гвинеи в 1914 г. и закреплением за Австралийским Союзом этой территории посвящена также публикация А.Я. Массова [9].

³ В вышедших несколько ранее монографиях К.В. Малаховского «Борьба империалистических держав за тихоокеанские острова» и С.Н. Морозова «Австралийский колониализм» период первой мировой войны не отражен [см. 12, 13].

Активное участие Австралии в первой мировой войне, утверждение собственной австралийской сферы влияния в юго-западной части Тихого океана и участие в послевоенном мирном урегулировании делают возможным постановку вопроса о начале формирования австралийской внешней политики. И если факт обретения большей самостоятельности Австралии в рамках Британской империи в ходе и после окончания первой мировой войны был отмечен уже С.В. Захарвым и Н.П. Летовой, то мнение о первых проявлениях собственной австралийской внешней политики в этот период впервые высказали А.И. Мартынов и О.К. Русакова в их совместной монографии «Австралия в международных отношениях XX века» [14]. В главе «Австралийский Союз в первой мировой войне», написанной, в основном, по работам австралийских исследователей, но в строгом соответствии с марксистскими представлениями о характере первой мировой войны, авторы монографии пишут об объективных предпосылках формирования внешнеполитической доктрины Австралийского Союза. Свою роль в этом процессе играли как тенденция к сохранению колониальной лояльности и имперского единства, так и локально-империалистические тенденции австралийских правящих кругов. При этом «для австралийского империализма участие в войне означало в первую очередь вступление в борьбу за новый передел мира, за создание собственной колониальной империи» [14, с. 15]. Захват Германской Новой Гвинеи означал, что для Австралии «колониальная конкуренция Германии на Тихом океане была ликвидирована», а внесенный доминионами и, в том числе, Австралийским Союзом «весомый военный вклад служил основанием для того, чтобы требовать от английского правительства более полного учета их интересов и признания права на независимую от Лондона внешнюю политику» [14, с. 15, 18]. Этим обстоятельством, как считают авторы монографии и была обусловлена чрезвычайно активная, жесткая и последовательная борьба австралийского премьер-министра

У.М. Хьюза за самостоятельное представительство доминионов на Парижской мирной конференции 1919 г., и затем – уже на самой конференции – за право Австралии на обладание бывшей Германской Новой Гвинеей. В итоге к концу первой мировой войны Австралия сумела «довольно активно проявить себя на международной арене» и провести «начальную разработку основных принципов программы колониальной экспансии». И хотя в тот период времени австралийские правящие круги еще не собирались полностью разрывать связи с метрополией, однако, подчеркивают авторы монографии, «сфера империалистических противоречий между Австралией и метрополией продолжала неуклонно расширяться» [14, с. 23–24].

Участие Австралийского Союза и его премьер-министра У.М. Хьюза в работе Парижской мирной конференции подробно освещено в статье А.Я. Массова [15]. Это участие автор расценивает как попытку «если и не утвердить Австралийский Союз в качестве самостоятельного игрока на международной арене..., то, по крайней мере, обозначить, озвучить собственный австралийский голос в международных отношениях послевоенного времени» [15, с. 116–117]. Следуя вслед за А.И. Мартыновым и О.К. Русаковой в оценке самого факта участия Австралии в международной конференции как проявления растущей самостоятельности британских доминионов и оценивая ее итоги для Австралии как завершение процесса создания австралийской сферы влияния в юго-западной части Тихоокеанского бассейна, автор, тем не менее, считает, что активность, наступательность и результативность для Австралии ее участия в работе Парижской мирной конференции были, прежде всего, заслугой личной дипломатии У.М. Хьюза. Австралийский премьер в ряде своих требований (например, в вопросе о представительстве доминионов) был даже радикальнее министров своего собственного правительства, которые не всегда одобряли дипломатическую неуступчивость своего лидера и считали его требования чрезмерными. Иными словами, У.М. Хьюз несколько «забежал

вперед» в своем стремлении к независимой внешней политике Австралии, однако успешный «внешнеполитический дебют» австралийцев на конференции стал важным шагом на пути обретения этой независимости и одним из существенных результатов участия Австралийского Союза в первой мировой войне.

В постсоветской России, когда исчезли идеологические ограничения и требования исследовать любую историческую проблему исключительно с марксистских позиций, в российской историографии участия Австралии в первой мировой войне появились новые акценты. Развитие внутривойсковой ситуации в Австралии в 1914–1918 гг. рассматривается теперь не сквозь призму усиления политической реакции и подавления рабочего движения, а как период, в течение которого «окончательно сложились базовые основы государственности, партийно-политической системы, экономической и социальной структуры» Австралийского Союза, «были опробованы новые подходы в области социального регулирования» [16, с. 91]. Усиление в годы войны государственного контроля над экономикой и определенное ограничение демократических прав и свобод рассматриваются как необходимые и оправдавшие себя меры, позволившие организовать жизнь страны в условиях военного времени [16, с. 88].

Особое внимание уделяется воздействию Первой мировой войны на духовное развитие австралийского общества. Участие Австралии в первой мировой войне подтолкнуло процесс формирования национальной идентичности, ускорило рождение австралийской нации. Ведущий отечественный австролог и культуролог А.С. Петриковская отмечает в этой связи, что фактическим следствием первой мировой войны для Австралии стал процесс духовной консолидации австралийской нации, интенсивного развития национальной культуры, которая «окончательно выходит из рамок “колониального творчества”» [17, с. 50]. Кровавые битвы и героизм австралийских солдат произвели неизгладимое впечатление на жителей

пятого континента, порождали чувство национальной гордости и патриотизма. Подвиги солдат австрало-новозеландского армейского корпуса (АНЗАК) в битве на Галлиполийском полуострове против турок в 1915 г. стали национальной легендой Австралии, а дата 25 апреля – день высадки анзаков на Галлиполи отмечается как национальный памятный день Австралии. «Участие австралийцев в войне, – пишет профессор Дальневосточного университета Г.И. Каневская, – по праву пролитой крови доказало способность молодой нации встать в один ряд с другими нациями мира и содействовало осознанию ими своей национальной самобытности» [18, с. 29]. Ту же мысль проводит в своем учебном пособии «История Австралии» московская исследовательница Н.С. Скоробогатых: «Галлиполи превратился в “кровавую икону”, которая подстегнула чувство австралийского патриотизма и стала первым шагом на пути к государственной и национальной самостоятельности» Австралийского Союза. «Эти события остаются знаковыми для австралийцев вот уже на протяжении почти века» [16, с. 85–86].

Говоря о героизме и подвигах анзаков нельзя не отметить фундаментальное исследование российско-австралийского историка Е.В. Говор, чье научное творчество протекает в последние годы в Австралийском национальном университете в Канберре. В 2005 г. Е.В. Говор опубликовала на английском языке монографию «Русские анзаки в австралийской истории» [19]. Первоначально, в течение 2001–2005 гг. русский вариант практически всех глав этой книги был напечатан в журнале русских эмигрантов в Австралии «Австралиада», а после выхода книги в свет был размещен в Интернете [20]. Автор монографии проделала огромную работу, по крупицам воссоздавая биографии и прослеживая судьбы более тысячи анзаков из числа проживавших в Австралии эмигрантов из Российской империи.

Очевидно, в русле развития отечественной историографии можно рассматривать и выход в свет совместной российско-австралийской коллективной монографии «Встречи под Южным

крестом. 200 лет русско-австралийских отношений 1807–2007» [21]. В одной из глав этого англоязычного издания идет речь, в том числе о деятельности российского консульства в Мельбурне в годы первой мировой войны. Несколько измененный текст этой главы был опубликован на русском языке в 2007 г. в журнале «Восток» [22]. Рассказывая об истории российской консульской службы в Австралии, начало которой было положено еще в 1857 г., авторы этой публикации отмечают, что в годы первой мировой войны русские консулы в Мельбурне помимо обычных консульских обязанностей должны были взвалить на себя ряд дополнительных забот. Были предприняты активные действия по возвращению в Россию с последующей отправкой на военную службу проживавших в Австралии русских резервистов в возрасте от 21 года до 38 лет. В случае невозможности возвращения русских граждан призывного возраста домой резервистам предлагалось вступать в армии союзников. Консульство оказывало также содействие в приеме в русское подданство иностранцев. В годы первой мировой войны это стало особенно важным для проживавших в Австралии «австрийских славян», которые столкнулись с угрозой интернирования. В начале февраля 1917 г. по инициативе русского консула, поддержанной деловыми и политическими кругами Австралии, была предпринята попытка активизировать торговлю между двумя странами, для чего было организовано Российско-австралийское бюро торговли и информации. Предполагалось, что России сможет занять место Германии на австралийском рынке. Впрочем, реализовать намеченное из-за событий 1917 г. в России не удалось⁴. Однако главной заботой русских представителей в Австралийском Союзе стало отслеживание

⁴ В 2014 г. вышел сборник документов, извлеченных из Архива внешней политики Российской империи, о деятельности российских консульских представителей в Австралии в 1857–1917 гг. В сборнике, в том числе, опубликован ряд документов, относящихся к периоду первой мировой войны. См. [23].

заметно возросшей в годы войны активности революционного крыла русской диаспоры в Австралии.

К началу войны в Австралии насчитывалось, по данным российского консульства в Мельбурне, примерно 11 тыс. выходцев из России. Большею частью они были представителями трудовой крестьянской эмиграции, и главной причиной их отъезда в Австралию была нехватка свободных земель в России при их наличии на пятом континенте. После русской революции 1905–1907 гг. в Австралии появились и эмигранты-революционеры – большевики, меньшевики, эсеры, анархисты, числом около 500 человек, которые покинули родину, спасаясь от преследований правительства. Эта, не столько многочисленная, сколько шумная и очень активная часть русской эмиграции, пыталась вести революционную пропаганду и агитацию как среди своих соотечественников, так и среди австралийских рабочих. Сюжет о деятельности оказавшихся в годы первой мировой войны в Австралии русских революционеров всегда был одним из излюбленных тем советских историков, занимавшихся как русской революционной эмиграцией, так и историей Австралии. Первые работы такого рода, включая биографические очерки о деятельности лидера русских большевиков в Австралии Артема (Ф. А.Сергеева), появились еще в довоенные годы [см., например, 24; 25; 26]. Множество такого рода изданий выходило и в послевоенные десятилетия вплоть до начала 90-х гг. [Наиболее серьезные из них: 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34]. Не случайно в «Библиографии Австралии», подготовленной Е.В. Говор и охватывающей издания по австралийской тематике вплоть до 1983 г. выделена специальная рубрика «Российская революционная эмиграция в Австралии», причем список изданий, включенных в эту рубрику, занимает почти три страницы убористого шрифта [35, с. 177–180]. Однако все эти работы основаны на узкой, практически только российской источниковой базе и написаны с безудержно апологетических позиций. В главах, посвященных деятельности русских революционеров в Австралии в годы первой мировой войны восхваляется мужественная борьба русских

революционеров против империалистической войны «за интернациональное единство рабочего класса», их стремление защитить русских эмигрантов от насильственного возвращения в Россию и призыва в русскую армию [30, с. 53, 55]. С безусловным одобрением освещается деятельность русских революционеров по радикализации рабочего движения Австралии и столь же беспощадно осуждается преследование австралийскими властями выступавших против войны лидеров русских эмигрантских организаций, в результате которых «австралийские и русские радикалы по многу месяцев проводили в тюрьмах» [34, с. 93].

Более выверенная и объективная оценка деятельности русских радикалов в Австралии дана в соответствующих главах вышедших уже в начале 2000-х гг. двух монографиях Г.И. Каневской: «"Я бездомный, но зато на воле..." Русские перемещенные лица в Австралии (1947–1954 гг.)» и «"Мы еще мечтаем о России..." История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вт. пол. 80-х гг. XX в.)» [36, 37]. Обе книги написаны на основе не только русских, но и австралийских источников. Автор, отмечая активность революционной части российской диаспоры в Австралии, ее «революционный дух и боевитость» приходит, тем не менее, к выводу, что «революционные идеи не нашли поддержки у большинства австралийцев» [36, с. 49]. «Русским политэмигрантам не удалось революционизировать ни массу своих соотечественников, проживающих в Австралии, ни австралийских трудящихся. Социалистическая революция, к которой он и призывали, на австралийской почве не имела шансов на успех». Итогом деятельности русских революционеров на пятом континенте в годы первой мировой войны, «стал их конфликт с австралийским обществом, что явилось одной из причин русофобии в Австралии» и впоследствии оказало негативное влияние на развитие межгосударственных отношений СССР и Австралийского Союза [37].

Обзор работ отечественных историков позволяет говорить об определенной эволюции оценок участия Австралии в первой мировой войне. По мере расширения идеологических рамок и освоения новых

подходов к освещению этого периода австралийской истории анализ событий становится более взвешенным и менее подверженным идеологическому клишированию. Можно ожидать, что вместе с ростом интереса российских исследователей к истории пятого континента отечественная историография Австралии получит дальнейшее развитие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. The Complete Fact Finder on Australia and the World 2005. Melbourne : Hardie Grant Books, 2005. P. 286.
2. Official History of Australia in the War of 1914–1918. Vol. X. Sydney : Angus & Robertson, 1940. P.82–83.
3. **Захаров С.В.** Британская империя в войне 1914–1918 годов // Исторический журнал. 1941. Кн.10–11. С.78–88.
4. Британские доминионы во время первой империалистической войны // Ученые записки Московского городского педагогического института. Т. 3. Кафедры исторического факультета. Вып.1. М., 1941. С.153–199.
5. **Летова Н.П.** Австралия в годы первой империалистической войны // Ученые записки по новой и новейшей истории АН СССР. Вып.4. М., 1958. С.168–204.
6. **Малаховский К.В.** История Австралийского Союза. М. : Наука, 1971.
7. **Малаховский К.В.** История Австралии. М. : Наука, 1980.
8. **Малаховский К.В.** Будни пятого континента. □ М. : Наука, 1975.
9. **Массов А.Я.** Австралийский колониализм на Парижской мирной конференции 1919 г. // Вестник Ленинградского университета. 1974, № 2. С.55–59.
10. **Малаховский К.В.** Остров райских птиц. История Папуа Новой Гвинеи. М. : Наука, 1976. С.58–59.
11. **Малаховский К.В.** История колониализма в Океании. М. : Наука, 1979. С. 292–297. В вышедших несколько ранее монографиях.
12. **Малаховский К.В.** Борьба империалистических держав за тихоокеанские острова. М. : Наука, 1966.
13. **Морозов С.Н.** Австралийский колониализм. М. : Наука, 1967.
14. **Мартынов А.И., Русакова О.К.** Австралия в международных отношениях XX века. М. : Мысль, 1978.
15. **Массов А.Я.** Участие Австралии в работе Парижской мирной конференции 1919 г. // Великая война 1914–1918. Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Вып. 1. М., 2011. С.116–122.
16. **Скоробогатых Н.С.** История Австралии. М. : Институт стран Востока, 2011. С. 91.
17. **Петриковская А.Я.** Культура Австралии XIX–XX вв. М.: Восточная литература, 2007. С. 50.

18. **Каневская Г.И.** Культура Австралии и Новой Зеландии. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 29.
19. **Govor E.** Russian Anzacs in Australian History. Sydney : UNSW press in assoc. with the Nat. archives of Australia, 2005.
20. <http://russiananzacs.elena.id.au/RussianContents.htm> (дата посл. обрац. 5.10.2014).
21. Encounters under the Southern Cross : two centuries of Russian-Australian relations 1807–2007 / ed. by Alexander Massov, John McNair and Thomas Poole. Adelaide : Crawford House Publishing, 2007.
22. **Аксенов Ю.Д., Массов А.Я.** Российская консульская служба в Австралии в 1901–1918 гг. // Восток, 2007. № 5. С.50–63.
23. Российская консульская служба в Австралии 1857–1917 гг. (Сборник документов). М. : Международные отношения, 2014.
24. **Александрова Н.** Артем. Биографический очерк. М. : Госиздат, 1922.
25. **Иогансен.** Русские политические эмигранты в Австралии в 1913–1917 гг. // На волю! Падение самодержавия. Освобождение из царских тюрем и каторги. Л. : Прибой, 1927. С. 119–120.
26. **Мощинский И.Н.** Артем в изгнании. М. : Изд-во политкаторжан, 1930.
27. **Гуцал П.** Артем в Австралии // Донбасс. 1958, №1. С.119–128.
28. **Приваленко М.Е.** Большевик Артем. Очерк о жизни и деятельности Ф.А. Сергеева (1883–1921). Курск : Кн. изд., 1964.
29. **Туваев В.И.** Артем (Ф.А. Сергеев) как революционер и публицист. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1965.
30. **Черненко А.М., Гоцуляк В.В.** Российская революционная эмиграция в Австралии (1900–1917). Днепропетровск : Днепропетровский гос. ун-т, 1978.
31. **Черненко А.М.** Русские рабочие газеты в Австралии как исторический источник (1912–1917) // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск : Днепропетровский гос. ун-т, 1978. С.10–18.
32. **Малаховский К.В.** Участие русских революционеров в рабочем движении Австралии // Идеи социализма и рабочее движение в Австралии. М. : Мысль, 1981. С.67–85.
33. **Савченко А.И.** В.И. Ленин, большевики и российская революционная эмиграция в Австралии (1907–1918 гг.) Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1987.
34. **Рудницкий А.Ю.** Другая жизнь и берег дальний... Русские в австралийской истории. М. : Наука, 1991.
35. Библиография Австралии (1710–1983). Сост. Е.В. Говор. М.: Наука, 1985. С. 177–180.
36. **Каневская Г.И.** «Я бездомный, но зато на воле...». Русские перемещенные лица в Австралии (1947–1954 гг.). Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2005.
37. **Каневская Г.И.** «Мы еще мечтаем о России...» История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вт. пол. 80-х гг. XX в.). Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ (МЕНЕДЖМЕНТА) ОРГАНИЗАЦИЯМИ В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Введение. Процесс управления хозяйствующими субъектами или организациями любой экономической системы возник с начала совместной деятельности отдельных индивидуумов или их групп много тысячелетий тому назад. Свидетельством этого утверждения являются отдельные, сохранившиеся до наших дней древние строительные объекты (Великая китайская стена, пирамиды Египта и Мексики, а также остатки многих древних городов, открываемых в разных частях нашей планеты и др.), сооружение которых не могло осуществляться без направляющей роли отдельных людей, выполняющих функции организации, руководства и контроля совместной деятельности десятков тысяч людей, занятых их строительством. Однако письменных свидетельств обобщения практики управления (менеджмента) сооружений таких объектов в древние времена не сохранилось. Поэтому методический анализ практики управления совместной деятельностью людей, становление теории менеджмента организаций и преподавание его основ¹ началось в конце XIX столетия, в период интенсивного развития технологического уклада индустриальной экономики или второй промышленной революции. Однако общепринятой универсальной теории менеджмента не существует в мире и в настоящее время, несмотря на то, что многие его теоретические и методические положения формировались и практически использовались на протяжении XX столетия и успешно применяются в настоящее время. Ниже приводится краткий обзор предложенных теоретических

¹ В конце 19-го столетия преподавание основ менеджмента началось в трех университетах США – Пенсильванском, Чикагском и Калифорнийском.

положений и методологических основ известных в научной литературе теорий менеджмента организаций в их историческом развитии.

1. Классическая теория управления организациями. Среди первых предложенных методов менеджмента наибольшую известность получили методы, основанные на **классической теории управления** организациями, среди которых выделяются методы научного, операционного (функционального) и властного (административного) менеджмента.

Основателем **научного метода** менеджмента считают Фредерика Тейлора² который предложил применять научные положения к организации труда рабочих, нахождения рациональных путей взаимодействия менеджеров с подчиненным, а также к оценке их результативности и производительности. Ключевыми факторами высокой производительности труда рабочей силы, занятой в организациях, по мнению Ф. Тейлора должны быть специализация и мотивация труда рабочих; кооперация между менеджерами и работающими; исключение конфликтов между занятыми; оценка производительности труда и его соответствующая оплата, а также развитие квалификации персонала и нахождение оптимальных путей его использования [1]. На рубеже XIX и XX столетий, когда ощущался дефицит квалифицированной рабочей силы вследствие интенсивного промышленного развития стран в эпоху индустриальной экономики, научный метод менеджмента оказался весьма эффективным, однако в настоящее время его применение имеет узкие границы, поскольку высокая результативность и производительность труда работающих в современных организациях зависит не только от денежного вознаграждения, но и от многих других факторов, в частности, от физиологических и социологических аспектов деятельности людей.

² Примерно в это время в России, а в последствие и в СССР научные методы управления организациями разрабатывались и успешно применялись многими их руководителями, которые позже были обобщены и развиты в трудах Богданова А.А., Гастева А.К., Керженцева П.М. и др.

Операционный или функциональный метод менеджмента формировался также в начале 20-го века на основе предложенных Генри Файолем классификаций основных видов деятельности организаций и функций их эффективного менеджмента [2]. Г. Файоль выделил 6 основных видов или категорий деятельности организаций, которые, в той или иной степени присущи всем их видам, а именно: 1) **техническую**, к которой он отнес производство товаров и их обработку; 2) **коммерческую** (купля – продажа товаров и ресурсов); 3) **финансовую**; 4) **безопасную** (защита собственности и людей); 5) **учетную**, и 6) **управленческую** (планирование, организации, руководства, координации и контроля), а также предложил 14 универсальных принципов, (специализация работы, адекватная оплата, порядок, единоначалие и др.), которыми должны руководствоваться менеджеры при решении возникающих проблем в процессе управления организациями, и при выполнении своих функциональных обязанностей (планирования, организация, руководство, координация и контроль). Однако основатель операционного (функционального) менеджмента считал, что степень использования предложенных принципов менеджерами организаций должна соизмеряться с конкретными условиями их деятельности.

Однако в 70-х годах прошлого столетия Генри Минтцберг [3] подверг критике функциональную теорию менеджмента, назвав ее нереалистической. С его точки зрения функции не полностью отражают действительное содержание работы менеджеров и, в лучшем случае, они лишь указывают на цели их деятельности, характеризующейся фрагментарностью и вербальным характером коммуникаций. По Г. Минтцбергу более продуктивный подход к пониманию характера деятельности менеджеров должен быть направлен на оценку сути выполняемых ими **ключевых ролей** в процессе управления. Используя предложенный им метод «структурной оценки», отражающей результаты деятельности менеджеров, и проведя соответствующий анализ работы пяти их

иерархических уровней, Минтцберг выделил десять ролей (рис. 1), которые, по его мнению, являются общими для всех менеджеров.

Эти роли Г. Минтцберг разделил на три более крупные категории, отражающие основные направления деятельности менеджеров, а именно, межличностные, информационные и распорядительные. Обладая официальной властью и имея статус руководителей в организации, менеджеры вовлечены в постоянные **межличностные контакты**, в частности, с подчиненными и другими менеджерами, выполняя роли официальных руководителей, лидеров и связных. Поскольку информация является жизненно необходимой для организации, менеджеры являются ее хранителями и распространителями, осуществляя и **информационные роли**. Поскольку в организациях существуют интересы разных групп и их конкуренция, то менеджеры обязаны выполнять и **распорядительные роли**, необходимые для принятия решений, проведения переговоров с заинтересованными сторонами, разработки стратегий деятельности организаций, а также для их практической реализации.

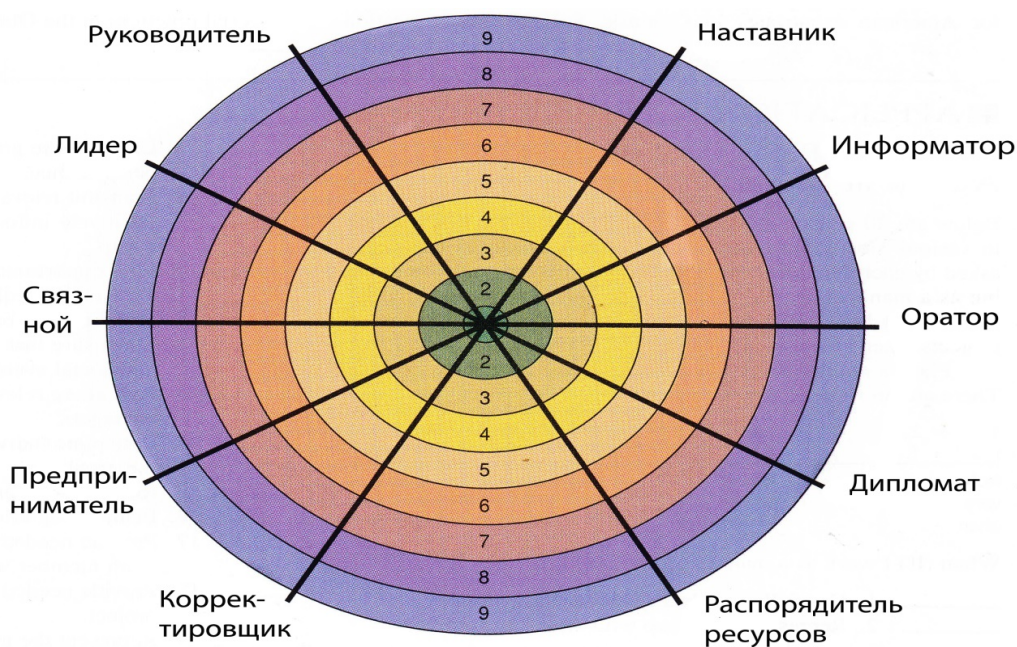


Рис.1. Роли, выполняемые менеджерами в процессе управления организациями.

Основателем **властного или административного** метода управления организациями был Макс Вебер [4], предложивший теорию административной бюрократической структуры их менеджмента, основанной на разделении «формальной власти» по вертикальной иерархии управления. М. Вебер полагал, что «бюрократическая» организация является доминирующим институтом в обществе вследствие своей высокой эффективности. Четкость, скорость, определенность, последовательность, сплоченность и жесткая субординация являются результатами бюрократической системы управления. По М. Веберу административный менеджмент должен основываться на формальной организационной структуре с целой совокупностью четких правил и регулирующих стандартов специализации труда работающих и менеджеров, а также на продуманной системе отбора, поддержки и контроля их результативности.

Существенный вклад **классической теории управления** заключается в идентификации менеджмента в качестве важного элемента организованного общества. Адвокаты классической теории верили, что менеджмент подобно закону, медицине и другим видам деятельности должен осуществляться в соответствии с основополагающими принципами, которые менеджеры обязаны знать и выполнять, чтобы конкурировать в современном мире.

2. Поведенческая теория управления организациями. Практикующие менеджеры организаций стали осознавать, что идеи классической теории управления не всегда обеспечивают гармоничные отношения между работающими в организациях и, соответственно, высокую эффективность их деятельности. Поэтому возникла потребность в новой теории менеджмента, позволяющая более системно решать проблемы организаций, связанные с результативностью их деятельности. Ответом на эту потребность стала новая теория менеджмента, основанная на изучении динамики группового поведения людей в организациях. **Поведенческая теория менеджмента** делится на две школы: на школу человеческих

отношений и школу поведенческих наук. **Школа человеческих отношений** фокусируется на взаимоотношениях работающих менеджеров в группах: их индивидуальных нуждах, целях и ожиданиях. В развитие школы человеческих отношений большой вклад внесли многие ученые и практики, среди которых наиболее известными являются Хьюго Мюнстерберг, Мэри Фоллет и Элтон Мэйо. Хьюго Мюнстерберг предложил рассматривать классическую теорию менеджмента и с позиций человеческих отношений в организациях, а также разработал методы определения требований к работающим, менеджерам и их профессиональному отбору [5, с. 50]. Мэри Фоллет впервые обратила внимание на изучение динамики отношений людей в группах и причин конфликтных ситуаций, а также предложила распределять полномочия в группах для повышения результативности деятельности организаций [5, с. 50]. Важный вклад в развитие поведенческой теории управления внес и Дуглас Макгрегор [6], который рассматривал работающих в организациях как энергичных и творческих людей, способных достигать высоких результатов работы на основе самоуправления и своих способностей. Он предложил совокупность определенных предпосылок, обеспечивающих достижение успешных действий людей в виде новой теории Y, ныне широко известной, которая существенно отличалась от традиционной теории X, рассматриваемой Макгрегором как пессимистической, не мотивирующей и устаревшей. Он также подчеркивал важность демократизации отношений людей в коллективах и развития лидерства.

Однако наибольший вклад в формирование школы человеческих отношений внес Элтон Мэйо, основатель двух школ человеческих отношений и промышленной социологии [7]. Его работы позволили глубже понять роль человеческого фактора в деятельности организаций и, в частности, роль неформальных групп как важного фактора мотивации труда работающих. Исследования Элтона Мэйо и его последователей показали и важность межличностных отношений между людьми в группах, особенно таких

их факторов, как сплоченность и дружба, определяющих результативность работы в бо́льшей степени, чем действие экономических факторов. **Школа поведенческих наук** рассматривала, в первую очередь, природу самой работы и в какой степени она позволяет удовлетворять потребности работающих в зависимости от их возможностей и квалификации. Последователи школы поведенческих наук полагали [8, 9], что «работающий – есть более сложное понятие, чем «экономический индивидуум», как это представлялось в классической теории менеджмента, или «социальный индивидуум», как он рассматривался школой человеческих отношений. Поэтому результативность деятельности индивидуума зависит от множества мотивирующих факторов, а не только от финансовых и социальных, как это рекомендовалось в рассмотренных выше теориях менеджмента, в числе которых представители школы поведенческих наук выделяли факторы, обусловленные развитием сплоченности в группах, единством цели, организационной структурой, степенью контроля, типом и стилем менеджеров, а также используемых технологий и др.

Основной вклад поведенческой теории менеджмента в развитие управленческой мысли заключался в рассмотрении организаций **как социальных систем** с формальными и неформальными структурами власти и коммуникаций, в которых занятые и их профессиональные навыки и умения являются ключевыми элементами успешного менеджмента.

3. Информационно-математическая теория менеджмента.

Информационно-математическая теория (ИМТ) менеджмента была направлена, в первую очередь, на решение технических, а не поведенческих проблем реального производства. Принципиальной особенностью ИМТ-менеджмента является процесс принятия решений с использованием математических и статистических методов и информационных систем в качестве инструментов для снятия возникающих производственных и операционных проблем. Впервые методология ИМТ - менеджмента была применена в Великобритании

во время Второй мировой войны для разработки стратегии противодействия германским подводным лодкам, а позже стала использоваться для решения проблем конкретных организаций. Герберт Саймен [5, с. 53] предложил рассматривать менеджмент как процесс принятия решений в организациях, направленный на изучение его сути и поиска эффективных путей его достижения. Он разделял процесс принятия решений на следующие **три стадии**: 1) поиск ситуаций, требующих принятия решения (интеллектуальные решения); 2) установление, развитие и анализ возможных путей действий (проект плана); 3) выбор курса действий.

Вместо экономически рационального лица, принимающего решения (ЛПР), Г. Саймен предложил понятие «удовлетворительного» ЛПР, который может принимать удовлетворительные или «достаточно хорошие» решения, то есть, находить их, не из условия максимизации дохода, а приемлемого дохода организаций. Он предлагал рассматривать весь спектр возможных решений, включающих как программируемые или рутинные, так и непрограммируемые и недостаточно структурированные их виды.

Информационно-управленческая теория управления получила широкое распространение в сферах производственного и операционного менеджмента и информационных систем. **Производственный менеджмент** фокусируется на оптимизации технологических процессов и материальных потоков, решая проблемы календарного планирования производства, улучшения качества продукции и услуг, бюджетирования, управления запасами товаров и экономических ресурсов и др. **Операционный менеджмент** подобен производственному менеджменту, однако направлен на решение более широкого круга проблем (бюджетирования, логистики и др.) нематериального характера, с которыми сталкиваются организации преимущественно сектора услуг: банки, больницы, транспортные компании и др. **Информационные системы** по мере их развития стали рассматриваться в качестве важного средства сбора и обработки

информации, используемой менеджерами для принятия более эффективных решений на всех стадиях управленческого процесса.

Однако информационно-математическая теория менеджмента обладает и недостатком, так как не уделяет должного внимания процессу использования важной информации конкретными людьми, работающими в организациях, от действий которых зависит достижение их успеха.

4. Системная теория менеджмента. Системная теория менеджмента (СТМ) стала рассматривать организацию как единую открытую систему, взаимодействующую с окружающей средой, в которой отдельные ее элементы находятся в тесном и динамичном взаимодействии друг с другом, что принципиально отличает СТМ от рассмотренных выше теорий менеджмента, в которых основное внимание уделялось управлению только отдельными элементами организационной структуры: социальным отношениям в поведенческой теории или техническим подсистемам в информационно-управленческой теории.

Основатель СТМ Честер Бернارد [10] рассматривал организацию как совокупность отдельных частей, сотрудничающих друг с другом и координирующих свои усилия. Он первым ввел понятие «система координации», следствием которой является получение скоординированной системой больших свойств, чем просто совокупность их отдельных частей, а также подчеркивал важность готовности людей сотрудничать в координированной системе для достижения общего успеха.

Системная теория менеджмента позволила менеджерам организаций понять, что их успехи зависят, во-первых, от согласованных действий их отдельных подсистем, во-вторых, от меняющихся условий окружающей среды, а в третьих, от важности находить компромисс в реализации целей подсистем ради достижения общих целей организаций. Однако оппоненты СТМ считают, что она абстрактна и не очень практична, поскольку эта теория конкретно не

показывает, какие факторы окружающей среды важны и как они влияют на результативность деятельности организаций.

5. Вероятностная (ситуативная) теория менеджмента.

В отличие от системной вероятностная (ситуационная) теория направлена на выявление наиболее влиятельных факторов или переменных как внутри организации, так и за ее пределами, определяющих ее эффективность в различных ситуациях. Основным механизмом выявления влияющих факторов, как и оценки степени их влияния в ситуационной теории менеджмента, является **способ мышления менеджера** при анализе ситуаций и принятия управленческих решений. Наиболее важным элементом принятия решений в вероятностной теории менеджмента является определение существенных вероятностных факторов (переменных) в каждой ситуации и оценки их влияния [11]. Разные авторы предлагают разные совокупности (наборы) существенных факторов, но многие из них предлагают ограничить их число не более десяти, группируя факторы на две группы: внутренние и внешние. К **внутренним** факторам организаций предлагается включать *цели, структуры, задачи, технологии и людей*, а к **внешним** – наиболее значимые факторы внешней окружающей среды (экономические, социальные, технологические и др.).

Основное значение вероятностной (ситуационной) теории в развитии менеджмента заключается в понимании изменчивой природы организаций и окружающей среды и, соответственно, в разнообразии используемых методов управления в зависимости от специфических условий их деятельности.

6. Современные тенденции в эволюции менеджмента организаций. Рассмотренные выше теории менеджмента организаций позволили создать методологическую основу **классического менеджмента**, соответствующего относительно устойчивым условиям их деятельности в технологическом укладе индустриальной экономики, доминирующей в мире практически до 80-х годов XX-го столетия. Однако с появлением новых быстро меняющихся условий

зарождающегося технологического уклада информационной или постиндустриальной экономики³ практикующие менеджеры, в первую очередь, и эксперты стали осознавать, что методологию классического менеджмента следует совершенствовать с учетом существующей практики работы самых успешных организаций. Впервые на это обратили внимание Том Петерс и Роберт Уотерман [12], которые показали, что деятельности успешных компаний США присущи управленческие принципы, представленные в таблице 1.

Вклад Тома Петерса и его соавторов в развитие управленческой теории заключается в том, что они стимулируют менеджеров, исследователей и теоретиков осмысливать более серьезно организации, понимать цели и задачи менеджеров и работающих и находить верные механизмы улучшения их деятельности. Однако и до появления исследований Т. Петерса и Р. Уотермана многие эксперты и практикующие менеджеры анализировали факторы и предлагали принципы, определяющие успешную деятельность организаций. В частности, будет справедливо упомянуть в этой связи совокупность принципов (долгосрочный найм работников, их продвижение, коллективное принятие решений и др.), предложенных профессором Вильямом Оучи [5, с. 50], полученных им на основе анализа деятельности высокоуспешных компаний США и Японии, известных в литературе как теория Z. В. Оучи рассматривал теорию Z как совокупность наиболее предпочтительных принципов менеджмента организаций, используемых высокоуспешными компаниями США и Японии. Однако теория Z, как показало время, не способна эффективно работать во всех ситуациях, с которыми встречаются организации, но воодушевляет их менеджеров использовать различные комбинации подходов, методов и механизмов для достижения успеха организаций.

³ В настоящее время нет общепринятого понятия технологического уклада современной экономики, поэтому оба термина широко используются в научной литературе.

Таблица 1.

Управленческие принципы деятельности успешных компаний США.

Принципы	Содержание
1. Управление неопределенностью и хаосом	Неопределенность и хаос являются правилом для бизнеса, а не исключением
2. Склонность к действиям	Всегда следует действовать ради успеха
3. Ориентация на потребителя	Успешные организации должны знать потребности потребителей
4. Предпринимательство и автономность	Внутреннее предпринимательство и автономность действий есть важные факторы мотивации
5. Повышение эффективности посредством людей	Успешные организации мотивируют занятых людей эффективно выполнять работу
6. Нацеленность на прирост ценности	Успешные организации постоянно нацелены на получение ценности от каждого процесса или действия
7. Привязанность к культуре базовой отрасли	Использование культуры других отраслей может быть опасным для организации
8. Простая структура и гибкое руководство	Успешные организации имеют простые организационные структуры и гибкое руководство
9. Относительно строгий контроль	Строгий контроль сохраняется, но допускается возможность персоналу отступать от принятых норм

7. Развитие конкурентных преимуществ организации как новая стратегия результативности ее деятельности. Данная стратегия деятельности организаций обычно связывается с именем Майкла Портера, профессора Гарвардской школы бизнеса. Однако задолго до него (в конце 50-х годов прошлого века) японские менеджеры внедрили концепцию конкурентных преимуществ для проникновения собственных автомобилей на рынки США и Европы, используя в качестве конкурентных преимуществ такие их параметры, как низкие цены, более высокий пробег на литр бензина и улучшенную дилерскую

систему. Но М. Портер обосновал корпоративную стратегию в рыночных терминах, выделив четыре ее характерные конкурентные позиции: лидерство по цене; дифференциация; контроль издержек; сосредоточенная дифференциация, как способность обеспечивать уникальную или превосходную ценность для потребителя посредством повышения качества специфического продукта, улучшения его свойств или сервисных услуг при использовании продукта [13].

В зависимости от широты интересов в отрасли, организация должна выбирать ассортимент параметров продуктов, которые она намерена производить, пути их распределения, географические зоны обслуживания и совокупность отраслей, в которых организация будет конкурировать. **При широких интересах** организации основными ее конкурентными позициями являются лидерство по цене, как способность держать издержки и цены на продукты более низкими, чем у конкурентов, и дифференциация, как стремление добиться конкурентной позиции посредством производства уникальных продуктов. Наоборот, **при узких интересах** организации ее конкурентными позициями являются контроль издержек на производство продуктов и сосредоточенная дифференциация (рис.2).

Диапазон интересов в отрасли	Широкое	Лидерство цены	Дифференциация
	Узкое	Контроль издержек производства	Сосредоточенная дифференциация
		Низкие цены	Дифференциация
		Конкурентные преимущества	

Рис. 2 Характерные конкурентные стратегии организации в зависимости от диапазона ее интересов в отрасли или конкурентных преимуществ.

Уникальность теории М. Портера заключается в понимании того, что успех экономической деятельности организации определяется ее доминированием в конкретной отрасли или сфере и не зависит от ее индивидуальных характеристик и макроэкономических факторов.

М. Портер также рекомендовал переносить фокус анализа деятельности организации на отрасль, в которой она конкурирует и обеспечивает долгосрочные преимущества на конкурентном рынке, используя ту или иную конкурентную стратегию. Однако позже М. Портер скорректировал свою точку зрения, отметив в своей новой книге, что наиболее успешные организации должны не только выбирать успешные конкурентные стратегии, но и осуществлять набор «внутренне согласованных, взаимосвязанных и взаимно усиливающих друг друга» видов деятельности, тем самым создавая «цепочку ценности» (value chain). Согласно «цепочки создания ценностей» все виды деятельности организации делятся на основные (внутренняя логистика, производственные операции, внешняя логистика, маркетинг, продажи и др.) и вспомогательные (внешние закупки, развитие технологий, административная инфраструктура и др.). «Цепочка создания ценности» позволяет проводить анализ экономики организации по стратегически важным видам деятельности с целью изучения уровней издержек в каждом из них и наличия потенциальных источников конкурентной дифференциации [14].

Таблица 2.

Характерные параметры успешной деятельности организаций технологических укладов индустриальной и информационной экономики

№ п/п	Параметры	Особенности параметров	
		Индустриального уклада	Информационного уклада
1	2	3	4
1.	География деятельности	Ограниченная (локальная, региональная)	Глобальная
2.	Основной вид активов	Физические активы	Интеллектуальные активы
3.	Организационная структура	Самодостаточность	Взаимозависимость
4.	Стратегия управления	Сверху вниз	Снизу вверх
5.	Бизнес-операции	Вертикальная интеграция	Виртуальная интеграция

6.	Товары и услуги	Массовое производство	Индивидуализация
7.	Качество	Наилучшее доступное	Бескомпромиссное
8.	Потребительская ценность товаров и услуг	Ограниченная	Высокая
9.	Возможности и угрозы	Преимущественно внутренние	Внешние
10.	Характер возможностей и угроз	Определенный	Неопределенный
11.	Неопределенность	Источник рисков	Источник новых возможностей
12.	Структура управления	Пирамида	Сетевая
13.	Механизм достижения конкурентоспособности	Стабильность	Инновационные изменения
14.	Характер изменений	Поступательные	Революционные
15.	Персонал	Служащие	Свободные агенты
16.	Мотивация персонала	Конкурировать	Созидать на основе сотрудничества
17.	Управление персоналом	Основано на строгом подчинении	Основано на инициативе
18.	Стиль управления	Структурированный	Гибкий
19.	Ожидания от работы	Стабильная зарплата и безопасность	Личный рост и самореализация
20.	Контроль и отчетность	Периодически	В режиме реального времени
21.	Итоговый результат (источник дохода)	Прибыль	Добавленная стоимость

Однако, несмотря на данное уточнение за рамками экономической логики М. Портера остались многие другие механизмы создания устойчивых конкурентных преимуществ организаций (организационные, стратегические и др.), исследование которых было продолжено другими экспертами, результатом которого стала обобщенная совокупность их параметров, определяющих успешность деятельности организаций в интенсивно формирующемся укладе информационной экономики (табл. 2). Из табл. 2 видно, что они существенно отличаются от параметров технологического уклада

уходящей индустриальной экономики, что требует вовлечения в процесс управления ими не только успешных традиционных менеджеров, но и новых их типов – **лидеров**, способных эффективно управлять организациями в неопределенном постоянно меняющемся мире. Однако методология формирования лидеров является предметом специального исследования **нового** направления эволюции управленческой теории – лидерства (leadership), которое в настоящее время в мире находится в стадии интенсивного развития [15, 16].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Taylor, Frederick**. The Principles of Scientific Management. Harper and Brothers. New York, 1911.
2. **Fayol, Henry**. General and Industrial Management (trans. Constance Stores). London; Isaac Pitman and Sons. 1949.
3. **Mintzberg, Henry**. Managerial Work: Analysis from Observation // Management Science, 18 (October 1911): B97-B110.
4. **Weber, Max**. The Theory of Social and Economic Organization. New York: Oxford University Press. 1947.
5. **Ivancevich, John, Lorenzi, Peter, Skinner, Steven**, etc. Management , Quality and Competitives. Richard D. Irwin, Inc. 1994
6. **McGregor, Douglas**. The Human Side of Enterprise. New York, Mc Graw-Hill. 1960.
7. **Mayo, Elton**. The Human Problems of an Industrial Civilization. Mass.: Harvard University Press.1933.
8. **Roethlisberger F. and Dickson W.** Management and the Worker. Cambridge. Mass.: Harvard University Press.1939.
9. **Jones St.** Worker Interdependence and Output: The Hawthorne Studies Reevaluated// American Sociological Review. April 1990. pp. 176-190.
10. **Barnard, Chester**. The Functions of the Executive. Cambridge Mass: Harvard University Press. 1938.
11. **Luthans, Fred**. The Contingency Theory of Management: A path out the Jungle// Business Horizons. June 1973, pp.63-72.
12. **Peters, Thomas and Waterman, Robert**. In Search of Excellence. New York: Harper and Row. 1982
13. **Porter, Michael**. Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. New York. Free Press. 1985.
14. **Катькало В.С.** Эволюция стратегического управления: моногр. / В.С. Катькало.– Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. – С. 546
15. **Окорочков В.Р.** Лидерство. Наука и искусство управления людьми: уч. пос. / В.Р. Окорочков, Р.В. Окорочков. – СПб.: Изд-во Политехн.ун-та. 2013.
16. **Barling, Julian**. The Science of Leadership. Lessons from Research for Organizational Leaders. Oxford University Press. 2014.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ США

Наступлению нового периода в истории американской этнографии, характеризовавшемся поворотом к историзму, в некоторой степени, содействовали историко-философские взгляды Уайта. Начиная с 1930-х годов, он выступал в защиту эволюционизма в этнографии вообще и учении Моргана в частности. В своих лекциях известный американский этнограф Лесли Уайт излагал широкую панораму истории человечества, критиковал попытки биологического и психологического объяснения человеческой деятельности. Эволюционизм он понимал как науку об общем процессе, которая плодотворно развивалась во всех областях знания. В своих трудах Уайтом разрабатывались две линии теоретических исследований: он излагал свои взгляды на науку о культуре, называя её «культурологией»; вторая линия исследований учёного охватывала его концепции об общих закономерностях прогрессивного развития человечества. Культурология Уайта представляет собой попытку вернуть этнографическую науку США на путь анализа общих проблем, выявления общих закономерностей развития человечества. Его культурология была, прежде всего, реакцией против психобиологических объяснений культуры, весьма популярных в этнографии США 1940- годов.

Видный философ-экзистенциалист и этнограф-теоретик Р. Морфи писал в 1971 году, «в США после второй мировой войны произошло великое возрождение эволюционизма» [1]. Оно было вызвано сложившейся расстановкой сил на мировой арене. Итак, после окончания второй мировой войны в теоретической ориентации этнографов произошли серьёзные изменения, приведшие к возрождению эволюционизма в американской этнографии. Лесли

Уайт сыграл, несомненно, роль «крестного отца» в появлении современного неволюционизма.

Современная эпоха бурных социальных изменений во всех сферах жизни народов мира с особенной остротой выдвинула перед общественными науками задачу изучения современного исторического опыта различных стран и народов, формулирования некоторых закономерностей развития различных общественных систем и возможность прогнозировать их будущее.

На современном этапе большое значение имеют этнографические и социологические исследования современных процессов в области национальных отношений внутри различных общественных систем. Работы этнографов Америки и Европы свидетельствуют о том, что основным предметом исследований они считают народы развивающихся стран. В отличие от изучения обществ в состоянии статики, главное внимание учёных сегодня привлекают социальные процессы, происходящие в жизни данных народов. Не случайны, поэтому заявления ряда этнографов США, что наибольший вклад в современные отношения они могут сделать своим изучением народов развивающихся стран. Учёные считают, что от них ждут объяснений социальных корней социально-освободительных движений народов [2].

Как же подходят этнографы США к изучению народов, развивающихся в условиях взрывной ситуации. Они считают, что теперь, как пишет Р. Коэн «быстрые изменения в неевропейских районах мира и отчётливо эволюционные цели новых наций вынуждают всех обществоведов думать более динамичными понятиями» [3]. На передний план выдвигаются культурные изменения и проблемы, связанные с ними. Появились как теоретические работы, пытавшиеся разработать теорию культурных изменений и методику их изучения, так и конкретные исследования культурных изменений, изучавшихся в развивающихся странах под названием процессов аккультурации, вестернизации, урбанизации, модернизации. Например, американских учёных интересуют проблемы связи между

технологией и производительностью труда в развивающихся странах, взаимосвязь между экономическими и социальными изменениями, урбанизация и влияние на данные страны «модернизации».

Изучение этих проблем в США получило название исследование аккультурации, в Англии – исследование культурных контактов. Перед этнографами стран Запада был поставлен заказ, требовавший не только фиксации изменений, но и анализа их причинности и направленности, прогнозирования их дальнейшего хода и, главное – выяснение возможности управления ими. О практическом назначении работ по «социальным изменениям» в развивающихся странах писали не раз сами этнографы. По словам американской учёной В. Рубин, «возникновение с беспрецедентной в истории быстротой наций, небывалые темпы изменений в развивающихся районах мира выдвигают как теоретические проблемы в этнографии, так и вопросы политики в прикладной социальной науке» [4].

На основе полученных данных этнографы пытаются формулировать свои рекомендации в осуществлении и «планировании» практической политики правящих кругов своих стран в развивающихся странах.[5, р. 54]. Именно практические советы по вопросам политики в развивающихся странах выдвинули необходимость «теории динамики культурных изменений». Основным предметом изменений становятся сельские общины, что вполне естественно в аграрных по типу странах. Главное внимание уделялось вопросам влияния процессов урбанизации на общины. В результате поисков теории «изменения», «культурной динамики» понятие «изменение» было заменено термином «развитие». Появились по слова В. Рубин, «антропология развития», которая изучает динамику культурных изменений в развивающихся странах [6].

Современная школа неозолуционизма сложилась в значительной мере под воздействием Л. Уайта. Не случайно одних из видных представителей этой школы Э. Вульф писал: «Теоретические взгляды Уайта, его постулат, что культурные события имеют

детерминирующую причинность, его положение, что нужно искать материальные причины, материальное их объяснение, согласуются с главным течением в антропологии» [7, с. 136].

Современная эпоха, по Уайту, это эпоха суверенных наций, различающихся лишь по форме государственности. В мире господствует, утверждал он, идеология национализма. Интернационализм отсутствует. Ни одна нация не поступится своим суверенитетом, каждая нация несёт в себе зерна разрушения. Лесли Уайт смотрел на будущее человечества весьма пессимистично, полагая, что технология погубит жизнь на земле.

Обращение этнографов США к категориям «развитие», «эволюция» поставило их перед необходимостью решения проблем философии истории: единства мировой истории, закономерности и прогрессивности общественного развития. Сторонники неволюционизма поддерживали идею непрерывности биологической и социальной эволюции, трактовки культурной эволюции как непосредственного продолжения эволюции биологической. Идея непрерывности биологической и социальной эволюции обосновывалась в работах видных представителей исторической школы. В ряде работ сторонников непрерывности биологической и социальной эволюции по существу возрождается идеи, пытающиеся обосновать извечность и неизбежность войн [8, р. 98], инстинкту агрессивности якобы присущим природе человека, работы, в которых отношения частной собственности выводятся из унаследованного от животных врождённого инстинкта «территориальности» [9] и т. д. Истоки неравенства людей выводятся из якобы присущего животным инстинкта доминирования.

Как отмечалось выше, Лесли Уайт и такие представители исторической школы, как Ф. Боас, А. Кробер, были противниками попыток биологизации социальной жизни людей. Они показывали несостоятельность социального дарвинизма.

Однако с начала 60-х годов начинают появляться работы, в которых подчёркивается специфика культурной эволюции, её отличие

от эволюции биологической. Один из видных теоретиков в этнографии США И. Вот выступил со статьей [10, с. 79], в которой подчёркивал специфику социальной эволюции. Он обосновывал необходимость перехода от статичного понимания культуры как системы, стремящейся к равновесию, к её изучению как системы, находящейся в состоянии постоянных изменений. Научная необоснованность социального дарвинизма убедительно вскрыта в работе ученика Л. Уайта Марвина Оплера [11]. К проблеме развития Оплер подходил с материалистических позиций и видел основу изменений в материальном базисе и в характере социальной структуры общества. Он признавал, что поведение и психология – результат материального базиса, В то же время, нельзя отрицать значение психологии как средства интерпретации значения культуры[12, р. 78–80].

На некоторой непоследовательности в трактовке эволюции основан и многолинейный эволюционизм Дж. Стюарда, считающегося основным теоретиком неозволюционизма. Джулиан Стюард (1902–1972) был студентом А. Кробера. На каком-то этапе своей научной деятельности Стюард попал под влияние эволюционных идей Л. Уайта, хотя к его концепциям в целом относился критически. В статье «Причинные факторы и процессы эволюции доземледельческих обществ» [13, р. 81–83] Стюард отходит от идеи извечности малой семьи, как экономической единицы. Стюард высказывается против идеи об уникальности отдельных культур и игнорирования закономерностей, общих для этих культур. Стюард упрекал Кробера в сосредоточении к базовым аспектам культуры, в отсутствии интереса к методологии, которая обнаружила бы примеры причинности.

В истории теоретической мысли США имя Стюарда связывают с концепцией многолинейной эволюции. Джулиан Стюард считается основателем энвайроменталистско-эволюционного направления в этнографии. Концепция многолинейной эволюции с её теорией техно-средового детерминизма оказывает влияние на этнографов и археологов США. Под влиянием этой теории в американской

этнографии сложилась так называемая экологическая антропология. В работах экологических антропологов среда обычно определяется как объективно данная, и взаимоотношения между обществом и средой анализируются как процесс приспособления общества к среде. В ряде работ поднимается актуальная проблема экономической рациональности в отношениях между обществом и естественной средой, но общество трактуется как зависимая от условий среды переменная, и исследователи сосредотачивают внимание на попытках выявить причинное влияние наличия или отсутствия полезных для людей естественных ресурсов на характеристики общественной жизни данной популяции. В работах, ставящих эту проблему, можно встретить, например, попытки объяснения войн, наличие или отсутствие социального неравенства, эксплуатации, классов, тех или иных обрядов и представлений исключительно спецификой естественных ресурсов данной среды [14].

На основе полученных данных этнографы пытаются сформулировать свои рекомендации в «планировании» практической политики Государственного департамента США в развивающихся странах. В ряде работ поднимаются актуальная проблема экономической рациональности в отношениях между обществом и естественной средой. Современная эпоха научно-технических революций, бурных социальных трансформаций во всех сферах жизни народов мира с особенной остротой выдвинула перед общественными науками задачу изучения современного исторического опыта различных стран и народов, формулирование закономерностей развития различных общественных систем и прогнозирование их будущего.

За последние годы в подходах к изучению проблем, рассматриваемых в социологических и этнографических исследованиях, наметилось некоторое разделение труда. Первые изучают комплекс социальных проблем, преимущественно в рамках промышленно-развитых стран. Этнографы же считают основным предметом своих исследований народы развивающихся стран. Главное внимание

уделяется социальным процессам, происходящим в жизни данных народов, так как социальные трансформации привлекают внимание всей общественности. Этнографическая наука с большим размахом занимается изучением общественной жизни. Не случайны, поэтому заявления ряда этнографов США и Европы, что наибольший вклад в современные международные отношения они могут сделать именно своим изучением народов этих стран. Учёные признают, что от них ждут раскрытие источников современных социальных движений [15].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Murphy R.** Dialectics of social life. New York, 1971, P. 31
2. **Little K.** American anthropological association memoir, 1963, № 94, P. 366.
3. **Cohen R.** The strategy of social evolution. – Anthropologica, 1972, vol. IV, № 2, P. 322.
4. **Rubin V.** Anthropology of development. – In: Biennial review of anthropology. Stanford, 1961, P. 120
5. **Mead M.** Applied anthropology. – In: Some uses of anthropology, theoretical and applied. New York, 1978; Cultural patterns and technical change / Ed. by M. Mead. New York, 1978; The United States and Africa / Ed. By W. Goldschmidt. New York, 1978. P. 53–69.
6. **Rubin V.** Op. cit., P. 158
7. **Bidney D.** The concept of human nature in modern evolutionary anthropology. – В кн.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М. : Наука, 1967, т. 4. 59 с.
8. **Kroeber A.L.** A Evolution, history and culture. – In. Evolution after Darwin. Chicago, 1960, vol. 2. P. 127.
9. **Kroeber A.L.** The nature of culture. P. 375
10. **Bidney D.** The concept of human nature in modern evolutionary anthropology. – В кн.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, М.: Наука, 1967, т. 4. С. 79–113.
11. **Opler M., Popper K.R.** The open society and its enemies. Lindon, 1972, vol. II, P. 264.
12. **Opler M.K.** Cultural evolution and psychology of peoples. – In: Essays in the science of culture. New York, 1960. 120 p.
13. **Steward J.H.** The economic and social basis of primitive bands. – In: essays in anthropology, presented to A.L. Kroeber, Berkley, 1966. 86 p.
14. **Sreward J.H.** Theory of culture change, P. 13.
15. **Collingwood R.G.** The idea of history. London, 2000, P. 166.

ЭФФЕКТИВНОЕ И ИСТОРИЧЕСКИ НЕОБХОДИМОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МЕНЕДЖМЕНТА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ – ЭКОДЕВЕЛОПМЕНТ

Российским Правительством принята программа по ликвидации ветхого и аварийного жилья. Фонд реформ ЖКХ предусматривает ежегодное финансирование из федерального бюджета в объеме 250 млрд. руб. и 120 млрд. руб. из региональных бюджетов. Из них 100 млрд. руб. предназначено для переселения граждан из аварийного жилья и 150 млрд. руб. – на реконструкцию и ремонт жилого фонда.

Рациональное использование выделенных средств позволит в короткие сроки решить комплекс проблем ЖКХ.

Актуальной задачей и важным направлением решения жилищной проблемы является реконструкция жилых зданий. Она позволяет не только продлить жизненный цикл, но и существенно улучшить качество жилища, ликвидировать коммунальные квартиры, оснастить жилые дома современным инженерным оборудованием, уйти от типовой застройки зданий, повысить их энергоэффективность, эксплуатационную надежность и долговечность [1].

С каждым годом возрастает потребность в реконструкции и восстановлении жилищного фонда страны, поскольку к моральному износу зданий добавляется физический износ конструктивных элементов и инженерных систем, что ускоряет общий процесс старения.

Минимально необходимые объемы реконструкции жилых зданий в РФ составляют более 700 млн. кв. м. общей площади. Из них около 6 % жилых зданий – дореволюционной постройки, 27 % – построенных в довоенные и послевоенные годы, более 250 млн. жилых зданий – первого поколения индустриального домостроения.

Реконструкция связана с восстановлением эксплуатационных показателей и усилением несущих элементов зданий. Эти работы требуют индивидуальных подходов, отличных от конструктивных решений при новом строительстве.

Как правило, реконструкция жилых зданий центральной части российских городов проводится в условиях повышенной стесненности, что не позволяет использовать оптимальные комплексы строительных машин и механизмов. Это обстоятельство требует разработки новых методов производства работ, организационно-технологических решений, привлечения специальной техники и технологии. Острота этой проблемы повышается при производстве реконструктивных работ без отселения жильцов в аварийный фонд.

На сегодняшний день одной из главных задач реконструкции жилого фонда является увеличение плотности застройки. Реконструкция жилого фонда путем увеличения его этажности позволяет в некоторой степени решить эту проблему. Наиболее рациональным и экономически эффективным является повышение плотности застройки путем малоэтажной надстройки и обстройки зданий, устройства многоэтажных вставок между реконструируемыми домами и возведения отдельно стоящих жилых корпусов, создания объектов инфраструктуры, более продуктивного использования подземного пространства.

Комплексное решение реконструкции квартальной застройки позволяет создать комфортные условия проживания, отвечающие современным требованиям городской среды.

Существенным фактором повышения эффективности реконструкции и снижения социальной напряженности является использование индустриальных технологий, обеспечивающих снижение общей продолжительности и стоимости работ.

Проблема реконструкции жилых зданий рассматривается с позиции принципа интегральности, предполагающего комплексное рассмотрение внешних и внутренних факторов, воздействующих на здание в процессе его эксплуатации, и системного подхода,

означающего принятие решений по выбору наиболее рациональных методов и технологий реконструкции жилых зданий. При этом здание рассматривается как сложная система, состоящая из конструкций, инженерного оборудования, элементов благоустройства и др., находящаяся под воздействием временных факторов внешней среды и внутренних воздействий от эксплуатации.

Адаптация разработок организационно-технологической надежности строительства, технологичности конструктивных и организационных решений позволила использовать ряд прогрессивных технологий, обеспечивающих комплексную реконструкцию квартальной застройки.

Установлено, что принципы оптимизации организационно-технологических решений могут быть адаптированы к условиям реконструктивных работ, осуществляемых, как правило, на стесненных площадках городской застройки. Эффективна реконструкция по принципу малоэтажной надстройки зданий. Это обстоятельство связано с минимизацией затрат на усиление конструкций и максимальным сохранением существующих инженерных сетей. Такое решение наиболее рационально при выполнении реконструкции жилого фонда малых и средних городов.

Особо актуальны сегодня методы реконструкции повышающие эксплуатационные характеристики зданий и обеспечивающие снижение теплопотерь, расхода энергоносителей, вибро- и акустических воздействий на жилые помещения, а также обеспечивающие условия комфортного проживания.

Актуальность этого процесса связана с ежегодно увеличивающимся ветхим и аварийным жилым фондом с износом, превышающим 50 %. На 1995 г. он составлял более 37 млн. м², в 2001 г. – около 50 млн. м², в 2007 – более 80 млн. м².

Около 2 % населения России проживает в жилых зданиях, подлежащих незамедлительному принятию решений по их восстановлению или сносу [2].

Распределение такого фонда по округам составляет: Северо-Западный – 1,8 %, Центральный – 1,2 %, Приволжский – 1,7 %, Южный – 1,3 %, Уральский – 2,1 %, Сибирский – 2,7 %, Дальневосточный – 3,8 %.

Опыт развитых стран Европы показывает, что вопросам реконструкции зданий отводится первостепенное значение. Из общего объема финансирования доля на новое строительство составляет 20–30 %, тогда как оставшаяся часть идет на планомерную реконструкцию. При этом имеется в виду не только повышение капитальности зданий и восстановление их надежности, но и снижение фактора морального износа. По данным ЮНЕСКО, моральное устаревание жилых зданий происходит каждые 8 лет. Это обстоятельство диктует необходимость проведения реконструктивных работ именно с позиций морального износа и снижения уровня комфорта проживания.

Доля затрат на реконструктивные работы достаточно высока. Эти данные подтверждаются многолетним опытом Скандинавских стран (Швеция – 40 %, Финляндия – 51 %), Центральной Европы (Франция – до 60 %, Германия – 30-40 %, Великобритания – до 60 %). Центр тяжести затрат, как правило, переносится на жилищные объекты как наиболее массовые и в меньшей степени на здания общественного и административного назначения [3].

Неудовлетворительное состояние жилого фонда требует активного использования моделей с приоритетом на модернизацию и реконструкцию.

Правительством РФ была поставлена задача к 2020 году понизить энергоемкость ВВП России на 40%, одним из методов решения этой задачи может служить энергоэффективное строительство.

Строительство энергоэффективных зданий только на территории Санкт-Петербурга позволит в период с 2012 по 2020 годы сэкономить порядка 11,5 миллиардов рублей, а на сегодняшний день в среднем на электроснабжение многоэтажного дома в Санкт-

Петербурге уходит 44,5% энергозатрат здания. На теплоснабжение приходится 20,8%. На отопление здания уходит 34,7% энергии [4].

Второй важной задачей в реконструкции жилых зданий и экодевелопменте является создание экологически безопасной стройплощадки. Строительные отходы не должны наносить вред окружающей среде.

Каждое здание должно быть обеспечено энергетическим паспортом, который заполняется после обязательного энергетического обследования постройки. Данные в паспорт будут заноситься на протяжении всего процесса строительства.

В настоящее время многие европейские строительные компании уже перешли на систему сертификации зданий по энергоэффективности.

Пионерами этой практики являются шведская компания NCC и израильская MirLand Development. Отечественные компании в целях оптимизации себестоимости и повышения привлекательности своих домов применяют современные технологии реконструкции и строительства, которые позволяют покупателям экономить на эксплуатационных затратах. Это энергоэффективная бесшовная технология устройства фасадов, что существенно снижает естественные теплопотери жилого дома – до 30% по сравнению с традиционными зданиями из сборного железобетона [5].

Особо важную роль играет освещение. Светодиодное освещение потребляет меньше энергии и является самым энергоэффективным решением на сегодняшний день. Безусловно во все дополнительные затраты на возведение, реконструкцию и привлекательности дома будет инвестировать покупатель, но необходимо стремиться к тому, чтобы и застройщику было выгодно применение всех экологических и энергоэффективных норм [6].

Рассмотрим примеры решения таких проблем в исторических центрах развитых стран. Зарубежный опыт восстановления, модернизации и реконструкции зданий основан на использовании

нескольких моделей жилищного хозяйства, например, социально ориентированные (Швеция, Финляндия, Дания, США и др.).

Шведы придумали «пушистый небоскреб» и все ради экономии.

Лондонское архитектурное бюро Velatchew Architects в своем дебютном проекте предложило накрыть 26-этажную Южную башню, которая располагается в центре Стокгольма с 1997 года, шерстяным покрывалом. Это сделает постройку по-настоящему «зеленой», здание начнет эффективно вырабатывать электрическую энергию за счет ветра, это городской аналог ветряков. Колышавшийся покров создает иллюзию: здание в буквальном смысле оживает, словно это огромный организм, который дышит. Для этого не нужен сильный ветер – достаточно легкого бриза, чтобы «покрывало» начинало колыхаться и вырабатывать энергию [7].

В Дании город Копенгаген получил первый на планете район, адаптированный под погоду. Климат меняется, город должен меняться вместе с ним. С таким посылом датское архитектурное бюро Tredje Natur подготовило первый в мире проект, который предлагает строить новые кварталы, учитывая влияние глобального потепления. В частности, метеорологи заметили, что на протяжении последних лет в Дании наблюдается меньше дождей, но они в большинстве стали заметно сильнее и прочнее. В зависимости от погодных условий конкретного региона или даже района можно создать в избранном квартале собственный микроклимат.

Понять, как все это работает, легче на примере. Возьмем велосипедные дорожки или пешеходные мостовые. Их можно использовать как эффективные водоотводы на случай обильных осадков. Вместо того чтобы ждать, когда лужи после дождя высохнут, можно собирать воду и использовать ее позже для каких-то целей – к примеру, в периоды засухи автоматически поливать растения. Крыши, которые пока не выполняют никаких функций, легко превратить в зеленые плантации.

Но это лишь исключительно функциональная составляющая. Соединить заботу об экологии с удобством проживания в историческом центре Копенгагена можно за счет технических решений и грамотной планировки, тогда нетрудно оптимизировать пространство и высвободить до 20% территории под городскую инфраструктуру: кафе, магазины, клубы, детские учреждения и прочее. На сегодня это одна из основополагающих проблем, с которой сталкивается современное общество [8].

Городская концепцию реконструкции и строительства должна развиваться так, чтобы она соответствовала представлениям жителей о комфорте, здоровье и экологичности. Секрет успеха такого проекта заключается в дизайне, который бы максимально учитывал природную составляющую в архитектуре, но одновременно с этим необходимо реализовать в таком проекте понятие индивидуального пространства для жителей и определить им достойное место в городе [9].

Проект строительства первого в мире подземного парка в заброшенном депо метро в Нью-Йорке собрал 75 тысяч долларов за 75 дней. Плюс 150 тысяч выделил богатый аноним. Авторы идеи уже приступили к реализации полномасштабной модели в одном из безымянных ангаров на территории города.

На строительной выставке в Гамбурге представлен многоквартирный дом, который отапливается и охлаждается с помощью зеленых водорослей, разработаны проекты семейных домов на колесах, сделанных из дерева и переработанных материалов, оснащенных современной кухней, ванной и минимальной спальней с удобной убирающейся кроватью. Электричество поступает в такой дом при помощи солнечной энергии и оснащен дом линейкой из солнечных батарей. Обладатели этих передвижных домов получают уникальную возможность путешествовать, не выходя из собственного дома.

В Англии построили дом со скользящей крышей. В городе Саффолке появился дом, который легко меняет конфигурацию и умеет подстраиваться под время года. Дом имеет двойные стены – стеклянные и деревянные. Верхняя оболочка установлена на рельсы,

и за считанные минуты можно либо спрятаться от непогоды, либо сдвинуть крышу и наслаждаться хорошей погодой.

Экодевелопмент или зеленое строительство является новым передовым направлением в РФ, которое руководствуется принципами экологической безопасности и ресурсосбережения в процессе возведения и эксплуатации зданий и придомовых территорий.

В ходе экологически эффективного строительства используются новейшие материалы, устройства и методы, позволяющие экономно расходовать электроэнергию, газ, тепло. Использование передовых технологических разработок является неоспоримым достоинством объектов зеленого строительства, но вызывает удорожание стоимости квадратного метра экологического жилья в среднем на 6% [10].

Но РФ в настоящий момент есть еще и другая проблема: коммунальные квартиры и очевидная недообеспеченность населения личным жильем. Тем не менее, в России используются продвинутые технологии – как при создании новых стройматериалов, так и в процессе проектирования, возведения и реконструкции объектов. Как правило, это касается жилья комфорт, бизнес и элиткласса.

Для условий РФ реконструкция и восстановление жилищного фонда являются одними из приоритетных направлений в области жилищно-коммунального хозяйства страны. При реконструкции происходит прирост фонда за счет надстройки зданий, увеличения в плане. «Омолождение» фонда достигается за счет сноса ветхих домов и строительства на их месте новых зданий.

В связи с принятием Жилищного кодекса РФ законодательно установлена компетенция органов государственной власти, субъектов Российской Федерации и местного самоуправления в области жилищных отношений. В качестве территориального нормативного правового, регламентирующего отношения по защите прав физических и юридических лиц в сфере реконструкции и ремонта жилищного фонда является положение статьи 14 ЖК о согласовании переустройства и перепланировки жилых помещений, признании жилого фонда непригодным для проживания и др. положения.

Предусматривается государственный учет жилого фонда с технической инвентаризацией и технической паспортизацией.

Управление жилым фондом многоквартирных домов осуществляется некоммерческими организациями ТСЖ («Товарищества собственников жилья»). Они имеют право заключать договоры о содержании и ремонте общего имущества, определять смету доходов-расходов, затраты на капитальный ремонт и реконструкцию многоквартирного дома, получать заемные средства и др.

Наиболее важным, с точки зрения реконструкции зданий, является то, что это решение принимается общим собранием, большинством не менее 2/3 голосов собственников жилья. Кроме того, дается право получать в пользование или приобретать в общую долевую собственность земельные участки для осуществления жилищного строительства. Это положение законодательно разрешает не только надстройку зданий, уширение корпусов, но и возведение жилых домов в виде «вставок», торцевых пристроек и т. п.

Для жильцов домов, находящихся в муниципальном жилищном фонде, решение о проведении реконструкции или капитального ремонта принимается муниципалитетом. При этом поименное согласие жителей не требуется.

В условиях реформы жилищно-коммунального хозяйства актуальность проведения комплексной реконструкции жилого фонда исключительно высока, т. к. способствует многократному снижению эксплуатационных расходов на тепло, электроэнергию, воду, техническое обслуживание и др.

Опыт реконструкции пилотных объектов РФ показал реальную возможность обновления жилья без значительных материальных и финансовых затрат. При этом достигнута экономия тепла на 30–35 %, воды до 2–3 раз [11].

Комплексное решение проблемы реконструкции микрорайонов и кварталов застройки позволяет учесть современные требования по формированию социальной сферы, необходимой для нормальной

жизнедеятельности граждан (зоны отдыха и творческой работы, игровые площадки, стоянки, гаражи и т. п.).

Особое место при реконструкции должно отводиться выполнению экологических требований, предъявляемых к строительным материалам и методам выполнения работ. Технология реконструктивных работ должна предусматривать утилизацию и вторичное использование элементов разборки, методы ведения работ, исключаящие пыление, разброс материалов, повышенный шум и вибрацию.

Качество и безопасность жилья волнуют покупателей все больше, и современные застройщики стремятся соответствовать этим требованиям – активно используют новые технологии для создания комфортной среды проживания. Обычно инновационные решения закладываются еще на этапе проектирования объекта, однако и сам процесс строительства объекта нужно жестко контролировать.

Современные застройщики проектируют жилые комплексы по принципу разноэтажности, чтобы обеспечивать попадание максимального количества солнечного света в квартиры и во дворы. В инженерном оснащении дома целесообразно использовать систему контроля и предотвращения утечек воды и многоступенчатые фильтры ее очистки, энергоэффективные конструктивные решения фасадов и кровли, экономичные бесшумные лифты, систему освещения общественных зон, основанную на принципах энергосбережения, современное сантехническое оборудование, оснащенное контролем подачи воды.

Перечисленные меры позволяют не только повысить качественные характеристики жилья, но и достичь экономии энерго- и теплотребления до 15–20%, а водопотребления – до 40%.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Комплексная Программа научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий на перспективу до 2020 г., 2010.
2. **Азгальдов Г.Г., Костин А.В., Садовов В.В.** Квалиметрия для всех: учеб. пособие. – М.: ИнформЗнание, 2012. – 165 с.

3. Управление городским хозяйством и модернизация жилищно-коммунальной инфраструктуры. Под общ. ред. проф. Грабового П.Г. Учебник. – М.: Просветитель, 2013 г.
4. **Владимиров В.В.** и др. Инженерная подготовка и благоустройство городских территорий. – М., Арх-с, 2006 г.
5. **Римшин В.И.** и др. Техническая эксплуатация жилых зданий. – М.: ТИД Студент, 2012 г.
6. Дополнение № 1 к МГСН 3.01-96. Реконструкция и модернизация пятиэтажных жилых домов первого периода индустриального домостроения), М.: ГУЛ «НИАЦ», 1996.
7. **Григорьев В.А., Огородников И.А.** Проблемы экологизации городов в мире, России, Сибири. // Экология. Серия аналитических обзоров мировой литературы. 2001. № 63. С. 1-152.
8. **Тиманцева Н.Л.** Применение компьютерного моделирования при проектировании архитектурных объектов в экстремальных условиях / Н.Л. Тиманцева // Тезисы докладов научной конференции МАРХИ. 2005.
9. **Широков Д.В.** Роль строительной индустрии в реализации стратегии устойчивого развития населенных пунктов. // Экономика XXI века. – 2009. – № 12.
10. **Янев Г.А.** Комплексное использование и переработка отходов строительства и сноса в Московском регионе// Экономика природопользования. – 2005. – № 6.
11. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2030 г. – С. 10, 11. Приложения 2,4.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ «ТЕОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ»

Введение.

Теория организации – наука, изучающая принципы, законы и закономерности возникновения организации как объекта, ее эволюции, механизмы функционирования, взаимодействия ее частей и элементов между собой, а также с внешней средой для достижения намеченных и проектирования новых целей.

Говоря о ее развитии можно выделить четыре этапа:

1 этап. 1900–1930 гг. – период «закрытых систем и рационального индивида». Главные представители данного направления в теории организации: Макс Вебер, Анри Файоль, Фредерик Тейлор. Разработанный ими подход ориентирован на организационные и технические усовершенствования в организации путем повышения эффективности внутренних функций.

2 этап. 1930–1960 гг. – период «закрытых систем и социального индивида». Группа основных теоретиков этого периода Энтони Мэйо, Дуглас МакГрегор, Честер Бернард. Они разработали вопросы управления закрытыми системами, опираясь на внутренние человеческие отношения и неэкономическую мотивацию работников.

3 этап. 1960–1975 гг. – период «открытых систем и рационального индивида». Основной вклад внесли Альфред Чандлер, Пол Лоуренс, Джей Лорш, сделавшие шаг вперед, рассмотрев организацию как часть системы более высокого уровня, и шаг назад, возвратившись к механистическим представлениям о человеке.

4 этап. С 1975 – по настоящее время – «период открытых систем и социального индивида»: происходит возвращение к социальному мышлению, но в рамках открытых систем [4, 5, 6].

Основополагающие концепции функционирования «Теории организации»

Опыт работы наиболее успешных руководителей крупных компаний, теоретиков менеджмента сконцентрирован в типовых наборах принципов:

функционирования организации,
построения системы управления,
взаимоотношений в организации.

Использование этих наборов позволяет повысить эффективность производства, сократить время принятия решений и расходов на управляющую систему.

Так **Фредерик Тейлор** в своей фундаментальной работе «Принципы научного управления» (1911 г.) одним из первых определил совокупность принципов функционирования организации:

- разделение труда в широком смысле слова (и рабочий, и менеджер ответственен за какую-либо одну функцию);
- функциональное руководство (замена власти одного мастера функциональной администрацией, каждый из которых дает указания рабочему в пределах своей компетенции);
- измерение труда (измерение рабочего времени с помощью «единиц времени»);
- задачи-предписания (примерные инструкции по выполнению конкретных задач);
- программы стимулирования (премия за производительность выше нормы);
- мотивация (личная заинтересованность является движущей силой);
- роль индивидуальных способностей (проводятся различия между способностями рабочих, работающих за вознаграждение в настоящем, и менеджеров, работающих ради вознаграждения в будущем).

В 1916 г. **Анри Файоль** в своей работе «Общее и промышленное управление» выделяет следующие принципы функционирования организации:

четкие цели;

один центр подчинения (единство управления) и один центр управления (единство контроля);

использование «мостика» Файоля в цепи подчинения;

равенство прав и обязанностей;

рациональное разделение труда;

определение ответственности за результаты труда;

благоприятные возможности для проявления инициативы.

Бюрократия Макса Вебера:

определение задач и обязанностей каждого должностного лица на основе разделения труда;

организация строится на принципах иерархии – строгом подчинении;

деятельность организации регулируется на основе инструкций и правил, определяющих ответственность каждого;

управление организацией исключает личные эмоции;

назначение на должность основывается на квалификации и заслугах.

В результате проведения Хоторнского эксперимента **Элтона Мэйо** на заводе фирмы «Уэстерн электрик» (1924–1927) получила развитие «школа человеческих отношений»:

разделение и нормирование труда не всегда ведут к повышению производительности;

работники более отзывчивы к социальному влиянию равных им людей, а не к мерам контроля высшего руководства;

менеджер должен быть профессионалом в человеческих отношениях, понимать потребности людей, выслушивать проблемы, уметь дать нужный совет, убедить принять перемены.

Принципы **Честера Бернарда** (целенаправленная организация) базируются на совместном позиционировании персонала и техники:

кооперация – действенный способ преодоления физиологических и биологических ограничений;

сотрудничество приводит к согласованным эффективным действиям;

успех организации зависит от удовлетворенности ее членов;

организации могут быть формальные и неформальные;

власть – это информационная связь (команда), так как персонал решает, выполнять или не выполнять распоряжения.

В 1967 г. исследование влияния внешней среды на структуру организации провели преподаватели Гарвардской школы бизнеса **П. Лоуренс** и **Дж. Лорш**. В книге «Организация и ее окружение» они рассматривали организационные структуры и системы управления, сравнивая компании, имеющие лучшие результаты в динамичном бизнесе (производство специальных пластиков) с лучшими компаниями в стабильной, мало меняющейся отрасли (производство контейнеров). Они установили, что фирмы, для которых характерна стабильность, используют функциональную схему организации и простые системы контроля. Напротив, лидеры в динамичном производстве имеют более децентрализованную форму организации и сложные системы управления.

Р. Сайерт, Дж. Марч, Г. Саймон выдвинули концепцию «Организация как мусорная корзина» (модель нерационального принятия решений). Лица, принимающие решения, не работают в условиях совершенного знания, отсюда возникает неопределенность, являющаяся нормальным состоянием дел. Эта модель применима к организационной структуре, известной как организованная анархия, пример: университеты, исследовательские организации (технологии неясны, текучесть кадров «пришел-ушел»).

Развитие современной теории организации

Современная теория организации развивается в нескольких направлениях, называемых теоретическими подходами.

Ситуационный подход – не существует единственно правильного решения, каждому типу управленческой ситуации и решаемых задач соответствуют свои оптимальные требования к состоянию организации, стратегия и структура.

Экологический подход утверждает, что среди организаций выживает наиболее приспособленная:

имеет место процесс естественного отбора и замены организации (эффективность организации определяется способностью выживать);

роль окружающей среды абсолютна, менеджмент не оказывает особого влияния на способность к выживанию;

так как ресурсы ограничены, то одни организации уцелеют, другие прекратят существование (в современных моделях организационной экологии особое внимание уделяется механизмам, обеспечивающим структурные изменения в организациях).

Подход организационного научения – признание двух видов обучения:

обучение по одинарной петле (обычное обучение персонала, повышающее способность организации достигать поставленные цели);

обучение по двойной петле – это организованный процесс самообучения организации, который приводит к полному переосмыслению опыта организации (гибкость организационной структуры и системы вознаграждений, свободный обмен информацией и опытом, благоприятный климат для развития и обучения персонала).

Реинжиниринг – перестройка на современной информационной и технологической основе организации производства и управления, это теория и методы комплексного оздоровления корпораций с охватом и реконструкцией всех ее элементов. В рамках этого направления рассматриваются и новые импульсы повышения эффективности: сокращение размеров и оптимизация хозяйствующих субъектов; использование матричных структур, органически сочетающих линейное

и программное руководство; деятельность комплексных целевых команд и многое другое.

Концепция внутренних рынков корпораций (или организационных рынков) характеризуется перенесением закономерностей и принципов рыночного хозяйства на внутреннюю деятельность корпораций. Такие революционные преобразования должны охватить все их подразделения (линейные, функциональные, маркетинговые и даже аппарат высших руководителей). Они становятся автономными звеньями, которые покупают и продают товары и услуги, участвуя во внутрифирменном и межфирменном оборотах, и объединяются едиными информационными сетями, финансовыми системами и предпринимательской культурой.

Согласно этой концепции, подразделения, имеющие широкую экономическую самостоятельность внутри предприятий, могут оперативно вносить изменения в производство товаров, предоставление услуг, во всю систему отношений с потребителями. На этой основе и с использованием информационных технологий формируются сетевые организации с распределенными автономными звеньями, так называемые виртуальные корпорации. К этому направлению примыкает и разрабатываемая концепция «демократической корпорации», предусматривающая широкую децентрализацию управления с развитием демократических форм и методов функционирования подразделений и руководителей.

Теория альянсов (ассоциативных форм организации и управления) предполагает, что интеграционные процессы в управлении, ориентированные на более эффективное использование всех видов ресурсов (научно-технических, инвестиционных и финансовых), приводят к появлению многообразных форм горизонтального объединения организаций. Образуются плоские организационные иерархии вокруг основных процессов, имеющие специфические цели. Это горизонтальные корпорации, стратегические союзы, модификации конгломератов, консорциумов, холдингов, хозяйственных ассоциаций и групп.

Интеракционистский подход рассматривает организацию как систему длительных взаимодействий между ее членами, которые вносят в организацию свои собственные ожидания и ценности.

Социотехнический подход основан на зависимости внутригрупповых связей от технологии производства.

Конфликтный подход предполагает, что организация имеет множество противоречивых целей и действует в условиях «противоречивых интересов различных членов организации или ее групп».

Современная организационная парадигма

Современная парадигма управления основывается на разнообразных элементах управленческого воздействия. Она использует не только такие традиционные элементы как власть, авторитет, персональная зависимость, экономическое принуждение, мотивация, но и такие относительно новые элементы, как творческое участие персонала, образование команд, приверженность, инновационность, управление знаниями. Современная парадигма управления все в меньшей степени опирается на тейлоризм, она характеризуется не простой исполнительностью каждого работника, а его инициативой [3].

Эволюция парадигмы управления происходила под влиянием управленческой практики фирм, отличающихся высокими результатами деятельности и устойчивой конкурентоспособностью. Для них характерны использование нововведений в качестве фактора собственного развития и творческое использование новых элементов управления в своей практике. В этих фирмах все работники не только выполняют непосредственные обязанности, но и постоянно участвуют в поиске и разработке новых методов работы, новых видов услуг, новых социальных технологий. Другими словами, каждый участвует в деятельности организации, активно мобилизуя свой интеллект, формулируя предложения по улучшению методов работы, повышению качества услуг, развитию организации или фирмы.

В настоящее время каждая организация или фирма постоянно испытывает ощутимые воздействия изменяющейся внешней среды. Эти воздействия могут носить различный характер: конкуренты начали оказывать ту же самую услугу с использованием новой технологии и с меньшими издержками; появилась новая аналогичная услуга с большим потребительским эффектом; изменился курс валют; инфляция обесценила всю полученную прибыль; учетная ставка процента внезапно повысилась и т. д. [8].

В таких нестабильных условиях необходимо средствами управления обеспечить эффективную адаптацию организации.

Вклад отечественных ученых в разработку научной теории организации

Завершая ретроспективный обзор процессов становления «Теории организации» как науки следует обратить внимание на работу одного из выдающихся ученых, внесших весомый вклад в разработку организационной науки, А.А. Богданова (Малиновского) (1873–1928). Он впервые высказал предположения о том, что предметом организационной науки должны стать общие организационные принципы и законы, в соответствии с которыми протекают процессы организации.

А. Богданов в своей работе «Тектология или всеобщая организационная наука» [1], на рубеже XIX и XX столетий строит свою теорию, опираясь на использование дедуктивного способа (аксиоматического метода), основанного на использовании минимального числа базовых положений (аксиом), не требующих своего доказательства.

Основная аксиома его «Тектологии» – аксиома двойственности. Ее суть можно выразить следующим образом. Любой признак подразумевает двойственность, поскольку невозможно создать объект, не создав одновременно его антипода.

Но любая двойственность предполагает границу, отделяющую объект исследования от его антипода. Любая граница, в свою очередь,

подразумевает двойственный способ своего пересечения с разных сторон. Эти способы не эквивалентны и подразумевают разные взаимодействия, в противном случае, граница была бы неразличима. Поскольку пересечение границы – процесс, связанный с взаимодействием, то мы имеем дело еще и с динамической двойственностью. Таким образом, речь уже идет о двуедином процессе взаимодействия с учетом взаимного переплетения структурных и динамических составляющих.

А. Богданов по ходу написания работы ввел в научный оборот целую палитру таких двойственных понятий: «организация или дезорганизация», «активность – сопротивление», «ассимиляция – дезассимиляция», «конъюгация – дизъюнкция», «ингрессия – дезингрессия» и другие. Двойственность стала главным организационным принципом построения «Тектологии», положенным в основу вывода всех последующих положений.

Такой подход обеспечил ему мощные эвристические возможности, позволяющие решать задачи даже в условиях неполной исходной информации и отсутствия четкой программы управления процессом решения.

Примечательно, что аксиоматический подход в «нормальной науке» того периода практически использовался лишь в математике и то лишь в качестве своеобразного средства разрешения конфликта мнений. Переход к формальной и далее – к формализованной аксиоматике для разрешения методологических и логических трудностей в вопросах оснований математики, произошел много позже, лишь в первой половине XX столетия, и связан с именем Д. Гильберта (1862–1943).

Анализируя сущность организации, А. Богданов первым сформулировал представления того, что впоследствии стало называться «системным подходом», дал характеристику соотношения системы и ее элементов, обнаружив свойство «эмерджентности», показав, что организационное целое превосходит простую сумму его частей, выявил

и сформулировал два ведущих закона, предопределяющие функционирование и развитие организационных систем.

Формулировка *первого закона* А. Богданова отражает организационный и дезорганизационный опыт: *«если система состоит из частей высшей и низшей организованности, то ее отношение к среде определяется низшей организованностью»*.

Второй закон Богданов назвал законом расхождения: *«комплексы (системы) расходятся, различаются между собой в силу первичной неоднородности, разности среды и воздействия исходных изменений»*.

К сожалению, советская экономическая, политическая и «философская» печать 1930-х гг. по идеологическим мотивам была полна нападками на «механистическую теорию равновесия» Богданова и работы его учеников и соратников Базарова, Громана, Бухарина. Так, Большая советская энциклопедия (2-е изд., т. 5, с. 343–344) выносила Богданову следующие вердикты: «Диалектике, как учению о борьбе противоположностей, он противопоставлял т. н. организационную науку о гармонии и примирении противоположностей, служащую для обоснования примирения классов, отказа от классовой борьбы... богдановский «закон трудовых затрат» был использован врагом народа Бухариным для «обоснования» капитулянтской «теории равновесия секторов» в советской экономике, сохранения в народном хозяйстве СССР старых пропорций, бывших при капитализме, что являлось идеологическим прикрытием контрреволюционной деятельности правотроцкистских реставраторов капитализма».

По этой причине его главное творение еще долго пребывало под спудом. «Более того – в угаре борьбы с «буржуазной лженаукой» кибернетикой в ней учуяли повторение «избитых идей» Богданова. Однако даже после принятия противоположного лозунга «Кибернетику – на службу коммунизму!» признание за автором «Тектологии» приоритета в создании общенаучной системно-

кибернетической концепции с большим трудом и лишь по крупицам проникало через многочисленные догматические препоны» [2].

На родине первые попытки осмысления работ А. Богданова начались в середине 1960-х гг. Почин сделал М.И. Сетров, особо подчеркнувший, что Богданов в понятии «бирегулятора» не только фактически сформулировал принцип обратной связи, но и иллюстрировал его теми же примерами, что и один из основателей кибернетики У. Росс Эшби. Предвосхищение Богдановым «общей теории систем» отмечали специалисты ВНИИ системных исследований (Блауберг, Садовский, Юдин 1969).

С другой стороны, на Западе возрос интерес к Богданову в русле «советологических» исследований: появились первые биография (Grille 1966) и библиография (Yassour 1969). Там наибольший интерес в отношении к «Тектологии» проявил профессор Дж. Горелик. В предисловии к своему сжатому переводу и в ряде статей он в сопоставлении с кибернетикой показал значение концепции Богданова как исторически первого развернутого и наиболее широкого варианта общей теории систем [7].

Новые оценки результатов работ А. Богданова активно развернулись с середины 80-х годов. На этот период приходится и переиздание «Тектологии» и написание многочисленных работ о А. Богданове, а также проведение международных научных конференций в Москве (1989 г.), в Университете Восточной Англии (1995 г.), в Екатеринбурге (2003 г.).

Заключение

Таким образом, в данной работе проиллюстрированы основные этапы развития «Теории организации», в рамках которых тезисно продемонстрированы результаты базовых работ зарубежных и отечественных основоположников данной науки. Определены возможные тенденции дальнейшего развития «Теории организации».

Завершая этот краткий экскурс в историю «Теории организации», хочется надеяться, что представленный труд

заинтересует и подвигнет к более детальному изучению одной из основополагающих экономических наук – «Теории организации».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Богданов А.А.** Тектология или всеобщая организационная наука. – М.: Экономика, 1989. – 304 с.
- 2. Гладков Т.К.** Кибернетика – псевдонаука о машинах, животных, человеке и обществе // Вестник МГУ. 1955. № 1.
- 3. Глухов В.В., Яковлев А.А.** Теория организации. Создание и функционирование организации: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – 158 с.
- 4. Демчук О.Н.** Теория организации: учеб. пособие / О.Н. Демчук, Т.А. Ефремова. – М.: Флинта: МПСИ, 2009. – 264 с.
- 5. Лафта Дж. К.** Теория организации: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2006. – 416 с.
- 6. Мильнер Б.З.** Теория организации: учебник. М.:ИНФРА М, 2004 г.
- 7.** Эволюция теории и опыт эффективного управления за рубежом / Под ред. Т.Н. Лосевой. – М.: Мир книги, 1994.
- 8. Яковлев А.А.** Теория организации: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 168 с.

РАЗДЕЛ IV.

БИОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

УДК 328.12

А. А. Волова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПЬЕРА ЭЛЛИОТА ТРЮДО (1919–2000). ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Политическая деятельности лидера Либеральной партии Канады Пьера Эллиота Трюдо на посту премьер-министра Канады, которая длилась почти 16 лет с конца 60-х годов до середины 80-х годов XX века, представляет собой уникальный политический феномен. За этот короткий с исторической точки зрения срок в развитии Канады произошли радикальные изменения. Канада, являясь страной, политически зависимой от Великобритании, как её доминион, и экономически зависимой от США, её ближайшего соседа, достигла полной государственной самостоятельности. Канада стала одной из наиболее экономически развитых стран мира, с устойчивой демократией, и приобрела авторитет на международной арене.

В 2011 г. по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) Канада была названа второй после Австралии «лучшей страной для проживания», в 2013 году заняла третье место, пропустив вперед Швецию [1, с. 114]. Огромный вклад в эти достижения был внесен премьер – министром Трюдо и его правительством, которое было признано канадцами лучшим правительством за всю историю Канады [2, с. 46]. По выражению биографов Трюдо Макса и Моник Немни «...Канада после Трюдо, это Канада Пьера Эллиота Трюдо» [3, с. 456].

Успешная деятельность Трюдо как политического и государственного деятеля во многом была определена тем, что к моменту прихода в большую политику Трюдо уже имел сформированную систему политических взглядов, свою политическую философию.

Но при этом большинство зарубежных и отечественных биографов Трюдо и исследователей его многолетней, напряженной, в некоторые моменты драматической политической деятельности не касаются философских основ его политических взглядов. Определение политической позиции Трюдо с точки зрения теории политики весьма противоречивы и не аргументированы. Встречаются оценки Трюдо как либерала, социалиста, демократического социалиста, либертианца, персоналиста. Вопрос о месте политической философии Трюдо в мировом философском контексте до настоящего времени не имеет определенного ответа.

Для того что бы исследовать систему политических взглядов Трюдо в дуализме теории и практики необходимо проследить процесс её формирования, т. е. рассматривать не только политическую, но и интеллектуальную биографию Трюдо, которая началась задолго до его политической биографии.

В интеллектуальной биографии Трюдо можно выделить следующие этапы:

- годы учебы в Канаде (1920–1944);
- трансформация взглядов Трюдо, за время учебы в Америке и Европе (1944–1949), государственная и журналистская деятельность в Канаде (1944–1968).
- Эра Трюдо (1968–1984) – создание политической платформы либеральной партии и государственная деятельность на посту премьер-министра.
- Конец эры Трюдо (1984–2000).

Годы учебы в Канаде (1920–1944)

До своего поступления в Гарвард в 1944 году Трюдо по выражению его биографов Макса и Моник Немни был «сыном Квебека» [3]. Квебек в 20-х годах XX века был провинцией Канады, где основную политическую, социальную и образовательную роль играла католическая церковь. В ранней юности Трюдо жаждал создать «новый порядок», обеспечить триумф общего блага, так как это определено в доктрине католической церкви. В соответствии с общими настроениями, распространенными во Французской Канаде, он встал на защиту этнического французского национализма. Он готовился к революции, которая, как он предполагал должна, была превратить Квебек во французское независимое католическое государство.

Трансформация взглядов Трюдо, за время учебы в Америке и Европе (1944–1949), государственная и журналистская деятельность в Канаде (1944–1968)

На этот период биографы Трюдо редко обращают должное внимание, хотя все отмечают важность его обучения в Гарварде, Париже и Лондоне и сообщают, что в 1948–1949 он путешествовал с рюкзаком за плечами через Средний Восток и Азию. Декада 1950-х годов просто пропускаются большинством биографов, в том числе и такими наиболее знаменитыми как Стефан Кларксон и Кристина МакКолл (Stephen Clarkson & Christina McCall) [4] и Джон Инглиш (English John) [5], по мнению которых 50-е годы являются потерянными годами.

Но, если не исследовать эти временные периоды с точки зрения формирования мировоззрения и интеллектуального развития Трюдо, остается неясным как он смог в этом случае быть избранным от либеральной партии в 1964 году, имея при этом уже четкую систему политических взглядов.

Только его биографы Макс и Моник Немни, утверждают, что в действительности 40-ые и 50-ые годы не только не были потерянными годами, а отличались огромной интеллектуальной активностью, в течение которых он тщательно готовился к государственной деятельности [6, с. 8].

Для того что бы понять как Трюдо возник на политической сцене в 1965 году Макс и Моник Немни исследуют его интеллектуальный путь, от «сына Квебека» до «отца Канады». В течение этого периода – годы обучения 1944–1948 и первого кругосветного путешествия 1948–1949 годов совершился процесс трансформации взглядов Трюдо, в результате которых и были сформированы основные положения его идеологии.

Трюдо, который известен истории как «отец Канады», был отцом нового понимания канадской самобытности, разделения церкви и государства, который наделил законным статусом те свободы личности, которые шли в разрез с католической доктриной. Он перешел от видения нации, как этнической общины к видению общества, как плюралистического, приверженного основным либеральным ценностям, в котором равноправно сосуществуют различные нации и этнические меньшинства. Он сознательно совершил этот трудный переход, редко кому удававшийся.

Макс и Моник Немни задаются вопросом, как можно было изменить свою первоначальную точку зрения на противоположную, оставаясь при этом по-прежнему верующим и практикующим католиком, глубоко приверженным своей религии. Что стало с его ранними поисками истины и добра? Как мог «сын Квебека» стать тем Трюдо, который известен в истории как «отец Канады», является основной загадкой личности Трюдо, как философа и политика. Ответ на этот вопрос требует выявления основных источников, повлиявших на его мировоззрение, философских теорий и концепций, в так же исторического и политического контекста. Макс и Моник Немни к

основным философским учениям, критически осмысленным Трюдо в процессе обучения, относят персонализм, марксизм и либерализм.

Эра Трюдо (1968–1984)

Время «Эры Трюдо» с 1968 года по 1982 год, это время когда система политических взглядов Трюдо стала основой политической платформы Либеральной партии Канады и политической идеологией канадского общества в 70-80 годы. Анализ этого периода требует выделения базовых принципов философии Трюдо, на которых основаны такие направления политики правительства Трюдо как «канадизация», мультикультурность, двуязычие, «справедливое общество», «общество всеобщего благосостояния» и те корректировки, которые необходимо было сделать в соответствии требованиями реальной политической обстановки и с учетом исторически сложившейся ситуации. Трюдо, как политика отличали гибкость и прагматизм. Как говорил сам Трюдо: «Я прагматик в политике, но это не означает, что у меня нет идеалов. У меня есть несколько базовых принципов, которые я хотел бы видеть осуществленными в нашей стране и которые могут быть четко определены в терминах свободы, уважения личности, демократических форм правления, парламентской системы, баланса между федеральной властью и властью провинций. Но за пределами этих идеалов, я прагматик, пытающийся найти правильное решения для каждой конкретной ситуации, при этом я не чувствую себя связанным какими либо доктринами или устоявшимися нормами» [7, с. 4].

В Канаде, а так же в США и европейских странах деятельность Трюдо – политика и государственного деятеля всегда вызывала огромный и противоречивый интерес. Существует понятие «трюдодианы», собрания огромного количества различных публикаций, содержащих часто полярные оценки его деятельности. Значительно меньше работ аналитического характера, в которых исследуется «политическая философия» П.Э. Трюдо. Среди работ современников Трюдо, в которых изложена с достаточной степени

объективности система его политических взглядов, можно выделить работы Д. Хеймстра [8] и Б. Тордарсона [9]. В работе Д. и Р. Лаксеров взгляды Трюдо подвергаются резкой критике с позиций канадской либеральной традиции [10].

Работы, написанные самим Трюдо до прихода в политику в 1965 году, являются первым и самым важным источником для анализа его политической философии. Наиболее важной работой этого периода является работа «Федерализм и Французская Канада» [11].

Существует и второй значимый источник – его, статьи, речи, личные комментарии, сделанные им после 1968 года, включая спонтанные ответы на вопросы журналистов в интервью и на пресс-конференциях, а также подготовленные заявления [7]. Эти источники отражают его отношение к определенным вопросам внешней и внутренней политики.

Наконец, существуют его «ключевые убеждения» – его взгляд на государство как средство достижения философски мотивированных целей и его технология управления. Поскольку премьер-министр никогда не описывал эту технологию словами, ее придется выводить на основе работы его правительства с 1968 года.

После ухода с поста премьер-министра в 1984 году Трюдо продолжал оставаться действующим политиком, практически до самой своей смерти в 2000 году. За это время им написаны не только мемуары [12], но и несколько трудов, обобщающих результаты его политической деятельности, например, работа «Вперед, к справедливому обществу» [13].

Так же за это время и после 2000 года появилось несколько фундаментальных биографий и трудов, в частности на тему «Трюдо и наши дни» [4], в которых политическая философия Трюдо, оценивается более взвешенно, чем во времена, когда «политические страсти преобладали над разумом», по выражению Трюдо. И, наконец, в 2006 и 2009 годах появилась уже упоминаемая нами интеллектуальная биография Трюдо в двух томах, написанная

друзьями и коллегами Трюдо Максом и Моник Немни «Сын Квебека, Отец Канады» [3; 6]. Авторы, с личного разрешения Трюдо, получили доступ к его архивам и неопубликованным работам, на основании которых провели тщательное исследование эволюции интеллектуального развития и политических взглядов Трюдо.

В Советском Союзе все работы Трюдо, написанные им самим до начала его карьеры как премьер министра, доступны в главных библиотеках страны. Изучение его политической деятельности отечественными учеными началось позже, начиная с 70-годов, когда он вышел не только на национальную политическую арену, но на и мировую.

На международной арене П.Э. Трюдо заслужил репутацию крупного, широко и реалистически мыслящего государственного деятеля, автора конструктивных идей и предложений, направленных на благо всеобщего мира. В начале 1970-х годов благодаря усилиям лично Трюдо значительно улучшились советско-канадские отношения. В 1971 году состоялся обмен официальными визитами глав правительств двух стран – П.Э. Трюдо и А.Н. Косыгин посетили, соответственно, Советский союз и Канаду. Все это не могло не способствовать росту интереса к Канаде и значительной активизации научных исследований в этой области.

В конце 1970 – начале 1980-х годов под эгидой Института США и Канады вышли в свет несколько монографий, написанные коллективом авторов под руководством Л. А. Баграмова, например, такая как «Канада на пороге 80-х годов» [14]. Эти работы содержали комплексный анализ политических, экономических и социальных проблем Канады 1970–1980-х гг., т. е. именно в период премьерства П.Э. Трюдо. В этих работах отражены результаты исследования своеобразия канадской модели развития, основных характеристик внешнеэкономической активности Канады, ее общего социально-политического облика, специфика ее федерализма. Особый интерес для темы диссертации представляет выполненный С.Ю. Даниловым

[15] анализ двухпартийной системы Канады, данная им характеристика платформы либеральной партии и политической элиты Канады. Однако эти работы были выдержаны в духе господствующей тогда идеологии и несмотря на полноту и содержательность не могли дать объективной оценки как политических взглядов, так и политической деятельности П.Э. Трюдо.

После ухода П.Э. Трюдо с политической сцены интерес отечественных исследователей переключился на более актуальные проблемы исследования политического и экономического состояния Канады в 90-е и 2000-е годы. За это время появилось только несколько журнальных публикаций – политических портретов П.Э. Трюдо [16; 17; 18]. Следует отметить работы, посвященные Канаде, вышедшие в последнее время, в которых отдельные главы посвящены исследованию политической деятельности Трюдо. Это «История Канады» С.Ю. Данилова [15] и «Политическая история Канады» И.А. Аггевой [19].

Отсутствие комплексного изучения в Советском Союзе и затем в России политической биографии Пьера Трюдо в дуализме практики и теории можно объяснить отсутствием интереса к теории либерализма в СССР, как к теории враждебной официальной идеологии, а затем, в постперестроечную эпоху, недостаточным вниманием вообще к теоретической базе современных реформ.

Вместе с тем, только краткое перечисление проблем, занимавших П.Э. Трюдо, (и в решении которых он достиг успеха) – национализм и сохранение целостности и суверенитета государства, проблема билингвизма, проблемы федерализма и баланса между властью провинций и федерального центра, роль и степень присутствия государства в управлении экономикой, сохранение национальной идентичности в эпоху глобализации, преимущества мультиполярного мира перед однополярным, ядерная угроза, говорит о том, что идеи П.Э. Трюдо продолжают оставаться актуальными до

настоящего времени и, особенно в России, переживающей эпоху перемен и новых мировых конфликтов.

Исследование политической философии Трюдо, которая базируется, на основных философских проблемах справедливости, равенства, общего блага, прав личности, и которые практически не являются предметом дискурса в современной России, создает повод для их обсуждения в современном историческом контексте.

Но не только этим можно объяснить своевременность обращения к политической философии Трюдо. Изучение политического опыта Трюдо представляет редкую возможность проследить на примере деятельности одного политического и государственного деятеля все этапы эволюции политических убеждений выдающейся, харизматичной личности. Процесс формирования собственной системы политических взглядов на основе критического осмысления философских концепций и теорий, с целью адаптации к конкретным национальным и мировым условиям, до превращения их в политическую платформу партии и преобразования общества на её основе. Этот вопрос является одним из ключевых в теории политики и представляет интерес, как в научном, так и в практическом плане.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Комкова Е.Г.** Канада в зеркале международных сопоставлений // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – № 9 (525). – С. 112-117.
- 2. Данилов С. Ю.** История Канады: научное издание / С. Ю. Данилов. – М. : Весь Мир, 2006. – 255 с.
- 3. Nemni, M.** Young Trudeau 1919–1944 (Trudeau, Son of Quebec, Father of Canada) / Max and Monique Nemni; translated by William Johnson –Toronto : McClelland & Stewart, c.2006 – v.1.
- 4. Clarkson S.** Trudeau and our times / Stephen Clarkson & Christina McCall. – Toronto : McClelland and Stewart, , c.1994. – 2 v.
- 5. English J.** Citizen of the world : the life of Pierre Elliott Trudeau / John English 1st ed. – Toronto : A.A. Knopf Canada, c. 2006–2009. – 2 v.

- 6. Nemni M.** Trudeau Transformed: The Shaping of a Statesman 1944–1965 (Trudeau, Son of Quebec, Father of Canada) / Max and Monique Nemni; translated by William Johnson.– Toronto : McClelland & Stewart, c.2009. – v. 2.
- 7. Trudeau P.** Conversation with Canadians / Pierre Elliott Trudeau; Ivan L. Head forword. –Toronto : University of Toronto Press, c.1972.– 183 p.
- 8. Hiemstra J.** Trudeau's political philosophy: its implications for liberty and progress / John L. Hiemstra. – Toronto: Institute for Christian Studies, c.1983. – 107 p.
- 9. Thordarson B.** Trudeau and foreign policy (chapter The political philosophy of P.E. Trudeau) / Burk Thordarson. – Toronto: Oxford University Press, c. 1972. – 183 p.
- 10. Laxer J.** The Liberal idea of Canada: Pierre Trudeau and the question of Canada's survival / James Laxer and Robert Laxer ; with a foreword George Grant – Toronto : J. Lorimer, c.1977. – 234 p.
- 11. Trudeau P.E.** Federalism and the French Canadians. With an introd. By John T. Saywell / Pierre Elliot Trudeau. – Toronto: Macmillan of Canada, c.1968.– 212 p.
- 12. Trudeau P.** Memoirs / Pierre Elliott Trudeau – Toronto: McClelland & Stewart, c.1993. – 379 p.
- 13. Towards** a just society: the Trudeau years / edited by Thomas S. Axworthy, Pierre Elliott Trudeau; translations into English by Patricia Claxton – Markham, Ont. : Viking, 1990. – 404 p.
- 14.** Канада на пороге 80-х годов: экономика и политика. Сб. статей / Отв. ред. Л.Г. Баграмов. – М.: Наука, 1979. – 399с.
- 15. Данилов С.Ю.** Двухпартийная система Канады / С.Ю. Данилов. – М.: Наука,1982. – 213с.
- 16. Молочков С.Ф.** Пьер Трюдо уходит в историю // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2000.–№ 12.– С. 32–38.
- 17. Соков И.А.** «Эра Трюдо» как время испытания канадской либеральной традиции / И.А. Соков. // Канадские тетради. Сб. мат-лов научно-практ. семинара. Вып.1. – Волгоград: Волгоградское научное общество изучения Канады. – 2015. – С.29–51.
- 18. Бабаев Э.А.** Пьер Эллиот Трюдо: Политический портрет // Наука и школа. – 2011. – №4. – С. 147–149.
- 19. Аггеева И.А.** Политическая история Канады: учебное пособие [для студентов, обучающихся по специальности «Всеобщая история», «Регионоведение», «Политология»] / И.А. Аггеева; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории. – Москва: ИВИ РАН, 2013. – 286с.

НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЛОФА ПАЛЬМЕ

Улоф Пальме является одним из наиболее ярких мировых политиков, живших в XX веке в Швеции. Его политическая карьера начиналась в 50-х годах XX века, когда сам Пальме был еще студентом.

Одним из первых, обративших внимание на студента Улофа Пальме, был Бу Керре (Bo Kärre), председатель международного комитета шведского объединенного союза студентов, ШОСС (Sveriges förenade studentkårer, SFS). Керре понравилась рецензия Пальме на труд Нормана Мейлера «Нагие и мертвые», и он пригласил Улофа в свою организацию. За пять лет работы в организации Пальме прошел путь от помощника секретаря до председателя международного комитета ШОСС. В 1952 году он стал президентом международного комитета шведского объединенного союза студентов. Однако прежде чем Пальме стал заметной личностью в международной организации, следует обратить внимание на его деятельность в студенческие годы.

Ситуация, сложившаяся в международных отношениях после Второй мировой войны, оказала сильное влияние на мировое студенчество. 27 августа 1946 года студенческие организации 43 национальных союзов студентов собрались на I Всемирном конгрессе студентов в Праге. Именно там впоследствии был сформирован новый Международный союз студентов, МСС (International Union of Students, IUS). Согласно уставу «целями МСС являются защита интересов студентов, борьба за мир и международную безопасность, против империализма, колониализма и неоколониализма, реакции, фашизма и расизма, за национальное освобождение, социальный

прогресс и демократизацию образования»[1]. На конгрессе присутствовали студенты из Восточной и Западной Европы, а также из стран третьего мира, однако влияние востока было более сильным, ввиду финансирования данного конгресса за счет Москвы.

Холодная война между США и СССР, и особенно последствия Пражского переворота повлияла на МСС. Международный союз студентов был обвинен Западом в слишком сильной политизации деятельности. Им ставилось в вину, что вопросы, которые напрямую не касались профсоюзной деятельности, стали для них более значимыми [2, с. 4]. Как говорилось, прокоммунистические организации имели приоритет над прозападными.

Шведский объединенный союз студентов входил в состав МСС, однако после пражского переворота в 1948 году решил выйти из его состава. Поводом послужило то, что Международный союз студентов поздравил коммунистов Пражского университета. Следует отметить, что британские и американские студенческие организации не разделяли позиции шведской организации, не поддержали ШОСС и остались в МСС.

В декабре 1949 года представители десяти западных студенческих организаций собрались в Лондоне, чтобы обсудить, какую тактику они примут по отношению к МСС. Им нужно было выработать общую линию поведения. Национальные студенческие союзы, особенно шотландский и английский, по-прежнему не вызывали желания разрывать отношения с МСС. Они утверждали, что культурные и социальные центры, которые МСС создает для студентов во всем мире, стали приобретать огромное значение. Именно поэтому следует присутствовать в данной организации, чтобы влиять на ее развитие. Выход из МСС будет означать потерю контактов с большей частью мировых студенческих организаций. Однако были те, кто выступал за непосредственный разрыв контактов с МСС. Последнюю группу возглавил У. Пальме. Он считал, что идти на компромисс с МСС в данном случае нельзя. Но как не старался

Пальме, сплотить все прозападные студенческие организации в новой организации у него не получилось.

Ситуация изменилась летом 1950 года, когда ШОСС провел свой Всемирный конгресс в Праге. Следует отметить, что ШОСС уже не был членом МСС, и поэтому не принимал участие в нём. Однако после длительных дискуссий шведы все же решили принять приглашение МСС и направить наблюдателя от ШОСС Улофа Пальме. Сделано это было с той целью, чтобы быть в курсе всех событий, которые произойдут в конгрессе, а также оставаться на связи с западными студенческими союзами, которые будут там [3, с. 7].

Впечатления, которые получил Пальме от Пражского конгресса, повлияли на его отношение к коммунизму. Они стали отправной точкой в его дискуссиях с левыми радикалами.

В своем докладе он писал: «Участники конгресса были великолепно приняты в Чехословакии. На границе нас встречали духовые оркестры, дети и молодежь с букетами цветов, студенческие делегации с поздравительными речами. Вся Прага была украшена в честь Конгресса. Почти в каждом доме висели гигантские портреты Сталина и Готвальда, и везде в городе развивались красные знамена и транспаранты с приветствиями и призывами к миру. В последний день была организована огромная демонстрация с портретами многих глав республик и «аллегорическим шествием» за мир. Аллегория состояла из плакатов с символическим обозначением «Уолл-стрита» и мира большого капитала, и сотнями портретов Сталина... Следует подчеркнуть, что Конгресс был в основном политическим митингом. Дискуссии не получилось. Студенческие вопросы полностью погрязли в политической манифестации. Поэтому совершенно бесполезно давать подробный отчет о переговорах в конгрессе» [4].

Вот как У. Пальме описывает переговоры: «Первым выступил старший лейтенант Кан Бук из Северной Кореи. Он был одет в военную форму и тащил за собой к трибуне гаубицу и два ружья. Его речь была полна ненависти и завершилась криком «Смерть

американским захватчикам в Корее». После последовала 30 минутная демонстрация. Тон конгресса был задан.

Выступление британского делегата Дженкинса, было встречено криком, улюлюканьем и свистом. Студент из Гваделупы, который отвечал на речь Дженкинса, бегал по залу, выкрикивая: «Долой империализм». Большинство не успевали произнести речь по причине хорошо режиссированных политических скандирований и оваций.

В общей сложности было около 400 таких скандирований, на которые ушло более половины времени встречи. Эти скандирования включали: вставание и аплодирование, сцены поздравления и обнимания у трибуны, марширование с портретом Сталина по залу. Популярные темы скандирования располагались в следующем порядке:

- а) Сталин («Сталин, Сталин, Сталин»);
- б) Корея («Руки прочь от Кореи»);
- в) Мир («Vive la Paix») [4].

Подводя итог, Пальме говорил, что конгресс был частью Восточного блока политической пропаганды, которая имела целью увековечить представление о Советском Союзе как о миролюбивом знаменосце силы... Гротеск в этой пропаганде мира проявлялся в том, что можно было подчеркнуть следующее: «борьба за мир объединяет всех нас, независимо от политических или религиозных убеждений», и одновременно объясняя, что «когда мы кричим», «мы хотим мира», так мы имеем в виду «долой империализм и капитализм». В целом можно сказать, что съезд был примером того, как умело направленный массовый психоз может заставить людей унижать себя» [4].

Улоф Пальме так и не получил возможность выступить на съезде, кроме коротких сообщений по порядку ведения заседания. В речи, которую подготовил для выступления на конгрессе У. Пальме, он поднял вопрос о мире. Усилия по обеспечению мира должны быть основаны на студенческой солидарности, которая должна включать право на образование, независимо от расы,

политических убеждений или экономического состояния. Они также должны противостоять подавлению свободы, будь то в Южной Африке, Испании или Восточной Европе. У. Пальме не одобрил Стокгольмское воззвание, которое только лишь осуждает тех, кто может начать атомную войну.

Комментарий Пальме не остался незамеченным. Делегация из шведской Кларте (Clarté – социалистическая организация), которая по собственной инициативе приехала в Прагу, возражала против такого описания конгресса Пальме. «Это дает неполную, недостоверную картину», – писал клартист Ханс-Йоран Франк. Франк отрицал, что русский председатель руководил манифестациями и что делегатам не давали высказаться. Никто, даже западные единомышленники Пальме не проголосовал против мирных резолюций, заявил Франк [4].

Опыт, полученный на Пражском Конгрессе, с точки зрения Пальме, имел большое значение не только для ШОСС. Он объединил собой всех западно-ориентированных представителей студенчества. Сотрудничество, начавшееся в Лондоне около полугода назад, укрепилось. Оппозиционные группы студентов из Швеции, Америки, Англии, Шотландии, Канады, Австралии, Дании, Норвегии, Финляндии и Новой Зеландии поддерживали тесные контакты и встречались для регулярных дискуссий в ходе Конгресса. Они координировали свои выступления и действия совместно. Когда большинство в конгрессе направило порицание американской агрессии в Корею в Совет Безопасности ООН, оппозиционеры отправили собственную телеграмму в поддержку линии ООН.

И самое главное, теперь было достигнуто шведское понимание того, что оппозиция должна порвать с МСС и сформировать свое объединение. Пальме вел себя последовательно в течение Пражского конгресса и активно поддерживал «обеспечение необходимого усиления» западных высказываний и резолюций. По предложению Пальме, северные страны получили задание провести свою конференцию в том же году [5].

Международная студенческая конференция прошла в Доме Союзов (Kårhuset, Корхюсет) в Стокгольме 17–21 декабря 1950 года. Делегации состояли из 21 организации, в основном западноевропейской. На конференции присутствовали представители из США, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Кроме того, ряд изгнанных восточноевропейских организаций были приглашены в качестве наблюдателей.

Итогом работы конференции стало создание нового международного объединения, Международной студенческой конференции МСК (International Student Conference, ISC). Однако на МСК еще не до конца была разработана программа организации. Большой акцент в ней был сделан на то, что ее деятельность должна быть направлена на студенческие вопросы в узком смысле, то есть, использован принцип «студент как таковой». МСК пока не избрало общее руководство организации, однако уже были делегированы задания различным национальным союзам. Особое внимание было уделено созданию международной программы помощи студентам, программы студенческой взаимопомощи ПСВ (Students Mutual Assistance Program, SMAP). Согласно докладу шведской делегации сотрудничество в студенческой среде зависит от силы и размера проводимой ПСВ.

На следующем заседании МСК, которое состоялось в Эдинбурге в январе 1952 года, было принято решение о создании структуры организации и выбора, путем голосования руководства МСК, без которого многие из делегированных ранее задач никогда не будут выполнены. Конференция учредила постоянный координационный секретариат, COSEC, который расположился в Лейдене в Нидерландах. Был так же избран Комитет по Надзору, который состоял из шести членов организации, председателем которого был назначен Улоф Пальме. Следует отметить, что существенным различием между Стокгольмской конференцией и Международной студенческой конференцией была экономическая

составляющая. У МСК в распоряжении находились существенные финансовые ресурсы. Этому способствовала в значительной степени АНСА (американская национальная студенческая ассоциация, USNSA national student association).

Намного позже, в марте 1967 года, американский журнал "Рэмпартс" (Ramparts) опубликовал разоблачение по международной деятельности американской национальной студенческой ассоциации АНСА. В статье говорилось, что в течение долгого времени осуществлялось финансирование АНСА благодаря ЦРУ. Кроме того, ЦРУ также с помощью различных фондов оплачивало частично деятельность международной студенческой организации МСК. То есть ЦРУ с 1953 года покрывало от 85 до 90 процентов расходов МСК. В сущности, деньги направлялись в МСК через специальный Нью-Йоркский фонд, Фонд молодежных и студенческих дел, ФМСД (FYSA Foundation for Youth and Student Affairs). [6]

В Швеции Улофа Пальме, как одного из основателей МСК, стали называть тайным агентом ЦРУ. Пальме отрицал, что он имел какие-либо связи с ЦРУ: «Если это так, то это очень огорчает, – говорил он. – Огорчает потому, что организацию обманули. Это предательство за идеи, которые привели к созданию Международной студенческой организации МСК... Хотя само по себе это и не удивительно, ведь американцы имели большой интерес к новой организации. Нужно помнить, что это был тяжелый период Холодной войны и худшие годы сталинизма».

Позднее У. Пальме дал комментарий к Стокгольмской конференции 1950 года: «Нужно различать две тенденции, два направления. Первые, это те, которые хотели сформировать антикоммунистическую группу, и вторые, которые работали на нас, чтобы реализовать нашу первоначальную цель, организацию для образования, учебы, общественной деятельности и помощи учащимся в бедных странах. Так прошла шведская инициативная встреча в Стокгольме в 1950 году. Мы вели очень жесткую борьбу против

американцев и других людей, которые хотели иметь антикоммунистическую организацию. Мы выиграли, но всегда трудно было балансировать, так как студенты из развивающихся стран не хотели вступать в абсолютно не политическую организацию. Потом появилась проблема с деньгами. Отчасти мы справлялись с помощью членских взносов, но по главным расходам, таким как поездки на конференции, мы не обошлись без попрошайничества. В том числе мы обращались к американским фондам. Один из них был, скорее всего, фондом ЦРУ – ФМСД. Мы исследовали, как могли этот фонд и его управление, и думали, что он чист... Наше незнание состояло в том, что это были деньги ЦРУ... Нам сказали, что большая часть денег пришла из американского профсоюза КПП (Конгресс производственных профсоюзов, Congress of Industrial Organizations CIO) [7].

Следует отметить, что Холодная война в 1947 году означала не только военную гонку вооружения. Она также означала идеологическую войну, сражение за души. Так СССР интересовала организация МСС, через которую можно было оказывать влияние на международное студенческое движение.

Не оставались в стороне и страны Запада. Американское правительство непосредственно через ЦРУ и за счет различных фондов контролировали свои вложения в холодной войне. Можно отметить, например, компанию США «по завоеванию интеллигенции». С помощью многочисленных фондов ЦРУ удалось собрать воедино европейских писателей и художников для проекта «Конгресс за свободу культуры», труды которых были опубликованы в журналах, таких как «Encounter», «Preuves» и «der Monat». Следует отметить, что такие интеллектуалы, как Андре Мальро, Артур Кестлер, Артур Шлезингер, Исайя Берлин, Рэймонд Аарон и Джордж Оруэлл занимали видные посты и работали в тесном сотрудничестве с представителями ЦРУ. Фрэнсис Стонор Сондерс в своей книге «Кто заказывает музыку» (Who Paid the Piper) писал, что целью ЦРУ было, по меньшей мере, создать чистый пропагандистский орган для американской политики, и

в качестве программы максимум предотвратить переход левых интеллектуалов на другую сторону. Проект имел также шведское ответвление, в нем был задействован журнал «Культурный контакт» вместе с редактора Ингмаром Хидениусом и Вилли Брандтом, работающий в то время в Западной Германии. С проектом были так же связаны несколько британских лейбористов, таких как Хью Гейтскелл, Энтони Кросленд и Деннис Хили.

С 1949 года американцы заинтересовались международным студенческим движением МСК. Целью ЦРУ было собрать в одну прозападную организацию всех настроенных критично к МСС.

По мнению Карин Пагет, которая изучала американское студенческое движение после Второй Мировой войны, было две проблемы, мешавшие США проводить свой курс. Во-первых, в американском студенческом союзе АНСА и в международном объединении МСК, раз в год на конгрессе происходили демократические выборы руководства данных организаций. У ЦРУ не получалось просто так собирать этих руководителей студенческих организаций, чтобы затем управлять ими, так как принцип набора руководителей в такие организации происходил иначе, чем набор, например, в руководство Конгресса за свободу культуры.

Во-вторых, у многих зарубежных студентов и студенческих организаций, которые не являлись прокоммунистическими, было скептическое мнение насчет американских целей. Американское влияние должно было быть уменьшено, чтобы проект ЦРУ смог осуществиться.

Следует отметить, что важный шаг в попытке американских властей завязать контакты с оппозиционным студенческим движением был сделан летом 1949 года, когда группа студентов из США, Великобритании и Швеции проводила турне длиной в полтора месяца по Германии. Целью ЦРУ было налаживание контактов с немецким студенческим движением. Студенческая поездка рассматривалась американскими властями с точки зрения

реформирования и демократизации высшего образования Германии, чьи студенты и преподаватели в недалеком прошлом были тесно связаны с нацистским государством. Другой целью проекта было сплотить лидеров студенческого движения трех стран, которые впоследствии должны будут организовать новую студенческую организацию. Том Фармер, ответственный за проект, сказал в интервью Карен Пейдж: «Это дало им Улофа Пальме». Том Фармер был студентом-юристом и офицером разведки, и в 1949 году по предложению ГДМД был отправлен в Германию. Проект финансировался американскими военными силами в Германии, а потом поддерживался Фондом Рокфеллера.

Пальме и Фармер работали вместе в течение зимы 1949–1950 года, и одновременно с американскими студентами готовились к семинару в Германии. Они обсуждали подробную программу, кого из участников пригласить и т. д. В Пальме Фармер нашел человека, который мог бы стать во главе американского проекта. Восприятие Пальме международной обстановки, неспособность сотрудничать с коммунистами во главе МСС и необходимость работать, чтобы создать альтернативную организацию, согласовывались с видением Фармера и других американских студенческих лидеров. У Пальме было еще одно важное преимущество. Он был родом из нейтральной Швеции. Для американцев крайне важно было, чтобы проект не воспринимался, как часть американского плана достичь идеологического мирового господства. В особенности это касалось студенческих групп из третьего мире [8, с. 138].

В 1950 году Пальме, как и многие другие, был глубоко обеспокоен «коммунистической агрессией». В разгар корейского кризиса лета 1950 года он писал своему американскому другу: «Да, Роб, сейчас пять часов утра и мир несчастен. В Корее всё пугает. Добавь к этому другие потрясающие факторы, которые высказали американские избиратели, Макартур и Трумэн, и всё станет почти

безнадежным. Если наша конференция вообще соберется, она станет последней свободно проходящей в течение долгого времени» [9].

В этот период Пальме становится противником коммунизма.

Летом 1950 года во время очередной конференции МСС в Праге, западные студенческие организации согласились с тем, что настало время собраться на оппозиционной конференции, для того чтобы обсудить структуру новой организации. Организаторами конференции были Пальме и ШОСС совместно с датскими и норвежским студенческими союзами в качестве соорганизаторов. Пальме работал с воодушевлением. Он был прекрасно осведомлен о сомнениях во многих европейских студенческих союзах по поводу их разрыва с МСС. «Это означает, что результат будет расплывчатым, – писал Пальме своему американскому другу. – Возможно, это не так уж и глупо. Важно не выделяться слишком сильно. Конференция не должна быть крестовым походом против злых людей Кремля, она не может превратиться в МРА. Кроме того, следует избегать длительных дискуссий об уставе. Наконец, вопрос о взаимоотношениях со студентами из колониальных странах должен стать центральным» [10].

Следует отметить, что неоднозначной была ситуация в Англии. Британская ассоциация вместе со шведской и американской составляли ядро западного контрнаступления, но большинство английских студентов не разделяли мнение Пальме о разрыве отношений с МСС. Пальме вынужден был сам съездить на конференцию британской ассоциации в Ливерпуль в ноябре 1950 года, где скептицизм по поводу Стокгольмской конференции был значительным. У. Пальме пообещал, что он лично попытается получить поддержку от организаторов Стокгольмской конференции, чтобы из МСС были тоже приглашены представители. Это было гениальной уловкой. Пальме знал, что это не произойдет в любом случае, так как именно он был главным организатором, и такое приглашение противоречило бы его стратегии в отношении Стокгольмской конференции.

Пальме пришлось потратить значительные усилия на финансирование Стокгольмской конференции. В этот период ЦРУ еще не финансировало новую студенческую организацию. Сумма, которая считалась необходимой, составляла 18 000 шведских крон. Это было не так много по сравнению с огромными ресурсами, которые несколько лет спустя стали предоставляться в распоряжение прозападным организациям, поэтому пришлось готовиться к значительным трудностям. Шведское правительство выделило 5 000 крон. Это означало, что оно поддержало идею У. Пальме в борьбе против студенческого движения, ведомого коммунистами. Оставшуюся сумму Пальме попытался собрать у шведских крупных компаний. Своим датским партнерам он написал, что сожалеет о том, что они не могут справиться с «экономикой без поддержки «сомнительных» организаций». «Среди прочего, мы получили 1000 крон от кооперативного союза и 1000 крон от Л.М. Эрикссон. Я надеюсь, что это не слишком много. Это происходит тихо и «без всяких обязательств». Для них этот налог – технический вопрос» [11].

В своем письме к директору Электролюкса Эламу Тунхаммару он писал: «Эта конференция будет теперь описана как своего рода поворотный момент в международном студенческом сотрудничестве... Это даже касается того, чтобы найти основу для сотрудничества со студентами, особенно в странах Африки и Азии, чьи особые проблемы и трудности используется для коммунистической пропаганды. Конференция, несомненно, будет самой важной инициативой шведских студентов, предпринятой на международной арене». В итоге не хватило 5000 крон. Откуда пришли эти деньги, не удалось выяснить. Не исключено, что американцы способствовали появлению последних тысяч [12, с. 105].

Прошедшая Стокгольмская конференция имела большой успех. Американское правительство пристально следило за развитием событий. Из телеграммы в посольстве в Стокгольме, подписанной американским госсекретарем Ачесоном, следует, что

Государственный департамент «рекомендует ШОСС поддержать конференцию в Стокгольме 17 и 21-го декабря. Госдепартамент выражает явную заинтересованность в поддержке формирования международной студенческой организации». В итоге, госсекретарь Ачесон попросили посольство собрать информацию о конференции и направить её в Вашингтон. Стокгольмская конференция показала, что существуют проблемы, которые мешают новой организации.

Стратегия Улофа Пальме была проста: важно действовать осторожно. Новая организация будет фокусироваться на студенческих вопросах, и, насколько возможно, следует избегать их политизации. Однако было два основных препятствия: группа студентов, которая все еще хотела иметь контакты с МСС – и это касалось, прежде всего, определенной группы в английской ассоциации – и тех, кто хотел бы использовать новую структуру для антикоммунистического похода. Поэтому следовало держать эти группы на расстоянии. Так угрозу для стратегии У. Пальме представляла речь американского делегата Ал. Левенштейна, который был яростным противником коммунизма. Беседуя с американским послом, Пальме выразил большую обеспокоенность тем, что Левенштейн «сжег все шансы американской делегации взять на себя инициативу на конференции» [8, с. 146]. Следует отметить, что в этот период у Пальме и Левенштейна не было идеологических разногласий, но, по сути, заявление такого рода было полностью неуместно на данном заседании.

«Я должен честно сказать, что термины, которые он использовал и способы, которыми они использовали на нас, звучали на собраниях МСС также страшно, как заявления, которые делали ведущие советские делегаты». Это письмо было адресовано делегату на ежегодном собрании НСА (национальной студенческой организации), где Пальме настойчиво утверждал, что провокационная линия Левенштейна должна быть отклонена. «Жизненно важно, чтобы новая организация могла быть построена. Но для этого требуется две вещи. Политический климат должен быть

благоприятным и финансовые ресурсы, и административный аппарат должны быть под рукой... Мы должны иметь организацию, которая сможет эффективно противостоять компромату и давлению со стороны сталинистов» [13].

Отдельный план был разработан Пальме по студентам из стран третьего мира. В письме к американским студентам Пальме писал: «Там студенты занимают ключевую позицию. В значительной степени это небольшие группы студентов, которые будут определять, где их страны будут через несколько лет, будут они полностью сталинистскими или нет, будут они коррумпированными или прогрессивными, станут они получать выгоду для себя или работать ради реформ и повышения уровня жизни. Жесткий национализм, жестокие требования к цветным расам, по сравнению с белой, восстание против узкой феодальной системы касается, в первую очередь, студентов этих стран. Мы не собираемся никуда идти с демократическими лозунгами. Когда мы работаем с этими студентами, мы не можем «продать» им демократию или превратить их в эффективных крестоносцев для борьбы против мирового коммунизма.

Что мы можем, так это попытаться показать нашу солидарность с их борьбой за самоопределение, улучшить их положение. Мы сможем, наверно, показать им, что демократия как способ эффективна при построении студенческой организации, мы можем помочь им конкретно во всех программах и мероприятиях, в которых наша студенческая организация была успешной, и мы можем помочь им материально тем, в чем они нуждаются. Здесь нет общих обещаний или политической подоплеки в данной программе. Она будет состоять из болезненных попыток, вероятно из многих неудач и разочарований, но в конечном итоге, возможно, будут некоторые успехи, имеющие большое значение» [13].

Следует отметить, что МСК имел большой успех в течение нескольких лет. Благодаря Пальме в конференции принимали участие страны третьего мира. В тоже время был риск нарушить баланс

между различными тенденциями, которые Пальме и его союзники достигли с таким усилием. В докладе, который Пальме передал ШОСС после Копенгагенского конгресса, ярко изображаются культурные столкновения.

Латиноамериканцы «характеризовались сильной жестикуляцией и многословностью, постоянной связью с большими политическими темами, которые вызвали удивление, некоторую путаницу и незначительное сопротивление среди многих европейских делегаций». Большинство латиноамериканцев были «такими же буйными антикоммунистами, как и антифашистами. Во многих случаях они вели борьбу против диктатуры и политических репрессий, и некоторые из делегатов содержались под стражей того или иного тоталитарного режима. Эти обстоятельства должны быть известны, чтобы объяснить иррациональное поведение на конференции латиноамериканских делегаций с европейского точки зрения».

На практике возникает вопрос о том, как работать с делегациями «которые приехали, в первую очередь, не для того, чтобы дискутировать предмет студенческих проблем в нашем привычном понимании, но для того, чтобы найти моральную поддержку в борьбе за элементарные права, будь то политические репрессии, как в нескольких южноамериканских странах; расовая дискриминация, что касалось израильтян и африканцев; или колониализм, как в случае делегатов из Африки и Азии. Заявление на конференции, которое ясно бы осудило эти вещи, имело бы большее значение при возвращении, чем обширный обмен планами и информационными бюллетенями».

Проблема для Пальме состояла в том, как соотнести желания этих делегаций, не вступая в конфликт с основными положениями европейских студенческих союзов. Благодаря своим способностям Пальме удавалось маневрировать между различными делегациями. Именно в эти годы он совершенствовал свои знаменитые навыки вникать в ситуацию и отстаивать свою точку зрения. Ключ к успеху

Пальме находилась в его способности заставить каждого участника почувствовать, что он играет в данном проекте важную роль.

Во время Стокгольмской конференции 1950 года, после реплики Левенштейна, когда всё висело на волоске между успехом и провалом, 23-летний Пальме произнес речь. Он процитировал делегата из колониальной страны, который был на конгрессе в Праге полгода назад и который критиковал амбивалентные послания колониальных держав. «Из чего состоит демократия, о которой так громко говорят? Это очень легко выяснить. Везде, где это демократия была применена, результатом стали массовое страдание, беды, голод и смерть... Мы не должны забывать, что независимо от того, какие политические убеждения эти студенты имеют, эти чувства разделяют все студенты из этих стран». Именно поэтому было важно, чтобы конференция завершила выполнение своих задач, чтобы что-то из этого вышло. «Мы должны игнорировать выход за рамки того, чтобы пропагандировать какую-либо политическую идеологию или наше идеологическое наследие, или наш образ жизни, или то, как мы служим человечеству. Я просто чувствую, что мы должны что-то сделать» [14].

Пальме в эти годы много размышлял о странах третьего мира. В письме к Герберту Эйзенбергу летом 1951 он писал следующее: «Возможно, наша самая большая проблема в этих странах состоит в создании независимых, деполитизированных, или, вернее, несталинистских студенческих организаций. Мы должны активно поддерживать создание национальных федераций, которые будут работать, чтобы сформировать эффективные локальные организации, особенно те, которые разрабатывают программы, которые смогут привлечь отдельных студентов...».

Идея была заимствована Пальме из модели Международной конфедерации свободных профсоюзов (МКСП, Fria fackföreningsinternationalen), которая в то время работала с поразительным успехом.

За несколько лет до того, как Пальме стал сотрудничать со шведским рабочим движением, он уже хорошо разобрался в одном из наиболее организованных проектов холодной войны, прозападном, частично финансируемым ЦРУ, Международной конфедерации свободных профсоюзов. Центральную роль в этом сыграл другой швед, Арне Гейер. Следует отметить, что не только Улоф Пальме был обеспокоен последствиями речи Левенштейна о холодной войне на Стокгольмской конференции 1950 года. Госдепартамент и американская разведка разделили мнение Пальме о том, что действия Левенштейна поставили под угрозу весь проект. Не в последнюю очередь этот эпизод показал трудность осуществления контроля над определенными демократическими организациями. Американское посольство выразило сожаление о незрелом поведении Левенштейна, и проблема была разрешена на самом высоком уровне. Сразу после Стокгольмской конференции глава ЦРУ Аллен Даллес обсудил возникшую ситуацию с несколькими доверенными лицами. Было высказано сожаление, что руководство американского студенческого союза «не было готово принять государственную помощь, потому что это противоречило бы основным принципам независимости... и привело бы их к превращению в государственный инструмент». Было решено действовать осторожно и довольствоваться тем, чтобы тайно продолжать поддерживать отдельные проекты в Латинской Америке и Южной Азии [15].

После продолжительных дебатов на конгрессе, фракцию Левенштейна изолировали. Центральная международная комиссия получила нового лидера Авреа Инграма. Выбор удивил многих. Инграм не был лидером в студенческой среде. Он был офицером запаса с хорошими связями в разведывательных кругах. Вскоре после своего избрания, он сообщил совету, что у него есть предложения от спонсоров, которые заинтересованы в долгосрочной поддержке активистов студенческого союза, особенно на международном уровне. В этот период экономическая ситуация в МСК была довольно-таки

сложной. Доступность этих средств позволила бы создать более сильную организацию. В тоже время МСК могла бы решить на конференции в Эдинбурге в январе 1952 такие вопросы, как создание постоянного секретариата COSEC в Лейдене и расширение международной программы, большая часть которой будет находиться в ведении ПСВ (программы студенческой взаимопомощи). Понятно, что под спонсорами Инграма подразумевалась американская разведка. Посредством Инграма ЦРУ удалось разместить своего человека в управлении международной деятельности НСА. Финансирование организации с этого времени стало стабильным.

Еще одной важной частью американской стратегии было создание Фонда молодежных и студенческих дел, ФМСД (FYSA, Foundation for Youth and Student Affairs). Формально ФМСД был зарегистрирован в качестве благотворительного фонда, на самом деле, он финансировался американским правительством. FYSA, который начал свою работу в августе 1951 года, вскоре стал одним из главных спонсоров МСК. Шведский Генеральный секретарь МСК/COSEC осенью 1952 был информирован о том, что, скорее всего, ФМСД будет финансировать большую часть деятельности МСК, в том числе и международной деятельности. Не менее важным было поддерживать финансирование предстоящих съездов МСК. Это давало возможность приглашать студентов на конференции, проходящие в разных странах мира.

Третий конгресс МСК в Копенгагене в 1952 году имел бюджет в 28 500 долларов, а четвертый в Стамбуле в 1954 году – 67 000 долларов. Штат МСК в Лейдене состоял из 50 человек. В общей сложности от 85 до 90 процентов доходов МСК с 1953 года и 1967 год поступало по различным каналам от правительства США.

Госдепартамент и ЦРУ считали Улофа Пальме хорошим руководителем международного студенческого союза. Осторожные маневры Пальме для укрепления хрупкой коалиции прозападных студенческих союзов, а также его понимание деликатности

отношений со студентами из стран третьего мира, отвечали американским интересам.

Весной 1951 года скандинавские студенческие союзы начали кампанию по сбору денег для Индонезии. «Мы должны собрать 50 000 крон для страны, – писал Улоф Пальме своему другу Герберту Айзенбергеру [16]. На конференции ШОСС Пальме убеждал шведских студентов: «Царящая там материальная нужда не имеет аналогов в этой части мира. Однако студенты всего мира должны активнее участвовать в помощи стране (Индонезии)» [17].

Несмотря на значительные усилия, возможности шведских студентов были ограничены. Через год было собрано только 12 000 крон. В тоже время было трудно убедить шведских студентов собирать деньги только для Индонезии. Не была названа истинная причина, по которой следовало оказывать финансовую помощь именно этой стране. Следует напомнить, что Индонезия являлась, по сути, одной из главных стран в борьбе против коммунизма, поддерживалась Соединенными Штатами.

Открыто назвал истинную причину сбора средств для Индонезии Линдквист весной 1952 года на собрании ШОСС. Он заявил, что полностью согласен с целями кампании по Индонезии, которая, прежде всего, была направлена против коммунизма... Он сообщил, что важный вклад в кампанию ожидается из других источников, а вклад студентов больше заключается в моральной поддержке проекта.

Следует отметить, что в это время американский студенческий союз неоднократно выражал благодарность за шведский вклад в мировое студенчество. В официальном письме к ШОСС в 1953 году подчеркивалось уникальное значение ШОСС и Улофа Пальме. Вот что они писали: Стокгольмская конференция 1950 года была «примером эффективности»; на третьей конференции в Копенгагене «ваша делегация проявила инициативу и выдвинула резолюцию решающего значения для конференции; эта резолюция дала надежду

многим представителям слаборазвитых стран и к тому же оттолкнула другие группы, которые имели более ограниченные цели на конференции. ШОСС уже на наш взгляд является ведущим защитником студентов в свободном мире [18].

Ценность Пальме подтверждается усилиями американцев, которые были направлены на то, чтобы убедить его занять пост Генерального секретаря МСК, когда должность была впервые утверждена весной 1952 года. МИД США подчеркивал персональное значение У. Пальме, они утверждали, что съезд в Эдинбурге был «большим шагом вперед в пропагандистской войне против МСС, одной из самых опасных международных коммунистических организаций» [19].

Однако Пальме ответил отказом. Он опасался того, что это создаст плохое впечатление о нем, так как Пальме недавно вступил в должность председателя ШОСС. Следует отметить, что осенью 1952 года Генеральным секретарем МСК был избран швед Ярл Транаеус.

Пальме продолжал играть одну из ключевых ролей в международном студенческом союзе. Как председатель наблюдательной комиссии его задачей был контроль за деятельностью секретариата и, не в последнюю очередь, за бюджетом и финансами.

Сразу после ухода в конце 1953 году с этой должности, он начал сотрудничать со шведской разведкой, а также и с Таге Эрландером.

Подводя итог, нужно отметить, что Улоф Пальме всю жизнь утверждал, что не знал ничего о том, что ЦРУ финансировало МСК. Наоборот, Пальме утверждал, что создание организации шло наперекор американцам, которые в отличие от него хотели более политически окрашенную организацию. С учетом ранее изложенного, есть причины расширить это высказывание.

У Пальме в 50-е годы XX века не было идеологических разногласий с американцами, и речь идет не только о его сокурсниках. Неверно то, что Пальме на Стокгольмской конференции

вел ожесточенную борьбу против американского курса. Эл Левенштейн был единственным, кто желал превращения МСК в явную антикоммунистическую организацию. За работой Пальме наблюдали с одобрением от министра иностранных дел Ачесона до шефа ЦРУ Даллеса. Личные убеждения и устремления Пальме совпало с амбициями американского правительства, которое хотело создать прозападные структуры в ряде областей: профсоюзных, политических, идейных, культурных, которые стали бы оружием в холодной войне. Маловероятно, что проект Пальме удался бы без поддержки американцев.

Пальме вскоре осознает, что за различными студенческими проектами стоят большие деньги именно правительства США.

Американцы признавали, что не хотели, чтобы Пальме знал слишком много. Интерес представляет протокол по юго-восточному азиатскому комитету, где можно наблюдать такие манипуляции. Пункт, в котором говорилось об экономике, и, который иронично назывался «корень зла», в версии, отправленной Пальме была изменена на более нейтральное «наконец деньги». В тоже время в версии для Пальме добавили формулировку о том, что дарители представляют «группу частных лиц». Трудно придумать другое объяснение, чем то, что они хотели, чтобы Пальме думал, что деньги были результатом «индивидуального милосердия».

В какой-то степени Пальме подозревал, что американцы, с которыми он работал в немецком проекте, такие как Том Фармер или его лучший друг Инграм, были связаны с американским правительством и их разведывательной деятельностью. Том Фармер, впоследствии, дал Карен Пагет следующий ответ на этот вопрос: «Улоф и я работали постоянно вместе, и мною никогда не упоминалась фраза «Правительство США». Мы были просто вовлечены в проект, который, по нашему мнению, был важен для развития послевоенного мира». Их сотрудничество работало, потому что они оба имели общий взгляд на мир, который, к

счастью, находился между тем, что ЦРУ хотело сделать, и теми чувствами, которые доминировали над западными студенческими организациями. «Он был шведским патриотом, а я американским патриотом», – подвел итог Фармер [8, с. 143].

Таким образом, невозможно обосновать точно, насколько Пальме был информирован об источнике поступающих в организацию средств, которые в конце его срока на посту председателя стали вливаться в МСК. Следует также отметить, что знание о непосредственной роли ЦРУ в этих проектах в это время было ограничено.

Однако трудно представить себе, что такой наблюдательный и хорошо разбирающийся человек, как Улоф Пальме, не понял бы, что часть денег, возможно, появилась от американского правительства.

То, что курс Пальме совпадал с американским, очевидно, не делает его простым инструментом в руках американского правительства. Нет оснований сомневаться в том, что им двигала собственная идеологическая убежденность. Его основополагающий проамериканизм никоим образом не означал абсолютную поддержку американской внешней политики. Критика Пальме колониальных войн только росла в его студенческие годы. Он с тревогой смотрел на то, как Запад обещал построить демократию в странах третьего мира, а вместо этого создавал коррумпированные режимы как, например, в Южной Корее. И, безусловно, не случайно то, что когда Пальме спустя 15 лет начал восстанавливать контакты со многими из своих сокурсников, было несколько из них, которые, как и он сам, стали резко критиковать американскую войну во Вьетнаме. Наиболее ярко из них об этом высказывался Эл Левенштейн, который в конце 1960-х стал ярким противником войны. То же касалось и многих тех, кто был связан с другим большим проектом ЦРУ «для интеллектуалов», Конгрессом Культурной Свободы. Это были молодые идеалисты, которые оказались наиболее заинтересованными в том, чтобы американцы выиграли; этих реакционеров заполучили бесплатно.

Улофу Пальме было всего 26 лет, когда он оставил международную студенческую работу. Он приобрел уникальные знания и опыт в международной деятельности. Он был центральной фигурой всемирного студенческого движения, которое действовало в 43 странах мира, показал себя опытным организатором и построил свою международную студенческую сеть во многих частях мира. У него был опыт от коммунистических государств и организаций, которые наложили отпечаток на его мировоззрение в течение всей его жизни.

Кроме того, Пальме в большей степени, что было необычно для начала 1950-х, получил представление о политических и социальных проблемах, которые были связаны со странами третьего мира и колониальным освободительным процессом. Не в последнюю очередь, он узнал, что колониальный гнет и затяжные войны были неэффективным способом борьбы с коммунизмом и радикальными движениями. Летом 1954 года Пальме выступил с докладом перед шведскими студентами, в котором прозвучала фраза, определившая в дальнейшем его политический путь. Он сказал, что человек не может удовлетворить свои требования к социальной справедливости насилием и военной силой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. <http://dic.academic.ru>.
2. **Philip G. Altbach, Norman Thomas.** The Student Internationals. – Metuchen, N.J: Scarecrow Press, 1973. – P. 124.
3. Riksarkivet. SFS:s arkiv. Vol. E 1 b: 3. Olof Palme, SFS förbundsstyrelse 25–26.02.1950, Brev Olof Palme–Robert West, Erskine Childers 05.06.1950.
4. Olof Palmes arkiv. Del 4.2 Vol 1. Rapport från International Union of Student's kongress i Prag den 14–24 augusti 1950
5. Riksarkivet. SFS:s arkiv. SFS: s arkiv. Vol A 1: 3. Olof Palmes rapport till SFS styrelse 23–24.09.1950.
6. Olof Palmes arkiv. Del 4.2 Vol. 1. Se den svenska delegationens rapport.
7. **Gunnar Berggren.** Olof Palme om Stockholms konferensen // Dagens Nyheter. 1967. 23 februari.
8. **Paget, Karen.** From Stockholm to Leiden // Intelligence and National Security. – 2003. – Vol. 18 № 2. S. 137.

9. Riksarkivet. SFS: s arkiv. Vol. E 1 b: 3. Brev Olof Palme–Robert West oktober 1950
10. Riksarkivet. SFS:s arkiv. Vol. E 1 b: 3. Brev Olof Palme–Ted Harris, ISS, Genève 24.10.1950
11. Riksarkivet. SFS:s arkiv. Brev Olof Palme–Stig Andersson 21.10.1950
12. **Gummesson, Jonas**. Olof Palmes ungdomsårs. – Stockholm: Ekerlids förlag AB, 2001. – S. 223
13. Riksarkivet. SFS:s arkiv. Vol. E 1 b: 4. Brev Olof Palme–Kenneth R Kurtz 20.08.1951
14. Olof Palmes arkiv. Del 4.2 Vol 1. Protokoll Stockholmskonferensen 1950
15. **Warner, Michael**. The CIA under Harry Truman. CIA Cold War Records. – Washington: History staff CIA, 1994. – P. 168
16. Riksarkivet. SFS: s arkiv. Vol. E 1 b: 4. Brev Olof Palme–Herbert Eisenberger 01.04.1951
17. Riksarkivet. SFS: s arkiv. Vol. A 1: 4. SFS Fullmäktige 21–22.04.1951
18. Riksarkivet, SFS: s arkiv, Vol. E 1 b: 3 Korrespondens. Internationella sektorn.
19. **Warner, Michael**. The CIA under Harry Truman. CIA Cold War Records. – Washington: History staff CIA, 1994. – P. 203.

**ЭДМОНД МОНСОН ПОЛЬ – ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ
ПОЧЕТНЫЙ КОНСУЛ В СИДНЕЕ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)**

После окончания Крымской войны (1853–1856 гг.) и восстановления русско-английских торговых связей представители деловых кругов Англии стали обращаться в российское генеральное консульство в Лондоне с предложением учредить “в интересах торговли” консульские представительства России в Австралии. Е.И. Кремер, тогдашний российский генеральный консул в Лондоне, счел эти обращения заслуживающими внимания и уже в декабре 1856 г. предложил учредить нештатные вице-консульства России в Сиднее и Мельбурне. Предполагалось, в частности, назначить коммерсанта Э.М. Поля вице-консулом в Сиднее, а Дж. Деймиона – вице-консулом в Мельбурне. 4/16 марта 1857 г. Департамент хозяйственных и счетных дел российского министерства иностранных дел сообщил, что МИД поддержал идею, а товарищ министра И.М.Толстой дал согласие на это назначение [1, л.1–2об.,7–7об; 2, л.20–20об.]. Вместе с тем, русское правительство сочло целесообразным учреждение консульской службы в Австралии и с точки зрения национальных интересов России. Вслед за открытием в 1851 г. золота в Австралии и началом там «золотой лихорадки» последовало стремительное экономическое развитие австралийских переселенческих колоний, быстро росла численность их населения. Русское правительство было заинтересовано в получении оперативной и точной информации о развитии британских владений на антиподах. К тому же в повестку дня встал вопрос о защите интересов русских подданных, оказавшихся в Австралии: среди

золотоискателей было немало выходцев из западных районов Российской империи.

В соответствии с положениями российского Консульского устава о нештатных консулах Э.М. Поль и Дж. Деймион в письменной форме дали обязательство исполнять должность без всякого притязания на жалование или какое-либо вознаграждение, кроме определяемого Уставом, а также подписку о непринадлежности к тайным и масонским обществам [3, л.12–13]. В 1875 г., когда российские вице-консульства в австралийских переселенческих колониях были преобразованы в консульства, статус Э.М. Поля и Дж. Деймиона был повышен: они стали нештатными консулами России в Мельбурне и Сиднее.

Кем же был Эдмонд Монсон Поль? Родился он в 1826 г. или, скорее, в 1827 г. в городе Норидж на востоке Англии в семье серебряных дел мастера. В начале 50-х гг., вместе с младшим братом Уильямом Шеффилдом Полем, он приехал в Австралию и обосновался в Сиднее, где занялся мелкооптовой торговлей. Еще до назначения российским вице-консулом Э.М. Полю с неожиданной стороны пришлось ощутить дыхание далекой северной империи. В годы Крымской войны в Австралии со страхом ждали нападения русского флота на портовые города. Опасения русской агрессии были, разумеется, беспочвенными, но в переселенческих колониях на волне страха начали формироваться отряды волонтеров. В 1854 г. одним из первых в число таких ополченцев в Сиднее вошел и Э.М. Поль [4, р. 11].

В феврале 1860 г., уже, будучи российским консулом, Э.М. Поль на два года по личным делам отправился в Англию, оставив исполнять консульские обязанности Уильяма [5, л. 2–2об.; 6, р. 5]. Какое-то время братья владели скотоотгонной фермой Глендаривэлл в центральном Квинсленде. В 1866 г. в Брисбене Э.М. Поль женился на Розали Пурди [7, р. 1]. Со временем у этой четы родились сын и трое дочерей. Страшная засуха, разразившаяся в Квинсленде в 1867–1868 гг., заставила Э.М. Поля в конце концов

бросить сельское хозяйство и возвратиться к своему торговому бизнесу в Сиднее. Там в 1870 г. он становится эксклюзивным агентом английской фирмы J. Schweppe & Co, специализирующейся на производстве минеральной воды. Его брат остался в Квинсленде, где поступил на государственную службу и даже на два срока избирался в парламент штата.

Нештатные консулы, помимо представительских функций, выполняли «разовые поручения» российского министерства иностранных дел, посольства и генконсульства в Лондоне, пересылали им информацию о положении дел в австралийских переселенческих колониях, собирали статистические данные о развитии различных отраслей экономики Австралии. Однако главной задачей русских нештатных консулов в Сиднее и Мельбурне оставалась защита интересов русских подданных и помощь экипажам русских торговых судов и военных кораблей, посещавших порты пятого континента, в организации ремонта и пополнения запасов провизии. Несмотря на то, что исполнение обязанностей «почетного консула» требовало затрат личных денежных средств, пребывание в этой должности рассматривалось как чрезвычайно желанная привилегия: должность нештатного консула позволяла принимать участие во всех официальных мероприятиях, проводимых колониальными властями. Кроме того, консульский титул повышал реноме его обладателя и расширял возможности коммерческой деятельности.

О работе Э.М. Поля в качестве российского консула можно судить по его донесениям. К сожалению, до нас их дошло немного. Э.М. Поль, судя по всему, не слишком любил писать донесения. К тому же в те времена они высылались нерегулярно и, как правило, были привязаны к расписанию почтово-пассажирских судов, отправлявшихся в Европу. Вместе с тем в известных нам донесениях Э.М. Поля есть информация о развитии торговли и навигации в австралийских переселенческих колониях, сведения о первых и пока совсем незначительных торговых контактах между Россией и

Австралией. В 1859 г., например, Э.М. Поль сообщал в российское генеральное консульство в Лондоне, что в течение года Австралию посетил только один русский корабль. Вице-консул при том выразил надежду, что «совсем недалеко время, когда русские коммерческие суда будут иметь больше возможностей для обслуживания торговли с Австралией» [8, л. 9–9 об.]. Большую помощь оказывал он и русским военным морякам. Начальник отряда судов в Тихом океане контр-адмирал М.Я. Федоровский писал в своем рапорте от 25 августа / 6 сентября 1872 г. о «полном содействии» русского консула в Сиднее «к удовлетворению всем встретившимся нуждам» и отмечал его «полезные услуги и советы для... сношения с местными властями» [9, л. 521–521 об.]. По ходатайству контр-адмирала А.Б. Асланбегова, посетившего ряд портов Австралии в конце 1881–начале 1882 гг. с эскадрой русских кораблей, и весьма польщенного тем приемом, который был оказан ему в Сиднее (разумеется, не без участия русского консула), Э.М. Поль был награжден в 1882 г. орденом Св. Станислава III степени [10, л. 38]. Хорошо отзывались о русском представителе в Сиднее и штатные русские консулы в Мельбурне. (В 1894 г. нештатное консульство России в этом городе было преобразовано в штатное, и его возглавили профессиональные российские дипломаты). В январе 1897 г. консул в Мельбурне Р.Р. Унгерн-Штернберг, отметив заслуги Э.М. Поля и то расположение, которым он пользуется как среди русских, посещающих Австралию, так и среди самих австралийцев, предложил российскому императорскому послу в Лондоне Е.Е. Стаалю ходатайствовать о награждении Э.М. Поля еще одним орденом [10, 38–39 об.]. Отдавал должное заслугам Э.М. Поля и другой русский дипломат – Н.П. Пассек, сменивший Р.Р. Унгерн-Штернберга на посту русского представителя в Австралии. Вместе с Н.П. Пассеком Э.М. Поль принимал участие в торжествах в Сиднее по случаю провозглашения 1 января 1901 г. Австралийского Союза. Н.П. Пассек стал одним из главных действующих лиц на праздновании 45-летия

пребывания Э.М. Поля в должности российского нештатного консула в Сиднее. Знаменательная дата отмечалась в апреле 1902 г. в сиднейском отеле «Австралия». На этом юбилее Н.П. Пассек торжественно объявил, что им получена телеграмма из Петербурга, в которой сообщается о награждении Э.М. Поля личным подарком от императора Николая II [11, р. 7]. В 1912 г. Э.М. Поль был награжден орденами Святого Станислава 2-ой степеней [12, р. 8].

Э.М. Поль отличался мягким, добродушным характером и был образцом английского джентльмена старой школы. Он пользовался всеобщим уважением и имел широкий круг общения. Его дом в престижном районе Сиднея Дарлинг Пойнт был открыт для команд русских кораблей и всех заметных русских посетителей Сиднея. В 1888 г. у него гостил великий князь Александр Михайлович, двоюродный брат императора Александра III. Великий князь в чине мичмана состоял в экипаже корвета «Рында». Русский корабль посетил Сидней и участвовал в праздновании столетия со времени основания английских колоний в Австралии¹. Десятилетием ранее, в 1878 г. в доме Э.М. Поля некоторое время жил Н.Н. Миклухо-Маклай. Надо сказать, что о знаменитом русском путешественнике Э.М. Поль узнал еще до личного знакомства с ним. Они вступили в переписку в первой половине 1870-х гг., когда Н.Н. Миклухо-Маклай планировал приехать в Сидней и рассчитывал на помощь консула в своем обустройстве в этом городе. В 1875 г. Э.М. Поль пытался навести справки о судьбе Н.Н. Миклухо-Маклая: путешественник находился в это время в экспедиции на Молуккских островах и Малакке, и от него слишком долго не было никаких сведений [14, л. 314 об. – 315]. Позднее, уже познакомившись лично, русский ученый и российский консул поддерживали дружеские отношения. В 1880 г. Э.М. Поль получил и передал Н.Н. Миклухо-Маклаю собранные для него по подписке от русских граждан 4500 рублей. Подписка была организована газетой «Голос» и предназначалась для

¹ Подробнее о визите «Рынды» в Австралию см. [13].

поддержки этнографических исследований русского ученого. Сам Э.М. Поль высоко оценивал «великие ученые заслуги» Н.Н. Миклухо-Маклая, отмечая при этом, что его исследовательская деятельность находит все более широкое признание в Австралии [15]. В 1886 г. Н.Н. Миклухо-Маклай, в свою очередь, поручил Э.М. Полю переслать из Сиднея в Петербург коллекции, собранные путешественником во время своих экспедиций [16, с. 446]. Это поручение было успешно выполнено.

Постепенно, однако, годы брали свое. С возрастом Э.М. Полю все труднее было исполнять обязанности консула. В конце 1912 г. российский генеральный консул в Мельбурне А.Н. Абаза в одном из своих донесений вынужден был признать, что Э.М. Поль «наш консул в Сиднее, ...которому... минуло уже 87 лет, совершенно не в состоянии хоть сколько-нибудь справляться с возложенной на него консульскою работою» [17, л. 5 об.]². В марте 1913 г. после 56 лет службы Э.М. Поль подал прошение об отставке и в апреле того же года был «уволен от должности» [18, с. 192]. А еще через полгода, 27 ноября 1914 г. Э.М. Поль умер [19, р. 18]. Похоронен самый «долгослужащий» российский консул в Австралии на знаменитом Сиднейском кладбище Ваверли.

Э.М. Поль, несомненно, оставил свой след в истории отношений России и Австралии и как первый российский консульский представитель в Сиднее, и как человек, немало сделавший для становления русско-австралийских связей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 184, оп.520, д.137.
2. АВПРИ. Ф.256, оп.555, д.988.
3. АВПРИ. Ф.161, оп.148, д.6.
4. The Sydney Morning Herald, 20.04.1911.
5. АВПРИ. Ф.256, оп.555а, д.1147.

² А.Н. Абаза допускает неточность в указании возраста Э.М. Поля.

6. The Sydney Morning Herald, 13.02.1860.
7. The Brisbane Courier, 15.02.1866.
8. АВПРИ. Ф.256, оп.555а, д.1104.
9. Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф.410, оп. 2, д. 3207.
10. АВПРИ. Ф.184, оп.520, д.779.
11. The Sydney Morning Herald, 28.04.1902.
12. The Sydney Morning Herald, 10.03.1913.
13. **Говор Е.В., Массов А.Я.** «Рында» в гостях у австралийцев. (К 110-летию визита в Австралию) // Австралиада (Сидней), 1998, № 17. С.1-3.
14. АВПРИ. Ф. 256, оп. 555а, д.1445.
15. Голос, 23.03.1880.
16. Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. Соч. в шести тт. Т.5. Письма. Документы и материалы. М. : Наука, 1996.
17. АВПРИ. Ф.184, оп.520, д.1441.
18. Ежегодник министерства иностранных дел России, 1914. СПб., 1914.
19. The Sydney Morning Herald, 28.11.1914.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА М. А. БАКУНИНА (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Анархизм является одной из наиболее интересных философских концепций и политических движений России. Возникший в XIX веке в лоно народничества, он получил своё дальнейшее развитие в концепциях М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, Л.Н. Толстого. Русский анархизм в своём становлении был обязан формированию западноевропейской анархической доктрины, концепциям П.Ж. Прудона, М. Штирнера, но при этом включал и теоретические моменты, определённые особенностями формирования русской культуры, теми ключевыми проблемами, которые приходилось решать в России. Особое значение в философии русского анархизма занимает концепция М.А. Бакунина. Согласно А. Камю «Бакунин оказался единственным в своё время мыслителем, с исключительной яростью обрушившимся на правительство, состоящее из ученых. Наперекор всем отвлечённым догмам он встает на защиту человека как такового, полностью отождествляемого с бунтом, в котором тот участвует» [1, с. 240]. Надо подчеркнуть, что концепция органической демократии – идеал анархии Бакунина – принципиально отличается от теории буржуазного демократического правового государства. В своих воспоминаниях Рихард Вагнер, который встречался с Бакуниным в Дрездене, отмечал, что Бакунин безразлично относился к республике и демократии [2, с. 173]. Философ понимал демократию как подлинное самоуправление народа, его освобождение от бюрократических политико-правовых форм, и критиковал демократическое государство, основанное на всеобщем избирательном праве, которое может быть даже более деспотическим, чем монархическое. Наличие принципа власти –

«дьявола всей человеческой истории» – подчинило, по мнению Бакунина, свободного человека церковной, судебной и научной властям, чуждым ему ложным авторитетам.

Основателем русского анархизма, сыгравшим важную роль в теоретическом обосновании и распространении анархистских идей, как в России, так и в Западной Европе, был Михаил Александрович Бакунин (1814–1876). Свою социально-политическую концепцию, созданную преимущественно под влиянием философии Фихте, Шеллинга и Гегеля, антропологического материализма Фейербаха, анархизма Прудона, утопических теорий Сен-Симона, Фурье и Вейтлинга, Бакунин изложил во многих сочинениях и, в частности, в работах «Федерализм, социализм и антителиологизм» (1867), «Кнута-Германская империя и социальная революция» (1871), «Государственность и анархия» (1873). В них давалось материалистическое объяснение социальных отношений, государственности и культуры, и «естественная природность» представляла как критерий истинности человеческого бытия. «Три основных принципа, – писал Бакунин, – составляют существенные условия всякого человеческого развития в истории как индивидуального, так и коллективного. 1) Человеческая животность, 2) мысль и 3) бунт. Первому соответствует собственно социальная и частная экономия; второму – наука; третьему – свобода». Бакунин искал смысл социально-исторического прогресса в объективных законах жизни индивида и общества, ставя в зависимость от их познания реализацию человеком своей свободы, состоящей, по его мнению, в том, что он эти законы познает и добровольно им повинует. Во взаимной опосредованности личной свободы и коллективного начала проявлялось, по Бакунину, действие «инстинкта солидарности. Исходя из антропологического подхода к изучению общества, Бакунин рассматривал все государственные и властные органы как специфическую институционализацию инстинктов, генетически заложенных в человеке, принимающую в

разных исторических условиях различные социальные формы. Мыслитель проводил принципиальное различие между обществом и государством. Первое, на его взгляд, существует благодаря «инстинкту солидарности», тогда как второе обязано своим бытием «инстинкту власти». Бакунин доказывал, что государство противостоит личной свободе, ибо возникло в результате насилия и войн и является временной формой организации общества, с которой связаны эксплуатация, привилегии, несправедливость, возведенные в систему. Антиэтатизм Бакунина был обусловлен характерным для него неприятием общественной морали, права, религии и науки, трактуемых им как феномены властеотношения. Наличие принципа власти – «дьявола всей человеческой истории» – подчинило, по мнению Бакунина, свободного человека церковной, судебной и научной властям, чуждым ему и ложным авторитетам. Как видим, онтология анархизма отличалась экстраполяцией властных отношений на всю сферу социального бытия, абсолютизацией отдельных моментов политики, связанных с господством и подчинением. Гегелевская схема взаимоотношений раба и господина стала субъективной предпосылкой в познании социума. Государство, доказывал Бакунин, является источником индивидуализма и бюрократизма, ибо для него жизненно важно сохранение социальных противоречий, создающих иллюзию необходимости государственной власти. Поэтому, по его мнению, требуется полное уничтожение существующего социально-экономического строя и недопустима любая политическая деятельность, поскольку она укрепляет государство. Бакунин верил в то, что «страсть к разрушению есть, вместе с тем, и творческая страсть». При этом он упускал из виду следующее обстоятельство: развитие цивилизации и усложнение общества нуждались в переходе от регулирования социальных отношений, основанных на традиционном праве и нравственных нормах, к безличным, рациональным и неморальным общественным регуляторам, воплощенным в политике и юридическом праве.

Государство с присущими ему атрибутами власти и социальной иерархией было результатом культурно-исторического прогресса, так же как и наука, техника или искусство. Для характеристики своей концепции он использует категорию коллективной индивидуальности, в которой осуществлен синтез идей свободы и коллективизма. Во взаимной опосредованности личной свободы и коллективного начала проявлялось, по Бакунину, действие естественной стороны демократии. В этой связи и свободу он считал результатом и высшим выражением общей солидарности, а личную свободу каждого человека выводил как производное от коллективной свободы общества, видя в историческом прогрессе проявление объективных законов жизни индивида и общества, и ставя в зависимость от их познания реализацию человеком своей свободы. Бакунин подчеркивает: «Народная жизнь, народное развитие, народный прогресс принадлежат исключительно самому народу. Этот прогресс совершается, конечно, не путём книжного образования, а путём естественного нарастания опыта и мысли, передаваемого из рода в род и необходимым образом расширяющегося, углубляющегося по содержанию...» [3; с. 511]. И в данном случае понятие естественного определяет онтологическую предпосылку познания народом своего бытия.

В категории коллективной индивидуальности получило отражение начало народности; мыслитель выступал за коллективные действия, коллективный труд и коллективную собственность, назвал себя и своих сторонников революционными социалистами. Коллективная индивидуальность Бакунина подразумевала все классы, народ, взятый в целом, т. е. народ «в его естественном и непосредственном определении». В анархии обеспечивались «полнейшая свобода и полнейшее равенство всех людей», основанные на общественной собственности и общем труде, равно для всех обязательном. «Инстинкт солидарности» должен был создать качественно новый тип социальной связи, образующийся в

соответствие с естественными потребностями общества, с учетом общественного мнения и на основе сознательной самодисциплины.

Бакунин так обозначил цели освобождения народа:

1) умственное освобождение;

2) социально-экономическое освобождение, где «основой являются два коренных положения: земля принадлежит только тем, кто её обрабатывает своими руками – земледельческим общинам. Капиталы и все орудия труда работникам-рабочим ассоциациям;

3) вся будущая политическая организация должна быть «свободной федерацией вольных рабочих как фабричных как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций)»;

Социальный идеал Бакунина представлял союзом свободных людей, организованных по принципу «снизу вверх» в виде федерации общин; политическая власть здесь растворялась в коллективе благодаря тому, что ее субъект идеально оказывался тождественным объекту. Общая воля совпадала с волей каждого, и человек повиновался лишь потому, что от него требовали то, что соответствовало его собственным желаниям.

Политическая доктрина Бакунина базировалась на трех аксиомах: 1) неустранимости индивидуализма государства, 2) отрицании иерархической системы власти и 3) идее немедленного перехода к безгосударственному обществу. Все они в той или иной степени следовали из тезиса о том, что государство, присвоив себе в истории роль посредника во взаимоотношениях между людьми, устранило естественные общественные связи. Государство, доказывал Бакунин, является источником индивидуализма и бюрократизма, ибо для него жизненно важно сохранение социальных противоречий, создающих иллюзию необходимости государственной власти. «Никакое государство без постоянного заговора существовать не может, заговора, направленного, разумеется, против народных, чернорабочих масс, ради порабощения и правильного обирания которых существуют решительно все государства, и в каждом

государстве правительство не что иное, как заговор постоянный меньшинства против обираемого и порабоощаемого им большинства», – писал Бакунин [3, с. 167]. Революционеры должны, по его мнению, желать «прежде всего, окончательного уничтожения государства» [4, с. 6–7]. Недопустима любая политическая деятельность, поскольку она укрепляет государство. Отрицательное отношение к государству Бакунин выразил и в написанной им в Праге в июне 1848 г. статье «Основы новой славянской политики», в которой государственной политике противопоставляется политика «свободных независимых людей». В этой связи он критиковал и марксизм, считая, что марксизм старается осуществить революцию при помощи диктатуры. Бакунин рассматривал все государственные и властные органы как специфическую институционализацию инстинктов, генетически заложенных в человеке, принимающую в разных исторических условиях различные социальные формы. Мыслитель проводил при этом принципиальное различие между обществом и государством. Первое, на его взгляд, существует благодаря «инстинкту солидарности», тогда как второе обязано своим бытием «инстинкту власти». Данная точка зрения являлась экстраполяцией принципа коллективной индивидуальности на сферу политических отношений. Бакунин доказывал, что государство противостоит личной свободе, ибо возникло в результате насилия и является временной формой организации общества, с которой связаны эксплуатация, привилегии, несправедливость, возведенные в систему.

В 1862 году Бакунин написал брошюру «Народное дело, Романов, Пугачев или Пестель?», в которой призывал Александра II возглавить народную революцию в целях осуществления демократической программы. Она предусматривала объявление всей земли собственностью народа, самоуправление и замену бюрократической централизации вольной областной федерацией, представление Польше, Литве, Украине, финнам, латышам, кавказскому народу свободы и прав распоряжаться своей судьбой и

установление с ними братского федеративного союза, оказание помощи в освобождение славян Пруссии, Австрии и Турции. Его программа также намечала тесный союз с Италией, венграми, румынами, греками, болгарями, предусматривала создание великой и вольной федерации всеславянской. В работах «Воззвание к славянам», «Основы славянской федерации», «Основы новой славянской политики» доказывалось, что на развалинах российской, прусской, турецкой и австрийской империй должна сложиться «великая вольная славянская федерация», основанная на принципах общего равенства, свободы и братской любви, на уничтожении крепостного права и сословного неравенства, на предоставлении каждому, кто пожелает земельного участка, в пределах любой из славянской земель. Бакунин установил контакты и с представителями финской эмиграции и заключил с ними союз, основанный на признании свободного самоопределения наций и провинций. На его взгляд, в федерации России, славянского мира и Европы «абсолютная наука», отказавшаяся от претензий на управление обществом и находящаяся в непосредственной связи с жизнедеятельностью людей, будет коллективным достоянием и «всеобщим сознанием» человечества.

Бакунин верил в то, что «страсть к разрушению есть, вместе с тем, и творческая страсть» [5, с. 148] и конструировал общественный идеал, создавая его путем отрицания существующего общественного зла и включения таких, на его взгляд, «желательных черт», как эгалитаризм, отсутствие социальных противоречий и государственной власти. Он доказывал существование предпосылок анархического идеала в русском народе, в существование «социалистического инстинкта» в крестьянстве, которое требовалось только организовать. К положительным чертам «народного идеала» Бакунин относил: 1) убеждение, что вся земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает, 2) общинное право на землю; 3) противогосударственность. Он указывал и на отрицательные стороны народного идеала, такие, как патриархальность, «поглощение лица миром», вера в Бога и царя.

Мыслитель думал, что русский народ ввиду своего нищенского и угнетенного положения всегда обладает способностью к осуществлению революции. Следует отметить, что само представление о бунте в истории России возникло у Бакунина во многом в связи с тем, что, по его мнению, государство «раздавило общину государственными податями, начальственным произволом. В этих условиях бунт против государства становится бунтом против общинного и мирского деспотизма»[6, с. 131–141]. Он поясняет свою точку зрения, и пишет, что никакого «противочеловеческого» насилия не признает, но «...если приходится выбирать между разбойничеством и воровством восседающих на престоле или пользующихся всеми привилегиями и между народным воровством и разбоем, то я без малейшего колебания принимаю сторону последнего, нахожу его естественным, необходимым и даже в некотором смысле законным» [3, с. 542]. Здесь Бакунин использует понятие естественное, как и Д. Локк для аргументации в пользу революции. Но, если английский мыслитель ссылается при этом на христианские моральные принципы: человек, который не защищает свою жизнь, становится самоубийцей, то Бакунин имеет в виду присущий любому честному и разумному человеку инстинкт справедливости.

Инстинкт справедливости, согласно Бакунину, лежит в основе морального кодекса революционера, свою веру в скорую революцию он связывал с активными действиями небольшой группы революционеров. Исходя из опыта крестьянских выступлений во времена Смуты, восстаний Степана Разина и Емельяна Пугачева, Бакунин предлагал организовать бунт крестьян, разночинной интеллигенции и фабричных рабочих против самодержавия. Отсутствие в России среднего класса и замкнутость крестьянских общин, их отдаленность друг от друга облегчат, как он полагал, начало социальной революции. «Каждая община составляет в себе замкнутое целое. Вследствие чего – и это составляет одно из главных несчастий в России – ни одна община не имеет, да и не чувствует

надобность иметь с другими общинами никакой самостоятельной связи. Соединяются же они между собой только посредством батюшки – царя, только в его верховной, отеческой власти» [3, с. 517]. Задача революционеров, по его мнению, состоит в осуществлении «бунтовской связи» между общинами и организации повсеместного стихийного вооруженного выступления против местной и государственной власти. Особые надежды Бакунин при этом возлагал на деклассированные слои общества, с ними связывая проявление свободолюбивых инстинктов крестьянства. При этом с одной стороны, он говорил о невозможности импровизации в революции, которая должна определяться существующим у народных масс идеалом. С другой же стороны, полагал, что с помощью заговора, «под сурдинку революционеров» можно поднять народ на бунт. Можно утверждать, что на это противоречие повлияли ожидание скорой социальной революции в России и принцип революционной целесообразности. Как отмечал П.И. Новгородцев народничеству «не доставало сознания, что в народной душе, как и во всякой душе, есть своя лучшая и своя худшая часть и что поэтому от народа может исходить и высокий подъем героизма и мудрости и «бунт – бессмысленный и беспощадный». Силу этой худшей части народной души и просмотрели русские народники, в этом была их глубокая ошибка и великая трагедия» [7, с. 567]. Здесь не вполне согласимся с мнением П.И. Новгородцева, так как Бакунин выделял также и негативные черты характера народных масс в России, души русского народа. Вместе с тем, общественный идеал Бакунина исходил из органической демократии, предусматривающей необходимость непосредственного участия народа в революции для создания органов самоуправления. Данный опыт совершения революции мог привести к различным непредсказуемым последствиям, но в этом и заключается сущность революции как стихийного творчества народных масс. Подобный опыт был и у других народов Европы, в

частности, Англии и Франции, который в итоге привёл к установлению у них демократического правового государства.

Интерес вызывает в этой связи концепция другого видного представителя русского анархизма Петром Алексеевичем Кропоткина, который стремился обосновать философию анархо-коммунизма в сочинениях «Речи бунтовщика» (1885), «Нравственные начала анархизма» (1891), «Хлеб и воля» (1892), «Записки революционера» (1902), «Взаимопомощь среди животных и людей как двигатель прогресса» (1907), «Этика» (1922). Ученый в своей методологии исходил из идей Спенсера, Дарвина, Прудона и французских утопистов-социалистов, придав им оригинальную форму синтетической философии. Результаты научного изучения природы и общества подтверждают наличие объективных биологических и социальных предпосылок коллективистского уклада жизни анархизма, и, по мнению мыслителя, «фактор взаимопомощи» и «инстинкт общительности» имеется почти у всех живых существ, что доказывает истинность программы борьбы за социально справедливое общество.

Этика солидарности, идеалы трудового коллективизма и «право на довольство» выдвигались Кропоткиным в противовес философии индивидуализма и эгоистической морали людей, находящихся при капитализме в состоянии непрерывной конкурентной борьбы друг с другом. Политическая философия русского анархиста была ориентирована на критику не гуманности буржуазных отношений, а также многочисленных нарушений прав личности со стороны государства и его чиновников. Кропоткин верно отметил такие негативные черты в деятельности государственных учреждений, как юридический формализм и милитаризация. «Мы начинаем изучать основной характер закона и находим, что его отличительная черта всегда была неизменность, застой, окаменение, – в то время как человечество всегда стремится к непрерывному развитию» [8, с. 77]. Альтернативой государства ему представлялась неполитическая организация человечества на основе сознания

единства между всеми людьми и взаимной их поддержки. На смену «пирамидальной» социальной структуре, управляемой «сверху вниз», должен был прийти «мирской порядок» – децентрализованное общественное самоуправление «снизу вверх». Эгалитарный коммуно-анархизм Кропоткина был обществом равноправных людей, в котором общественно полезный труд не являлся вынужденной необходимостью. Частная собственность, как мешающая коллективной жизни, была экспроприрована. Личности в пределах общих форм деятельности предоставлен полнейший простор. Согласно Кропоткину, закон – явление относительно новое, так в истории люди управлялись на основе обычаев, привычек, нравов. Социальный идеал русского анархиста был гуманистичен и воплощал коллективистские принципы общинных отношений, нормы обычного права, существующие в крестьянском «мире». Анархизм представал в виде федеративного и всепланетного союза производительных общин, объединенных на основе свободного соглашения. Общественное мнение и образование призваны были обеспечить воспитание и соблюдение в жизни коллективистской нравственности. Высочайший уровень развития науки, по Кропоткину, создавал все условия для неуклонного социального прогресса, а также удовлетворения «без лишней траты сил» разумных потребностей людей. Гарантией от проявления эгоизма личности должна была быть нравственная сила людей. В анархистском обществе, полагал мыслитель, сила личности противостоит не власти, а «противообщественным буйным страстям другой личности». Недостойным для человека страстям должны противостоять «столь же сильные нравственные страсти». Отношения между людьми определяются не законами, декларируемыми властителями, а взаимным соглашением свободных личностей и свободно признаваемыми обычаями и привычками, которые не застывают в своих формах, а «постоянно развиваются, применяясь к новым требованиям жизни, к прогрессу науки и изобретений, к

развитию общественного идеала, все более разумного, все более возвышенного».

Спецификой философии Кропоткина были панморализм, абсолютизация роли нравственности в духовной культуре, недооценка значимости политико-правовой сферы общества. Революционно-гуманистический и утопичный идеал философа предполагал его реализацию посредством социального переворота, изменяющего коренные экономические, социальные и политические отношения. Но в отличие от Бакунина Кропоткин связывал начало революции не с отчаянием масс, а с надеждой, которую народ возлагает на последствия революции. «Если отчаяние часто толкает на бунт, то только надежда – надежда на победу совершает революцию». Социальная революция для русского анархиста являлась не столько разрушительной, сколько созидательной силой, подготовленной предшествующим ходом истории и служащей ускорению социального прогресса. Она оказалась отправной точкой для последующего преобразования, ставящего своей целью создание анархии. Важную роль в предстоящей крестьянской революции Кропоткин уделял революционному меньшинству и другим факторам в ее подготовке, придавал большое значение развитию в рабочем классе взаимопомощи, солидарности и инициативы, революционному самосознанию людей. Ему, как и Бакунину, было свойственно стремление к «пропаганде действием», прямому воздействию на процессы общественного развития с целью их ускорения, желание ввести непосредственно коммунистический быт, минуя демократический этап социальных преобразований. Следует видеть и сложность той задачи, которую он поставил перед собой,— создания неполитической организации в обществе, что не помешало мыслителю увидеть несоответствие своего идеала с результатами «большевистского переворота» и подвергнуть его критике.

В заключение отметим, что философия права русского анархизма включала значительный антибюрократический пафос,

направленный на критику формально-юридических сторон буржуазного и абсолютистского государства; она отражала стремление значительной части русской интеллигенции к преодолению характерной для западноевропейской политической мысли XIX века антитезы личность-общество, право-мораль. В философии права М.А. Бакунина присутствует идеал универсальной, подлинно народной, а не ограниченной защитой интересов немногих демократии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Камю А. Бунтующий человек. М., Политическая литература. 1990.
2. Вагнер Р. Моя жизнь. Мемуары. Т. II. СПб., 1911.
3. Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., Правда 1989.
4. Бакунин М.А. Наша программа // Народное дело. 1868. № 1.
5. Бакунин М.А. Собр. соч. и писем. Т. III. М., 1935.
6. Бакунин М.А. Анархия и порядок. Соч. М., 2000.
7. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., Пресса. 1991.
8. Кропоткин П.А. Анархия, её философия, её идеал. М., Эксмо. 2004.

РАЗДЕЛ V.
КОНФЕРЕНЦИЯ
«ТРАДИЦИОННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ»

УДК 323.2

В. Р. Атнашев, С. Н. Погодин

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ «ТРАДИЦИОННЫЕ ИНСТИТУТЫ
И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ
ОБЩЕСТВЕ»

Международная научная конференция «Традиционные институты и государственная политика в современном обществе», проходила 19–20 сентября 2014 года и была организована на базе кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (ИМОП СПбГПУ) под эгидой Ассоциации исследователей государственной политики и управления на Ближнем Востоке (Association for Middle Eastern Public Policy and Administration, АМЕРРА).

Это первая проведенная в России конференция АМЕРРА. Её организационный комитет возглавили В.Р. Атнашев, доцент кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления (СЗИУ РАНХиГС), заведующий кафедрой международных отношений ИМОП СПбГПУ, профессор С.Н. Погодин, и доцент кафедры международных отношений А.В. Цыб.

В рамках конференции были организованы секции «Национальные меньшинства и государственная политика на Ближнем Востоке» и «Традиционные меньшинства и государственная политика».

В конференции приняли активное участие преподаватели, аспиранты, студенты из разных российских вузов: Санкт-Петербурга, Москвы (ВШЭ), Казани (РАП), Екатеринбурга (УрГЮУ), а также зарубежные: члены АМЕРРА: профессор доктор Хамза Атеш из Стамбульского университета «Медениет» (Istanbul Medeniyet University), доктор Мустафа Алтунок из Университета Абант Иззет Байсал, Турция (Abant Izzet Baysal University), Томас Хаас и Таня Хаддад из Бейрутского университета, Ливан.

Учитывая специфику тематики конференции, достойнее всех были представлены доклады кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС. Благодаря участию профессиональных юристов дискуссии приобрели правовую направленность, что выгодно отличает данную конференцию от большинства научных мероприятий по подобной тематике в России.

Участники обсудили широкий круг вопросов по теме конференции, в том числе такие актуальные как права этнических, языковых, религиозных меньшинств в странах Европы и Ближнего Востока, дискриминация и расизм, мигрантофобия, исламофобия, мультикультурализм, толерантность и терпимость в современном мире, проблемы интеграции иммигрантов в России и Западной Европе. Рабочими языками были русский и английский. Все сообщения вызвали живые обсуждения и дискуссии.

Конференцию открыли представитель ИМОП СПбГПУ А.В. Цыб и член исполнительного комитета АМЕРРА В.Р. Атнашев, озвучивший приветственное письмо президента АМЕРРА, профессора А. Давуди.

Ассоциация исследователей государственной политики и управления на Ближнем Востоке (АМЕРРА) является добровольной организацией, объединяющей ученых, студентов и практиков, которые безвозмездно затрачивают свои усилия и время ради общей цели. Автономия и самодостаточность – то, что отличает АМЕРРА от других организаций, которые, хотя и обладают значительными средствами и лучшими условиями, но, так или иначе, зависят от конкретных

программ, диктующих свои цели и задачи. Цель Ассоциации состоит в поддержании высочайшего уровня профессионализма для продвижения исследования государственной политики и управления на Ближнем Востоке без политического или финансового давления.

Ближний Восток является динамично развивающимся регионом, где государственные чиновники сталкиваются с масштабной задачей оказания государственных услуг наряду с вызовами, которые варьируются от терроризма, войн и конфликтов извне до коррупции, дисфункции, неэффективности, непрозрачности, некомпетентности, устаревших норм и правил, nepотизма и отсутствия надежных гражданских и демократических институтов внутри. Все эти проблемы наблюдаются в обществах, которые поражены тpaйбализмом, сепаратизмом, этническим и религиозным расколом и в которых отсутствуют совместное и ответственное общественное участие. Тем не менее, как бы ни были велики эти проблемы, члены АМЕРРА полны решимости двигаться вперед, чтобы искать более совершенные модели на благо общества, но без их навязывания и создавая условия для их внутреннего созревания. Функция Ассоциации – действуя в качестве связующего звена, способствовать появлению в регионе такого типа государственного управления, который может развиваться в рамках своей собственной динамики, участь на своем собственном опыте и внешних моделях.

Свое приветственное послание к участникам конференции А. Давуди закончил следующими словами: «Как учит нас теория эффекта бабочки в хаосе, каждый шаг, независимо от того, насколько он мал, имеет гораздо более серьезные последствия. Если мы начнем с изменения себя, будет меняться и мир. Как сказал великий русский писатель Лев Толстой: «Каждый думает изменить мир, но никто не думает изменить себя».

Первым выступил профессор Стамбульского университета **Меденият Х. Аташ**, с докладом на тему «Государственное управление и права меньшинств в Турции» [1]. Х. Аташ начал с истории государственной политики Турецкой Республики в отношении

национальных и религиозных меньшинств в первой половине XX века. В отличие от христиан – армян и греков, другие этнические группы не приобрели какого-либо особого статуса из-за политики ассимиляции. Современное положение этнических, языковых и религиозных меньшинств в целом соответствует международным договорам Турции. Поскольку большинство участников владеет английским, профессору Х. Аташу был задан ряд вопросов.

Следующим прозвучало выступление **А.И. Маточкиной** (Институт философии СПбГУ), которое было посвящено трансформации публичного пространства на примере граффити в современном арабском мире. Вообще, государство пытается поставить под свой контроль публичное пространство, однако оно стремится к независимости, что и показывает такой вид экстремального искусства как граффити. [2]. В арабских странах граффити, в основном анонимное, получило широкое распространение сначала в Ливане и в Палестине. Граффити в Палестине имело такую особую функцию, как информационно-новостная: в условиях полного отсутствия палестинских СМИ или тотального контроля над ними со стороны Израиля картины и надписи на стенах менялись ежедневно, поэтому их качеству уделялось мало внимания. Позднее политическое соперничество ФАТХа и «Хамаса» проявилось и в граффити. Хамас даже организовал специальное обучение «своих» художников, поэтому их граффити отличается большей выразительностью. Бурное развитие граффити в других арабских странах вызвано событиями «арабской весны». Так, граффити в Египте во многом напоминали ливанские граффити периода гражданской войны, а в Ливии на стены помещались политические карикатуры на М. Каддафи. А.И. Маточкина проиллюстрировала свое сообщение рядом фотографий граффити из нескольких стран, что вызвало неподдельный интерес аудитории.

Доклад Г.В. Алексеева, доцента кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ, на тему «Гражданская политика в стремлении к мультикультурализму» отличался эмоциональностью и

широким охватом проблематики. Выступающим были затронуты и философские, и политические, и юридические аспекты, поэтому слушатели задали ему много вопросов и вступили в жаркую полемику по этой актуальной теме. Участники дискуссии услышали позицию друг друга и по некоторым вопросам нашли точки соприкосновения.

Не менее оживленным было обсуждение после выступления **Е.В. Клименко**, кандидата культурологии, старшего преподавателя кафедры социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, которая выступила с докладом «Мигранты и принимающее сообщество: российское государство в попытках формирования толерантности». [3]. По мнению Е.В. Клименко, одним из основных недостатков программ и проектов, направленных на формирование толерантности является ограниченность их адресатов в принимающем обществе. Отсутствие прямых культурных контактов между мигрантами и местными жителями приводит к неправильному восприятию друг друга, к нетерпимости мигрантофобии. Планы строительства изолированных центров для обучения мигрантов в Санкт-Петербурге, очевидно, будут усиливать эту изоляцию. Однако необходимо не только воспитывать и поддерживать толерантность, но и стремиться к интеграции мигрантов в принимающее общество.

Острую тему миграции продолжил **Ю.Г. Шипилов**, доцент кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ, рассмотревший ее в другом ключе: «Влияние нелегальной миграции на пограничную безопасность России».[4]. Он привел интересные данные, связанные с количеством мигрантов в России и со сложностями по обустройству границ, и указал на необходимость изучения мирового опыта, прежде всего стран Европейского Союза. Предлагается обустройство государственных границ с одновременным ужесточением миграционного законодательства, в том числе введение визового режима со странами СНГ. Однако из-за огромного количества нормативно-правовых актов в миграционной сфере (около 800) и уровня коррупции очень сложно решить

проблемы, связанные с нелегальной миграцией. В ходе бурного обсуждения выступления Ю.Г. Шипилова, Е.В. Клименко заметила, что подавляющее большинство нелегальных мигрантов становятся таковыми после нарушения сроков пребывания или неполучения разрешения на работу, а не по причине незаконного въезда в Россию.

Второй день конференции, 20 сентября, начался с доклада М. Алтунока, кандидата наук, доцента кафедры государственного управления из Университета Абант Иззет Байсал (Турция) на тему «Developing Countries, Public Policy and Capacity Building» («Развивающиеся страны, государственная политика и наращивание потенциала»). На материале стран Ближнего Востока, включая Турцию, им была рассмотрена концепция «административного потенциала», широко применяемая международными организациями. По мнению М. Алтунока, именно наращивание административного потенциала как ядра реформ государственного управления будет иметь большую важность для развивающихся стран.

Доклад **П.И. Костогрызова**, старшего преподавателя кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета, «Общинное правосудие в странах Центральной Америки» [5] начался с описания основных типов поселений населения стран региона. В качестве основных источников общинного правосудия выделяются архаичные обычаи, нормы позитивного права и новые, конвенциональные, обычаи. Последние принимаются на уровне общинных советов и закрепляются в писаной форме. Довольно подробно было рассмотрено положение в Боливии, где по конституции 2009 года индейцы законодательно получили право на общинное правосудие.

Следующим прозвучал доклад **В.Р. Атнашева**, доцента кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, на тему «Международные правовые стандарты и подлинный мультикультурализм», в котором были освещены основные международные конвенции, касающиеся толерантности и борьбы с расовой дискриминацией. [6]. Показана опасность мигрантофобии,

которая часто приводит к экстремизму и даже к террористическим актам. В то же время, многокультурность обеспечивает интеграцию мигрантов и общественную стабильность.

В продолжение данной темы К.Ю. Эйдемиллер, аспирант РГПУ им. Герцена, представил «Исламский вопрос в голландском обществе: Pro et contra». От других европейских стран современная Голландия отличается высоким уровнем исламофобии, нетерпимости в отношении мусульман, что имеет исторические причины, которые также были рассмотрены докладчиком.

Е.А. Самыловская, преподаватель СПбГУП, представила сообщение «Belly dance»: как часть современной арабской культуры и феномен в трансформирующейся постсоветской ментальности», в котором были рассмотрены история появления и бурного развития танца живота как вида танца и явления культуры в России. [7].

К.И. Балеева, аспирант ВШЭ, выступила на тему «Благотворительность как традиционный институт общества». По ее мнению, традиционный тип благотворительной деятельности в России формировался под влиянием идей христианства и основывается на жестко предписанных ритуалом и обычаем правилах поведения и на родственных связях.

Наконец, Е.С. Андреева, магистрант СПбГУ, рассказала об историко-правовых аспектах миграционных процессов армянского народа в XX в. – начале XXI вв., повторив в завершение лейтмотив конференции.

В заключение были подведены итоги работы конференции и высказаны пожелания проведения в будущем следующего научного мероприятия по данной тематике на базе кафедры международных отношений Института международных образовательных программ СПбГПУ. Таким образом, проведенная конференция дала плодотворный научный обмен мнениями и расширила географию научного сотрудничества Санкт-Петербургского государственного политехнического университета и других вузов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аташ Х.** Государственное управление и права меньшинств в Турции // Россия в глобальном мире. – 2014. – №4(27). – С. 440-441.
2. **Маточкина А.И.** Трансформации публичного пространства в современном арабском мире на примере граффити // Россия в глобальном мире. – 2014. – №4(27). – С. 463-465
3. **Клименко Е.В.** Мигранты и принимающее сообщество: российское государство в попытках формирования толерантности // Россия в глобальном мире. – 2014. – №4(27). – С. 456-457.
4. **Шипилов Ю.Г.** Влияние нелегальной миграции на пограничную безопасность России. //Россия в глобальном мире. – 2014. – №4(27). – С. 485-486.
5. **Костогрызлов П.И.** Общинное правосудие в странах Центральной Америки: пережиток прошлого или мост в будущее? // Россия в глобальном мире. – 2014. – №4(27). – С. 458-462
6. **Атнашев В.Р.** Международные правовые стандарты и подлинный мультикультурализм // Россия в глобальном мире. – 2014. – №4(27). – С. 449-455
7. **Самыловская Е.А.** «Belly dance»: как часть современной арабской культуры и феномен в трансформирующейся российской культуры // Россия в глобальном мире. – 2014. – №4(27). – С. 469-476

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПРАВА
МЕНЬШИНСТВ В ТУРЦИИ (PUBLIC ADMINISTRATION AND
MINORITY RIGHTS IN TURKEY)**

The issue of diversity has been among top-rated discussions in public administration today. The issue has generally been evaluated in terms of change management, i. e. a strong response to change in the society. This approach is mainly based upon the claim that public administration should be sensitive to societal needs as well as the changing demographic profiles in the society, as radical changes has occurred within the society towards individualisation and multi-ethnic / multi-cultural society under the impulse of rapid globalisation. However, there are a number of other reasons to pay attention to diversity issues in public services including issues of culture, social equity, administrative neutrality, and organizational efficiency and effectiveness.

On the other hand, it is not easy to manage ethnic, cultural and religious diversity within public administration. First, in addition to classical diversity factors such as age, race, culture, religion and ethnicity, new factors such as socio-economic status has emerged. Second, simply hiring a diverse workforce is not enough; diversity tends to create conflicts and tension, and in order for organizations to capitalize on the benefits of a diverse workforce, those conflicts must be actively managed in a culturally sensitive manner.

This paper evaluates diversity issues in Turkish administration, describes problems in this regard and brings suggestions for solution. Major findings include:

Traditional public administration in Turkey tended to emphasize a traditional Weberian model of bureaucracy that is not amenable to innovation and change, rather than emphasizing social equity, innovation,

responsibility, and performance. With the shift from traditional public administration to New Public Management practices, however, being sensitive to diversity issues such as the rights of minorities has come to the fore.

Main areas of tension in Turkish society, and therefore within Turkish public administration include placing members of other religions in public administration posts, particularly top ones and increasing tolerance to other cultures and ethnicities within the society.

There are a number of positive developments in recent years in terms of betterment of diversity issues in Turkish public administration. As a result of democratization steps by AK Parti governments, a number of serious and long-standing problems of minorities has been solved or, at least, are about to solve. New laws have proved improvements in fighting racism and saving rights of minorities. The climate of democratization has brought benefits for minorities as well as other members of the society. Major elements of institutional racism, which can be defined as “practices that directly or indirectly restrict the professional access and mobility of individuals or groups on the basis of race and other kinds of societal difference” has been overcome to a great extent.

However, there are some problems still waiting to be resolved, including employment of minority members in the army and police force and overcoming cultural bias towards minorities in high administrative ranks. The paper brings brief suggestions for solution for these issues.

The paper concludes that, any initiative aiming to solve diversity problems in Turkish public administration should involve both “valuing diversity” and “managing diversity” at the same time. Valuing diversity entails seeing differences as a source of value and, in turn, changing the organizational culture through interactions with those differences. This can be seen as a bottom-up strategy compared to the top-down strategy of managing diversity. Managing diversity emphasizes changing the organizational culture first, through policies and procedures.

**ГРАЖДАНСКОЕ СВЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ
ЛИВАН: ОЦЕНКА УНИВЕРСИТЕТСКОГО УЧЕБНОГО
ПЛАНА (CIVIL SOCIETY EDUCATION IN THE REPUBLIC OF
LEBANON: AN EVALUATION OF UNIVERSITY CURRICULUM)**

Through out Lebanon's history, civil society organizations have filled the vacuum created by the absence of the state (Abu Assi 2006). After the conclusion of Lebanon's civil war, civil society organizations began to play an even more expansive role, as they worked to alleviate the suffering caused by fifteen years of conflict. The assassination of Prime Minister Rafic Hariri, the subsequent withdraw of Syrian forces, as well the Lebanese government's desire to cooperate with civil society, led to the introduction of new principles in Lebanon, namely, participatory democracy, sustainable development, good governance, transparency, and accountability (Karam 2011). These events encouraged civil society organizations to shift their attention towards social development activities (Khaldoun 2006). At the same time, institutions such as the World Bank and the European Union began to support projects that focused on local government, human rights, women's rights, rule of law, social justice, and political participation (Karam 2011).

In recent years, Lebanon's third sector has experienced two important changes. On the one hand, Lebanon's civil society organizations have rushed to hire ever-larger numbers of employees, which means that these organizations have become significant economic actors (Flanigan, 2010). On the other hand, in their search for transparency and accountability, domestic and international donors have begun to monitor the work of Lebanon's civil society organizations (UNDP 2004). Consequently, there have been calls to improve the skills and expertise possessed by individuals employed within Lebanon's civil society organizations (UNDP

2009). In line with these calls, this paper will address the following question: to what extent, and in what ways, do Lebanon's institutions of higher education promote professionalism and subject matter expertise in students interested in working for civil society organizations?

Data was collected from the forty-five (45) institutions of higher education that are registered with Lebanon's Ministry of Education. The 2012–13 course catalogues for each university were secured through a campus visit or a search of the relevant university websites. The content of these course catalogues were reviewed to identify: programs related to civil society; curriculum and courses related to civil society; and the techniques used to prepare students civil society careers. Relevant data was stored in an *Excel* spreadsheet, which will be used to generate the descriptive statistics needed to answer the research questions. We anticipate the data will indicate that Lebanon's institutions of higher education have a limited, but expanding, focus on civil society. The findings generated by this study will be significant for two reasons. First, they enable researchers to evaluate civil society education in a Middle Eastern country, a region that has been largely overlooked. Second, they will be used to contribute to the redesign of the academic curriculum within American University of Beirut's Department of Political Studies and Public Administration.

REFERENCES:

1. **Abu Assi, Khaldoun** (2006) Lebanese Civil Society: A Long History of Achievements Facing Decisive Challenges Ahead of an Uncertain Future. CIVICUS Civil Society Report for the Republic of Lebanon. Beirut, Lebanon.
2. **Flanigan, Shwan Teresa** (2010). For the Love of God.NGOs and Religious Identity in a violent World.Kumarian Press.United States of America.
3. **Karam Karam** (2006) Le Mouvement Civil au Liban: revendications, protestations et mobilisations associatives dans l'après-guerre.Karthala Press.Paris, France.
4. UNDP (2004) Internal Governance of NGO In lebanonReference Bookhttp://www.undp.org.lb/communication/publications/downloads/IntGov_en.pdf, Last Accessed September 2013
5. UNDP (2009) Assessment of capacity Building Needs of NGOs in Lebanon<http://www.undp.org.lb/communication/publications/downloads/Capacity%20Building%20Needs%20Assessmentfor%20NGOs.pdf>, Last Accessed September 2013

ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Миграция постоянно расширяет этническое, культурное, религиозное и лингвистическое разнообразие регионов Российской Федерации. Однако многие иммигрантские общины и этнические меньшинства встречаются с недостаточной солидарностью и определенными барьерами на пути их участия в жизни общества и процессе принятия решений в регионах их проживания. Консультативные органы местного и национального уровней стимулируют и мотивируют социальное участие иммигрантов в общественной жизни и улучшают политику интеграции, донося мнения представителей иммигрантов до правительственных и иных причастных к процессу организаций. Диалоговые платформы могут возникать на местном, региональном и национальном уровнях, но могут и «преодолевать государственные границы», охватывая представителей гражданского общества в одной или нескольких странах. Именно такие «международные» платформы становятся все более актуальным для интеграции общества в глобализующемся мире быстрых изменений, перемещений и коммуникаций, так как они активно развивают межрегиональные и межгосударственные связи с исторической родиной.

В Красноярском крае, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., проживают представители 137 национальностей, и в последние годы поток мигрантов из стран ближнего зарубежья в Красноярском крае заметно растет: если за весь 2013 г. в регион приехало 111 тыс. человек, то за 7 месяцев 2014 года количество приезжих составило 143,9 тыс. Больше всего в Красноярске и крае выходцев из Таджикистана – 17%, Киргизии – более 15%, Армении и

Казахстана – около 10%, Азербайджана – 9,3%, Узбекистана и Украины – более 7%. Из Китая с начала года приехали более 6,3 тыс. человек. Российское гражданство за 2013 г. приняли 2127 иностранцев – это примерно на 42% больше, чем в 2012 году [1].

На начало 2014 года в Красноярском крае насчитывалось 293 зарегистрированных религиозных организаций и свыше 1000 незарегистрированных общин на юридических правах религиозной группы, охватывающих свыше 40 различных культов и деноминаций. На протяжении последнего десятилетия с национальными и религиозными объединениями ведется системная, плановая работа. Для этого в администрации Красноярского края для взаимодействия с институтами гражданского общества была создана специальная структура – Управление общественных связей губернатора края.

По состоянию на апрель 2014 г. в крае работало, более 70 национально-культурных объединений (НКО) почти по 50 национальностям. С учетом их филиалов и представительств на местах общее число НКО достигает 200. Свои развернутые структуры имеют КМНС, таджики, узбеки, казахи, киргизы, азербайджанцы и армяне.

Взаимодействие с НКО Управление общественных связи губернатора Красноярского края и другие органы государственной власти осуществляют через различные переговорные площадки. Основными из них являются общественная палата национальностей, межнациональный культурный центр на базе Красноярского Дворца Труда и Согласия, Совет молодежных национально-культурных объединений края, Совет мусульман Красноярского края (входят все основные НКО этнических мусульман), рабочая группа по делам казачества в Красноярском крае. На уровне ряда федеральных ведомств и крупных муниципалитетов были созданы общественные и консультативные советы, куда вошли, в том числе и лидеры национальных объединений. Все эти переговорные площадки работают на постоянной основе [2].

На базе Гражданской ассамблеи Красноярского края ведет работу общественная палата национальностей, которая осуществляет масштабную культурно-просветительскую работу межнационального характера, направленную на формирование межэтнического взаимодействия, идеологии сохранения мира и согласия на красноярской земле. Так, ежегодно в рамках реализации плана по региональной национальной политике, проводится свыше 80 мероприятий краевого значения: межнациональных, молодежных, спортивных. Помимо постоянных членов палаты (председателей национально-культурных автономий) она взаимодействует с более чем с полутора сотнями национальных общественных объединений, центров, творческих коллективов, действующих в городах и селах объединенного Красноярского края. Члены палаты национальностей ведут большую работу среди своих соотечественников по сохранению родного языка, культуры, национальных традиций, социокультурной интеграции мигрантов в гражданское сообщество края, по их адаптации к российским правовым нормам и правилам совместного проживания [3].

Концепция региональной национальной политики учитывает интересы и всех, проживающих на территории края. При этом в расчет берутся и новые тенденции, влияющие на изменение социокультурной идентичности региона. Так, численность населения Красноярского края снизилась с 3,16 млн. человек в 1992 г. до 2,9 млн. человек в 2010 г., т.е. на 7,6 %. Причина – естественная убыль населения, не прекращающаяся с 1993 г., вкуче с отрицательным сальдо (с 1996 г.) миграционного обмена с другими регионами России. Это существенно отразилось на изменении численности и удельного веса отдельных этносов внутри национального сообщества края в пользу «пришлого», миграционно мобильного населения.

За межпереписной период (1989–2010 гг.) количество старожильского для Красноярья диаспорного населения значительно уменьшилось. Так, численность татар региона снизилась

на 10 %, немцев – на 15 %, башкир, поляков и чувашей – на 20 – 30 %, белорусов, мордвы и украинцев – в 1,5–1,7 раза, евреев – почти вдвое. Это стало следствием миграционной убыли, снижения естественного прироста, а также ускорения культурно-интеграционного и ассимиляционного процессов. Напротив, значительно увеличили свое представительство в Красноярском крае за счет повышенной рождаемости и активной положительной миграции представители Кавказа и Азии: корейцы – на 1/4, китайцы – в 1,5 раза, киргизы – в 2 раза, азербайджанцы – в 2,6 раза, таджики – в 2,9 раза, армяне – в 3,6 раза. С учетом незаконной миграции и сезонной трудовой миграции эти показатели можно увеличить по отдельным национальностям в 1,5–2 раза. Неслучайно поэтому в списке наиболее многочисленных народов Красноярского края азербайджанцы переместились с 7-го рейтингового места в 1989 г. на 5-е место в 2010 г., а армяне, соответственно, с 22-го на 7-е место. По экспертным оценкам, данная тенденция – снижение удельного веса старожильческих народов и усиление влияния новых миграционно-активных этносов - будет сохраняться на территории Красноярского края в ближайшей и среднесрочной перспективе.

Изменение социокультурной идентичности региона накладывает отпечаток и на общественно-политическую сферу. Проводимые ежегодно по заказу администрации края социологические исследования выявляют в качестве одной из зон напряжения низкий уровень этнической и религиозной толерантности в различных общественных и социальных средах, особенно в отношении мигрантов. К примеру, половина респондентов из числа учащихся учреждений начального профессионального образования и средне-специальных учебных заведений г. Красноярска (социологический мониторинг 2013 г.) считает, что прибытие в регион иностранных мигрантов скорее наносит вред краю, чем приносит ему пользу, что въезд в Россию граждан из стран ближнего зарубежья способствует росту числа социальных конфликтов. Почти

две трети из опрошенных считают, что контроль государства в отношении иностранных мигрантов необходимо ужесточить.

Главные причины доминирующих этнофобий, кроются в недостатке соответствующих знаний. Поэтому органы государственной власти при сотрудничестве с институтами гражданского общества, бизнесом, масс-медиа и учеными разрабатывают комплексы мероприятий, прежде всего, культурно-просветительского характера.

С 2006 г. в местах компактного проживания трудовых мигрантов ведется системная работа по их социокультурной адаптации и прежде всего по линии обучения русскому языку детей-инофонов. Данная проблема наиболее актуальна для Красноярска и Норильска [4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Проблемы национальной безопасности в контексте развития Восточно-Сибирского региона [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sb-natbez/1_12.html.
2. В СФУ обсудили проблемы адаптации мигрантов [Электронный ресурс]. URL: <http://news.sfu-kras.ru/node/10555>.
3. Проблемы мигрантов не останутся без внимания [Электронный ресурс]. http://www.oprf.ru/about/interaction/region_chambers/431/1543/newsitem/17023.
4. Образовательная адаптация детей и молодежи из семей мигрантов и переселенцев в Красноярском крае» [Электронный ресурс]. http://www.pedcollege.ru/?page=proissl_projects&id=16.
5. Круглый стол «Трудовая миграция. Проблемы и пути решения» [Электронный ресурс]. <http://an.zapad24.ru/articles/891-kruglyy-stol-trudovaya-migraciya-problemy-i-puti-resheniya.html>.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ И ПОДЛИННЫЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Мультикультурализм неразрывно связан с толерантностью (терпимостью – как вариант перевода слова *tolerance*), поэтому начнем с рассмотрения этого понятия в международно-правовом контексте.

«Декларация принципов толерантности» (Declaration of Principles on Tolerance), принятая на Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года, является одним из основных международно-правовых документов в данной области. В статье 1 Декларации говорится: «Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность» [1].

Кроме того, «одним из самых эффективных средств предупреждения нетерпимости является воспитание. Большинство людей согласны с тем, что расистами не рождаются, а становятся и что одной из главных причин расизма является невежество» [2]. Начинается же воспитание в духе терпимости с «обучения людей тому, в чем заключаются их общие права и свободы» [3], поэтому достижение толерантности в обществе невозможно без соблюдения международных правозащитных стандартов.

Приведенное выше определение толерантности воплощено в принципе «Единство через многообразие» (многокультурности), который успешно используется в разных странах мира, например, в Малайзии или в Канаде, где говорят о «культурной мозаике», из

которой складывается единый образ канадской нации. Действительно, канадский «Акт о многокультурности» до сих пор не имеет международных параллелей [4].

Лишь с окончанием «холодной войны» Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 года. Опыт многих стран показал, что «именно отсутствие в государствах базы для защиты прав меньшинств или активное поощрение органами власти нетерпимости по отношению к группам меньшинств» приводит к возникновению конфликтных ситуаций. При этом рост напряженности, связанной с проблемами национальных и прочих меньшинств, обычно связан с разочарованием действиями государственных органов власти.

Не случайно Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации вправе принимать меры по раннему предупреждению для оказания правительствам помощи с целью предотвращения конфликтов, а также для выявления случаев отсутствия надлежащей законодательной базы (для определения всех форм расовой дискриминации и включения их в категорию уголовно наказуемых преступлений). Комитет оправданно придерживается той точки зрения, что расовая дискриминация существует во всех государствах и территориях. Как сказал экс-генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, «деятельность Организации Объединенных Наций по поощрению терпимости имеет важнейшее значение как для предотвращения конфликтов, так и для миростроительства. Без терпимости нам не удастся добиться существенных результатов в работе в области развития и благого управления» [5].

Наконец, на универсальном уровне «укрепление диалога между цивилизациями, поощрение терпимости, недопущение огульных нападок в отношении различных религий и культур, а также урегулирование проблем развития и неурегулированных конфликтов будут способствовать международному сотрудничеству» [6].

В России и ряде европейских стран в последние годы острой проблемой является распространение нетерпимости, ксенофобии, мигрантофобии населения, что является следствием различных страхов (ухудшения экономического положения, угрозы утраты ресурсов, боязни потерять свою идентичность и т.д.). Мигрантофобия часто приводит к бытовому экстремизму или даже к террористическим актам (как, например, в Норвегии).

В эпоху глобализации невозможно существование изолированных культур и обществ – необходимо находить общий язык, поскольку все обречены на совместное существование. Положительный опыт в этом плане демонстрируют страны Северной Америки, где применялись различные программы: например, федеральный проект мультикультурной грамотности в США.

В Европе крупнейшие страны ЕС, где проживает большое количество мигрантов, такие как Франция, Великобритания и ФРГ, применяют существенно отличающиеся подходы. Во Франции в основе концепции гражданской нации-государства лежит примат гражданства над остальными формами идентичности, что означает игнорирование этнической и конфессиональной самоидентификации мигрантов. В отличие от других европейских стран, именно Франция продолжает политику ассимиляции иммигрантов.

Великобритания, применяя «плюралистическую модель» напротив, избегала навязывания британской идентичности для всех граждан, однако это привело к обособлению диаспор друг от друга. В 1985 году, когда был введен термин «многокультурный уклад», государство признало существование многочисленных общин и их право «жить в своем кругу, сохраняя культурное наследие, национальные черты, обычаи, семейные связи, а также отстаивать свои права на национальном уровне» [7].

Благодаря такой государственной политике общины в Великобритании пользуются широкими правами. Однако это приводит к закреплению принадлежности лиц с иммигрантскими корнями к

определенным группам, хотя они в действительности могут иметь мало общего с ними. Потомки иммигрантов в разных поколениях остаются не включенными в британское общество и воспринимаются не как отдельные индивиды и британские подданные, а как члены этих групп, по отношению к ним используется этнический подход.

В ФРГ модель нации строится на этнической, а не гражданской основе: согласно законодательству Германии, лицо, родившееся на ее территории, не становится ее гражданином.

До недавнего времени стать гражданином Германии было практически невозможно при отсутствии немецких корней: в 1999 году был принят закон, устанавливающий, что лицо, рожденное на территории Германии, может автоматически получить гражданство, если хотя бы один из его родителей легально проживал в стране не менее 8 лет. Поэтому многие иммигранты первого поколения, прожив всю жизнь в Германии, все равно не считались гражданами. Такая политика привела к отделению населения иммигрантского происхождения от немецких граждан и к формированию обособленных иммигрантских общин, поэтому этот подход к проблеме интеграции иммигрантов получил название сегрегации.

В целом, движения иммигрантов за культурное признание являются реакцией на дискриминацию и социально-экономическое неравенство. Это особенно актуально в отношении молодежи, поскольку она находится под влиянием и культуры страны пребывания, и культурной традиции страны предков. Такой культурный тип сильно меняется на протяжении поколений, даже если не происходит полной ассимиляции.

С другой стороны, в любом обществе, независимо от его благосостояния, социальное расслоение неизбежно, а в современных западных обществах именно иммигранты занимают низшие социальные ступени. Массовые беспорядки во Франции осенью 2005 года проходили именно под социально-экономическими лозунгами. Бунтовали в основном граждане Франции, которые, несмотря на

арабское или африканское происхождение, в полной мере являются частью общества потребления и стремятся к таким же жизненным стандартам, что и большинство «коренных» французов. Однако они часто сталкиваются с дискриминацией и скрытым расизмом.

Кроме того, неолиберальное правительство Франции закрыло во многих неблагополучных городских кварталах муниципальные культурные, спортивные и образовательные центры для молодёжи, что привело к усилению социальной напряженности и росту преступности.

Естественно, большинство иммигрантов отличаются от «коренной» нации внешне, например, более смуглым цветом кожи. Некоторые выходцы из среды иммигрантов, даже получив хорошее образование, найдя работу, внешне вливаясь в средний класс и действительно стремясь ассимилироваться, все равно сталкиваются с дискриминацией на бытовом уровне. По данным некоторых социологических исследований, французу афро-арабского происхождения в 15 раз сложнее устроиться на работу, чем французу европейского происхождения¹.

Негативное отношение местного населения еще больше обостряет противоречия, поэтому обращение тех же арабов к радикальному исламу зачастую вызвано протестом, ответом на несостоявшуюся ассимиляцию, а создающиеся исламские политические движения являются попыткой решения этих проблем радикальными средствами. Культурный аспект отчетливо проявился в карикатурном скандале, связанном с размещением карикатур на пророка Мухаммеда в датской газете и затем в СМИ других европейских стран. Это стало очередным толчком для радикализации мигрантов-мусульман.

Естественно, что в европейских странах применяются различные меры для социальной интеграции населения. В Великобритании практикуется система сдачи специальных экзаменов для иммигрантов: требуются хорошее знание английского языка, британской истории с

¹ [https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовые_беспорядки_во_Франции_\(2005\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовые_беспорядки_во_Франции_(2005))

1945 года, основ демократии, важнейших государственных институтов, понимание основ этикета и терпимое отношение к равенству полов. Предполагается, что иммигранты, как минимум, ознакомятся с ценностями принимающего общества, чтобы впоследствии успешно контактировать с коренным населением. В Великобритании фактическая геттоизация иммигрантского населения вынуждает правительство сделать небольшие шаги в направлении ассимиляции.

Во Франции также стали уделять особое внимание социально-экономической ситуации. Исследование, проведенное в дни погромов, показало, что лишь около 15% респондентов назвали причиной протестов религиозный фактор. Для улучшения положения населения депрессивных городских предместий разрабатывается программа помощи, а Евросоюз решил выделить Франции 50 млн. евро для создания дополнительных рабочих мест, что снизить социальную напряженность. При этом маловероятно, что Франция изменит свою политику ассимиляции, поскольку примерно три четверти французов высказывается за ассимиляцию иммигрантов во Франции.

Очевидно России необходимо выработать и проводить четкую и последовательную иммиграционную политику, с учетом опыта разных стран. В последние годы и в России нашлось много желающих «сильно преувеличить слухи о смерти» мультикультурализма как явления и даже утверждать, что он вреден и опасен.

В то же время, по мнению ряда российских политологов, например, Эмиля Паина, в России нет ни собственно мультикультурализма, ни гражданской нации. Тогда критика в России этого термина чем-то напоминает пресловутые заявления типа «Я Пастернака не читал, но осуждаю». Кроме того, необходимо различать «ксенофобию сознания» и «ксенофобию действия». Последняя означает ксенофобию, переходящую в насилие, и в отличие от стран Запада, чаще встречается в России, где нет системы антидискриминационного законодательства и нет доверия к правоохранительным органам.

Отметим, что есть особое видение мультикультурности и в среде Русской православной церкви. Протоиерей Всеволод Чаплин считает, что необходимо правильно понимать мультикультурализм, «означающий умение людей с разными религиозными взглядами мирно существовать в одной стране». В. Чаплин напомнил, что в России была настоящая многокультурность, когда «люди разных религиозных взглядов, разных традиций, разного образа жизни, разных социальных устоев, те же финны, имевшие типично европейское политическое устройство, и те же жители Средней Азии, жившие по шариату, умели существовать в рамках одной страны».

Однако следует признать, что ситуация в современной России совершенно иная, поэтому необходимо изучать положительный опыт не только прошлого, но и современный опыт других государств, где успешно осуществляется политика поощрения «настоящей многокультурности».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Декларация принципов толерантности:
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml
2. <http://do.gendocs.ru/docs/index-328503.html>
3. Декларация принципов толерантности. – Ст. 4.
4. **Черкасов А.И.** Некоторые характеристики этнокультурной мозаики Канады // Этнокультурная мозаика Канады и проблемы канадской идентичности. – М., 2003. – С. 11–27.
5. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам:
<http://www.ohchr.org/Documents/Publications/GuideMinoritiesru.pdf>
6. Бангкокская декларация «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия», принятая на 11-м Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (18-25 апреля 2005 г.):
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bangkok_declaration.shtml
7. **Санего Г.** Иммигранты в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – №9. – С. 50-59.
8. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовые_беспорядки_во_Франции_\(2005\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовые_беспорядки_во_Франции_(2005))
9. <http://hristiane.info/novosti/predstavitel-rpts-mp-schitaet-chto-podl>

**МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО:
РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПОПЫТКАХ
ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ**

Одна из основных задач, стоящих сегодня перед российским обществом в связи с увеличивающимися миграционными потоками, заключается в том, чтобы сделать процесс миграции «выгодным» для всех его участников, а существование в новом мультикультурном обществе – комфортным для всех его членов. Реализация этой задачи возможна только на основе построения здоровых отношений мигрантов и принимающего сообщества, для чего, в свою очередь, необходимы целенаправленные усилия по формированию толерантности членов принимающего сообщества к мигрантам и содействию интеграции мигрантов.

Российское государство, как на федеральном, так и на региональном уровне, озабочено решением проблем, связанных с взаимоотношениями мигрантов и принимающего сообщества. Это выражается в разработке и реализации многочисленных программ и проектов, направленных на формирование толерантности представителей принимающего сообщества по отношению к мигрантам. Признавая необходимость такой работы и эффективность многих из предпринятых усилий, необходимо отметить и некоторые связанные с ними недостатки.

Усилия по формированию толерантности по отношению к мигрантам, предпринимаемые государством, сконцентрированы в первую очередь в социокультурной сфере и включают разработку и реализацию разнообразных образовательных программ, культурных мероприятий и медиа-кампаний. При этом подход, используемый их разработчиками, можно назвать «этнографическим». Такие

образовательные программы, культурные мероприятия и медиа-кампании подчеркивают культурные различия между мигрантами и принимающим сообществом, а подчас и интерпретируют социальные различия в качестве культурных.

Программы и проекты, реализуемые в целях формирования толерантности к мигрантам, редко направлены на стимулирование повседневного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом. В рамках таких программ и проектов мигрантов «интегрируют», а принимающее сообщество «обучают толерантности». При этом разработчики таких программ и проектов не считают нужным организовать контакт и поддержать взаимодействие представителей этих двух групп в рамках своей деятельности.

Программы и проекты, направленные на формирование толерантности к мигрантам, часто ориентированы на весьма ограниченную аудиторию. В большинстве случаев – это школьники, учащаяся молодежь, в некоторых случаях – работники системы образования. В то же время таких проектов и программ, разрабатываемых специально для тех, кто работает с мигрантами – сотрудников ФМС, правоохранительных органов, потенциальных работодателей – явно недостаточно.

Анализ указанных недостатков позволяет наметить некоторые шаги, которые должны быть предприняты, чтобы сделать работу по формированию толерантности к мигрантам более эффективной.

ОБЩИННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ПЕРЕЖИТОК ПРОШЛОГО ИЛИ МОСТ В БУДУЩЕЕ?

Община – древнейшая форма организации социальной жизни Homo Sapiens. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что она существует столько же, сколько и само человечество. Но, несмотря на столь почтенный возраст, общинные институты нельзя считать отжившим явлением, интересным лишь с исторической точки зрения. Ведь и в наше время община продолжает играть немалую роль в жизни значительной части населения планеты. Если в развитых обществах она сохраняется в неявном, «снятом» виде, то в странах «третьего мира» продолжает выступать как один из важнейших элементов социально-политической системы. Это характерно, в частности, для многих стран Латинской Америки, в которых государственные институты не достигли уровня развития, достаточного для того, чтобы полностью взять на себя все социально-регулятивные функции. Часть этих функций, как и в традиционном обществе, остаётся на долю общин.

Эту черту можно рассматривать как признак отсталости соответствующих обществ, но возможен и другой взгляд на неё. Бурная, полная потрясений история двух веков независимого существования латиноамериканских государств показывает, что архаичные, казалось бы, общинные институты играют для них критически важную роль, компенсируя слабость государства и обеспечивая жизнеспособность социума. В последние десятилетия эта особенность проявилась в наибольшей степени в тех государствах региона, которые до недавнего времени принято было причислять к категории failed states – «несостоявшихся государств».

Среди прочих проблем, характерных для этой категории стран, выделяется отсутствие доступа к правосудию у значительной части

населения, разгул преступности высокий уровень насилия в обществе. Слабость государства проявляется в том, что оно неспособно эффективно контролировать всю национальную территорию, во многих населенных пунктах отсутствуют какие-либо институты публичной власти. В этих условиях «работу» государственных органов берёт на себя общество. Причём справляться с этой задачей ему удаётся именно благодаря тому, что оно представляет собой не простую совокупность атомизированных индивидов, а систему, структурными элементами которой являются общины. Можно с высокой долей уверенности предположить, что общества многих развитых стран, окажись они в подобных условиях, были бы обречены если не на физическое вымирание, то на социальную дезинтеграцию и погружение в хаос.

Одной из основных функций государства является поддержание социального порядка и, в частности, борьба с преступностью и отправление правосудия. И именно в этой сфере в наибольшей степени проявляется бессилие государств. Там, где государственные структуры бездействуют или вообще отсутствуют, их функции берут на себя общинные власти. Они не только решают мелкие имущественные споры и бытовые конфликты между соседями, следят за поддержанием порядка в своих деревнях, но и борются с преступностью, в том числе карательными мерами.

К настоящему времени институты общинной юстиции в ряде стран Латинской Америки достигли высокого уровня развития и легитимности в глазах населения. Зачастую им доверяют больше, чем официальным судам, и даже в тех случаях, когда есть выбор, многие предпочитают обращаться к ним, а не к правоохранительным органам.

Общины, существующие в латиноамериканских странах, можно разделить на четыре группы. К первой относятся более или менее изолированные поселения индейцев, живущих племенами и сохраняющих образ жизни своих предков. Они полностью принадлежат к традиционному обществу и отвечают на вызовы современности не адаптацией, а самоизоляцией. Их удельный вес в

населении региона очень мал (от 0 до 2–3% в разных странах). Вторая включает сельские общины с индейским или метисным населением, включённые в экономическую и политическую жизнь «большого» общества, занятые в современных секторах экономики (преимущественно в аграрном или горнодобывающем), но при этом сохраняющие индейскую культурную идентичность, как правило, моноэтничные и существующие в течение длительного времени (иногда с доколониальной эпохи) на одной территории. Третью группу составляют сельские населённые пункты с креольским населением (значение имеет не столько расовый состав, сколько культурная самоидентификация – это могут быть те же метисы, но отождествляющие себя не с индейской, а с «западной» цивилизацией). Наконец, в четвёртую входят городские общины. Среди последних следует особо выделить зоны нелегальной застройки, образующиеся вокруг крупных городов. Население этих трущоб почти не взаимодействует с официальными институтами, что приводит к формированию в них общинных структур, которые путем внутренних соглашений устанавливают правила поведения и создают институты урегулирования конфликтов, вырабатывая свой устойчивый правовой (или квази-правовой) порядок, в значительной степени автономный по отношению к установленному государством.

Если общины первой группы, как было отмечено выше, существуют в рамках доиндустриальной цивилизации и не проявляют интенций к трансформации, то остальные три и составляют ту традиционную основу, на которой создаётся социальная ткань современного гражданского общества в Латинской Америке. Соответственно, функционирующие в них органы «народного правосудия» представляют собой структуры гражданского общества, непосредственно вырастающие из традиционных структур. Аналогично и действующее в рамках таких общин право даёт пример того, как социум, адаптируя традиционные представления о должном и справедливом к меняющимся реалиям, формирует правовую среду, обеспечивающую его самосохранение в новых условиях.

Когда заходит речь об общинной юстиции, чаще всего предполагается, что применяемое ею право является обычным правом. Такое представление нуждается в существенном уточнении. Необходимо иметь в виду, что обычное право, как и писаное, не представляет собой застывшее, «законсервировавшееся» явление, а развивается вместе с обществом. Процесс этого развития продолжается и в наше время, таким образом, обычное право, функционирующее в современных обществах, существенно отличается от обычно-правовых систем древности или изолированных племён, сохраняющих первобытный образ жизни. В нормативных комплексах, применяемых органами общинной юстиции в латиноамериканских странах, можно выделить отдельные временные «пласты», соответствующие разным историческим этапам их становления:

1. Этническое право, т. е., архаические обычаи народа или племени, представители которого составляют общину. Этот компонент абсолютно преобладает у общин, отнесённых нами к первой группе, весьма значим для второй, в третьей и четвёртой отсутствует или не играет существенной роли.

2. Нормы позитивного права, заимствованные из права Испании в колониальный период и национальных правовых систем – в постколониальный.

3. Новые обычаи и конвенциональные нормы. Это правила поведения, вырабатываемые в общинной практике наших дней. Причем, если обычаи формируются как бы «сами собой», то конвенциональные нормы создаются сознательно, путём принятия решений общинными властями. До некоторой степени этот процесс может служить аналогом законодательной деятельности государства. Именно этот компонент в наибольшей степени отражает динамизм обычного права, его приспособляемость к меняющимся условиям человеческого существования. Он является основным способом нормотворчества городских общин, возникших в результате целенаправленной совместной деятельности жителей.

Говоря об институтах общинной юстиции в современном обществе, невозможно обойти вопрос об отношении к ним государственной власти. Вплоть до XX века правящие элиты латиноамериканских государств руководствовались политической моделью государства-нации и соответствующим ей моноюридическим подходом в сфере права. Существование «параллельной» правовой реальности игнорировалось. В XX веке законодательство стран региона начинает «поворачиваться лицом» к институтам общинной юстиции. Латиноамериканские конституции нового поколения, появившиеся в конце XX – начале XXI века признают судебные полномочия органов общинной юстиции и связанные с ними системы правовых норм. Объём и характер этих полномочий различны в разных государствах.

Функционируя в современных условиях, сталкиваясь с современными проблемами и решая их, «наполняясь» людьми современных профессий, знаний и с современным мышлением, общинные институты и сами меняются, обретая новое качество. Представляется, что в случае Латинской Америки мы имеем дело с ярким примером процесса трансформации традиционных социальных структур в структуры гражданского общества. Причём процесс этот идёт постепенно, эволюционным путём, пусть и не бесконфликтно, но без революционной ломки, через которую прошли некоторые страны «второго эшелона» модернизации, в том числе Россия. Как показывает исторический опыт, модернизация, опирающаяся на использование, а не разрушение традиционных институтов, оказывается более успешной и чаще приводит к прочным положительным результатам. Поэтому латиноамериканские страны, несмотря на все переживаемые в настоящее время трудности, имеют неплохие исторические шансы на успешный транзит в постиндустриальное общество.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ АРАБСКОМ МИРЕ НА ПРИМЕРЕ ГРАФФИТИ

В современной действительности классические формы публичного пространства, такие как площади, мечети, медресе, кофейни, частично утрачивают свое первостепенное значение, уступая место виртуальным формам. Подобного рода тенденции обусловлены определенными культурными изменениями и глобализационными процессами, охватившими весь мир. Можно говорить о том, что граффити – это ответ на всеобщую тенденцию «визуализации» мышления, это возможность быстро и доходчиво донести информацию реципиенту, минуя долгий процесс расшифровки, это расчет на массовость. Но при этом этот процесс предполагает индивидуальное выражение взглядов художника (или социальной группы), к которой он принадлежит на ситуацию вокруг него, это акт коммуникации, попытка создания альтернативного публичного пространства.

Одновременно с визуализацией культуры, можно говорить о ее виртуализации, что происходит за счет развития современных технологий. Именно благодаря им стало возможным появление виртуального пространства, замещающего реальность. Всякий реально существующий процесс в виртуальном мире заменяется симуляцией. Сегодня под виртуальной реальностью стали понимать любого рода репрезентацию реальности, не имеющую физической субстанции. То есть происходит замещение реальности образами. Поскольку в современном обществе симуляция становится непременным атрибутом существования социального, то получается, что рассматривая такое явление как граффити, мы тоже можем столкнуться с тем, что изображения на стенах имеют мало связи с

конкретными действиями по изменению социальной или политической реальности и, как заметил Бодрийяр, создают симуляцию коллективного ответа на происходящее. То есть все зависит от авторского посыла, от спонтанности или заданности темы рисунка/надписи.

По содержанию граффити в арабских странах можно условно разделить на четыре категории: политические (все, что связано с поддержкой/осуждением какого-либо политического лидера/партии), социальные (затрагивающие социальные проблемы и потребности общества), эстетические (призванные украсить город и жизнь его горожан), религиозные (имеющие религиозную подоплеку). Как показывает рассмотрение конкретных примеров, большинство граффити арабских стран имеют политический и социальный характер. В меньшей степени это граффити, призванные украсить улицы города и достаточно редко можно встретить религиозные граффити: как правило, их появление связано с решением какого-либо политических задач (так, например, подчеркивание исламской идентичности осуществляется в рамках противопоставления себя другой культурной традиции или прежнему режиму).

Отсутствие религиозной тематики, по всей видимости, вызвано тем фактом, что авторам граффити нет необходимости отстаивать свою религиозную принадлежность и тема религии остается сферой частной, а не публичной жизни. В том случае, если такая потребность возникает (как правило, она связана с маркировкой пространства), то появляются надписи или трафареты с изображениями мусульманских святых (Каабы или Куббат ас-Сахры). Кроме того, сам факт нанесения каких-либо надписей на арабском языке дает право относить эти послания к исламу, поскольку уважение к арабскому языку как языку Корана очень велико.

Если рассматривать силу граффити с точки зрения Бодрийяра, то далеко не все граффити стран Ближнего Востока имеют ту силу и мощь, которая может быть присуща этому феномену, поскольку как только мы начинаем говорить о художественной ценности граффити

или о явно прослеживаемом смысловом значении, точнее даже скорее об идеологическом содержании, происходит утрата того импульса, который рождается именно за счет стихийности этого явления. Поэтому для Бодрийера закрашивание стен и снос заборов – это сохранение изначально присущей этому явлению стихийности. Импульс ослабевает по мере разрешения кризисных ситуаций, прекращения воин и революций, когда люди устают бороться и начинают жить повседневными проблемами. Эстетизация такого явления как граффити – это не что иное, как его институализация, музеификация, а значит «игра по правилам», что уже не имеет никакого отношения к революционному бунту. То есть для Бодрийера значение имеет «граффити как протест» и «граффити как идентификационный код», тогда как можно выделить еще несколько категорий, например, «граффити как искусство» и «граффити как реклама».

Когда мы говорим о граффити в рамках вопроса о публичном пространстве, то его можно рассматривать как текст, обращенный к читателю/зрителю. То есть в любом случае – это послание, предполагающее реакцию. Пусть зритель не может мгновенно ответить художнику как участнику диалога, но ответом могут служить его действия, например, участие в митинге в поддержку какого-то начинания или против принятия того или иного закона. Кроме того, размещение фотографий граффити на сайтах или в социальных сетях, во-первых, значительно расширяет аудиторию, во-вторых, дает возможность выразить свое отношение к конкретному рисунку. Идея публичности связана с опытом расширения горизонтов, экспериментом, сюрпризом и это то, что прекрасно воплощено в граффити. Но получается, что сила и мощь граффити, того послания, которое оно несет, проявляется именно «в среде», то есть в том месте и в тех обстоятельствах, в которых оно было создано. Именно от этого импульса зависит степень реакции зрителя: поставит ли он «лайк» под картинкой или пойдет на демонстрацию в поддержку социального закона.

БРАК И СЕМЬЯ: ТРАДИЦИОННЫЕ И КОЛЛИЗИОННЫЕ АСПЕКТЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

Брак и семья являются естественными для существования человека. В любом обществе представления о браке и семье складывались при существенном влиянии морали, религии, культуры, традиций и обычаев. Однако брачно-семейные отношения регулируются и правовыми нормами, которые содержатся в международно-правовых и национально-правовых актах.

Существенное влияние на национальное и коллизионное семейное право имеет общепризнанный принцип международного права – уважения и защиты прав и основных свобод человека [1].

В контексте брачно-семейных отношений признаются равные права мужчины и женщины на вступление в брак, на создание семьи, равенство прав и обязанностей мужчины и женщины в браке (ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 12 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и ст. 5 Протокола № 7 к ней, ст. 13 Конвенции стран СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г.).

Заметим, что равные права мужчины, женщины и детей на сохранение семейных уз, на совместное проживание семьи способствует единству и стабильности семьи (ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., ст. 9 Конвенции о защите прав ребенка 1989 г., Директива ЕС «О праве на воссоединение семьи» 2003 г., Регламент ЕС «О компетенции, признании и исполнении судебных решений по семейным делам и о производстве, касающемся ответственности родителей в отношении общих детей» 2003 г.). Закон Франции 1993 г. о категориях иностранцев, которые не могут быть депортированы, относит к ним

индивидов, имеющих семью, члены которой имеют гражданство Франции, либо несовершеннолетних детей, здоровье и благополучие которых существенно ухудшится при депортации. Закон ФРГ «О пребывании, трудовой деятельности и интеграции иностранных граждан на территории Германии» 2004 г. регулирует порядок воссоединения семьи – супругов или родителей и детей.

Для доктрины и правоприменительной практики государств-членов Совета Европы важны решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), в которых толкуются и применяются положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Протоколов к ней. Представляется интересным, толкование понятий «личная жизнь» и «семейная жизнь». По мнению ЕСПЧ, «семейная жизнь» включает связи, которые возникают из законного и реального брака либо родственные отношения между родителями и детьми и их потомками по рождению и по закону. «Личная жизнь» является более широким понятием, охватывающим физическую и социальную индивидуальность человека, включая право на личную автономию, развитие личности, установление и развитие отношений с иными людьми и окружающим миром [2]. Понятие «личная жизнь» может охватывать аспекты частной жизни человека, которые не могут быть отнесены сразу к «семейной жизни», к примеру, установление отцовства в судебном порядке матерью ребенка, рожденного вне брака.

Современное коллизионное регулирование брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом, также основано на равноправии мужчины и женщины (концепция естественных прав человека). В большинстве стран к имущественным и личным неимущественным отношениям супругов в браке уже не применяется личный закон мужа. Однако в гражданском законодательстве Ирана, Египта, Таиланда допускается применение личного закона мужа к правовым последствиям брака [3].

К коллизионным вопросам относится и проблема признания брака, заключенного на территории иностранного государства.

В России брак признается, если он соответствует законодательству государства, на территории которого заключен (ст. 158 СК РФ). Если на территории иностранного государства брак заключен между гражданами РФ или между гражданином РФ и иностранным гражданином (лицом без гражданства), то подлежит применению еще и ст. 14 СК РФ (обстоятельства, препятствующие заключению брака). Недействительность брака на территории РФ может привести к негативным последствиям для гражданско-правовых отношений в целом. Например, индивид не будет включен в круг наследников как супруг.

Таким образом, наличие универсальных международно-правовых актов в области защиты прав человека полностью не решают проблемы урегулирования брачно-семейных отношений. В этой связи считаем целесообразным развитие унификации норм международного семейного права на региональном и универсальном уровнях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Муранов А.И.** Права человека и международное частное право //Российский ежегодник международного права. – СПб., 2003. С. 162–185.
- 2. Ходыкин Р.М.** Принцип защиты прав и свобод человека и его влияние на содержание коллизионных норм //Актуальные проблемы международного частного и гражданского права: сборник статей. – М., 2006. С. 238–259.
- 3.** Постановление ЕСПЧ «Калачева против Российской Федерации» № 3451/05 от 7.05.2009 г. // Бюллетень ЕСПЧ. 2010. № 2. С. 117–122.
- 4.** Международное частное право: Иностранное законодательство /сост. Жильцов А.Н., Муранов А.И. – М., 2000. С.296, 302, 556.

«BELLY DANCE» КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

После распада СССР и завершения периода советской культуры начались поиски новых культурных моделей и идеалов, началась трансформация российской культуры: произошел переход от моностилистической культуры к полистилистической. Для последней характерны максимальная культурная терпимость и включение совершенно различных по происхождению знаковых систем и чуждых культурных элементов [1, с. 245–247]. В рамках этого процесса обращает на себя внимание широкое распространение в современной России такого традиционного элемента арабской культуры и искусства как «Belly dance».

Корни «Belly dance» или «танца живота» уходят очень глубоко в историю. Древний танец, в основе которого лежали движения бедрами, носил ритуальный характер и изображал таинства жизни и смерти. По одной из версий, танец возник как ритуал подготовки к деторождению. Сведения о нем доходят до нас из древнего Египта, Древней Греции и от средневековых арабских авторов. [2, с. 9]. На сегодняшний день основными странами, в которых этот танец до сих пор жив и составляют неотъемлемую часть культуры, являются страны Ближнего Востока, преимущественно имеющие отношение к арабо-исламскому миру. Наибольшее распространение он получил в Турции, Ливане и, конечно, Египте. Со временем танец из исключительно ритуально танца трансформировался в искусство и стал частью светского развлечения.

В определенный момент, в арабо-исламском обществе танец стал разделяться на «приемлемый» и «неприемлемый». Представляется, что эта разграничительная черта стала проявляться

после распространения ислама. Так, «неприемлемым» стал считаться профессиональный танец, который исполнялся в основном цыганами («гавазии», ghawazee, – Египет), этническими меньшинствами и бедными слоями населения. Профессиональные танцовщицы в арабском обществе презирались, имели репутацию «нечестных» женщин. При этом их приглашали выступать на различные общественные праздники (в первую очередь свадьбы). «Приемлемый» вариант танца представлял собой танец женщины в кругу своей семьи, в первую очередь для своего мужа [2, с. 9–10].

Начиная с XIX в., «века ориентализма», «Belly dance» начал проникать в Европу, воспринимался, как некая диковинка. В итоге в XX в. танец под влиянием запада трансформировался в современный его вид, впитав в себя элементы классического танца (балета), фламенко, латиноамериканских танцев и других направлений, и получил название «ракс аль-шарки» (Raqs al-Sharqi) или «восточный танец» (oriental). Сегодня «ракс аль-шарки» исполняется в египетских ночных клубах, кабаре, на различных праздниках и свадьбах. Танцовщицы выступают на египетских развлекательных телеканалах, снимаются в кинофильмах, музыкальных клипах, телешоу и т. д. При этом стоит отметить, что среди народа традиция танца сохраняется. Танец этот, максимально приближен к традиционному и носит название «ракс аль-балади» (Raqs al-Baladi) или «народный танец» и является неотъемлемой частью народных празднеств и гуляний.

В СССР «танец живота» получил развитие в рамках танцев народов мира. Первопроходцами «Belly Dance» считаются Татьяна Зеленецкая, Валида Сачакова, Светлана Баева, Алевтина Суворова и др.

Татьяна Зеленецкая считается одной из первых исполнительниц танца живота в СССР, легендой отечественного «Belly dance». В 1974 г. на V Всесоюзном конкурсе эстрады она стала лауреатом премии, после чего приобрела всесоюзную известность и побывала с гастролями в 38 странах мира [3]. Одновременно с

Т. Зеленецкой карьеру танцовщицы «Belly dance» начала Светлана Баева, начинавшая как танцовщица танцев народов мира.

В 80-е гг. XX века профессионально исполнять «Танец живота» начала Валида Сачакова, которая в 1994 г. открыла первую в России школу по «Belly Dance» [4].

В Северной столице одной из основательниц «танца живота» считается Алевтина Суворова. Она начала увлекаться танцем с 1989 г., а в 1999 г. начала карьеру педагога, открыв в городе школу. Среди её учениц очень многие известные петербургские танцовщицы: Элина Килинкарлова, Евгения Ивакина (Ясмин), Лидия Карасева (Далида), Наталья Филимонова (Дарина) Марина Фадеева (Амуна) и др. [5].

Постепенно «Belly dance» приобретал популярность и развивался в России, однако до начала 2000-х гг., он не принимался профессиональным танцевальным сообществом. Только в 2001 г. танец живота вошел в структуру Общероссийской Танцевальной Организации (ОРТО). В этом же году сформировалась федерация танца живота, которая стала проводить конкурсы. После этого в 2005 г. из федерации выделилась «Лига профессионалов танца живота», после чего произошло разделение в танце на любителей и профессионалов.

Вторая половина 2000-х гг. XXI века – является периодом подъема и пиком популярности данного направления танцев в России: учреждались школы, студии танца, проводились конкурсы, фестивали и различные мероприятия.

Сегодня педагогами «танца живота» отмечается уменьшение количества учеников, тем не менее, интерес к самим танцам не пропадает.

На сегодняшний момент определить численность людей, занимающихся «Belly dance» довольно сложно, однако, составить приблизительное мнение о количестве увлеченных людей можно, используя данные интернет-форумов и социальных сетей. Например, на крупнейшем форуме под названием «Танец живота»

(www.beledi.ru) насчитывается 26 156 зарегистрированных пользователей [6]. В социальной сети «ВКонтакте» в одной из крупнейших групп по танцу живота «Belly Dance [Official page]» состоит 37 275 пользователей [7]. Конечно, необходимо учитывать, что участниками на форуме и в группе состоят не только представители Российской Федерации, но и стран бывшего СССР, хотя конечно, россияне преобладают. Кроме того, следует принимать во внимание следующий факт: далеко не все люди, занимающиеся «Belly dance» являются активными пользователями сети Интернет и зарегистрированы на данных ресурсах.

На сегодняшний день в одном только Петербурге насчитывается более 20 крупных школ и студий «танца живота», такие как: «Oasis Dance», «Dance Queen», «Al-Shark» «Aina», «Arabesk», и др.. Помимо этого, в каждом фитнес-центре и школе танцев есть студии «Belly dance».

С каждым годом увеличивается количество различных конкурсов и фестивалей по «Belly Dance», проводимых в России. За 2013 – первую половину 2014 гг. ОРТО провело порядка 17 конкурсов; «Лига профессионалов восточного танца» – 37 (еще 15 планируются в сентябре – декабре 2014 г.). Помимо этих мероприятий, за 2013 г. и первую половину 2014 г. в России было проведено более 58 конкурсов и фестивалей (не считая разнообразных небольших местных конкурсов). География проведения этих мероприятий впечатляет: Москва, Санкт-Петербурге, Ростов-на-Дону, Воронеж, Саратов, Нижний Новгород, Мурманск, Петрозаводск, Челябинск, Вологда, Череповец, Смоленск, Иваново, Воронеж, Тольятти, Екатеринбург, Калининград, Уфа, Новосибирск, Красноярск, Тюмень, Владивосток и др. [8; 9; 10].

Диапазон возрастных категорий участников данных конкурсов чрезвычайно широк. В положении фестиваля «Исида» (Санкт-Петербург) отражены следующие возрастные категории:

- «беби» – 4–6 лет;

- «дети» – 7–11 лет;
- «юниоры» – 12–15 лет;
- «молодежь» – 16–18 лет;
- «взрослые-1» – 19–34 лет;
- «взрослые-2» – 35–49 лет;
- «сеньоры» – 50 лет и старше [11].

Особенно обращает на себя внимание наличие категорий «baby», «дети» и «юниоры», так как их наличие свидетельствует о том, что влияние арабской культуры в форме «Belly dance» оказывается не только на взрослое женское население нашей страны, но и на детей и подростков, а соответственно может влиять на формирование их мировоззрения и собственной культурной идентичности.

Следует также отметить, что за последние несколько лет значительно вырос уровень подготовки танцовщиц: как практической, так и теоретической. Помимо изучения классического египетского танца «ракс аль-шарки», набирает популярность изучение и исполнение фольклорных танцев не только Египта (Саиди (Saidi), беледи (Beledi), гавазы (Ghawazee), хаггала (Haggala), аваллим (Awallim), фелляхи (Fellahi), «Александрия» и др.), но и других танцев арабо-исламского мира: нубия (Северный Судан) марокко, шикхатт (Марокко, Западная Сахара), дахайя (бедуинский танец – Алжир), дабка (Сирия, Ливан), ираки (Ирак), халиджи (Саудовская Аравия, Йемен и др. части Аравийского п-ов) и т. д. Причем, во время разучивания данных танцев происходит знакомство с историей танца, историей фольклорных костюмов, а также с культурой страны-родины этого танца. Сегодня чрезвычайно популярны среди танцовщиц России и стран бывшего СССР египетские танцы беледи, саидии «александрия», а также танцы Персидского залива – халиджи и ираки.

Сегодня считается нормой, даже необходимым условием, проведения крупных международных фестивалей в России и других

странах на постсоветском пространстве (в первую очередь в Украине) проведение мастер-классов всемирно знаменитых египетских педагогов по «Belly dance». На таких фестивалях, как «Cairo Mirage» (Москва), «Ассамблея» (Москва) «Кубок Ракии Хассан» (Санкт-Петербург), «Ethno Dance» (Санкт-Петербург), «Кубок Кати Эшты» (Тюмень), «Almaz» (Уфа), «Isadora Cup» (Киев) и др. принимают участие в качестве педагогов: легенда арабского танца, один из лучших египетских педагогов танца живота в мире мадам Ракия Хассан (Ragia Hassan), одна из самых ярких звезд танца живота в Египте, талантливый педагог Ката Эшта (Katia Eshta), всемирно известный мастер ориентального танца др. Мо Геддави (Mo Geddavi), крупнейший специалист в мире по танцу гавизи и авалим Хода Ибрагим (Hoda Ibrahim), один из ведущих педагогов и хореографов мира по «ракс аль-шарки» и народных стилей Египта Любна Имам (Lubna Emam), хореограф и исполнитель «ракс аль-шарки» Мохамед Казафи (Mohamed Kazafi), одни из ведущих педагогов египетского фольклора Рагайе Хуссейн (Ragaey Hussein) и Тито (Tito), знаменитые исполнительницы «ракс аль-шарки» и педагоги Ранда Камел (Randa Kamel), Камелия (Kamelia) и знаменитая танцовщица Дина (Dina) и др.

Кроме того, за последние годы значительно вырос уровень исполнительниц танца живота из России. Так, танцовщицы выигрывают крупнейшие египетские международные конкурсы по «Belly dance». Первой победительницей из России в международном фестивале Nile Group Festival – 2007 г. в Каире стала Элина Калинкарова (Санкт-Петербург), открывшая череду побед танцовщиц и России в крупнейших египетских конкурсах. Например, победительницей того же фестиваля в 2010 г. стала Маргарита Дарьина (Нижний Новгород), 2011 году Анна Борисова (Набережные Челны) стала победителем конкурса «Корона Randa Kamel» в Каире под оркестр и т. д.

Показательны в этом отношении победы российских исполнительниц «танца живота» на самом престижном в мире конкурсе по «Belly dance» «Ahlan wa Sahlan». Среди победительниц в этом конкурсе были: в 2012 г. – Наталья Барсова (Санкт-Петербург); в 2013 г. – Елена Борисова (Набережные Челны), Надежда Алексеева (Тольятти); в 2014 г. – Кристина Кожул (Краснодар); Ирина Шевченко (Ростов-на-Дону). Победы в данном конкурсе демонстрируют следующую тенденцию: уровень исполнения «Belly dance» российскими танцовщицами настолько высок, что египтяне признают их одними из лучших исполнительниц этого танца в мире. А это особенно важно для данной работы, так как в характеристики, по которым оцениваются уровень танцовщиц на подобных конкурсах, включают в себя помимо хореографии, техники исполнения и артистизма, также характеристику «арабизм», т. е. аутентичную манеру исполнения танца максимально приближенную к манере исполнения египетских танцовщиц. В 2014 г. российские исполнительницы даже были приглашены с мастер-классами на этот фестиваль (например, Алла Вац и Наталья Барсова).

Кроме того, несколько лет назад представительницы России начали приглашаться в качестве педагогов для проведения мастер-классов по «Belly dance» в различных странах мира. География проведения мастер-классов обширна: Англия, Франция, Швейцария, Испания, Голландия, Польша, Греция, Хорватия, США, Мексика, Бразилия, Аргентина, Венесуэлла, Китай, Тайвань, Корея, Япония и др. Причем, чаще всего приглашают в страны Азии, в первую очередь – в Китай и Корею.

Таким образом, сегодня мы наблюдаем широкий интерес в российском обществе к арабской культуре посредством распространения «Belly dance». Российские танцовщицы не только являются одними из лучших исполнительниц «танца живота» в мире, но и фактически оказываются своеобразными «проводниками» этого

танца и арабской культуры в самой России, и выходя за её пределы, приобщая к ней другие страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Ионин Л.Г.** Социология культуры. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом ГУ ВЦЭ, 2004. 427 с.
- 2. Буонаventura В.** Рожденная в танце. Женщина и танец в арабском мире. СПб.: ООО «РФ», 2005. 156 с.
- 3. Татьяна Нурлабековна Зеленецкая** // Форум танца живота. URL: <http://www.beledi.ru/forum/viewtopic.php?t=5998> – (17.09.2014)
- 4. Рябинина О.** «Смерти али живота?» // Аргументы и факты. № 25 от 21 июня 2006 г. URL: http://gazeta.aif.ru/_/online/aif/1338/55_01 – (17.09.2014).
- 5. Алевтина Александровна Суворова** // Форум ценителей восточного танца. URL: <http://www.bellydancestars.ru/viewtopic.php?t=2176> – (17. 09.2014).
- 6. Форум танца живота.** URL: <http://www.beledi.ru/forum/> – (30.09.2014).
- 7. Belly Dance [Official page].** URL: <https://vk.com/bellydanceart> (30.09.2014).
- 8. Календарь событий** // ОРТО. URL: <http://www.ortodance.ru/calendar> – (17.09.2014).
- 9. НОВОСТИ** // Лига профессионалов восточного танца. URL: <http://www.bellydanceliga.ru> – (17.09.2014).
- 10. Обсуждения прошедших мероприятий** // Форум танца живота URL: <http://www.beledi.ru/forum/viewforum.php?f=43&topicdays=0&start=0> – (17.09.2014).
- 11. Номинации** // Фестиваль «Исида». URL: https://vk.com/topic-5987029_30620890 – (17.09.2014).

РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ СУФИЗМА НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ

Любое традиционное общество обладает неким ядром, вокруг которого существуют и развиваются все институты данного общества. Поскольку в современный период к традиционным обществам исследователи относят общественную структуру восточных стран (преимущественно), необходимо обратиться к рассмотрению того, что выступает в ряде восточных стран в качестве такого ядра. По нашему мнению, роль такого ядра выполняют определенные учения, иначе называемые системами самосовершенствования и призванные развивать общество и защищать своих последователей. Более точно было бы говорить не об обществах традиционного типа, а о восточных обществах современности с разной степенью развития традиционных институтов.

На обширной территории, принадлежащей разным государствам, во многих из которых распространен ислам, центр традиционной деятельности совпадает с суфизмом. Сейчас суфизм уже в какой-то степени известен и даже изучен многими представителями гуманитарного знания. Изучение данного явления с научной точки зрения соседствует с многочисленными попытками практики. Успешность и безуспешность таких попыток напрямую зависит от степени освоенности многочисленных аспектов этой системы. Вполне естественно, что возникает вопрос преемственности и с точки зрения восприятия этой восточной системы представителями западного мира. Можно ли говорить о тождественности достижений практикующих эту систему в странах Азии, Африки, Америки и Европы. В данном докладе мы попытаемся

рассмотреть возможность и невозможность правильного понимания и восприятия суфизма человеком Запада.

Поскольку суфизм является не только традиционным учением, но и своего рода веянием моды или предметом увлечения, необходимо различать истинных последователей суфизма и тех лиц, которые следуют путем данного учения в силу собственных симпатий и предпочтений. Поскольку такие люди встречаются преимущественно в Западной Европе и Америке, можно говорить об особом типе адаптированного «западного суфизма», точнее, «суфизма для людей Запада». Подобные адаптированные формы возможны в силу ряда причин:

1. Географические факторы, не позволяющие проникать в отдаленные регионы, где могут находиться представители действующих школ и не позволяющие знакомиться со всеми аспектами учения.

2. Незнание допустимых форм взаимодействия суфизма и ислама.

3. Иной тип духовности, не позволяющий правильно воспринимать вопросы, поднимаемые и затрагиваемые суфизмом.

В то же время, к наиболее вероятным причинам невозможности освоения «болотными людьми» (еще одно название людей Запада) суфизма следует относить не означенное в вышеперечисленных пунктах, а остроту проблем, решаемых суфизмом, к которой большинство людей просто не готовы, а также абсолютное непонимание суфизма с точки зрения его практического применения.

Последнее, на наш взгляд, является наиболее парадоксальным, так как суфизм является, прежде всего, системой сугубо практической, нацеленной на решение самых глубинных проблем целостной человеческой личности. Тем не менее, множество практических действий, в обязательном порядке выполняемых последователями системы, не только остаются без внимания «просто интересующихся», но даже встречают активное непонимание и даже неприятие. В такой

психологической ситуации неготовности все попытки овладения подобной системой с самого начала обречены на неудачу.

Систему суфизма можно считать неоднозначной лишь в ее внешних аспектах, которые сложно оценивать чисто количественно. Это происходит в силу того, что связи составных частей системы практически всегда носят неявный и даже алогичный характер. Алогичность подобного рода проявляется за счет того, что система суфизма несопоставимо богаче не только многих других систем совершенствования, но и широте и богатству превосходит сумму впечатлений среднего человека, получаемых им за всю свою жизнь. Таким образом, человек владеющий системой в полном объеме, способен прослеживать огромное количество связей в гораздо более широком спектре явлений, что не доступно не только для обычных людей, но даже для людей выдающихся, но живущих по законам связей внешних ограниченных явлений.

Внутренние аспекты системы расставляют все по своим местам и то, что ранее казалось нелогичным, более таковым не представляется. Такого рода достижения возможны при овладении всеми аспектами системы во всем многообразии взаимосвязей. Последнее обстоятельство – один из краеугольных камней суфизма, так как сколь бы ни были высоки достижения в отдельных аспектах, они никогда не достигнут того максимально возможного уровня, который предоставляет овладение абсолютно всеми аспектами системы. Отсюда следует, что система весьма трудоемка в количественном отношении и еще более трудоемка в отношении предмета и объекта исследования, поскольку для обучающегося весьма сложно уловить и зафиксировать даже те аспекты системы, которые считаются устойчиво воспроизводимыми и результативными для большинства практикующих. Тем не менее, при достижении успехов в каком либо из аспектов, происходит создание предпосылок для успешного овладения всеми остальными аспектами, что еще раз

говорит в пользу целостности человека как в изолированном состоянии (насколько это возможно) и во всем многообразии связей.

Само понятие «связи» предполагает столь неотъемлемую особенность суфизма как управление. Как и любая система, суфизм строится и реализуется во всей полноте за счет управления тончайшими проявлениями психики. Именно в сфере психики, можно сказать, заканчиваются возможности овладения суфизмом людьми Запада. Напротив, люди Востока в своей практике суфизма никогда не ограничивались пределами лишь личностного роста и все многообразие получаемых в результате практики достижений возводили к уровню бытия более высокого порядка, нежели уровень личностный.

Парадоксально, но уровень «внеличностного» частично и в зачаточных формах реализован в западной цивилизации в виде так называемого научно-технического прогресса. Парадокс заключается в том, что часть проблемного поля в цивилизации науки и техники обозначены в границах, частично совпадающих с аналогичными в суфизме. Термин «научно-технический» не содержит в себе понятия «человек». В силу этого достижения науки и техники на Западе существуют как бы сами по себе и, хотя служат целям удовлетворения действительно многих потребностей человека, существуют от него отдельно. Налицо «разъятость» западной цивилизации, отчужденность человеческого существа от его достижений, обладающего возможностью в лучшем случае применять лишь некоторые из достижений суфизма и систем ему подобных для использования продуктов научно-технического развития. В суфизме ситуация диаметрально противоположна. Там любой аспект, прорабатываемый в результате практики, является своего рода, живым инструментом системы, никогда не теряющим связи с личностью практикующего и занимающий в ней свое особое место, гармонично взаимодействующий с другими такими же инструментами. В подобной ситуации, конечно же, невозможно так

называемое «восстание машин», чего приходится опасаться представителям западной цивилизации.

Такого рода гармония, однако, лишь конечный результат практикующего и легко не дается, как можно было бы подумать, анализируя систему с чисто внешних позиций. В действительности, в процессе овладения аспектами системы на каждом из этапов практикующего ожидает «фаза непредсказуемости», так сказать, погружение в пучину неизвестных глубин собственного «Я». Это, своего рода схватка с собственными недостатками, из которой победителями выходят лишь личности нравственные, вполне способные как приподняться над собственной «животной природой», так и, что намного важнее, употребить возможности, заключенные в низменной части человеческого существа на пользу личному духовному росту.

Таким образом, суфии считают, что истинный человек не должен ни «замыкаться в высших сферах», ни следовать бездумно своим низшим устремлениям. Для достижения этой цели человек может развиваться в ходе непрерывного внутреннего поиска, проживая каждый аспект системы как «жизнь в миниатюре» и увязывать каждый такой аспект с другими и, что более важно, укореняя аспекты в глубине собственной души.

ТАТАРСКИЕ СЛОБОДЫ КАК ФЕНОМЕН МУСУЛЬМАНСКИХ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ РОССИИ

Центры мусульманской экономики Волго-Уральского региона во второй половине XVIII в. – первой половине XIX в. – Татарские Слободы Казани и Каргала – коренным образом отличались по своей структуре от мусульманских городских центров.

Глава оттоманской городской организации «кади был не только судьей, ответственным за исполнение законов Шариата..., но он выполнял финансовые, административные и гражданские обязанности». В оттоманских городах абсолютное большинство земель принадлежало различным вакфам: Татарские слободы обладали только правом контроля над экономической жизнью, и их организация носила сугубо добровольный характер. Эта организация, в отсутствие национальной бюрократии и при отсутствии имущественной базы духовенства, фактически предоставляла буржуазии неоспоримое первенство в городских общинах.

К тому же, если буржуазии имела единый орган в слободах, то духовенство образовывало фактически изолированные махалли, формально объединенные властью ахуна. Полномочия ахуна не имели никакого сходства с полномочиями кади. Пример ахуна Ш. Марджани показывает, что даже он не сумел добиться никаких значительных изменений на данном посту. Казань и Каргала являлись основными метрополиями, на основе которых происходило создание торговых колоний-диаспор. Таким образом, например, возникла татарская община Малмыжа в 1840-е гг.

Основой организации городской мусульманской жизни оставались махалли. Их функции в эпоху Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС, 1788–1917 гг.) были

нерасторжимо связаны не только с религиозными полномочиями, но и местным самоуправлением. В этот период махалли у татар не сумели стать аналогом городского самоуправления в мусульманском мире, но на их основе была создана сетка стабильных общин со своими мечетями, мектебами и медресе.

С формированием системы местного самоуправления в России представители махаллей должны были представлять интересы нации на более высоких уровнях местного самоуправления на национально-пропорциональной основе. Махалле нужно было сильное лидерство и стабильное финансовое обеспечение. Однако среди мусульман Волго-Уральского региона практически отсутствовали члены, правящего в России феодально-дворянского сословия. Имамы не принадлежали к этому сословию, не были обеспечены финансово лично, и, как правило, не контролировали даже имеющиеся вакфы. Поэтому лидерство в махаллях закономерно захватила буржуазия, финансово обеспеченная, контролировавшая вначале Татарские Ратуши, затем представленная в городских Думах и сословных органах, выполнявшая попечительские функции для мечетей и медресе.

Приходские попечительские светлы при мечетях были не разрешены, а значит, запрещены по логике российского континентального права. Выходом для имамов было наличие собственного бизнеса и связей среди чиновников. Но это было характерно, скорее для раннего этапа ОМДС в конце XVIII – начале XIX вв. Здесь И. Худжаши в Казани является классическим образцом.

С началом «Великих реформ» 1860–1870-х гг. и с окончанием эпохи олигархической буржуазии в лице торговцев со Средней Азией возник шанс для имамов. Но только Ш. Марджани и только при условии включения в попечительский совет учителя русского языка в 1876 г. сумел юридически установить контроль над медресе, но не над махаллей.

В дальнейшем в Казани Г. Баруди фактически выработает модель попечительских советов, опираясь на среднюю буржуазию

приходов, мударрисов и мугаллимов медресе. Но смог бы он это сделать, если бы не был сыном миллионера М. Галиева? В 5-м приходе Троицка З. Расули фактически выстраивает новую махаллю, но и здесь он не может юридически создать мутаваллият. В 1905 г. концепцию махалли вырабатывает Р. Фахретдин и в 1914 г. дополняет Г. Еникеев, но из-за нежелания властей создать необходимую законодательную базу эти проекты тоже остаются на бумаге. Общинное самоуправление в махалле слишком противоречит всей вертикали системы самодержавия.

В 1917 году происходит введение уже автономии светской не на уровне махалли, а на уровне населенного пункта, как низшей единицы самоуправления.

ВЛИЯНИЕ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ НА БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В ПОГРАНИЧНОЙ СФЕРЕ

Российская Федерация считается страной с неблагоприятной иммиграционной политикой. По данным ООН за 2013 год Россия после США является самой привлекательной страной для мигрантов.

Больше нигде в мире не наблюдается такого притока нелегальной миграции.

1. Благодаря большому количеству нелегальных мигрантов ухудшается социальная и криминогенная обстановка, прежде всего, в приграничных областях. Это Ленинградская область и город Санкт-Петербург, Хабаровский, Приморский и Краснодарский края.

2. компактно проживающие мигранты, формируют некую субкультуру, которая большинству россиян чужда.

3. На миграционном бизнесе обогащаются коррумпированные чиновники.

По подсчетам специалистов Института социально-экономических проблем народонаселения РАН общая численность мигрантов, незаконно находящихся на территории России, составляет 4–4,5 млн. человек. Из них на страны СНГ приходится 1,8–2,0 млн. человек, остальные это граждане дальнего зарубежья. В лидерах Украина, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Азербайджан. Данные ФМС России за 2013 год не сильно расходятся с этими расчетами. В 2013 году в Россию въехали 17 млн. 342 тыс. иностранцев, из них на миграционный учет встали 7 млн. 76 тыс. человек. Где остальные? По данным ФМС, за нарушение миграционного законодательства наложено штрафов на общую сумму 6 млрд. 450 млн. рублей. Закрыт въезд 450 тыс. человек. Сдвиги есть, однако системный подход к решению проблем нелегальной миграции отсутствует.

Что делать? Необходимы радикальные меры для решения проблемы нелегальной миграции. В настоящее время в миграционной сфере действует около 800 нормативно-правовых актов. По мнению автора необходимо сокращение их на порядок. В настоящее время идет работа над созданием Миграционного кодекса. Необходимо перенимать мировой опыт, прежде всего стран Европейского Союза.

Что же предпринимает Старый Свет:

1. Усиление физического контакта на проблемных участках.
2. Усиление физического контакта на всем периметре Евразии.
3. Изменения в миграционном законодательстве.

Определенный интерес для России могли бы представлять США и Германия с их богатым опытом в решении вопросов по интеграции мигрантов. Однако мы имеем свои особенности. Более 14 тыс. км сухопутных границ, из которых почти 7000 км это полностью открытая и прозрачная граница с Казахстаном, через которую идет основной поток нелегальной миграции. Необходимо оборудование границы, так как даже США построили на границе с Мексикой тысячи километров ограждений, которые охраняются 18 тысячами таможенников.

Безопасность России в пограничной сфере напрямую зависит от решения проблем нелегальной миграции. Обустройство государственных границ, повышение роли пограничных органов ФСБ России с одновременным ужесточением миграционного законодательства: введение системы квотирования, уголовная ответственность за нарушение миграционного законодательства, введение визового режима со странами СНГ. Главный вопрос, кто в существующей коррумпированной системе будет это реализовывать. Вопрос больше риторический.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

АЛЕКСАНДРОВИЧ Владислава Юрьевна – студентка Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; 660049, ул. Ады Лебедевой, д. 89, г. Красноярск, Россия; e-mail: msn.ginger@mail.ru.

ALEXANDROVICH, Vladislava Yu. –Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; 660049, Lebedeva Str., 89, Krasnoyarsk, Russia; e-mail: msn.ginger@mail.ru.

АТЕШ Хамза – доктор наук, профессор кафедры политики и государственного управления, факультет политических наук, Стамбульский университет «Меденият», Турция; e-mail: hamza.ates@medeniyet.edu.tr.

ATES Hamza – Dr., Professor at the Department of Politics and Public Administration, Faculty of Political Sciences, Istanbul Medeniyet University, Turkey; e-mail: hamza.ates@medeniyet.edu.tr.

АТНАШЕВ Вадим Рафаилович – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международное и гуманитарное право» Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 199178, Средний пр. В.О., д. 57/43, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: vatnash@hotmail.com.

ATNASHEV, Vadim R. – North-West Institute of Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 199178, Sredniy prospect, 57/43, Vasilyevsky Island, St. Petersburg, Russia; e-mail: vatnash@hotmail.com.

АХМАДЕЕВА Яна Михайловна – аспирант кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, Политехническая ул., д. 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: frauahmadeeva@yandex.ru

AKHMADEEVA, Yana M. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, St. Politekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: frauahmadeeva@yandex.ru

БАШКАРЕВ Андрей Альбертович – кандидат политических наук, доцент кафедры «Социально-политические технологии» Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, Политехническая ул., д. 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: bashkarev@mail.ru.

BASHKAREV, Andrey A. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: bashkarev@mail.ru.

БОЛДЫРЕВА Елена Леонардовна – кандидат политических наук, доцент кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: elena1971@yandex.ru.

BOLDYREVA, Elena L. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: elena1971@yandex.ru.

БУЛАЦКИЙ Станислав Михайлович – аспирант Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: bulatsky@gmail.

BULATSKY, Stanislav M. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: bulatsky@gmail.com.

ВАН Цзюньтао – преподаватель кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ, Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: juntao2013@yandex.ru.

VAN Tszuuntao – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: : juntao2013@yandex.ru.

ВОЛОВА Анна Алексеевна – Центр Обучения за рубежом «Стьюдентс Интернейшнл», директор Северо-Западного филиала. 197376, ул. Чапыгина, д 6, бизнес-центр «ТВ-ПОЛИС», офис 400. Санкт Петербург, Россия; e-mail: volova@studinter.ru.

VOLOVA, Anna A. – Students International Educational Company, director of SI North-Western Branch. 197376, Chapygina Str 6, business-centre «TV-Polis», office 400, St. Petersburg, Russia; e-mail: volova@studinter.ru.

ВОПИЛОВСКАЯ Екатерина Павловна – студентка кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: katevopilovskaya@gmail.com.

VOPILOVSKAYA, Ekaterina P. – St. Petersburg Polytechnic University. Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, 195251, Russia; e-mail: katevopilovskaya@gmail.com.

ВОРОЧАЙ Вероника Валерьевна – студентка Института философии Санкт-Петербургского государственного университета; 199034, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: veronika.vorochay@mail.ru.

VOROCHAY Veronika V. – St. Petersburg State University; 199034, Mendeleevskaya liniya, 5, St. Petersburg, Russia; e-mail: veronika.vorochay@mail.ru.

ГОЛИК Надежда Васильевна – доктор философских наук, профессор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: n_golik@mail.ru.

GOLIK, Nadezhda V. – St. Petersburg State University. 199034, Mendeleevskaya liniya, 5, St. Petersburg, Russia; e-mail: n_golik@mail.ru.

ГОРЮНОВ Валерий Павлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: goryunov42@mail.ru.

GORYUNOV Valery P. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: goryunov42@mail.ru.

ГРИШИНА Наталья Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: grishinan@list.ru.

GRISHINA, Natalia Y. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Polytechnicheskaya st. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: grishinan@list.ru.

ГУЛЯКИН Святослав Сергеевич – аспирант кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: fortunat.kermak@rambler.ru.

GULYAKIN, Svyatoslav S. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: fortunat.kermak@rambler.ru.

ГУТОРОВА Надежда Васильевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономики и менеджмента недвижимости и технологий» Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, Россия, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29, e-mail: k-n-v@bk.ru.

GUTOROVA, Nadezhda V. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: k-n-v@bk.ru.

ЕРОФЕЕВ Дмитрий Романович – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного

политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: dmierofeev@yandex.ru.

EROFEEV, Dmitry R. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: dmierofeev@yandex.ru.

КЛИМЕНКО Екатерина Владимировна – кандидат культурологии, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 191186, Дворцовая наб., д. 2, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: ekavlaklimenko@gmail.com.

KLIMENKO, Ekaterina V. – St. Petersburg State University of Culture and Arts. 191186, Dvortsovaya nab., 2, St. Petersburg, Russia; e-mail: ekavlaklimenko@gmail.com.

КЛИМИН Иван Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru.

KLIMIN, Ivan I. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru.

КОВАЛЕНКО Виктор Андреевич – аспирант кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kov-vito@mail.ru.

KOVALENKO, Victor A. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: kov-vito@mail.ru.

КОСТОГРЫЗОВ Павел Игоревич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета; 620137, ул. Комсомольская, 21, г. Екатеринбург, Россия; e-mail: kostogryzovpi@gmail.com.

KOSTOGRIZOV, Pavel I. – Urals State Law University. 620137, Komsomolskaya Str. 21, Yekaterinburg, Russia; e-mail: kostogryzovpi@gmail.com.

ЛИННАС Надежда Александровна – старший преподаватель кафедры Европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: Linnas@mail.sir.edu.

LINNAS, Nadezhda A. – St. Petersburg State University. 199034, Universitetskaya nab., 7/9, St. Petersburg, Russia; e-mail: Linnas@mail.sir.edu.

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: a.v.malinov@gmail.com.

MALINOV, Alexey V. – St. Petersburg State University. 199034, Universitetskaya nab., 7/9, St. Petersburg, Russia; e-mail: a.v.malinov@gmail.com.

МАССОВ Александр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культурологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. Профессор магистерской программы «Исследования Тихоокеанского региона» Санкт-Петербургского государственного университета. 19008, Лоцманская ул., 3, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: amassov@gmail.com.

MASSOV, Alexander Ya. – St. Petersburg State Marine Technical University; Professor of the Master's program "Pacific Studies", St. Petersburg State University. 190008, Lotsmanskaya Str. 3, St. Petersburg, Russia; e-mail: amassov@gmail.com.

МАТОЧКИНА Анна Игоревна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры «Философия и культурология Востока» Института философии Санкт-Петербургского государственного университета; 199034, Менделеевская линия д. 5 Санкт-Петербург, Россия; e-mail: anna-matochkina@yandex.ru.

MATOSHKINA, Anna I. – Saint-Petersburg State University. 5, Mendeleevskaya line, St. Petersburg 199034, Russia; e-mail: anna-matochkina@yandex.ru.

МИРОЛЮБОВА Ольга Вячеславовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Международный бизнес» Международной высшей школы управления Инженерно-экономического института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: olga.v.mir@gmail.com

MIROLIUBOVA Olga V. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: olga.v.mir@gmail.com

МУКБИЛЬ Мансур Хассан – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: Mansour@list.ru.

MUKBIL, Mansour H. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: Mansour@list.ru.

ОКОРОКОВ Василий Романович – доктор экономических наук, профессор кафедры «Международные экономические отношения» Санкт-Петербургского

государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: Okorokov@igms.info;

OKOROKOV, Vasilii R. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: Okorokov@igms.info

ОСИПОВ Игорь Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «История философии» Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. 199034, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: idosipov@mail.ru

OSIPOV, Igor D. – St. Petersburg State University. 199034, Mendeleevskaya liniya, 5, St. Petersburg, Russia; e-mail: idosipov@mail.ru

ПАВЛОВА Ольга Константиновна – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: pavlovaok55@mail.ru.

PAVLOVA, Olga K. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: pavlovaok55@mail.ru.

ПЕШПЕРОВА Изольда Юрьевна – кандидат юридических наук, профессор зам. заведующего кафедрой «Международное и гуманитарное право» Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 199178, Средний пр. В.О., д. 57/43, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: iseutp@gmail.com.

PESHPEROVA, Izol'da Y. – North-West Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration 199178, Sredniy prospect, 57/43, Vasilyevsky Island, St. Petersburg, Russia; St. Petersburg, Russia, e-mail: iseutp@gmail.com.

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: pogodin56@mail.ru.

POGODIN, Sergey N. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: pogodin56@mail.ru.

ПОЛЛАРД Марина – член Русского общественного центра штата Квинсленд, Австралия. e-mail: marina.pollard1@gmail.com.

POLLARD, Marina – the member of Queensland Russian Community Centre, Australia. e-mail: marina.pollard1@gmail.com.

РЯБОВА Анна Львовна – кандидат философских наук, преподаватель английского языка кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: ral5@mail.ru.

RIABOVA, Anna L. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: ral5@mail.ru.

САЙЧЕНКО Ольга Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Международный бизнес» отделения «Международная Высшая школа управления» Инженерно-экономического института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: olgasaychenko@yandex.ru.

SAUCHENKO, Olga A. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: olgasaychenko@yandex.ru

САМЫЛОВСКАЯ Екатерина Анатольевна – старший преподаватель кафедры философии и культурологии, факультет культуры, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 192238, ул. Фучика, 15, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru.

SAMYLOVSKAYA, Ekaterina A. – St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 192238, Fuchika str., 15, St. Petersburg, Russia; e-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru.

СЕМЕНОВ Александр Александрович – старший преподаватель Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. 199034, Университетская наб., д. 11, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Sandro.semenov@gmail.com.

SEMENOV, Alexander A. – St. Petersburg State University. 199034, University Emb., 11, St. Petersburg, Russia; e-mail: Sandro.semenov@gmail.com.

СЕРОВ Александр Павлович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, 19008 Лоцманская ул., 3, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: office@smtu.ru

SEROV, Alexander P. – St. Petersburg State Marine Technical University; 190008, Lotsmanskaya Str. 3, St. Petersburg, Russia; e-mail: office@smtu.ru

СКОРНЯКОВА Светлана Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-политические технологии» Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: salagot@yandex.ru.

SKORNYAKOVA, Svetlana S. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: salagot@yandex.ru.

СМИРНОВ Александр Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедры «Теория и история государства и права» Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: o.saraf@mail.ru.

SMIRNOV, Alexander S. – Saint-Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: o.saraf@mail.ru.

СМИРНОВА Ольга Александровна – доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: o.saraf@mail.ru

SMIRNOVA Olga A. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: o.saraf@mail.ru

СЧИСЛЯЕВ Петр Сергеевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Международный бизнес» Инженерно-экономического института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: p_sch@mail.ru

SCHISLYAEV Petr S. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: p_sch@mail.ru

СЧИСЛЯЕВА Елена Ростиславовна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международный бизнес», директор отделения «Международная Высшая школа управления» Инженерно-экономического института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: dean@igms.info.

SCHISLYAEVA Elena R. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: dean@igms.info.

ФОМИЧЕВ Александр Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры «Конституционное и муниципальное право» Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: deanery@hf.spbstu.ru.

FOMICHEV, Alexander V. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: deanery@hf.spbstu.ru.

ФОМИЧЕВА Людмила Семёновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: deanery@hf.spbstu.ru.

FOMICHEVA, Luidmila S. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: deanery@hf.spbstu.ru.

ХААЗ Томас – кандидат наук, доцент кафедры политических наук и государственного управления, Американского университета в Бейруте, Ливан; e-mail: Th18@aub.edu.lb.

HAASE, Thomas W. – PhD, Assistant Professor, Department of Political Studies and Public Administration, American University of Beirut, Lebanon; e-mail: Th18@aub.edu.lb.

ХАБУТДИНОВ Айдар Юрьевич – доктор исторических наук, профессор Казанского филиала "Российского государственного университета правосудия"; 420088, 2-я Азинская ул., 7а, г. Казань, Россия; e-mail: aihabutdinov@mail.ru.

KNABUTDINOV, Aidar Yu. – Kazan Branch of the Russian State University of Justice" (Kazan); 420088, 2-I Azinskaya str. 7A, Kazan, Russia; e-mail: aihabutdinov@mail.ru.

ХАДДАД Таня – кандидат наук, доцент кафедры политических наук и государственного управления, Американского университета в Бейруте, Ливан; e-mail: th30@aub.edu.lb.

HADDAD, Tania – PhD, Assistant Professor, Department of Political Studies and Public Administration, American University of Beirut, Lebanon; e-mail: th30@aub.edu.lb.

ХЕМАПАНДХА Пхра Чатри – кандидат политических наук, доцент кафедры «История стран Дальнего Востока» Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. 199034 Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

HEMAPANDHA, Phra C. – St. Petersburg State University. 199034, Universitetskaya nab., 11, St. Petersburg, Russia; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

ЦЫБ Алексей Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29. e-mail: alex@Ac9195.spb.edu.

TSYB, Alexey V. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: alex@Ac9195.spb.edu.

ЧЖОУ Цзюнь – аспирант кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195220, Гражданский пр., д.28, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru.

ZHOU, Jun Juntao – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru.

ШИПИЛОВ Юрий Геннадьевич – доцент кафедры «Международное и гуманитарное право» Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43 Россия; e-mail: coast_65@mail.ru.

SHIPILOV, Yury G. – North-West Institute of Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 199178, Sredniy prospect, 57/43, Vasilyevsky Island, St. Petersburg, Russia; e-mail: coast_65@mail.ru.

ЮРЬЕВА Наталья Владимировна – старший преподаватель кафедры «Международные экономические отношения» Инженерно-экономического института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: natalia_yreva@mail.ru.

YUIREVA, Natalia V. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: natalia_yreva@mail.ru.

ЯГЬЯ Талие Саидовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория» Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ». Ул. Проф. Попова, 5а, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: talie2006@mail.ru.

YAGYA, Talie S. – St.-Petersburg State Electrotechnic University, Prof. Popova Str., 5a. St Peterburg. Russia: e-mail: talie2006@mail.ru.

ЯКОВЛЕВ Андрей Анатольевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономики и менеджмента недвижимости и технологий» Санкт-Петербургского государственного политехнического университета;. 195251, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: ckf@bk.ru.

YAKOVLEV, Andrey A. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: ckf@bk.ru.

АННОТАЦИИ. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Погодин С.Н., Горюнов В.П. ПРЕДИСЛОВИЕ.

Ахмадеева Я.М. СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И ИНДИЕЙ В ТРЕХСТОРОННЕМ ФОРМАТЕ РИК.

РИК – «стратегический треугольник», представляющий возможность трем странам вести диалог по вопросам взаимодействия в сферах общих интересов. Каждая из стран преследует свои национальные интересы, но проявляет стремление к совместной работе, ведь китайско-российские и китайско-индийские двусторонние отношения носят стратегический характер.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ, ИНТЕГРАЦИЯ, МИРОВОЕ ЛИДЕРСТВО, КОНКУРЕНЦИЯ, ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ, УРАВНОВЕШИВАНИЕ СИЛ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ.

Болдырева Е.Л., Вопиловская Е.П. РАСПРОСТРАНЕНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И АНТИРАСИЗМА В ЕВРОПЕ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШВЕДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ЭКСПО».

Данная работа посвящена исследованию пути формирования мультикультурного общества в Швеции путем распространения идей антирасизма и толерантности. Эти идеи рассмотрены как способы снижения социальной напряженности на примере деятельности частного исследовательского фонда «Экспо». Данный фонд был основан в 1995 году с целью выявления и изучения антидемократических, экстремистских и расистских тенденций, повышения осведомленности населения об организованной нетерпимости, а также защиты демократии и свободы слова в шведском обществе.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ, ИНТЕГРАЦИЯ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ФОНД, НЕТЕРПИМОСТЬ, КСЕНОФОБИЯ, АНТИРАСИЗМ, ШВЕЦИЯ.

Горюнов В.П. ТЕХНОСОЦИАЛЬНАЯ ЛОГИКА ВОЙНЫ И МИРА В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ.

Глобализация рассматривается как становление единой системы социального взаимодействия. Движущей силой глобализации является борьба за выживание. Анализируется отношение лидерства и отсталости общностей как отношение господства и подчинения. Обосновывается тезис о переходе к всеобщей непрерывной войне. Международный терроризм рассматривается как специфическая форма межобщностной борьбы в условиях глобализации. Считается, что современная война по своему характеру эволюционирует к

террору, имея целью устрашение населения и разрушение материальных оснований жизни.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ, ВОЙНА, МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ.

Коваленко В.А. РОЛЬ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН В УРЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ИРАКСКОГО КРИЗИСА).

Настоящая статья посвящена исследованию снижающейся роли Совета Безопасности ООН в урегулировании международных конфликтов (на примере Иракского кризиса 2002–2004 годов). Показывается, что в ходе данного кризиса решения принимались не на основе заинтересованности в поддержании мира, а на блоковой основе, что в конечном итоге сыграло весьма негативную роль, что подтверждает необходимость реформирования современной системы международной безопасности.

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ, ООН, ИРАК, КРИЗИС, РЕФОРМИРОВАНИЕ.

Линнас Н.А. ЭВОЛЮЦИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ФИНЛЯНДИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРОЙДЕННОГО ПУТИ.

Статья рассматривает эволюцию развития экономической и общественной модели Финляндии с точки зрения теории зависимости от пройденного пути (path dependence theory). В различные периоды развития экономики Финляндию можно рассматривать и как пример преодоления зависимости от пройденного пути, динамичного перехода на новую модель развития (что страна ярко продемонстрировала в конце 20-го века), и как иллюстрацию некоторой инертности развития, заикленности на «колее» – что мы ясно можем видеть в сегодняшнем состоянии рынка венчурного финансирования.

ТЕОРИЯ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРОЙДЕННОГО ПУТИ, ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА, ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА ЗНАНИЯ, ФИНЛЯНДИЯ, ВЕНЧУРНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ.

Малинов А.В., Пешперова И.Ю. УКРАИНОФИЛЬСТВО И ВОПРОС О ЯЗЫКЕ.

Вопрос о языке – важная часть идеологии украинофильства XIX в., которая в основных чертах соответствует учению областничества. В статье на примере взглядов М.П. Драгоманова и Б.А. Кистяковского рассматривается отношение идеологов украинофильства к русскому, украинскому языкам и перспективам общерусского языка. Трансформация учения украинофилов шла в направлении отказа от общерусского языка и культуры, признания исключительности и уникальности украинского языка и культуры, а также маргинализации русского языка. В качестве альтернативной точки зрения приводится мнение П.Б. Струве,

высказанное в начале XX в. в полемике с Б.А. Кистяковским. В украинофильстве XIX в. были заложены основы последующей конфронтационной идеологии, принципы этнокультурного конструктивизма и обоснована практика вытеснения русского языка в зону культурного отчуждения.

УКРАИНОФИЛЬСТВО, ОБЛАСТНИЧЕСТВО, ЯЗЫК, НАЦИЯ, М.П. ДРАГОМАНОВ, Б.А. КИСТЯКОВСКИЙ, П.Б. СТРУВЕ.

Миролюбова О.В., Счисляев П.С. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПАРАМИЛИТАРИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ: ОПЫТ КОЛУМБИИ.

В статье исследовано влияние парамилитаристских движений на экономику регионов. Оценено влияние пятидесятилетней борьбы властей с парамилитаристскими движениями на примере Колумбии.

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА, ПАРАМИЛИТАРИЗМ, ПАРАМИЛИТАРИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ, УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ.

Мукбиль М.Х., Ерофеев Д.Р. МОЛОДЕЖЬ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В АРАБСКОМ МИРЕ.

В статье рассматривается роль арабской молодежи в социально-экономическом преобразовании, и приводится анализ основных задач для формирования стабильно-экономического развития стран Арабского Востока. Главной задачей становится структурная перестройка экономики, направленная на вовлечение молодого поколения в активную экономическую деятельность.

МОЛОДЕЖЬ, ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, АРАБСКАЯ ВЕСНА, ИНВЕСТИЦИЯ, ИНФЛЯЦИЯ, РЕВОЛЮЦИЯ, АРАБСКИЙ МИР, БЛИЖНИЙ ВОСТОК, ДЕМОГРАФИЯ.

Серов А.П. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ? ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.

Глобальная культура возможна только в форме взаимопереплетения, взаимовлияния разных национальных культур, где вытеснение одной культуры другой недопустимо. Национальная культура основана на народной ментальности, обычаях, фольклоре, историческом опыте. Глобализация выступает в роли донора, обеспечивающего прилив свежей крови в национальный культурный организм.

ТРАДИЦИЯ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРА, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, КУЛЬТУРНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ ЛЮДЕЙ.

Смирнов А.С. ВАНДАЛИЗМ И ХУЛИГАНСТВО КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ.

В статье освещены некоторые аспекты возникновения хулиганства и вандализма, проанализирован опыт ряда ученых, на основании чего выделено

несколько моделей поведения людей, склонных к правонарушениям. Проблема сохранения социальных ценностей в настоящее время, приобрела особую актуальность, о чем свидетельствует увеличение количества совершаемых правонарушений, многие из которых часто остаются безнаказанными. Духовное здоровье нации, преемственность поколений и целостность общества во многом зависят от соблюдения норм морали и права.

ХУЛИГАНСТВО, ВАНДАЛИЗМ, МОТИВ, ЭЛЕМЕНТЫ ВАНДАЛИЗМА, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК, СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ, АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ.

Счисляева Е.Р., Миролюбова О.В., Сайченко О.А. КОНКУРЕНТНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ КИТАЯ И США НА ГЛОБАЛЬНОМ РЫНКЕ.

Конкуренция США и Китая на глобальном рынке имеет свою историю и особенности. Активное сотрудничество Китая с нефтедобывающими странами "втягивает" последние в орбиту сложных политических отношений с США. Противостояние Китая и США проявилось и в ситуации воссоединения Крыма с Россией. В статье выявлены особенности противостояния, а также выявлены основные тенденции политического противостояния и показаны перспективы дальнейшего развития событий. При проведении исследований были использованы такие методы, как анализ, синтез, исторический метод и др.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ, ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, МИРОВАЯ КРИЗИС, РЕСУРСЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ.

Хемапандха Ч. ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДА ВАТИКАНА К ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.

В данной статье автором раскрывается сущность критики Иоанном Павлом II экономической глобализации и его полемика с точкой зрения, которая вопреки социальному учению Ватикана, проповедует индивидуализм, триумф рынка и считает его логику этической парадигмой. Подчеркивается, что на политическом уровне созрела необходимость в создании новой системы глобального управления, нацеленной на усиление позитивного и ослабление потенциально негативного воздействия глобализации.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ВАТИКАН, РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Чжоу Цзюнь ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОЗДАНИЯ ШОС.

В статье рассматривается история создания Шанхайской организации сотрудничества. Анализируются предпосылки возникновения ШОС. Дается характеристика основных участников организации, рассматриваются цели и задачи организации.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА, РЕГИОН, ТЕРРОРИЗМ, ЭКСТРЕМИЗМ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО.

Ягья Т.С. К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КИТАЯ.

Статья посвящена экономическому развитию Китая с момента образования КНР и по наши дни. Рассматриваются причины приведшие Китай и ее руководство к необходимости разработки и реализации новых экономических реформ, ознаменовавших отказ от советской модели построения экономики и переход к строительству «социализма с китайской спецификой». Раскрываются особенности проведения и реализации экономических реформ. В статье проанализированы успехи осуществления реформирования по всем направлениям. Отмечается роль КПК в осуществлении постоянного государственного контроля над происходящими экономическими процессами.

«ПРОГРАММА БОЛЬШОГО СКАЧКА», «КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ», ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН, РЕФОРМЫ, РЕФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ, ПОЛИТИКА «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ», РЫНОЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ЭКСПОРТ, ИМПОРТ, ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ, ВАЛОВОЙ ВНУТРЕННИЙ ПРОДУКТ (ВВП), ТЕМПЫ РОСТА ЭКОНОМИКИ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ, ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ, ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.

Башкарев А.А. МИГРАЦИЯ ВЕПСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В XX ВЕКЕ

Статья посвящена проблемам вынужденной миграции вепского населения в Вологодской области в XX веке. Рассмотрены причины массового перемещения вепсов и отъезд из прежних мест проживания.

ВЕПСЫ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, МИГРАЦИЯ, ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Ван Цзюньтао. ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ.

В статье рассматривается история освоение Арктики. Особое внимание уделено деятельности так называемых государств «Арктической пятёркой»: это Россия, США, Канада, Дания и Норвегия. Дается анализ освоение прибрежных вод Северного Ледовитого океана, условно разделяя на западное направление (нынешний канадский Северо-Западный проход, побережье Аляски и воды Гренландии) и восточное (российский Северный морской путь).

АРКТИКА, ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ, «АРКТИЧЕСКАЯ ПЯТЁРКА»: РОССИЯ, США, КАНАДА, ДАНИЯ, НОРВЕГИЯ, АРКТИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ.

Ворочай В.В. АНИМИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ШАМАНИЗМЕ ТЮРКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Статья посвящена рассмотрению анимистических представлений, относящихся непосредственно к традиционному шаманизму тюрков Южной Сибири. Определяются временные рамки данного феномена, обозначаются

проблемы и сложности, встречающиеся на пути изучения алтайского шаманизма. Особое внимание уделяется рассмотрению мифологических персонажей, населяющих, согласно мировоззрению тюркских народов Сибири, окружающий их мир. Во главу угла ставится роль шаманов, являющихся посредниками между миром людей и миром духов, главной задачей которых было восстановление хрупкого равновесия и гармонии в мире.

ТРАДИЦИОННЫЙ ШАМАНИЗМ, ШАМАН, ТЮРКИ, АЛТАЙ, АНИМИЗМ, ДУАЛИЗМ, ЭРЛИК, УЛЬГЕНЬ.

Гуторова Н.В. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УЧЕТА В РОССИИ.

В статье отражены основные этапы становления учета в России под влиянием внешних и внутренних факторов. Показана эволюция развития и рассмотрены основные принципы, выделены ее основоположники и главные тезисы их учений. Показан вклад отечественных ученых в разработку научной теории бухгалтерского учета. Определены основные направления развития бухгалтерского учета и отчетности в Российской Федерации на современном этапе.

УЧЕТ, ИСТОРИЯ, РАЗВИТИЕ, ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ОСНОВОПОЛОЖНИКИ, СТАНДАРТЫ.

Климин И.И. ПАДЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО УРОВНЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В 1990-е ГОДЫ.

В статье на основе анализа официальной статистики рассматривается падение жизненного уровня населения России в 1990^е годы. Освещается сокращение доходов россиян, уменьшение реальной заработной платы работников, занятых в различных отраслях экономики, снижение величины пенсий, назначаемых государством, рост обнищания граждан.

РЕФОРМА, ДОХОДЫ, ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА, БЮДЖЕТНИКИ, ПЕНСИОНЕРЫ.

Павлова О.К. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И РОЛЬ ЧАСТНОГО БИЗНЕСА.

В статье рассматриваются исторические тенденции и традиции развития коммерческого образования в царской России. Используется опыт европейских стран в этом вопросе. Показана роль государства, заинтересованность предпринимателей и общества в подготовке квалифицированных кадров в условиях бурного развития капиталистической промышленности и торговли во второй половине XIX – начале XX в. Приводятся примеры учебных заведений, открытых и функционировавших на средства предпринимателей и общества. Отмечается значение накопленного исторического опыта в вопросах развития образования в России для настоящего времени.

КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ, РОЛЬ ГОСУДАРСТВА, ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И

ОБЩЕСТВА В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ, ЧАСТНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОММЕРЧЕСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ, ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ.

Погодин С.Н. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ С ФИНЛЯНДИЕЙ (ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ).

В статье рассматриваются политико-правовые отношения между Царской Россией и Великим Княжеством Финляндским. Особое внимание уделено исследованию автономного статуса Великого княжества Финляндского в рамках Российской империи.

ФИНЛЯНДИЯ, ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ, ЦАРСКАЯ РОССИЯ, ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.

Скорнякова С.С. ИСТОРИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВНОПРАВИА В РОССИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.

Россия, одна из первых стран мира, провозгласившая принцип равноправия полов, через 90 лет оказалась далеко позади многих стран. Почему так произошло? Дело тут и в особенностях исторического развития страны, и в специфике ее политической культуры с устоявшимися патриархальными стереотипами, и своеобразием политической системы, и в проблемах законодательного обеспечения гендерного равноправия и т. д. В данной работе рассматриваются причины деформации самой идеи равноправия и методов ее реализации.

ВЫБОРЫ, ГЕНДЕР, ГЕНДЕРНОЕ РАВНОПРАВИЕ, ДЕМОКРАТИЯ, СТЕРЕОТИПЫ, ПОЛИТИКА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА.

Фомичев А.В., Фомичева Л.С. ОСОБЫЕ СОВЕЩАНИЯ И ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМИТЕТЫ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

В статье анализируется комплекс мероприятий по мобилизации промышленности, осуществленной российским государством и общественными организациями в период Первой мировой войны. Исследуются нормативная база, механизмы и формы переориентации промышленного производства на нужды фронта. Дана оценка эффективности работы государственных структур и общественных организаций.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ, СОЮЗ ЗЕМСТВ И ГОРОДОВ, ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМИТЕТ.

Юрьева Н.В. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ЭЛИТ.

В статье представлены основные социально-экономические предпосылки формирования постсоветской элиты, выявлены условия формирования ее

конкретных социально-психологических характеристик. Определены причины слабости модернизационных ценностей в структуре мотивов верхней страты, связанные с особенностями ее человеческого капитала (доминирование клановых и патрон-клиентских отношений, преобладание влияния партикулярных интересов по отношению к государственным, высокая степень внутриэлитной конфликтности). Установлены проблемные механизмы рекрутирования элиты и возможные альтернативы ее трансформации.

АБСЕНТЕИСТСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, ЭЛИТНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ, КЛИЕНТИЗМ, ФРАГМЕНТАЦИЯ И АРХАИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА, МОДЕРНИЗАЦИЯ, ИНДЕКС РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА (ИРЧП), ПАРТИКУЛЯРИЗМ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ.

Булацкий С.М. ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАЦИОННОГО РИСКА В КОММЕРЧЕСКИХ БАНКАХ.

В данной работе рассмотрена и качественно проанализирована эволюция взглядов банкиров и ученых на проблемы операционного риска. Отмечены основные тенденции, приведшие к изменению господствующих подходов к управлению рисками мировой практике. Приведены даты основных событий и публикаций по данной тематике. Сделаны выводы о зарождении, становлении и будущем развитии понятия «операционный риск».

ОПЕРАЦИОННЫЙ РИСК, БАНКОВСКОЕ ДЕЛО, ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ.

Голик Н.В., Семенов А.А., Цыб А.В. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФИЛОСОФИИ РАЛЬФА КЕДВОРТА В СВЕТЕ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ И ТЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ XVII ВЕКА (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР).

В статье представлены биографические данные и краткий обзор идей одного из представителей течения Кембриджского неоплатонизма семнадцатого столетия Ральфа Кедворта (1617–1688).

АНГЛИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ XVII ВЕКА, КЕМБРИДЖСКИЙ ПЛАТОНИЗМ, АТЕИЗМ, ПЛАСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА, НРАВСТВЕННОСТЬ, РАЛЬФ КЕДВОРТ, ГЕНРИ МОР, НАТАНИЕЛ КАРВЕРУЕЛ, ДЖОН СМИТ, БЕНЖАМИН УИЧКОТ.

Гришина Н.Ю. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ.

В статье рассматриваются этапы становления когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики в частности. В начале статьи автор обращается к понятию «когнитивность» и «когниция». Определить место когнитивной лингвистики среди других когнитивных наук достаточно непросто. Для этого необходимо обратиться к истории науки в целом. Некоторые ученые полагают, что говорить о когнитивной лингвистике как самостоятельной науке

представляется невозможным, поскольку достаточно сложно обозначить круг ее интересов. Но, заглянув в историю когнитивной науки, можно сделать вывод, что когнитивная лингвистика нашла свое достойное место в ряду когнитивных наук и продолжает совершенствовать наши знания о языке.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА, ИСТОРИЯ, ЛИНГВИСТИКА, ФИЛОСОФИЯ, КОГНИЦИЯ, СТАНОВЛЕНИЕ.

Массов А.Я. РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ УЧАСТИЯ АВСТРАЛИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ.

Анализ историографии австралийского участия в первой мировой войне показывает, что она отражает все те специфические особенности и черты, которые характерны для развития исторической науки СССР и постсоветской России в целом. Это, прежде всего, идеологическая зашоренность и акцент на социальной и классовой составляющей изучаемых событий в публикациях 30–50-х годов, постепенное преодоление идеологической и тематической ограниченности в работах 70–80-х гг., более разностороннее и объективное исследование избранной темы в трудах отечественных историков постсоветского периода.

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, АВСТРАЛИЯ, ПАРИЖСКАЯ МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1919 Г.

Окороков В.Р. ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ (МЕНЕДЖМЕНТА) ОРГАНИЗАЦИЯМИ В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ.

В статье рассматривается эволюция управленческой мысли на протяжении последних столетий и анализируются теории и методы менеджмента организаций, предложенные его наиболее влиятельными мыслителями.

УПРАВЛЕНИЕ (МЕНЕДЖМЕНТ), ТЕОРИЯ, МЕТОД, МЫСЛИТЕЛИ, ВКЛАД, ПРИНЦИПЫ, ФУНКЦИИ, РОЛИ, ОТНОШЕНИЯ ЛЮДЕЙ, МОТИВАЦИЯ, РЕШЕНИЕ, ИНФОРМАЦИЯ, СИСТЕМЫ, ПРАКТИКА, УСПЕХ, КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО, РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ.

Рябова А.Л. ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ США.

В статье рассматриваются направления исследований этнографической школы США. Уделяется внимание социологическим и этнографическим исследованиям. Автор выделяет и сравнивает школы эволюционизма, неоэволюционизма, экологической антропологии и подчёркивает особое значение вклада современных антропологов в международные отношения.

ЭТНОГРАФИЯ, ЭВОЛЮЦИОНИЗМ, НЕОЭВОЛЮЦИОНИЗМ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, БИХЕВИОРИЗМ, СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ, ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ.

Смирнова О.А. ЭФФЕКТИВНОЕ И ИСТОРИЧЕСКИ НЕОБХОДИМОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МЕНЕДЖМЕНТА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ – ЭКОДЕВЕЛОПМЕНТ.

Актуальной задачей жилищной проблемы является реконструкция жилых зданий. Она позволяет продлить жизненный цикл, улучшить качество жилища, ликвидировать коммунальные квартиры, оснастить жилые дома современным инженерным оборудованием, повысить энергоэффективность зданий, эксплуатационную надежность и долговечность. Новейшие методы реконструкции повышают эксплуатационные характеристики зданий и обеспечивают снижение теплопотерь, расхода энергоносителей, вибро- и акустических воздействий на жилые помещения, а также обеспечивают условия комфортного проживания. Особое место при реконструкции должно отводиться выполнению экологических требований, предъявляемых к строительным материалам и методам выполнения работ. В ходе экологически эффективного строительства используются новейшие материалы, устройства и методы, позволяющие экономно расходовать электроэнергию, газ, тепло.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ, ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ СТРОИТЕЛЬСТВА, УСТАРЕВАНИЕ ЖИЛОГО ФОНДА, ЭКОДЕВЕЛОПМЕНТ, СИСТЕМУ СЕРТИФИКАЦИИ, ТЕПЛОПТЕРИ ЖИЛОГО ДОМА, ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, РЕСУРСОСБЕРЕЖЕНИЕ.

Яковлев А.А. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ «ТЕОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ».

В статье произведен анализ основных этапов становления «Теории организации» как науки с учетом влияния внешних и внутренних факторов на функционирование организации как объекта изучения. Показана эволюция развития дисциплины и рассмотрены основные принципы науки, выделены ее основоположники и главные тезисы их учений. Отдельно рассмотрено современное развитие «Теории организации» на основании базисных теоретических подходов к определению взаимосвязей организации. Кроме того, изучен вклад отечественных ученых в разработку научной теории организации, в особенности, А.А. Богданова и его базовый труд «Тектология», в котором продемонстрирован оригинальный способ построения экономической теории.

ТЕОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ, УПРАВЛЕНИЕ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ, РЕИНЖИНИРИНГ, ПАРАДИГМА УПРАВЛЕНИЯ, ТЕКТОЛОГИЯ.

Волова А.А. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПЬЕРА ЭЛЛИОТА ТРЮДО. (1919–2000). ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА.

В статье рассматриваются основные этапы становления системы политических взглядов Пьера Эллиота Трюдо, премьер-министра Канады и лидера Либеральной партии в 60-е – 80-годы XX века. Принятие этой системы в качестве основной идеологии Либеральной партии и Канадского общества

способствовало успешному развитию Канады. Показана недостаточная степень изученности политической философии Пьера Элиота Трюдо и необходимость её исследования в дуализме теории и практики.

КАНАДА, ПЬЕР ЭЛЛИОТ ТРЮДО, ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПАРТИЯ КАНАДЫ, ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, СИСТЕМА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Гулякин С.С. НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЛОФА ПАЛЬМЕ.

Статья посвящена выдающемуся шведскому политику Улофу Пальме. Главной целью работы является анализ его студенческой деятельности в 50-е годы XX века. В статье рассматривается начало его политической карьеры, начиная от помощника секретаря шведского объединенного союза студентов до председателя международного комитета ШОСС, а также создание нового международного объединения, Международной студенческой конференции МСК.

ПОЛИТИКА, ХОЛОДНАЯ ВОЙНА, МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ, ПРАЖСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ.

Массов А.Я., Поллард М. ЭДМОНД МОНСОН ПОЛЬ – ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ПОЧЕТНЫЙ КОНСУЛ В СИДНЕЕ. (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ).

В статье освещается биография и деятельность первого российского консула в Сиднее Э.М. Поля, его вклад в развитие русско-австралийских связей.

ЭДМОНД МОНСОН ПОЛЬ, РОССИЙСКАЯ КОНСУЛЬСКАЯ СЛУЖБА В АВСТРАЛИИ, РУССКО-АВСТРАЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. АВСТРАЛИЯ, СИДНЕЙ.

Осипов И.Д. ФИЛОСОФИЯ ПРАВА М.А. БАКУНИНА (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ).

В статье рассматриваются философские воззрения одного из интереснейших представителей русского и европейского анархизма М.А. Бакунина. В этой связи исследуются его взгляды на государство, право, революцию, на Россию и русское общество. Доказывается актуальность его идей в связи с развитием современных проблем демократии.

ПРАВО, ЗАКОН, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ЛИЧНОСТЬ, ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО.

Атнашев В.Р., Погодин С.Н. ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ «ТРАДИЦИОННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ»

С 19–20 сентября 2014 г., на базе кафедры международных отношений СПбГПУ и под эгидой Ассоциации исследователей государственной политики и управления на Ближнем Востоке (Association for Middle Eastern Public Policy and

Administration, АМЕРРА) прошла международная научная конференция «Традиционные институты и государственная политика в современном обществе». Это первая проведенная в России конференция АМЕРРА. На конференции были организованы секции: «Национальные меньшинства и государственная политика на Ближнем Востоке», «Традиционные меньшинства и государственная политика», в которых приняли участие преподаватели, аспиранты, студенты из Санкт-Петербурга, Москвы (ВШЭ), Казани (РАП), Екатеринбурга (УрГЮУ), а также члены АМЕРРА.

КОНФЕРЕНЦИЯ, ИНСТИТУТЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО, САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И УПРАВЛЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.

Аташ Х. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПРАВА МЕНЬШИНСТВ В ТУРЦИИ.

Статья о государственной политике Турецкой Республики в отношении национальных и религиозных меньшинств в первой половине XX в. В отличие от христиан-армян и греков, другие этнические группы не приобрели какого-либо особого статуса из-за политики ассимиляции. Современное положение этнических, языковых и религиозных меньшинств в целом соответствует международным договорам Турции.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ, ПРАВА МЕНЬШИНСТВ, МНОГООБРАЗИЕ, ДЕМОКРАТИЯ.

Хааз Т., Хаддад Т. ГРАЖДАНСКОЕ СВЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ ЛИВАН: ОЦЕНКА УНИВЕРСИТЕТСКОГО УЧЕБНОГО ПЛАНА.

О влиянии гражданского общества и общественных организаций на политические и социальные процессы в республике Ливан, в том числе на систему образования.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, РЕСПУБЛИКА ЛИВАН, ОБРАЗОВАНИЕ, УНИВЕРСИТЕТЫ.

Александрович В.Ю. ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ.

Деятельность национальных сообществ Красноярского края выходит за рамки сугубо культурно-досугового или просветительского характера. Они активно участвуют в интеграции иммигрантов на территории края, развивают межрегиональные и межгосударственные связи с исторической родиной, участвуют в социально-гуманитарных акциях и программах, проводят научные изыскания в области краеведения и истории, реализуют издательские проекты, способствуют расширению информационного пространства.

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ, ИММИГРАНТЫ, СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, АДАПТАЦИЯ.

Атнашев В.Р. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ И ПОДЛИННЫЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ.

Автор полемизирует с критиками мультикультурализма, поспешившими заявить о его крахе. На примере нескольких стран показана важность поддержания толерантности, прежде всего на основе норм международного права, и преимущества интеграции иммигрантов вместо попыток их ассимиляции. Ксенофобия и дискриминация, наряду с непоследовательной политикой правящих партий, ухудшают ситуацию в европейских обществах. В то же время многокультурность в ряде стран других регионов мира обеспечивает стабильность общества. В заключение представлены разные точки зрения на мультикультурализм в современной России.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ, ТЕРПИМОСТЬ, МИГРАНТОФОБИЯ, ДИСКРИМИНАЦИЯ, РАСИЗМ, АССИМИЛЯЦИЯ.

Клименко Е.В. МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО: РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПОПЫТКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ.

В сообщении рассматриваются усилия государственных органов в современной России, направленные на нормализацию отношений между мигрантами и принимающим обществом. Дается анализ государственных программ, нацеленных на формирование толерантности к мигрантам. Обсуждаются некоторые основные недостатки этих программ. Представлены рекомендации, как сделать более эффективными попытки государства, направленные на формирование толерантности.

МИГРАЦИЯ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ, ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ, СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ.

Костогрызov П.И. ОБЩИННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ПЕРЕЖИТОК ПРОШЛОГО ИЛИ МОСТ В БУДУЩЕЕ?

Общинные структуры, и в частности, органы общинной юстиции, продолжают играть немалую роль в социально-политической системе стран Латинской Америки, в которых государственные институты не достигли уровня развития, достаточного для того, чтобы полностью взять на себя все социально-регулятивные функции. В статье проанализировано участие общин в поддержании социального порядка и отправлении правосудия. Предложена типология общин, источников применяемого ими права, показан процесс трансформации традиционных социальных структур в структуры гражданского общества.

ОБЩИНА, ОБЩИННАЯ ЮСТИЦИЯ, ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ, ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА.

Маточкина А.И. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ АРАБСКОМ МИРЕ НА ПРИМЕРЕ ГРАФФИТИ.

Статья посвящена рассмотрению феномена граффити как альтернативного публичного пространства в современном арабском мире. Это явление мощной волной захлестнуло улицы арабских городов в ходе событий так называемой «арабской весны». Однако граффити использовались на Ближнем Востоке для выражения самых тяжелых переживаний людей задолго до этих событий. Социально-политический импульс граффити в арабском мире позволяет говорить о том, что это достаточно мощный инструмент выражения чаяний людей, их страхов и переживаний.

ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО, ГРАФФИТИ, АРАБСКИЙ МИР.

Пешперова И.Ю. БРАК И СЕМЬЯ: ТРАДИЦИОННЫЕ И КОЛЛИЗИОННЫЕ АСПЕКТЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ.

Защита прав человека в области брака и семьи является одной из ключевых проблем международного семейного права. Коллизии, возникающие в брачно-семейных отношениях, носят как публично-правовой, так и частноправовой характер. Институты брака и семьи формировались в каждой стране под влиянием культуры, морали, традиций, религии. В настоящее время существует необходимость в унификации коллизионных и материально-правовых норм.

БРАК, СЕМЬЯ, МЕЖДУНАРОДНОЕ СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, ЕДИНСТВО СЕМЬИ, ПРАВО НА УВАЖЕНИЕ ЛИЧНОЙ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ, ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА.

Самыловская Е.А. «BELLY DANCE» КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

В статье впервые в отечественной исторической и культурологической литературе рассматривается проблема распространения «Belly Dance» как элемента арабской культуры в рамках трансформирующейся полистилистической культуры современной России. На основе анализа проведенных опросов и наблюдений, а также источников (в первую очередь и сети Интернет) отмечается широкое распространение «Belly Dance» среди женского населения России и изучение ими культурных традиций арабско-мусульманского мира. Сделан вывод об особом статусе российских исполнительниц «танца живота» в мире.

«BELLY DANCE», РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА, АРАБСКАЯ КУЛЬТУРА, ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ, ИСЛАМ.

Семенов А.А., Цыб А.В. РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ СУФИЗМА НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ.

Доклад рассматривает такое неоднозначное явление как суфизм и его восприятие представителями Востока и Запада.

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО, СУФИЗМ, ИСЛАМ, «ВОСТОЧНЫЙ» И «ЗАПАДНЫЙ» ВИДЫ СУФИЗМА, ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ АСПЕКТЫ ЦЕЛОСТНОСТИ.

Хабутдинов А.Ю. ТАТАРСКИЕ СЛОБОДЫ КАК ФЕНОМЕН МУСУЛЬМАНСКИХ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ РОССИИ.

Статья исследует феномен Татарских слобод в городах Российской империи преимущественно в Волго-Уральском регионе в конце XVIII – начале XX вв. Управление этими городскими районами принципиально отличалось от управления классическими мусульманскими городами, где правителем был кади, а большинство земель принадлежало вакфам. Татарские слободы не образовывали единой целостной территориальной единицы. Приходы (махалли) были основными структурными элементами Татарских Слобод.

ТАТАРСКАЯ СЛОБОДА, МУСУЛЬМАНСКОЕ ГОРОДСКОЕ СООБЩЕСТВО, РОССИЙСКИЕ МУСУЛЬМАНЫ.

Шипилов Ю.Г. ВЛИЯНИЕ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ НА БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В ПОГРАНИЧНОЙ СФЕРЕ.

Статья показывает актуальность борьбы с нелегальной миграцией в Россию, важность борьбы с ней ее влияние на безопасность РФ, роль и место различных институтов государства в борьбе нелегальной миграцией.

НЕЛЕГАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ, МИГРАЦИОННЫЙ КОДЕКС, КОДЕКС, БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ, ПОГРАНИЧНАЯ СФЕРА, МИГРАЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

ABSTRACTS. KEYWORDS

Pogodin S.N., Goryunov V.P. PREFACE.

Akhmadeeva I.M. COOPERATION OF CHINA WITH THE RUSSIAN FEDERATION AND INDIA IN THE TRILATERAL FORMAT RIC.

RIC – is a «strategic triangle» that represents the possibility for three countries to engage in dialogue of cooperation in areas of common interest. Each country pursues its own national interests, but manifests the desire to work together, because the Chinese-Russian and Chinese-Indian bilateral relations have strategic character.

STRATEGIC COOPERATION, STRATEGIC TRIANGLE, FOREIGN POLICY, ECONOMIC GROWTH, INTEGRATION, GLOBAL LEADERSHIP, COMPETITION, MILITARY AND POLITICAL ALLIANCE, BALANCING FORCES, NATIONAL INTERESTS.

Boldyreva E.L., Vopilovskaya E.P. THE SPREADING OF MULTICULTURALISM AND ANTIRACISM AT EUROPE CITE AN EXAMPLE OF SWEDISH ORGANISATION EXPO ACTIVITY.

This research analyzes how Sweden has developed ideas of anti-racism and tolerance in order to build-up a multicultural society. These ideas are considered to reduce social tension and serve as the mainstream for many organizations such as private research foundation “Expo”. It was established in 1995 to identify and study the anti-democratic, extremist and racist tendencies, to raise public awareness of organized intolerance, as well as to defense democracy and freedom of speech in Swedish society.

MULTICULTURALISM, INTEGRATION, RESEARCH FUND, INTOLERANCE, XENOPHOBIA, ANTIRACISM, SWEDEN.

Goryunov V.P. TECHNOLOGICAL AND SOCIAL LOGICS OF WAR AND PEACE IN A GLOBAL SOCIETY.

Globalization is seen as the establishment of a unified system of social interaction. The driving force of globalization is the struggle for survival. The correlation of leadership and backwardness communities as relations of domination and subordination is analyzed. The thesis about the transition to universal continuous war is settled. International terrorism is considered as a specific form of struggle between societies in the context of globalization. It is believed that modern war by its nature evolves to terror, with the aim of intimidating the population and the distraction of material basis of life.

GLOBALIZATION, STRUGGLE FOR SURVIVAL, WAR, INTERNATIONAL TERRORISM.

Kovalenko V.A. THE ROLE OF THE UN SECURITY COUNCIL IN RESOLVING INTERNATIONAL CONFLICTS (SHOWN ON THE EXAMPLE OF THE IRAQ CRISIS).

This article is devoted to the study of the declining role of the UN Security Council in resolution of international conflicts (on the example of the Iraq crisis 2002-2004). It is shown that during this crisis decisions were made not on the basis of interest in maintaining peace, and on a block basis, which ultimately played a very negative role, which confirms the need to reform the current system of international security.

SECURITY COUNCIL, THE UNITED NATIONS, IRAQ, CRISIS, REFORM.

Linnas N.A. EVOLUTION OF FINLAND'S INNOVATION POLICY IN THE CONTEXT OF PATH DEPENDENCE THEORY.

The article considers the evolution of Finnish economic and social model from the point of view of path dependence theory. It can be perceived differently depending on the period of the country's economic development. It is seen both as an example of overcoming path dependence, dynamic change towards new development model as was demonstrated in the end on 20th century, and as an illustration of some inertia in development, being stuck on the track – somewhat we can clearly witness within contemporary Finnish venture finance market.

PATH DEPENDENCE THEORY, INNOVATION ECONOMY, INNOVATION POLICY, KNOWLEDGE ECONOMY, FINLAND, VENTURE FINANCE.

Malinov A.V., Peshperova I.Y. UKRAINOPHILISM AND THE QUESTION OF LANGUAGE.

The question of language – an important part of the ideology of Ukrainophilism XIX century, which in general corresponds to the teachings of regionalism. The article looks at the example of M.P. Dragomanova and B.A. Kistyakovsky considered in relation to the ideologues Ukrainophilism to Russian, Ukrainian languages and perspectives of all-Russian language. Transformation of teaching Ukrainophiles walked in the direction of the all-Russian refusal of language and culture, recognition of exclusivity and uniqueness of the Ukrainian language and culture, as well as the marginalization of the Russian language. As an alternative point of view is the opinion of P.B. Struve expressed in the early twentieth century in controversy with BA Kistiakovsky. In Ukrainophilism XIX century laid the foundation for the subsequent confrontational ideology, ethnic and cultural principles of constructivism and justified the practice of repression of the Russian language in the area of cultural alienation.

UKRAINOPHILISM, REGIONALISM, LANGUAGE, NATION, M.P. DRAHOMANOV, B.A. KISTYAKOVSKY, P.B. STRUVE.

Miroliubova O.V., Schislyaev P.S. THE INFLUENCE OF INTERNATIONAL PARAMILITARY MOVEMENTS ON THE ECONOMY OF THE REGIONS: COLUMBIA EXPERIENCE.

This article discusses the influence of paramilitary movements on the economy of the region. The authors assessed the impact of fifty years struggle with paramilitary movements in Columbia.

THE ECONOMY OF THE REGION, PARAMILITARISM, PARAMILITARY MOVEMENT, SUSTAINABLE DEVELOPMENT.

Mukbil M.H., Erofeev D.R. YOUTH AND SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION IN THE ARAB WORLD.

The article examines the role of Arab youth in the socio-economic transformation, and provides an analysis of the main tasks for the formation of stable-economic development of the countries of the Arab East. The main task is economic restructuring, aimed at involving young generation in active economic activities.

YOUTH, EKONOMIKPA, POLITICS, THE ARAB SPRING, INVESTMENT, INFLATION, REVOLUTION, ARAB WORLD, MIDDLE EAST, DEMOGRAPHY.

Serov A.P. GLOBALIZATION AS CULTURAL IMPERIALISM. GENERAL AND SPECIFIC FEATURES IN CULTURAL GLOBALIZATION.

Global culture is possible only in the form of interrelation, interweaving various national cultures, where removal of one culture by another is unacceptable. National culture is based on national mentality, customs, folklore historical experience. Globalization is a kind of donor, ensuring new blood into national cultural organisms.

TRADITION, GLOBALIZATION, CULTURE, INTERRELATIONS, CULTURAL ACHIEVEMENTS, HISTORICAL, COMMON WEALTH OF PEOPLE.

Smirnov A.S. VANDALISM AND HOOLIGANISM AS A CULTURAL-HISTORICAL PHENOMENON WEAVE.

The article highlights some aspects of the emergence of hooliganism and vandalism, analyzed the experience of a number of scientists, based on which identified several behaviors of people who are prone to delinquency. The problem of preserving social values now acquired a special urgency, as evidenced by the increase in the number of crimes committed, many of which often go unpunished. Spiritual health of the nation, the succession of generations and the integrity of society depend largely on compliance with the norms of morality and law.

HOOLIGANISM, VANDALISM, MOTIF ELEMENTS OF VANDALISM, PUBLIC ORDER, SOCIAL CONSEQUENCES, AGGRESSIVE BEHAVIOR.

Schislyeva E.R., Mioliubova O.V., Saychenko O.A. COMPETITION BETWEEN US AND CHINA ON GLOBAL OIL MARKET.

Competition between US and China on global oil market has specific differences and long lasting history. Contradictions of China and the United States developed in the situation with the Crimea. The article reflects the confrontation in the political and economic sphere, trends in the development of relations between countries. Authors have applied the methods of analysis, historical method and synthesis in the research.

GLOBALIZATION, ECONOMIC GROWTH, POLICY OF INVESTMENT, INTERNATIONAL CRISIS, RESOURCES, POLITICAL SITUATION.

Hemapandha Phra C. PARTICULAR QUALITIES OF VATICAN APPROACH TO THE ECONOMIC CHALLENGES OF GLOBALIZATION.

In this article, the author reveals the essence of John Paul II critics of economic globalization and his polemics with the point of view that in contrast with the social doctrine of the Vatican preaches individualism, the triumph of the market. Author considers Vatican point of view is an ethical paradigm. It is emphasized that at the political level became necessary to establish a new system of global governance, aimed at strengthening of the positive and weakening potential negative impact of globalization.

GLOBALIZATION, THE VATICAN, THE ROMAN CATHOLIC CHURCH.

Zhou J.J. HISTORICAL CONDITIONS OF THE SCO.

The article discusses the history of creation of the Shanghai Cooperation Organization. We analyze the prerequisites of the SCO. The characteristic of the main participants in the organization, discusses the goals and objectives of the organization.

INTERNATIONAL ORGANIZATIONS, THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION, THE REGION, TERRORISM, EXTREMISM, AND ECONOMIC COOPERATION.

Yagya T.S. CURRENT ISSUES ON CHINESE ECONOMIC DEVELOPMENT.

The article is devoted to economic development in China since the times when the PRC has been founded. We consider the reasons which led China and its leaders to the development and implementation of new economic reforms. They marked the failure of the Soviet model and brought the economy to "socialism with Chinese peculiarities". We examine specific features of implementation of these reforms. The successful implementation of reform in all fields is analyzed. The role of the CPC in the implementation of a permanent state control over the ongoing economic processes is identified.

"GREAT LEAP FORWARD" PROGRAM, "CULTURAL REVOLUTION", A FIVE-YEAR PLAN, REFORM, ECONOMIC REFORMS, "OPEN DOORS" POLICY, MARKET RELATIONS, EXPORT, IMPORT, FOREIGN TRADE, GROSS DOMESTIC PRODUCT (GDP), GROWTH RATE OF THE ECONOMY, ECONOMIC ZONES, FOREIGN INVESTMENTS, INVESTMENT POLICY, INVESTMENT CLIMATE, MODERNIZATION AND ECONOMIC DEVELOPMENT.

Bashkarev A.A. MIGRATION OF THE VEPS POPULATION IN THE VOLOGDA REGION IN THE XX CENTURY.

The article deals with problems of the compelled migration of the Veps population in the Vologda region in the XX century and the reasons of mass movement of Veps from the former places of residence.

VEPS, NATIONAL POLICY, MIGRATION, VOLOGDA REGION.

Van Tszyuntao. HISTORY OF ARCTIC EXPLORATION.

The article examines the history of Arctic exploration. Particular attention is paid to the activities of the so-called "Arctic Five": is Russia, USA, Canada, Denmark and Norway. The analysis of the development of the coastal waters of the Arctic Ocean, conditionally divided into the western direction (now the Canadian Northwest Passage, Alaska coast and waters of Greenland) and eastern (Russian Northern Sea Route).

ARCTIC, HISTORY OF DEVELOPMENT, RUSSIA, USA, CANADA, DENMARK, NORWAY, ARCTIC SOVEREIGNTY.

Vorochay V.V. ANIMISTIC BELIEFS IN TRADITIONAL SHAMANISM OF THE TURKIC PEOPLES OF SOUTHERN SIBERIA.

The article is devoted to the consideration of animistic beliefs associated with traditional shamanism of the Turkic peoples lived in the region of southern Siberia. The author defines periodization of this phenomenon as well as basic problems and difficulties in the studying of the Altaic shamanism. According to the worldview of the Turkic peoples, special attention is paid to review of mythological characters that inhabit the natural world everywhere. The main theme in this paper is the role of a shaman who was intermediary between the world of humans and the world of spirits and whose main function was maintenance equilibrium and harmony in the world.

TRADITIONAL SHAMANISM, SHAMAN, TURKIC PEOPLES, ALTAI, ANIMISM, DUALISM, ERLIK, ULGAN.

Gutorova N.V. HISTORY OF DEVELOPMENT OF ACCOUNT IS IN RUSSIA.

The article describes the main stages of accounting in Russia under the influence of external and internal factors. The article shows the evolution of its development, and the basic principles are highlighted, its founders and the main points of their teachings are distinguished. The contribution of Russian scientists in the development of the scientific theory of accounting is shown. The main directions of accounting and reporting in the Russian Federation at the present stage are defined.

ACCOUNTING, HISTORY, DEVELOPMENT, STAGES IN THE ESTABLISHMENT, METHODOLOGY, FOUNDERS, STANDARDS.

Klimin I.I. DECLINE IN LIVING STANDARDS RUSSIAN POPULATION IN THE 1990 S.

In this paper, based on the analysis of official statistics dis-regarded the decline in living standards of the population of Russia in the 1990s.

Highlights the decline in incomes of Russians, reducing the real wages and salaries of workers employed in various sectors of the economy, reducing the value of pensions granted by the state, the growth of poverty citizens.

REFORM, INCOME, WAGES, PUBLIC SECTOR EMPLOYEES AND PENSIONERS.

Pavlova O.K. HISTORY OF DEVELOPMENT OF COMMERCIAL EDUCATION IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY. STATE POLICY AND THE ROLE OF PRIVATE BUSINESS.

The article deals with the historical trends and traditions of Commercial Education in tsarist Russia. The author uses in this regard the experience of European countries. The role of the state, employers and the public interest in the preparation of qualified personnel in the rapid development of capitalist industry and commerce in the second half XIX – early XX century are shown. Gives examples of educational institutions, public schools and the ones functioned at the expense of employers and society. Marks the values of historical experience gained in the development of education in Russia for the present time.

COMMERCIAL EDUCATION, HISTORY OF EDUCATION, THE ROLE OF THE STATE, EMPLOYERS AND SOCIETY'S INTEREST IN PERSONNEL TRAINING, PUBLIC, PRIVATE, COMMERCIAL AND PUBLIC EDUCATIONAL INSTITUTIONS, HISTORICAL EXPERIENCE.

Pogodin S.N. IMPERIAL RUSSIA RELATIONS WITH FINLAND (POLITICAL AND LEGAL ASPECT).

This article discusses the political and legal relations between Imperial Russia and the Grand Duchy of Finland. Particular attention is paid to the study of autonomous status of Grand Duchy of Finland within the Russian Empire.

FINLAND, GRAND DUCHY OF FINLAND, TSARIST RUSSIA, THE POLITICAL AND LEGAL ASPECT.

Skornyakova S.S. HISTORY OF GENDER EQUALITY IN RUSSIA DURING SOVIET PERIOD.

Russia, one of the first countries in the world, proclaiming the principle of gender equality, through 90 years were far behind many countries. Why did this happen? Matter and peculiarities of the historical development of the country, and in the specificity of its political culture with an established Patriarchal stereotypes, and originality of the political system, and the issues of legislative support of gender equality, etc. In this work discusses the causes deformation of the idea of equality and methods of its implementation.

ELECTION, GENDER, GENDER EQUALITY, DEMOCRACY, POLICY, POLITICAL CULTURE, STEREOTYPES.

Fomichev A.V., Fomicheva L.S. SPECIAL MEETINGS AND THE MILITARY-INDUSTRIAL COMMITTEES IN THE SYSTEM OF MILITARY-ECONOMIC MANAGEMENT DURING THE FIRST WORLD WAR.

The article examines a set of measures to mobilize industry carried out by the Russian state and public organizations during the First World War. The author studies the regulatory framework, mechanisms and forms of reorientation of industrial production for the war. The effectiveness of government institutions and civil society organizations is evaluated

FIRST WORLD WAR, THE SPECIAL MEETING, THE UNION OF TOWNS AND PROVINCES, MILITARY-MANUFACTURING COMMITTEES.

Yuireva N.V. SOCIAL-ECONOMIC CONDITIONS OF THE POST-SOVIET ELITE INSTITUTIONALISATION.

The article deals with the main social-economic conditions determining the evolution of the post-soviet elite. It reveals the social-cultural context of developing its special psychological characteristics. The article presents the causes of modernization values weakness in the structure of high social stratum motivation in connection with the particular human assets features (the dominance of clan and clientism systems, the prevalence of particularism over the state interests, high level of interelite conflict intensity). The elite recruitment problem mechanisms as well as probable alternatives of its transformation are identified.

ABSENTEE OWNERSHIP, ELITE PLURALISM, CLIENTISM, SOCIAL FRAGMENTATION, ARCHAIC STYLE OF SOCIETY, MODERNIZATION, HUMAN DEVELOPMENT INDEX (HGI), PARTICULARISM, STATE IDENTIFICATION.

Bulatsky S.M. HISTORICAL EVOLUTION OF OPERATIONAL RISK IN COMMERCIAL BANKING.

In this paper historical evolution of operational risk category is considered and qualitatively analyzed. Main trends leading to changes in major approaches to operational risk management are highlighted. Dates of main events and publications are provided. Conclusions about origin, rising and future directions of operational risk category evolution are shown.

OPERATIONAL RISK, BANKING INDUSTRY, HISTORICAL EVOLUTION.

Golik N.V., Semenov A.A., Tsyb A.V. RALPH CUDWORTH'S GENERAL PHILOSOPHICAL SCIENTIFIC AND THEOLOGICAL MATTERS.

The Article is aimed at presenting some short but sufficient scope of ideas pertaining to the works of a Cambridge Platonist Ralph Cudworth (1617–1688).

RALPH CUDWORTH, HENRY MORE, NATHANIEL CULVERWELL, JOHN SMITH, BENJAMEN WHICHCOTE, CAMBRIDGE PLATONISTS, ATHEISM, PLASTIC NATURE, MORALITY.

Grishina N.Y. COGNITIVE LINGUISTICS AND ITS HISTORY.

This article examines the stages of embodiment of cognition and cognitive science in general and cognitive linguistics in particular. In the very beginning of the article the author considers the notion “cognitive” and “cognition”. Scientists argue about the scope of cognitive linguistics in cognitive science. It concentrates on the history of cognitive science to find the place of linguistics in this respect. To do this is not easy as it is a problem to scope the interest of cognitive linguistics. While looking inside the history of cognitive linguistics we understand that there is a special niche for cognitive linguistics in cognitive science.

COGNITIVE LINGUISTICS, HISTORY, LINGUISTICS, PHILOSOPHY, COGNITION, EMBODIMENT.

Massov A.Ya. RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF AUSTRALIAN PARTICIPATION IN THE WORLD WAR I.

Analysis of the Russian historiography of Australian participation in the World War I in general reflects all specifics and traits which are typical for historical science in the USSR and in the post-soviet Russia. These, above all, are the ideological blindness and focus on social and class aspects of the events in publications between 30 and 50s. In works of 70-80s ideological and thematic limitations were gradually overcome. Post-soviet period is known for more versatile and objective studies of the subject.

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY, WORLD WAR I, AUSTRALIA, PARIS PEACE CONFERENCE 1919.

Okorokov V.R. THE THEORY AND METHODOLOGY EVALUATION OF ORGANIZATIONS IN ITS HISTORICAL DEVELOPMENT.

The evolution of management thought during the last centuries has been considered in paper and the theories and approaches proposed by the most influential thinkers has been analysed.

MANAGEMENT, THEORY, APPROACH, THINKERS, CONTRIBUTION, PRINCIPLES, FUNCTIONS, HUMAN RELATIONS, MOTIVATION, DECISION, INFORMATION, SYSTEMS, PRACTICE, SUCCESS, COMPETITIVE ADVANTAGE, EFFICIENCY. EFFECTIVENESS.

Riabova A.L. THE EVOLUTION OF THE SCHOOL OF ETHNOGRAPHY IN THE US.

The directions and trends of the USA ethnography school are considered. The sociological and ethnographic investigations are paid attention to. The author distinguishes and compares the schools of evolutionism, neo-evolutionism, ecological anthropology, and underlines the special features and importance of the contemporary anthropologists' works in the international relations.

ETHNOGRAPHY, EVOLUTIONISM, NEO-EVOLUTIONISM, CULTURAL STUDIES, BEHAVIORISM, SOCIAL CHANGES, CULTURAL CONTACTS, ECOLOGICAL ANTHROPOLOGY.

Smirnova O.A. EFFECTIVE AND HISTORICALLY NECESSARY DIRECTION OF MANAGEMENT IN CONSTRUCTION – ECO-DEVELOPMENT.

The actual problem housing problem is the reconstruction of residential buildings. It allows you to extend the life cycle, to improve the quality of housing, to liquidate communal apartment, to equip the dwelling house modern engineering equipment, to improve the energy efficiency of buildings, operational reliability and durability. The latest reconstruction techniques improve the performance of buildings and ensure reduction of heat loss, energy consumption, vibration and acoustic impacts on residential premises, as well as provide a comfortable living conditions. During eco-efficient construction uses the latest materials, devices, and methods that enable economical use of electricity, gas, heat.

RECONSTRUCTION OF RESIDENTIAL BUILDINGS, ENERGY EFFICIENT CONSTRUCTION, AGING HOUSING STOCK, ECO-DEVELOPMENT, CERTIFICATION SYSTEM, THE HEAT LOSS OF A RESIDENTIAL BUILDING, ENVIRONMENTAL SECURITY, RESOURCE CONSERVATION.

Yakovlev A.A. DEVELOPMENT AND FORMATION HISTORY OF «ORGANISATION THEORY».

In article the analysis of the main stages of formation of «The organisation theory» as sciences taking into account influence of external and internal factors on organisation functioning as object of studying is made. Evolution of development of discipline is shown and the basic principles of a science are considered, her founders and the main theses of their doctrines are allocated. Modern development of «The organisation theory» on the basis of basic theoretical approaches to definition of interrelations of the organisation is separately considered. Besides, the contribution of domestic scientists to development of the scientific theory of the organisation, in particular, A.A. Bogdanov and his base work "Tektology" in which the original way of creation of the economic theory is shown is studied.

ORGANISATION THEORY, MANAGEMENT, ORGANISATION FUNCTIONING, REENGINEERING, MANAGEMENT PARADIGM, TEKTOLOGIYA.

Volova A.A. THE POLITICAL PHILOSOPHY OF PIERRE ELLIOT TRUDEAU.

The article presents the main stages of formation of the system of political views introduced by Pierre Elliott Trudeau, who was the Prime Minister of Canada and leader of the Canadian Liberal Party in 1960s–1980s. The adoption of this system as the governing ideology of the Liberal Party and the Canadian society contributed to the country's successful development. Additionally, the paper points out the lack of studies on the Trudeau's political philosophy and the necessity of studying it in a bilateral sense – from the theoretical and practical points of view.

CANADA, PIERRE ELLIOTT TRUDEAU, LIBERAL PARTY OF CANADA, PHILISOPHY OF POLITICS, SYSTEM OF POLITICAL VIEWS.

Gulyakin S.S. THE BEGINNING OF OLOF PALME'S POLITICAL ACTIVITIES.

This article is devoted to a prominent Swedish politician Olof Palme. The main aim of this work is to analyze his student activity in the 1950's. The article discusses the beginning of his political career from the post of the Assistant Secretary of the Swedish United Union of students to the chairman of the international committee of SUUS, as well as the creation of a new international association, the International Student Conference ISC

POLITICS, COLD WAR, INTERNATIONAL STUDENT ORGANIZATIONS, PRAGUE STUDENT CONFERENCE.

Massov A.Ya., Pollard M. THE FIRST RUSSIAN HONORARY CONSUL IN SYDNEY EDMOND MONSON PAUL (FOR CENTENARY OF HIS DEATH).

The article highlights the biography of the first Russian honorary consul in Sydney, E.M. Paul, and his contribution to the development of Russian-Australian relations.

EDMOND MONSON PAUL, RUSSIAN CONSULAR SERVICE IN AUSTRALIA, RUSSIAN-AUSTRALIAN RELATIONS, AUSTRALIA, SYDNEY.

Osipov I.D. THE RIGHT PHILOSOPHY OF MIKHAIL BAKUNIN.

This article discusses the philosophies of one of the most interesting representatives of the Russian and European anarchism MA Bakunin. In this context, examines his views on the state, law, revolution, Russia and Russian society. We prove the relevance of his ideas in connection with the development of modern democracy issues.

RIGHT, LAW, JUSTICE, PERSONALITY, STATE, SOCIETY.

Atnashev V.R., Pogodin S.N. ABOUT OF THE KONFERENCE «TRADITIONAL INSTITUTIONS AND PUBLIC POLICY IN MODERN SOCIETY».

On September 19–20, 2014, at the Department of International Relations and STU under the auspices of the Association of Public Policy and Management in the Middle East (Association for Middle Eastern Public Policy and Administration, AMEPPA) hosted an international conference "Traditional institutions and public policy in modern society." This is the first conference held in Russia AMERRA. The conference was organized sections: "Minorities and Public Policy in the Middle East", "Traditional Minority and Public Policy" which was attended by professors, graduate students, students from St. Petersburg, Moscow (HSE), Kazan (PDR), Yekaterinburg (Ural State Law Academy), as well as members AMERRA.

CONFERENCE, INSTITUTIONS AND PUBLIC POLICY, SOCIETY, SAINT PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY, THE ASSOCIATION OF PUBLIC POLICY AND MANAGEMENT IN THE MIDDLE EAST.

Hamza Ateş. PUBLIC ADMINISTRATION AND MINORITY RIGHTS IN TURKEY.

This paper evaluates diversity issues in Turkish administration, describes problems in this regard and paper brings brief suggestions for solution for these issues. The paper concludes that any initiative aiming to solve diversity problems in Turkish public administration should involve both “valuing diversity” and “managing diversity” at the same time.

PUBLIC ADMINISTRATION, MINORITY RIGHTS, DIVERSITY, DEMOCRATIZATION.

Haase T.W., Haddad T. CIVIL SOCIETY EDUCATION IN THE REPUBLIC OF LEBANON: AN EVALUATION OF UNIVERSITY CURRICULUM.

The influence of civil society and non-governmental organizations on the political and social processes in the Republic of Lebanon, including the educational system.

CIVIL SOCIETY ORGANIZATIONS, Republic of Lebanon, EDUCATION, UNIVERSITY.

Alexandrovich V.Yu. INTEGRATION OF IMMIGRANTS IN THE KRASNOYARSK KRAI.

Activities of the national communities of the Krasnoyarsk Krai (Region) goes beyond purely cultural or educational nature. They are actively involved in the integration of immigrants in the province, develop inter-regional and inter-connection with their historical homeland, participate in social and humanitarian activities and programs, conduct scientific research in the field of local history and stories, implement publishing projects, promote the expansion of the information space.

KRASNOYARSK REGION, IMMIGRANTS, SOCIAL POLICY, ADAPTATION.

Atnashev V.R. INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS AND TRUE MULTICULTURALISM.

The author debates with critics of multiculturalism concept. On the base of international legal norms, the paper argues for the tolerance and integration of immigrants instead of their assimilation. On the contrary, xenophobia and migrantophobia often lead to domestic extremism and violence. Immigration policies in France, Germany and Great Britain are briefly analyzed. Finally, the author presents main points of view on the topic in Russia.

TOLERANCE, MIGRANTOPHOBY, DISCRIMINATION, RACISM, ASSIMILATION.

Klimenko E.V. MIGRANTS AND THE HOST SOCIETY: THE RUSSIAN STATE’S ATTEMPTS TO FOSTER TOLERANCE.

The paper examines efforts targeted at constituting healthy relations between migrants and the host society performed by government bodies in modern Russia.

State-run programs targeted at fostering tolerance towards migrants are analyzed. Some key drawbacks of these programs are discussed. Recommendations aimed at making the state efforts aimed at fostering tolerance towards migrants more efficient are outlined.

MIGRATION, TOLERANCE, INTEGRATION OF MIGRANTS, MODERN RUSSIA.

Kostogrizov P.I. COMMUNITY JUSTICE IN LATIN AMERICA: REMNANT OF THE PAST OR BRIDGE TO THE FUTURE?

Community structures, including community justice bodies, keep on playing significant role in socio-political systems of Latin American countries, where the institutions of the state are not developed enough to undertake completely for socio-regulative functions. The article analyzes the communities' participation in maintaining social order and administering justice, suggests a typology of communities and sources of law applied by their justice bodies and demonstrates the process of transformation of traditional social structures into those of civil society.

COMMUNITY, COMMUNITY JUSTICE, LEGAL PLURALISM, LATIN AMERICA.

Matochkina A.I. TRANSFORMATION OF THE PUBLIC SPHERE IN THE MODERN ARAB WORLD BY THE EXAMPLE OF GRAFFITI.

The paper deals with the phenomenon of graffiti as an alternative public sphere in the contemporary Arab world. The streets of Arab cities have been swept by a graffiti wave during the events of the so-called "Arab Spring". However graffiti was used in the Middle East for the expression of the most difficult experiences of people long before these events. Socio-political momentum of graffiti in the Arab world allows to consider it as a powerful tool of expression of human aspirations, their fears and feelings.

PUBLIC SPHERE, GRAFFITI, ARAB WORLD.

Peshperova I.Yu. MARRIAGE AND FAMILY: CONFLICT OF LAWS AND TRADITIONAL ASPECTS IN THE NATIONAL AND INTERNATIONAL FAMILY LAW.

The protection of human rights in the sphere of marriage and family is one of the key issues of family law. Collisions in family-marriage relations have both a public law and a private law character. In each country, institutions of marriage and family formed under the impact of culture, morality, tradition, religion. At the present time it is necessary to unify conflict of laws norms and material legal norms.

MARRIAGE, FAMILY, INTERNATIONAL FAMILY LAW, UNITY OF FAMILY, RIGHT TO RESPECT OF PRIVATE AND FAMILY LIFE, EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS.

Samylovskaya E.A. «BELLY DANCE» AS A PHENOMENON OF MODERN TRANSFORMED RUSSIAN CULTURE.

The article deals with the problem of expansion of Belly Dance as the element of Arabic culture in the context of the diverse modern Russian culture. In literature on cultural and historical study the subject is considered for the first time. On the basis of the analysis carried out interviews and surveys (including the Internet sources) the vast expansion of Belly dance and learning the Arab-Islamic traditions among Russian women are mentioned. The author concludes that the Russian Belly dance performers have taken on special significance in the world.

«BELLY DANCE», RUSSIAN CULTURE, ARAB CULTURE, ELEMENT OF CULTURE, ISLAM.

Semenov A.A., Tsyb A.V. VARIOUS SUFISM ASPECTS IN THE EAST AND IN THE WEST.

The report covers the incoherence in sufism and its receptive differentiation by the Easterners and Westerners.

TRADITIONAL SOCIETY, SUFISM, ISLAM, “ORIENTAL” AND “WESTERN” TYPES OF SUFISM, INTERNAL AND EXTERNAL ASPECTS.

Khabutdinov A.Yu. TATAR SUBURBS AS PHENOMENON OF MOSLEM MUNICIPAL ASSOCIATIONS OF RUSSIA.

The article deals with Tatarskaya sloboda (The Tatar suburb) phenomenon in the cities of Russian Empire mainly in the Volga-Urals region in the late XVIII-early XX centuries. These city districts' administration greatly differed from the classical Moslem cities' administration, ruled by the qadi, where vakfs possessed the majority of land tenures. Tatarskaya sloboda did not constitute an integral territorial unit. The parishes (mahallas) were the main structural elements in the Tatar suburbs.

THE TATAR SUBURB, MOSLEM CITY COMMUNITY, RUSSIAN MOSLEMS.

Shipilov Y.G. INFLUENCE OF ILLEGAL MIGRATION ON SAFETY OF RUSSIA IN A FRONTIER SPHERE.

The paper demonstrates the topicality of struggle against illegal immigration to Russia, importance of the struggle, its impact on security of the Russian Federation, role and place of different state institutions in the struggle against illegal immigration.

ILLEGAL MIGRATION, IMMIGRATION CODE, SECURITY OF RUSSIA, FRONTIER SPHERE, IMMIGRATION LEGISLATION.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
РАЗДЕЛ I. СОВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ГЛОБАЛЬНОГО МИРА .	8
Ахмадеева Я.М. Сотрудничество Китая с Российской Федерацией и Индией в трехстороннем формате РИК	8
Болдырева Е.Л., Вопиловская Е.П. Распространение мультикультурализма и антирасизма в Европе на примере деятельности шведской организации «ЭКСПО»	18
Горюнов В.П. Техносоциальная логика войны и мира в глобальном обществе	26
Коваленко В.А. Роль Совета Безопасности ООН в урегулировании международных конфликтов (на примере иракского кризиса)	36
Линнас Н.А. Эволюция инновационной политики Финляндии в контексте теории зависимости от пройденного пути	45
Малинов А.В., Пешперова И.Ю. Украинофильство и вопрос о языке	55
Миролюбова О.В., Счисляев П.С. Международные парамилитаристские движения и их влияние на экономическое развитие регионов: опыт Колумбии	70
Мукбиль М.Х., Ерофеев Д.Р. Молодежь и социально-экономическая преобразования в арабском мире	81
Серов А.П. Глобализация как культурный империализм? Общее и особенное в культурной глобализации	89
Смирнов А.С. Вандализм и хулиганство как культурно-исторический феномен переплетения	98
Счисляева Е.Р., Миролюбова О.В., Сайченко О.А. Конкурентное противостояние Китая и США на глобальном рынке	113
Хемапандха Ч. Особенности подхода Ватикана к экономическим проблемам глобализации	120
Чжоу Цзюнь Исторические условия создания ШОС	131
Ягья Т.С. К вопросу об экономическом развитии Китая	135
РАЗДЕЛ II. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ	153
Башкарев А.А. Миграция вепского населения вологодской области в XX веке	153
Ван Цзюньтао История освоения Арктики	168
Ворочай В.В. Анимистические представления в традиционном шаманизме тюрков Южной Сибири	176

Гуторова Н.В. История развития учета в России	190
Климин И.И. Падение жизненного уровня населения России в 1990-е годы	198
Павлова О.К. История развития коммерческого образования в России во второй половине XIX – начале XX в. Политика государства и роль частного бизнеса	209
Погодин С.Н. Взаимоотношения царской России с Финляндией (политико-правовой аспект)	221
Скорнякова С.С. История гендерного равноправия в России в советский период	232
Фомичев А.В, Фомичева Л.С. Особые совещания и военно-промышленные комитеты в системе органов военно-экономического регулирования в годы Первой мировой войны	244
Юрьева Н.В. Социально-экономические условия институализации постсоветских элит	256
РАЗДЕЛ III. ДИСЦИПЛИНАРНОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ	267
Булацкий С.М. Эволюция взглядов на проблемы операционного риска в коммерческих банках	267
Голик Н.В., Семенов А.А., Цыб А.В. Общая характеристика философии Ральфа Кедворта в свете основных научных и теологических проблем XVII века (историко-философский аналитический обзор)	281
Гришина Н.Ю. История становления когнитивной лингвистики	307
Массов А.Я. Российская историография участия Австралии в Первой мировой войне	316
Окороков В.Р. Эволюция теории и методологии управления (менеджмента) организациями в их историческом развитии	330
Рябова А.Л. Эволюция этнографической школы США	346
Смирнова О.А. Эффективное и исторически необходимое направление менеджмента в строительстве – экодевелопмент	353
Яковлев А.А. История развития и становления «теории организации»	364
РАЗДЕЛ IV. БИОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ	376
Волова А.А. Политическая философия Пьера Эллиота Трюдо (1919–2000). Этапы становления политического лидера	376
Гулякин С.С. Начало политической деятельности Улофа Пальме	386

Массов А.Я., Поллард М. Эдмонд Монсон Поль – первый российский почетный консул в Сиднее. (к 100-летию со дня смерти)	410
Осипов И.Д. Философия права М.А. Бакунина (к 200-летию со дня рождения)	417
РАЗДЕЛ V. КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРАДИЦИОННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ»	430
Атнашев В.Р., Погодин С.Н. Обзор конференции «Традиционные институты и государственная политика в современном обществе»	430
Аташ Х. Государственное управление и права меньшинств в Турции	438
Хааз Т., Хаддад Т. Гражданское светское образование в Республике Ливан: оценка университетского учебного плана	440
Александрович В.Ю. Интеграция иммигрантов на территории Красноярского края	442
Атнашев В.Р. Международные правовые стандарты и подлинный мультикультурализм	447
Клименко Е.В. Мигранты и принимающее сообщество: российское государство в попытках формирования толерантности	454
Костогрызов П.И. Общинное правосудие в Латинской Америке: пережиток прошлого или мост в будущее?	456
Маточкина А.И. Трансформация публичного пространства в современном арабском мире на примере граффити	461
Пешперова И.Ю. Брак и семья: традиционные и коллизионные аспекты в международном семейном праве	464
Самыловская Е.А. «Belly Dance» как феномен современной трансформирующейся российской культуры	467
Семенов А.А., Цыб А.В. Различные аспекты суфизма на Востоке и Западе	475
Хабутдинов А.Ю. Татарские слободы как феномен мусульманских городских сообществ России	480
Шипилов Ю.Г. Влияние нелегальной миграции на безопасность России в пограничной сфере	483
Сведения об авторах	485
Аннотации. Ключевые слова	495

CONTENTS

Pogodin S.N., Goryunov V.P. Preface	5
SECTION I. CURRENT DYNAMICS OF THE GLOBAL WORLD	8
Akhmadeeva I.M. Cooperation of China with the Russian Federation and India in the Trilateral Format RIC	8
Boldyreva E.L., Vopilovskaya E.P. The Spreading of Multiculturalism and Antiracism at Europe cite an Example of Swedish Organisation EXPO Activity	18
Goryunov V.P. Technological and Social Logics of War and Peace in A Global Society	26
Kovalenko V.A. The Role of the UN Security Council in Resolving International Conflicts (Shown on the Example of the Iraq Crisis)	36
Linnas N.A. Evolution of Finland's Innovation Policy in the Context of Path Dependence Theory	45
Malinov A.V., Peshperova I.Y. Ukrainophilism and the Question of Language.	55
Miroliubova O.V., Schislyaev P.S. The Influence of International Paramilitary Movements on the Economy of the Regions: Columbia Experience	70
Mukbil M.H., Erofeev D.R. Youth and Socio-economic Transformation in the Arab World	81
Serov A.P. Globalization as Cultural Imperialism. General and Specific Features in Cultural Globalization	89
Smirnov A.S. Vandalism and Hooliganism as a Cultural-Historical Phenomenon Weave	98
Schislyaeva E.R., Miroliubova O.V., Saychenko O.A. Competition Between US and China on Global Oil Market	113
Hemapandha Phra C. Particular Qualities of Vatican Approach to the Economic Challenges of Globalization	120
Zhou J.J. Historical Conditions of the SCO	131
Yagya T.S. Current Issues on Chinese Economic Development	135
SECTION II. MODERN STUDIES OF RUSSIAN HISTORY	153
Bashkarev A.A. Migration of the Veps Population in the Vologda Region in The XX Century	153
Van Tszyuntao. History of Arctic Exploration	168

Vorochay V.V. Animistic Beliefs in Traditional Shamanism of the Turkic Peoples of Southern Siberia	176
Gutorova N.V. History of Development of Account is in Russia	190
Klimin I.I. Decline in Living Standards Russian Population in the 1990s	198
Pavlova O.K. History of Development of Commercial Education in Russia in the Second Half of XIX – Early XX Century. State Policy and the Role of Private Business	209
Pogodin S.N. Imperial Russia Relations with Finland (Political and Legal Aspect)	221
Skornyakova S.S. History of Gender Equality in Russia During Soviet Period.	232
Fomichev A.V., Fomicheva L.S. Special Meetings and the Military-Industrial Committees In the System of Military-Economic Management During the First World War	244
Yuireva N.V. Social-Economic Conditions of the Post-Soviet Elite Institutionalisation	256
SECTION III. DISCIPLINARY DEVELOPMENT OF MODERN SCIENCE	267
Bulatsky S.M. Historical Evolution of Operational Risk in Commercial Banking	267
Golik N.V., Semenov A.A., Tsyb A.V. Ralph Cudworth’s General Philosophical Scientific and Theological Matters	281
Grishina N.Y. Cognitive Linguistics and its History	307
Massov A.Ya. Russian Historiography of Australian Participation in the World War I	316
Okorokov V.R. The Theory and Methodology Evaluation of Organizations in its Historical Development	330
Riabova A.L. The Evolution of the School of Ethnography in the US	346
Smirnova O.A. Effective and Historically Necessary Direction of Management in Construction – Eco-development	353
Yakovlev A.A. Development and Formation History of «Organisation Theory»	364
SECTION IV. BIOGRAPHICAL REPRESENTATION OF WORLD HISTORY	376

Volova A.A. The Political Philosophy of Pierre Elliot Trudeau	376
Gulyakin S.S. The Beginning of Olof Palme's Political Activities	386
Massov A.Ya., Pollard M. The First Russian Honorary Consul in Sydney Edmond Monson Paul (For Centenary of His Death)	410
Osipov I.D. The Right Philosophy of Mikhail Bakunin	417
SECTION V. KONFERENCE «TRADITIONAL INSTITUTIONS AND PUBLIC POLICY IN MODERN SOCIETY»	430
Atnashev V.R., Pogodin S.N. About of the Konference «Traditional Institutions and Public Policy in Modern Society»	430
Hamza Ateş. Public Administration and Minority Rights in Turkey	438
Haase T.W., Haddad T. Civil Society Education in the Republic of Lebanon: an Evaluation of University Curriculum	440
Alexandrovich V.Yu. Integration of Immigrants in the Krasnoyarsk Krai	442
Atnashev V.R. International Legal Standards and True Multiculturalism	447
Klimenko E.V. Migrants and the Host Society: The Russian State's Attempts to Foster Tolerance	454
Kostogrizov P.I. Community Justice in Latin America: Remnant of the Past or Bridge to the Future?	456
Matochkina A.I. Transformation of the Public Sphere in the Modern Arab World by the Example of Graffiti	461
Peshperova I.Yu. Marriage and Family: Conflict of Laws and Traditional Aspects in the National and International Family Law	464
Samylovskaya E.A. «Belly Dance» as a Phenomenon of Modern Transformed Russian Culture	467
Semenov A.A., Tsyb A.V. Various Sufism Aspects in the East and in the West .	475
Khabutdinov A.Yu. Tatar Suburbs as Phenomenon of Moslem Municipal Associations of Russia	480
Shipilov Y.G. Influence of Illegal Migration on Safety of Russia in a Frontier Sphere	483
Authors	485
Abstracts. Keywords	510

Альманах

**«Россия в глобальном мире»
«Russia in the Global World»**

№ 4 (27) 2014

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52142 от 11 декабря 2012 г.

Редакция альманаха:

Павлова О.К. – литературный редактор, корректор

Марченко М. – дизайн обложки

Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Гришина Н.Ю. – перевод на английский язык

Манцерова И.В. – выпускающий редактор

Подписано в печать 30.12.2014 Печать цифровая Формат 60x84/16

Усл. печ. л. 32,75 Тираж 100

Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного редакционной коллегией,
в типографии издательства Политехнического университета.
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

Аlманас

**«Россия в глобальном мире»
«Russia in the Global World»**

№ 4 (27) 2014

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Polytechnic University”

Registration Certificate PI number FS77-52142 oa 11 December 2012

Registration Certificate PI number FS77-52142 oa 11 December 2012

Editorial Board of Almanac:

Pavlova O.K. – Literary editor, proofreader

Marchenko M. – cover design

Liutinskaia O.V. – DTP

Grishina Natalia Yu. – the English translation of

Mantcerova Irina V. – Managing Editor

Signed for printing 30.07.2014 Format 60x84/16

Conventional Printed Sheet 32,75 Circulation Order

Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ **в альманахе «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»**

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Альманах «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Несколько лет социально-теоретический альманах «Россия в глобальном мире» издавался как Приложение к научно-историческому журналу «Клио».

С 2013 г. Альманах выпускается два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: **«Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»** с правом опубликования статей на русском и английском языках.

Альманах зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52142 от 11 декабря 2012 г.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) ему присвоен номер ISSN 2304-9472.

Информация обо всех публикациях Альманаха отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски Альманаха рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов Альманаха ссылка обязательна.

Альманах освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области истории, философии, культурологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме, начинаться с формулировки целей и завершаться выводами, рекомендациями по внедрению результатов в практику и оценке перспектив дальнейшего развития проблемы. Название статьи должно быть кратким и отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения.

Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей 8-10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух; литературных источников – не менее десяти.

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,0; таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1,5 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

— **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);

— **сведения об авторах блоком /Authors** (на русском/английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;

— **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;

— **аннотация /Abstract** (на русском/английском языке): не менее 50-55 слов: с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении; аннотация на русском языке и ключевые слова указываются через пробел ниже названия статьи;

— **ключевые слова/ Keywords** (на русском/английском языке);

— **текст статьи** на русском языке, в соответствии с техническими требованиями;

— **список литературы** на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки.

Текст статьи должен содержать ссылки **на все источники** из списка литературы. Статьи без пристатейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов Альманаха.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции:

**Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д.28;
тел.: 8(812) 329-47-42; 8(812)606-62-42; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru.**